

MOCKBA

Edward Stourton

Эдвард Стоуртон

**JOHN PAUL II
MAN OF HISTORY**

**ИОАНН ПАВЕЛ II
ЧЕЛОВЕК-ИСТОРИЯ**

CURTIS BROWN UK
2006

ГЕЛЕОС
2007

УДК 272-732.2Иоанн Павел II
ББК 86.375-3-8Иоанн Павел II
С82

Эдвард Стоуртон

Главный редактор Мария Григорян

Стоуртон, Эдвард.

Иоанн Павел II. Человек-история / Эдвард Стоуртон; [пер. с англ. М. Панфиловой]. — Москва: Гелеос, 2007. — 400 с. — Доп. тит. л. англ.

ISBN 978-5-8189-1096-3 (в пер.)

Агентство СІР РГБ

Папа Римский Иоанн Павел II — самый знаменитый человек второй половины XX столетия. Он, босоногий мальчишка с польских окраин, вратарь школьной команды и начинающий литератор, стал главой Католической церкви, человеком, которому поклоняется четверть населения Земли, личностью, о силе и величии которой ходят легенды.

Так что же помогло ему завладеть сердцами людей? Какие испытания закалили его душу и уберегли от соблазнов?

Кароль Войтыла не был уникальным ребенком, его не считали гениальным студентом, его посвящение в сан не было из ряда вон выходящим событием, но именно он стал самым знаменитым и всенародно любимым понтификом в истории Католической церкви.

Иоанн Павел II стал легендой при жизни. Тысячи людей во всем мире требуют его канонизации. И еще больше людей пытаются разгадать секрет его популярности.

Эта книга — одна из самых полных биографий Иоанна Павла II. Автор постарался как можно полнее отразить мирскую жизнь понтифика, его взгляды на мир, суждения, разносторонние интересы и конечно же этапы формирования уникальной личности.

Издано по договоренности с Curtis Brown UK и литературным агентством «Синописис»

Фото для оформления обложки предоставлено агентством Фотобанк / Getty Images

ЧЕЛОВЕК-ИСТОРИЯ

Иоанн Павел

II

John Paul II: Man of History © Edward Stourton, 2007
© ЗАО «Издательский дом «Гелеос», перевод на русский язык, издание на русском языке, 2007
© ЗАО «ЛГ Информэйшн Групп», оформление, 2007

«Права человека — жизненно важная часть его существования, и Бог, став человеком, дал тем самым подтверждение человеческого достоинства. Поэтому нельзя их произвольно ограничивать. Никто не имеет права заявлять: ты имеешь те или иные права, потому что ты представитель той или иной нации, расы, класса или партии, а вот ты — такими правами не обладаешь, потому что не принадлежишь к той или иной расе, классу или партии...»

Иоанн Павел II

«Казалось, что аэропорт в осаде. Десятки тысяч людей рвались за ограждение. Мы стояли снизу у трапа, когда Папа вышел из самолета и, опустившись на колени, поцеловал одетую в бетон землю. Это было нечто непредвиденное, миг наивысшего всплеска эмоций, миг, соединивший миллионы сердец».

Джон Сноу, журналист

Папа и покушавшийся на его жизнь тихо разговаривали в углу тюремной камеры... Двое мужчин сидели на пластмассовых стульях... склонившись доверительно друг к другу. Один молодой, одетый в джинсы и кроссовки, другой — величественный, в своей бе-

Эдвард Стоуртон

лой сутане, — они являли собой современную икону христианского идеала прощения.

«Застарелая вражда между «убийцами Христа» и «погромщиками», кажется, стала отступать». «Мы влюбились в этого человека, — сказал министр иностранных дел Израиля Шломо Бен-Ами на прощальной церемонии корреспонденту газеты. — Исключительная личность, человек большой души, доброй воли и справедливости».

«Иерусалим Пост»

Во время вторжения американцев в Ирак особенно гнетущее впечатление на Иоанна Павла произвел тот факт, что Саддам Хусейн призывал в помощники Аллаха, а Джордж Буш закончил свою речь словами: «Господь благословит Америку».

«Папа [Иоанн Павел] не предлагал принять [антивоенную] позицию как церковную доктрину, но выступал за нее как за сознательно принятую, подсказанную верой».

Ратцингер, Папа Бенедикт XVI

ВСТУПЛЕНИЕ

Иоанн Павел II страстно любил извиняться. Он просил прощения у евреев, у Галилея, у женщин, у жертв инквизиции, у мусульман, павших от меча крестоносцев, он молил о прощении почти всех, кто пострадал от руки Католической церкви за период ее долгой, но не всегда овеянной славой истории. В том же духе я хочу начать свою книгу, а именно — с собственного извинения.

В книге о католицизме, написанной мной в 1998 году, я высказал предположение, что Иоанн Павел II сходит со сцены; он казался мне тогда фигурой неуместной, которая все больше и больше теряет свою привлекательность в глазах мировой прессы. «Ему еще как-то удастся оставаться на страницах газет, — заносчиво писал я тогда, — но отнюдь не на первых полосах». Это было время напумевшего дела с Моникой Левински, и я отмечал, что история Билла Клинтона и его кабинет в Белом доме затмили визит Папы на Кубу. И вот, пожалуйста. Шесть лет спустя, когда я приступил к написанию этой книги, я не мог не отметить броский заголовок в «Гардиан»: «Буш получает резкую отповедь Папы за действия в Ираке». И рядом помещена фотография того, о ком я пишу сейчас эту книгу, фотография человека, ослабленного болезнью,

но говорившего с поразительной прямоотой о том, что, несомненно, было тогда в центре внимания всего мира. А несколько месяцев спустя теплым весенним вечером я стоял на площади Святого Петра и слушал, как десятки тысяч голосов соединились в единой молитве за умирающего человека, который лежал в папских апартаментах. И я подумал, что, по всей вероятности, не найдется в истории человечества подобной личности, которая при всей своей противоречивости фактом собственной смерти привлекла бы внимание такого количества людей, как сделал это Иоанн Павел II.

Когда в июне 2004 года умер Рональд Рейган, факт долгожительства Иоанна Павла оказался в центре внимания. Он вошел в папские апартаменты Ватикана за два года до того, как бывший губернатор Калифорнии получил ключи от Белого дома, за шесть месяцев до того, как Маргарет Тэтчер оказалась на Даунинг-стрит, и почти за семь лет до того, как Михаил Горбачев обрел власть в Кремле. Пока Франсуа Миттеран и социалисты боролись за победу на выборах во Франции, а Гельмут Коль зализывал раны после провала первой попытки выставить свою кандидатуру на пост канцлера Германии, Кароль Войтыла был избран верховным понтификом. Из всего этого замечательного поколения лидеров, осуществлявших руководство в период окончания «холодной войны», один только Иоанн Павел остался в начале двадцать первого века активной действующей фигурой на мировой арене.

За время этого папства вероятность смерти понтифика висела в воздухе дольше, чем во времена иных правителей. На Папу было совершено покушение в 1981 году на площади Святого Петра. В 1992 году хирурги госпиталя «Джемелли» в Риме прооперировали его, удалив злокачественную опухоль толстой кишки. Через год он поскользнулся в ванной и сломал бед-

ро. Во время визита в Хорватию он страдал от такой боли, что вынужден был отказаться от традиционно совершаемого им обряда целования земли по случаю первого приезда в страну. В последовавшее за этими событиями время его здоровье оставалось предметом постоянных и зачастую слишком горячих обсуждений. В одну из пятниц 2003 года представители Вестминстерского собора в Лондоне были настолько убеждены в неизбежности его смерти, что поспешили нанять на выходные певчих, ибо певчие собора находились в это время в отъезде, а сообщение, пришедшее из Рима, наводило на мысль, что Иоанн Павел может не дотянуть до понедельника. В 2004 году прошел слух, что делегация из мужчин в серых костюмах — впрочем, кто-то говорил, что они были в алых сутахах, — похаживала вокруг собора Святого Петра с целью предложить кое-кому удалиться на отдых, не иначе как в Татры. Но сыграть роль Брута никто не отважился.

Иоанн Павел перенес за последние годы жизни так много смертельных ударов, что многим просто не верилось, что он когда-либо умрет. Когда стало известно, что Папа Римский отказался возвращаться в госпиталь для продолжения лечения, Би-би-си направило меня в Рим. Как раз в тот момент я собирал материалы для этой книги и хотел провести пару дней с бывшим священником. Я позвонил ему, извинившись за изменение планов, однако мой знакомый ответил, что не сомневается, что тревога ложная, и будет ожидать моего скорого возвращения. В качестве пояснения он добавил, что знал польского прихожанина из поколения Иоанна Павла, над которым он совершал подобный ритуал, по крайней мере, четыре раза.

Можно сказать, что биографы приходили и уходили. Джонатан Квитни назвал Папу «Человеком века»,

имея в виду, конечно же, век двадцатый. Сейчас мы живем в новом веке. И оказалось, что у Иоанна Павла было что сказать и этому веку, что он и делал до последнего часа (к сожалению, Джонатана Квитни, замечательного писателя, сейчас уже с нами нет). Представитель консервативной партии американский интеллектуал Джордж Вейгель выпустил книгу под названием «Биография Папы Иоанна Павла II». Гордость автора можно понять: Вейгель посвятил двадцать лет изучению и описанию жизни Иоанна Павла, и Папа сам наделил его полномочиями личного биографа еще при жизни, когда по вечерам «в непринужденной беседе за жареным цыпленком и хорошим бокалом местного красного вина в Кастель-Гандольфо Иоанн Павел рассказывал ему о себе». Результатом этих встреч стали уникальная возможность доступа в Ватикан и толстый том биографии, насчитывающий около тысячи страниц.

Однако со времени выхода работы Вейгеля в 1999 году и до своей кончины в 2005-м, Иоанн Павел столкнулся с такими событиями, которые дают достаточно материала для следующей, не менее увесистой книги. Церковь переживала один из самых глубоких кризисов со времен выхода «*Humanae Vitae*»¹, энциклики по вопросам контроля над рождаемостью 1968 года. К ним относятся и скандальные случаи педофилии среди священников, слухи о которых прокатились по всей епархии от Бостона до Польши, нанеся большой урон ее структурным элементам и вызвав горестное ощущение предательства у обычных, хранивших верность Церкви католиков. За запретом Церкви на применение средств контрацепции последовало обострение проблемы распространения СПИДа.

¹ Человеческая жизнь (*лат.*).

Вне Церкви — а Иоанн Павел никогда не останавливался перед границами, определенными географией, — террористы Усамы Бен Ладена продолжали свою грязную работу, а американцы вторглись в Ирак. Начало третьего тысячелетия христианства дало Иоанну Павлу возможность выразить свои взгляды на дела церковные и мирские, а также на судьбу человеческую в самом широком смысле этого слова.

Поэтому данная биография в каком-то смысле старается дополнить недосказанное, придать форму тому явлению, которое представлял собой понтификат последних лет Иоанна Павла II. А еще это попытка осмыслить то, что, по стандартной трактовке, является жизнью выдающегося человека, попытка создать некую, как сейчас любят называть дельцы от политики, «последовательную историю», в которой свяжутся в единое целое годы неослабевающей активности и интеллектуального труда.

В обращении Джорджа Вейгеля, адресованном конгрегации Вестминстерского Собора, помещенном в издании его книги в 2001 году, приводилась краткая статистика из жизни Иоанна Павла II. «За 84 предпринятых Папой путешествия преодолено расстояние в 670 000 миль... что в 2,8 раза больше расстояния от Земли до Луны... 13 миллионов людей приняты Папой на аудиенциях... у него состоялось 15 000 личных встреч... им назначено 159 новых кардиналов». По словам биографа, Иоанн Павел «причислил к лику блаженных 798 мужчин и женщин и канонизировал 280 новых святых... Печатные отчеты о его доктринах... на полках библиотек растянулись в длину на целых десять футов». Нет сомнения, что подобный статистический отчет производит впечатление (еще раз оговорюсь, что подсчеты производил не я). Напрашивается следующий вопрос: разве не говорят все эти цифры сами за

себя и не свидетельствуют ли они о необходимости той самой последовательной истории, которая связала бы их все воедино?

Общеизвестно, Иоанн Павел являлся фигурой парадоксальной; он отвергал любые попытки заключить его в какие-либо идеологические рамки и приводил в замешательство как своих приверженцев, так и противников. Как мог величайший борец за свободу Восточной Европы заниматься «охотой на ведьм» в своей собственной Церкви, искореняя и безжалостно наказывая любое инакомыслие? Как мог человек, познавший на собственном опыте, что такое нацистская агрессия 1930-х годов, до конца жизни остаться почти пацифистом, став миротворцем века двадцать первого? Как увязать, в конце концов, тот открыто проповедуемый им интеллектуализм с оттенком академизма с образом человека, столь почитавшего простого крестьянина, церковные святыни и столь склонного к мистицизму? Как получилось, что самый непримиримый идеологический враг марксизма стал одним из самых резких критиков капитализма? Как произошло, что человек, продемонстрировавший такое мастерство в овладении самыми современными методами общения, оказался столь последовательным приверженцем сохранения самых анахронических черт института, который он возглавлял? Этот список можно продолжить, однако за всеми его пунктами стоит парадокс личности, которая, несомненно руководствуясь любовью к человечеству, все же столь упрямо оставалась приверженцем доктрин, которые иногда заставляли это человечество страдать.

Иоанну Павлу хотелось, чтобы, обращаясь к поиску смысла его деяний, мы видели в них руку Провидения. Попытка лишить его жизни была предпринята на площади Святого Петра во время празднования в

честь Фатимской Божьей Матери. Празднование проводилось в память о событии 1917 года, когда Дева предстала перед тремя португальскими крестьянами и раскрыла им три «секрета», предсказавшие, казалось, наибольшие страдания двадцатого века, одним из которых было убийство Папы. В том, что выжил, Иоанн Павел видел вмешательство Божьей Матери, он считал, что это она своей материнской рукой направила в сторону предназначавшуюся ему пулю, предоставив «умирающему Папе» возможность остановиться «на пороге смерти». В год начала третьего тысячелетия он посетил Фатиму, чтобы причислить к лику блаженных тех троих прорицателей (одна из левевших в Папу пулю застряла в короне Девы в храме), и Фатимские предсказания укрепили его в мысли, что его жизнь и карьера являются выражением Божьей воли, запечатлевшей себя в истории. Каким бы странным это ни показалось людям, не имеющим отношения к Церкви, большинство католиков прислушались к подобной трактовке. Ведь и само избрание Папы польского происхождения в такой критический для истории Центральной и Восточной Европы момент стало вещью в высшей степени неожиданной и замечательной.

Эта присущая Иоанну Павлу склонность рассматривать свою жизнь как определяемую волей Провидения с естественной неизбежностью привела к тому, что и его самого стали воспринимать скорее как олицетворение духовной власти, а не как реального человека. Папство окружено такой высокой «стеной» истории, символики и традиций, что те, на чью долю оно выпадает, начинают казаться отделенными от всего мира, населенного простыми смертными, а посему увидеть их в гротескных рамках — дело не сложное. Для многих почитателей Иоанна Павла он представлялся неким слепком святого, фигурой символичес-

кой, а для его противников — неисправимым старым злодеем в смешном белом одеянии.

После избрания Папы Мичеслав Малински, знавший Кароля Войтылу еще с тех времен, когда они, благочестивые молодые люди, вместе находились в оккупированном нацистами Кракове, сразу же принялся за написание его биографии. Книга получилась трогательной, потому что с хронологической последовательностью показывает (хотя автор и не ставил перед собой такой цели), что испытывает Малински, теряя старого друга, облеченного духовным саном и занявшего столь высокий пост. Когда он брал интервью у священника, служившего под началом Кароля Войтылы в бытность его архиепископом Кракова, то чрезвычайно изумился, когда тот попросил у него фотографию с подписью нового Папы. «Кто бы мог подумать, — рассказывает Малински, — как все это замечательно и как сильно все переменялось. Отец Марзовский, должно быть, встречался с архиепископом сотни раз на дню по тому или иному делу, а вот теперь просит у меня его фотографию с подписью».

Лучшим материалом, к которому может обратиться биограф, разыскивающий информацию о жизни Кароля Войтылы до его избрания Папой, являются документы, вышедшие под скромным названием «Календарь жизни Кароля Войтылы». Работа польского священника огромна; первоначально она была написана на польском, а моя английская редакция составляет почти тысячу страниц. Она содержит «расположенную в хронологической последовательности запись фактов из жизни, документальные материалы, утверждения (подтвержденные) и положения, высказанные самим Каролем Войтылой, которые он делал в разных случаях на протяжении своей жизни». И все это без «объединяющей нити» рассказчика.

Первое издание появилось в самом начале папства Иоанна Павла II, и автор находил свой неукоснительно строгий подход наиболее предпочтительным. Потом давление времени стало сказываться все больше и больше. «Вместе с ростом количества рассказов о жизни Святого Отца, — писал Малински, — люди, обращавшиеся к своим воспоминаниям, все чаще и чаще пересказывали прочитанные ими где-либо вещи так, будто сами были их свидетелями... Я довольно скептически отношусь к восторженным историям». Фактически Малински предсказал, что произойдет с его собственными воспоминаниями. Встретив впервые своего старого друга после избрания его Папой Римским, он, не без сентиментальности, написал:

«Люди часто спрашивают меня, как все тогда было и каким он был тогда... и мне приходится комментировать то, что не поддается никакому описанию, и пересказывать то, что пересказать невозможно. Я и раньше знал, что начинаю обычно злиться на тех, кто заставляет меня это делать, и что бы я им ни рассказал, меня это каким-то образом обедняет. Ибо каждый раз, когда мне задают те же самые вопросы, я завожу все ту же пластинку, повторяю одни и те же слова с теми же интонациями. Я знаю, что больше всего интересуется людей и что производит на них большее впечатление, знаю, чего они ждут от меня, какого рассказа они хотят. И я повторяю все снова и снова, каждый раз искажая истину все больше и больше. И в конце концов я и сам начинаю верить, что то, что я рассказываю, и есть правда, правда во всей ее полноте, хотя на самом деле правда была намного богаче, величественнее и несравненно прекраснее».

Много лет спустя я брал интервью у Малински. В его пересказах анекдотических случаев, которые

мне уже неоднократно приходилось слышать из разных источников, и точно появилось что-то механически заученное и неприятное.

Тенденция к исчезновению Кароля Войтылы, реального человека, за спиной легендарного Иоанна Павла Великого стала особенно ощутима после его смерти. Кое-кто из кардиналов, отпуская в последние годы жизни Иоанна Павла сдержанные замечания по поводу его доселе или добавлявших нюансы в комментарии относительно его характера, оказались буквально захлестнуты гигантской волной преданности Папе всех собравшихся в Риме, дабы проводить великого человека в последний путь. А при таком настоятельном требовании канонизации серьезная критика внутри Церкви стала практически невозможной. Однако полная картина, говоря словами Малински, «намного богаче», и задачей этой книги отчасти является уход от карикатурности образа человека и стремление уловить то ощущение прокатившегося по всему миру общего возбуждения, когда с самого начала своего папства Кароль Войтыла показал себя первым Папой, позволившим нам увидеть его человечность.

Хотя, возможно, это мы подумали, что видим его человечность — так околдованы мы были его затмившей солнце улыбкой, его актерскими жестами, его столь естественной жаждой жизни и его превосходством, которое так и светило над пыльным великолепием Ватикана конца 1970-х.

Андре Фроссард, французский журналист, взявший у нового избранника одно из самых откровенных интервью, не может забыть о том приливе энтузиазма, который почувствовали все католики в первые дни его папства. Вспоминая момент, когда Иоанн Павел впервые появился на ступенях собора Святого Петра

«с большим распятием, напоминавшим двуручный меч, и сказал толпе: “Не бойтесь”», Фроссард пишет:

«Мы знали, что он из Польши. Но на меня новый Папа произвел такое впечатление, что казалось, будто он оставил сети на берегу озера и пришел к нам из Галилеи, прямо по следам апостола Петра. Никогда ранее не чувствовал я такой близости к Евангелию, ибо слова «Не бойтесь» были, несомненно, обращены к миру, в котором человек боится человека, боится самой жизни не меньше, чем смерти, боится тех диких сил, что держит в заточении, боится всего. Но в то же время это были, вернее, могли бы ими быть, слова, более походившие на наставление апостола, призывавшего на заре христианства братьев в свидетели. И пока новый Папа говорил, воспоминания о цирке Нерона, на месте которого построен собор Святого Петра, поднялись из-под мраморных колонн».

Однако человек, как отмечает Фроссард, который вызвал к жизни такой триумфальный взлет католицизма, «не любил разговаривать о себе». Поистине удивительно, как Иоанн Павел вообще позволял, чтобы какие-то крохи информации о нем просочились в печать более чем за двадцатипятилетний период его пребывания на посту. Обрывки воспоминаний и отголоски эмоций проскальзывали иногда в строго распланированных интервью или записях относительно таких, например, абстрактно-теологических предметов, как призвание священнослужителя.

Книга «Поднимитесь и позвольте нам идти своим путем», вышедшая в 2004 году, вероятно, является одним из самых пленительных из подобных даров. Большая ее часть состоит из непростых размышлений о роли священника, хотя характер изложения довольно хаотичный; в такой манере беседует старец со сво-

ими внуками, рассказывая им о наиболее значительных эпизодах своей жизни. Однако возраст — редактор в высшей степени профессиональный, и если выстроить перед собой события, выбранные Иоанном Павлом для книги, описывающей его жизнь, то получается картина, дающая представление о внутреннем мире человека, ибо на ней есть то, что имело для него особую ценность. Последняя из таких книг, «Память и личность», конечно же, не является «автобиографией», как о ней заявляли во время ее выхода в свет незадолго до кончины Иоанна Павла, но, несмотря на довольно пространные и тяжеловесные рассуждения на такие темы, как, к примеру, «Нация и культура», она тоже дает обширный материал, на основании которого можно судить, что занимало его мысли.

Получается, что эта книга является рассказом о человеке, который не только был свидетелем истории, но и непосредственным ее участником. И одновременно это вся его жизнь. Это и история осиротевшего юноши, который тайком прокрадывался в котельную нацистского химического завода; это и история энергичного священника и учителя, который водил группы молодых людей в походы по горам и обсуждал с ними проблемы взаимоотношений полов; это и история пылкого, многообещающего философа, который пленял своими мыслями польских и американских ученых; история человека, который мог поддаться приступам ужасного гнева — ударить по столу и закричать, стоило одному из епископов поднять вопрос о пересмотре закона об обете безбрачия. И наконец, это история человека, который в столь преклонном возрасте и в столь неможном состоянии продемонстрировал такие терпение и выносливость, что в этом последнем из многочисленных своих воплощений стал образцом христианского принятия страданий.

И если уж говорить по совести, то еще эта книга — рассказ о моем собственном восприятии религии. Иоанн Павел II был избран, когда я учился на втором курсе университета, и большую часть моей жизни именно он являлся главой Католической церкви. А посему любой серьезный разговор о том, что значит быть католиком в конце двадцатого — начале двадцать первого века, неизбежно возвращается к нему. Целое поколение католиков выросло, не зная иного Папы. Я привез троих своих детей в Рим перед Рождеством 2003 года, и в воскресное утро Рождественского поста мы пришли к собору Святого Петра, чтобы увидеть в знаменитом окне слабющего человека, обратившегося к стоявшей на площади под морозящим дождем толпе. И все трое — возраст младших приближался к двадцати, а старшему было немногим более того — молчали, смотрели и слушали, стараясь уловить слабый голос, едва ли не шепотом произносивший на чужом языке слова вечной истины.

1

ДЕТСТВО

Немало времени Кароль Войтыла отдал размышлениям, в письменной и устной форме, о взаимоотношениях полов и о семье. Однако его судьба сложилась так, что особого опыта в этих вещах он не приобрел. В школе жизни у него были более суровые учителя: ограниченность средств, горе, сильное чувство ответственности и невероятно тяжелая ноша, возложенная на него самой историей. И только поняв глубину той пропасти, которая отделяет наш комфортабельный мир от мира, в котором провел ранние годы своей жизни Кароль Войтыла, мы сможем приблизиться к пониманию этой колоссальной и в то же время противоречивой фигуры.

13 апреля 1929 года мальчик, которому в будущем суждено было стать Папой Римским, узнал, что умерла его мать. Ему недавно исполнилось девять. Он посещал школу небольшого провинциального городка Вадовице и находился в классе, когда это произошло. Его отец, Кароль Войтыла-старший, пришел в школу, сообщил о случившемся и сразу же ушел, даже не поговорив с сыном. Учительница рассказала мальчику о постигшем его горе и постаралась утешить.

Остается неясным, как отреагировал на это Кароль. Не знаем мы и того, какое место занимала мать в его жизни. По одной версии, он принял известие о смерти матери с благочестивыми не по годам словами: «На то была воля Божья» (это одна из деталей, к которым нужно относиться с особой осторожностью из-за значительной доли мифологизации, которая разрослась вокруг детства Папы). Позже он рассказывал своему другу, как плакал в одиночестве на ее могиле, а через десять лет после ее смерти написал посвященную матери поэму. Как и большинство написанного им в то время, поэма в литературном отношении получилась довольно нескладной; в ней юный Кароль Войтыла открыто, не смущаясь, пишет о своих чувствах и мыслях.

«На твоей белой могиле
Распустились белые цветы.
О, сколько лет прошло с тех пор,
Как тебя не стало!
О, как давно ты ушла!
Над твоей белой могилой
Нечто необъяснимое поднимается,
Столь же непостижимое, как и смерть сама.
На твоей белой могиле,
Моя дорогая, ушедшая мать,
Звучит молитва любящего тебя сына.
Спи спокойно в мире вечном».

Создается впечатление, что юный Кароль понимает, что смерть матери вызывает сильные эмоции, но не знает еще, как выразить свои чувства, или, точнее, не совсем еще понимает, что они означают. Выход он находит в обычном благочестии.

Став взрослым, он очень мало говорил о своей матери. В одном из автобиографических размышлений Кароль заметил, что «у него не осталось ясного пред-

ставления о том, какую роль она сыграла» в его религиозном воспитании. Однако «вклад ее, должно быть, очень велик», и он сожалеет, «что не был настолько взрослым, чтобы впервые причаститься, когда потерял мать, которая не дожидаясь счастливого дня, несомненно с нетерпением ею ожидаемого». Известно, что Эмилия Войтыла, женщина болезненная (она умерла от почечной недостаточности и врожденной болезни сердца), была дочерью шорника из Кракова, и брала на дом шитье, чтобы поддержать семью. Все остальное для нас остается загадкой. Соблазн найти что-то в образе матери, позволяющий объяснить взгляд Папы на женщину вообще и, в частности, его страстную преданность Деве Марии, очень силен, и многие биографы и комментаторы не могут перед ним устоять.

Старшая сестра Кароля Войтылы умерла в младенчестве, поэтому он ее не знал. А вот смерть старшего брата Эдмунда (он скончался, когда Каролю исполнилось двенадцать) наложила печать строгости и аскетизма на эмоциональную атмосферу в их доме и подействовала на подростка особенно угнетающе, ведь братья были очень близки. Когда Эдмунд (Мундек, как его звали домашние) закончил Ягеллонский университет в Кракове, он приступил к работе практикующего врача в больнице недалеко от дома в Вадовице. Коллеги запомнили Эдмунда как обаятельного и всеми любимого молодого человека, который стал для младшего брата настоящим героем. К тому же он частенько брал с собой Кароля на футбольные матчи. Зимой 1932 года началась эпидемия скарлатины, и двадцатипятилетний доктор Войтыла заразился от своего пациента. Он умер через четыре дня (позднее Иоанн Павел отмечал, что «антибиотики спасли бы его»), последние часы своей жизни провел в физических

мучениях и, по словам главного врача больницы в Биелско-Биала, испытывал ужасные боли. «Почему я? Почему сейчас?» — спрашивал он перед смертью.

Эмоциональной настрой последовавшей за его кончиной сессии Муниципального совета в Биелско-Биала говорит о том, что Эдмунд был человеком, вызывающим искреннюю любовь и привязанность окружающих. «Он заразился смертельной болезнью от тяжелобольного пациента, которого пытался вырвать из когтей смерти, но, увы, тщетно, — сообщалось в отчете. — За преданность делу и исключительную добросовестность он заплатил своей молодой жизнью». Отдавая дань качествам доктора Войтылы, совет отметил, что «он был счастлив, что сбылись его мечты, что он мог оказывать поддержку своему почтенному отцу, чьей гордостью он являлся, и столь любимому им младшему брату. Он смог заполнить ту пустоту, которая образовалась в их жизни после преждевременной смерти матери». В протоколе отмечено, что «члены Городского совета, вслед за председателем, поднялись со своих мест, и внимательно слушали звучавшую речь».

Было бы удивительно, если бы эта череда смертей, прошедшая через детство Кароля Войтылы, не оказала на него сильного воздействия. Карл Бернштейн и Марко Полити в написанной ими биографии «Его Святейшество» высказывают мысль о том, что это и легло в основу его теологии. «Идея руки Бога, с непостижимой для человека мудростью дающего и отбирающего, идея суда Божьего, суда внезапного и неожиданного для каждого из нас, завладела сознанием Кароля Войтылы, — полагают они. — Отныне его внимание сосредоточено на тех разделах Библии, где говорится об апокалипсисе и Четырех Последних Вещах — смерти, суде, небесах и преисподней». Такой вердикт, воз-

можно, выходит за рамки того, что можно заключить из известных фактов, однако сам Иоанн Павел пятьдесят лет спустя, произнося речь в Ягеллонском университете, признал: «Эти события глубоко врезались в мою память, и смерть брата сильнее, чем смерть матери. Произошло это в равной степени как в силу особых обстоятельств, ей сопутствовавших, которые можно назвать трагическими, так и по причине того, что я находился в более зрелом возрасте».

Когда французский журналист Андре Фроссард в первом своем интервью с вновь избранным Папой задал Иоанну Павлу вопрос о его детстве, сдержанность ответа была красноречивее произнесенных слов. «Он сразу же заявил, что за моим небольшим вопросом стоит много и много других вопросов личного характера, — сообщил Фроссард, — и что он не будет углубляться в детали, в которых обычно так легко увязают, рассказывая автобиографию, а лучше перейдет к вещам более важным». После этого Папа переключился на философские размышления по поводу «внутреннего времени, которое совсем не есть то время, что показывают стрелки часов, и заговорил о столь знакомом каждому из нас расхождении между физиологической протяженностью детства и фрагментарностью тех воспоминаний, которое оно нам оставляет», пока и те не урезаются временем и не остаются в конце концов в виде череды детских воспоминаний о цепи горестных утрат. «Довольно скоро, — сказал он, — я стал единственным ребенком в семье без матери». Как священник, готовивший молодые пары к обручению, Иоанн Павел II заключил из собственных наблюдений, что молодые люди часто ищут в невестах черты своих матерей. «Наступает момент... когда дети, воспитанные отцом (как бы заботлив и нежен он ни был), делают болезненное для себя открытие, что их лишили матери».

Из того же интервью явствует, что в формировании характера Кароля Войтылы главную роль играл его отец. «Почти все мои воспоминания детства и юности связаны с отцом», — сказал он Фроссарду. Большую часть жизни Кароль Войтыла-старший был офицером запаса армии Австро-Венгрии, а это значит, что Папу, возглавлявшего Католическую церковь при вступлении в век двадцать первый, воспитал человек, чьи представления о мире сформировались в веке девятнадцатом.

Габсбурги более шестисот лет правили в Центральной Европе людьми самых разных национальностей, передавая титул по наследству со времен Священной Римской империи, с 1437 года, до тех пор, пока его не отменили при Наполеоне. Части Польши оказались под их контролем в восемнадцатом веке, когда страна была разделена. Армия, в которой служил Войтыла, кроме австрийцев и венгров, состояла еще из поляков, чехов, словаков, хорватов, словенцев, боснийцев, итальянцев и евреев. На семейных фотографиях Кароль-старший почти всегда запечатлен в униформе, но выглядит везде элегантно, насколько может выглядеть элегантно суровый человек, будто бы сошедший с подмостков провинциальной чеховской драмы. Его жизнь относится к тем смутным временам всемирной истории, которые в школах изучают под заголовком «Всплеск национализма и причины Первой мировой войны», и как по времени, так и по духу он ближе к временам Бисмарка, Гладстона и царей, нежели к миру Джорджа Буша.

Похоже, Кароль Войтыла-старший занимал положение где-то между крестьянством и мелкой буржуазией — его отец был портным и фермером, да и сам он некоторое время работал портным, пока его не призвали на военную службу. Когда в 1904 году Кароль

женился на хрупкой Эмилии, говорят, ее родственники из-за его происхождения посматривали на него свысока. Однако армейская жизнь ему подходила, он произвел впечатление на командный состав.

Из личного досье: «Исключительно хорошо развит, с отличным характером, серьезный, с хорошими манерами, скромный, пользуется заслуженным уважением, с сильно развитым чувством ответственности, великодушен, неутомим». Кароль Войтыла-старший дослужился до уорент-офицера (прапорщика), специализировавшегося на бухгалтерском деле, в рапорте о его профессиональных достоинствах отмечено, что он «очень быстро печатает». Когда в начале Первой мировой войны русские прорвали фронт и окружили Краков и Вадовице, он отличился и был награжден Железным крестом «За доблесть», но кроме этого никаких свидетельств о его участии в боевых действиях не сохранилось.

Конец войны ознаменовался распадом двойной монархии Австро-Венгрии, и Польша, в соответствии с Версальским договором 1919 года, возродилась как независимое государство. Многих офицеров и солдат перевели в Польскую армию. Для Кароля Войтылы независимость Польши принесла большую выгоду: он получил звание лейтенанта 12-го пехотного полка, что являлось значительным повышением его социального статуса. Однако, обретя независимость, поляки, еще не успев надыхнуться воздухом свободы, чуть было ее не утратили. В 1920 году им пришлось отражать вторжение большевиков, направляемых Лениным. Несмотря на значительный перевес в силах, маршал Пилсудский, блестящий польский главнокомандующий, одержал победу над Советской армией у самых ворот Варшавы. Битва произошла в день праздника Успения Богородицы и вошла в историю как Чудо на

Бисле. Возраст Кароля Войтылы-старшего уже не позволял ему принимать участие в военных действиях, и он остался на своем рабочем посту за письменным столом в городе Вадовице, где размещался его полк. Эмилия родила своего третьего ребенка, будущего Папу Иоанна Павла II, как раз в тот день, когда маршал Пилсудский под восторженные крики толпы шествовал по улицам Варшавы. Такому совпадению — рождению Кароля Войтылы в день рождения Польши как современного государства — придают большое значение те, кто склонен считать, что пути истории предопределены.

Хотя и трудно не прийти к заключению, что Кароль Войтыла-старший являлся человеком несколько холодным, из воспоминаний людей, хорошо его знавших (а большинство из рассказывавших о его жизни были в те годы детьми), перед нами предстает человек более развитый в культурном отношении, более содержательный и разносторонний, чем обычный интендант, служивший в городском гарнизоне. В основном он учился самостоятельно — официально его образование закончилось после трех лет обучения в средней школе. Но позднее его страстью стали молитвы и книги. Культура Австро-Венгерской императорской армии, в которой он служил, была немецкой; официальный язык — также немецкий. Офицеры, соответственно, следовали традициям Габсбургов и черпали вдохновение в их славном прошлом. Возможно, как ответная реакция на это стало обращение Кароля-старшего к польской литературе и истории. По воспоминаниям одноклассника его сына, Войтыла-старший был исключительным рассказчиком. Если они изучали события польской истории, которые очень интересовали отца будущего Римского Папы, «перед ними разворачивались картины польской доблести,

мук и воскрешения, взятые из воспоминаний о прочитанном».

«С самого раннего детства, — писал Иоанн Павел II в возрасте восьмидесяти четырех лет, — я любил книги. Это именно отец приобщил меня к чтению. Он частенько садился рядом и читал что-нибудь, например, Сенкевича или других польских писателей». Понять, почему писатели такого типа пользовались популярностью в Польше 20–30-х годов двадцатого века, когда страна изо всех сил старалась сохранить свою независимость, совсем несложно. Генрик Сенкевич, получивший Нобелевскую премию по литературе в 1905 году, был в своем роде польским Вальтером Скоттом (которого он очень почитал), в его арсенале — типичные приемы романтизма, имеющие национальную окраску. Действие многих приключенческих романов Сенкевича, характерное заглавие одного из которых «Огнем и мечом», происходит на фоне борьбы Польши за независимость и выживание, во времена войн, которые приходилось ей вести в семнадцатом веке против русских и украинцев, шведов и турок.

Сегодня, читая некоторые сцены, невозможно удержаться от улыбки. «Принцесса подняла ресницы, и от ее взгляда лицо лейтенанта осветилось, как если бы на него упал яркий, теплый луч солнца». Ошеломляют они и своими политически некорректными высказываниями на темы войны и религии: «Да благослови, всемилостивый Боже, эту священную войну во имя христианства и нашего народа, — провозглашает польский аристократ, отправляясь на битву с татарами, — и позволь мне, грешному, выполнить данный мною обет и обрести либо радость победы, либо умереть достойной смертью!» Конечно же, прочитанные отцом-военным, эти истории завораживали и не

могли не распалить воображение мальчиков. Как и другие произведения польской литературы, оказавшие влияние на будущего Папу в юности (я вернусь к этому позднее), творчество Сенкевича пронизано мыслью о связи национальных интересов Польши с интересами Римской Католической церкви, подтвержденной всем ходом исторического развития. Эта идея опирается на обостренное чувство сверхъестественного, о чем свидетельствует, например, один из следующих отрывков из романа «Огнем и мечом»:

«Ночь спустилась на долину, а с ней — и время призраков. Казаки, охранявшие станицу [казацкое поселение], говорили, что в такие дни тени умерших внезапной смертью и грешников поднимались и начинали по ночам кружить в танце, и остановить тот танец не мог ни крест, ни церковь. Говорили также, что тени тех людей, поднявшиеся из-под земли, выходили к дорогам и преграждали путь странникам, моля их о крестном знамении. А среди тех призраков встречались и вампиры, которые с воем гонялись за людьми».

Так в крошечной квартирке, расположенной у центральной площади Вадовице, будущий Папа слушал рассказы, от которых холодок пробегал по спине. В квартире было три комнаты: кухня, спальня и гостиная, — все проходные, как вагоны поезда; располагалась квартира на верхнем этаже двухэтажного дома. Такой роскоши, как водопровод, в городе еще не появилось. Подниматься нужно было по винтовой железной лестнице на заднем дворе, а окна квартиры выходили на главную в Вадовице церковь — Пресвятой Девы Вечной Заступницы, которую отделяла от дома лишь узкая аллея.

Религия всегда пользовалась уважением в семье Кароля Войтылы, а когда смерть сократила количе-

ство ее членов, роль религии еще более возросла. Иоанн Павел как-то сказал о своем отце:

«Неожиданно обрушившиеся на него удары обнаружили в нем невероятную духовную глубину; он давал выход горю в молитве. Один только вид отца, стоявшего на коленях, оказывал на меня в детские годы очень сильное влияние. Он столь строг был к себе, что не было необходимости быть строгим по отношению к сыну: одного его примера было достаточно, чтобы развить во мне склонность к дисциплине и чувство долга».

А вот что вспоминает о Кароле-старшем один из друзей будущего Папы: «Он отличался исключительной самодисциплиной и требовал того же от своего сына». И говоря о строгости быта этой семьи, добавлял: «Их материальное положение требовало особой экономии». Кароля-старшего в городе все уважали, но близкий друг у него был только один — мистер Банас, владелец небольшого бара-закусочной. Семейство Банас так описывает день юного Кароля:

«После смерти матери распорядок его дня был строго расписан; школа, обед в закусочной у Банасов... два часа на игры, домашняя работа, вечером — прогулка с отцом. Игра в мяч, бег; в дождливые дни — пинг-понг в Католическом доме. На каникулы он никуда не выезжал».

Отец с сыном вместе молились и вместе читали Библию, и привычка к молитве переходила от одного к другому. По свидетельству современников, Кароль заходил в церковь в Вадовице ежедневно перед школой и после занятий. Другой из его школьных друзей вспоминает, как они вместе выполняли домашнюю работу у Войтылов на кухне. Каждый раз, когда Ка-

роль заканчивал выполнять задание по одному предмету, он, прежде чем перейти к следующему, извинялся и говорил, что ему нужно выйти. «Однажды, — вспоминал друг Кароля, — дверь в соседнюю комнату оказалась приоткрыта, и я увидел, что Кароль молится». Когда Каролю исполнилось тринадцать, он выдвинул свою кандидатуру в школьное «Общество Девы Марии». Два года спустя его туда приняли, а в 1936 году избрали президентом.

Но было бы неправильно представлять себе Кароля Войтылу как человека, не испытывавшего в юности естественных эмоций, который довольствовался бы исключительно скупой отцовской любовью, возвышенным польским романтизмом и религиозным рвением. Почти все, знавшие его в детстве, рисуют портрет отзывчивого и общительного мальчика, живо интересующегося окружающим миром. Священник, занимавшийся обучением Кароля в десятилетнем возрасте, характеризовал его «мальчиком очень живым, талантливым, сообразительным и добрым», который «был верен друзьям» и не конфликтовал с учителями. Отец Фиглевиц особенно отмечает оптимистическую природу характера Кароля и добавляет еще одно меткое наблюдение: «При близком знакомстве с ним сразу чувствовалось, что он в раннем возрасте остался сиротой».

Страшный случай, происшедший в закусочной Банаса, едва не оказался фатальным для юного Кароля. Местный полицейский, зайдя выпить, имел обыкновение оставлять свой револьвер на хранение мистериу Банасу. И вот как-то днем один из младших детей Банаса вытащил револьвер из ящика и навел его прямо на своего школьного приятеля Кароля. «Конечно, я хотел просто пошутить, — вспоминал он позднее, — но не успел понять, что происходит, как нажал на ку-

рок, и раздался выстрел. Револьвер был нацелен на Кароля, и я его чудом не убил. Пуля прошла в миллиметре от него и разбила окно».

Молодой Кароль был человеком спортивным. Работая над материалами для его биографии, журналист Би-би-си Дэвид Уилли узнал от одного школьного друга, что Кароль Войтыла «защищал ворота школьной футбольной команды и слыл искусным игроком в пинг-понг. Спортивные занятия являлись обязательным предметом школьной программы; летом — волейбол и баскетбол, а зимой — лыжи». За ним даже закрепилось прозвище Мартина — в честь звезды футбола того времени, — с такой отвагой он защищал ворота. Имеются данные, которые несколько не вяжутся с тем, что мы знаем о его домашнем укладе: будто бы они с отцом всю мебель в квартире сдвигали к стене и, скатав ковер, играли в футбол. Любовь к спорту у Кароля Войтылы не прошла с возрастом, за что, конечно же, сразу ухватились писавшие о нем как о Папе Римском. Это свидетельствовало о масштабе личности человека и не являлось характерной чертой прелатов Римской церкви.

Известный своей склонностью к эллиптическим конструкциям в ранних философских работах, Иоанн Павел, возвращаясь ко временам юности, переходил на простой, едва ли не детский стиль. В письменном интервью «На пороге надежды», которое он дал итальянскому журналисту Витторио Мессори в 1994 году, он сообщал:

«А еще я помню начальную школу в Вадовице, где из нашего класса, как минимум, четверть учеников были евреями. Помнится, я особенно дружил с одним из них, Иржи Ключером, и дружба эта, начавшаяся в школе, продолжается и по сей день. Я явственно помню евреев, которые собирались каждую субботу в си-

нагоге у нас за школой. Обе религиозные группы, группу католиков и группу евреев, объединяло, я полагаю, понимание того, что они молятся одному Богу».

Взаимоотношения Кароля Войтылы с евреями, как и его отношение к иудаизму, является одной из самых ярких и наиболее привлекательных сторон его многогранной жизни, а начало им положила зародившаяся в детстве дружба.

Отец Иржи Ключера служил юристом. Его дом на рыночной площади производил впечатление, а сам доктор Вильям Ключер являлся признанным лидером городской еврейской общины. Кроме того, он слыл одним из самых энергичных сторонников еврейской интеграции, не ведающим усталости дипломатом в деле развития добрых отношений между евреями и католиками и считал, что у еврейской общины в Польше большое будущее. Его жена была из знатной еврейской семьи Гуппертов, у которых в Вадовице имелись большие владения. Гупперты создали в городе общественный парк. Все знали, что престарелая миссис Гупперт, теща доктора Ключера, регулярно в полдень выходит на прогулку вместе с Каноном Прочовником, приходским священником, что воспринималось как символ дружбы между еврейской и католической общинами в Вадовице. В общем и целом, создавалось впечатление, что в жизни Вадовице нашли отражение лучшие принципы прошедших долгих и непростой путь отношений между евреями и этническими поляками.

Складывалось и такое впечатление, что на польских землях евреи жили еще до появления здесь христианства. Первое формальное признание их статуса восходит к Основной хартии свободы евреев, которая была принята в 1264 году при Болеславе Скромном.

Так со Средних веков и короли, и знать Польско-Литовского содружества тепло принимали евреев, которые бежали от преследований со всех концов Европы. В начале шестнадцатого века, при Сигизмунде I, еврейская эмиграция нашла поддержку даже на политическом уровне, и еврейская община оказалась не только под защитой короля, но и получила значительную автономию, позволявшую ей решать свои внутренние проблемы с помощью системы выбора старейшин. Евреи стали отдельным «сословием» в государстве так же, как местная аристократия, духовенство, крестьяне и бюргерство.

В период Реформации за Польшей утвердилась репутация государства религиозно толерантного, следствием чего она стала считаться «страной без распрей», а один из знаменитых краковских раввинов шестнадцатого века заметил, что «лучше жить на хлебе и воде, но мирно, как в Польше». Когда в 1569 году была образована первая Польская республика, в стране насчитывалось около 200 000 евреев, а ко времени окончания ее существования в 1795 году число это возросло до 800 000. Разрастание еврейской общины неуклонно продолжалось. В девятнадцатом веке разделенная на части Польша стала, по словам историка Норманна Дэвиса, «резервуаром, вместившим основные людские ресурсы еврейского народа и интеллектуальный мировой потенциал». По некоторым подсчетам, четыре пятых мирового еврейского населения проживало в то время в Польше.

За год до рождения Кароля Войтылы произошло собрание группы, именовавшей себя «Конгрессом поляков иудейского вероисповедания», которая заявила, что «поляки иудейской веры, преисполненные искренней любви к Польше, будут... служить своей стране как преданные сыны и всегда будут готовы от-

дать свои жизни и все, что у них есть, ради ее блага и процветания». Многие евреи, проникшись оптимистическими надеждами на будущее в свободной и независимой Польше, пошли добровольцами в легионы маршала Пилсудского. Присутствие в Вадовице 12-го пехотного полка сыграло свою роль в развитии добрых взаимоотношений несколько неожиданным образом: еврейским солдатам здесь было предоставлено право покидать казармы в субботу. Они маршем отправлялись на молитву в синагогу и возвращались в казармы только в воскресенье.

Кароль Войтыла родился в Вадовице в то время, когда евреи составляли большой процент населения Польши. В самом городке проживало 2 000 евреев, что являлось одной пятой довоенного населения города. Хозяин дома, в котором жили Войтылы, являлся еще и владельцем магазина, располагавшегося на первом этаже. Он был евреем, и первым увлечением будущего Папы стала его дочь, Регина Беер, или попросту Гинка. Несомненно, Кароль Войтыла был очень привязан к своим друзьям-евреям. Многим позже, когда Иржи Ключегер ездил по делам в Рим, его частенько приглашали отобедать в Ватикан и в летнюю резиденцию Папы в Кастель-Гандольфо, а затем старые друзья проводили вечер вдвоем и пели старые польские песни.

Если бы отношения между евреями и католиками в Вадовице были абсолютно гармоничными, то в близкой дружбе Кароля Войтылы с представителями еврейского населения ничего особенного бы не наблюдалось. Однако существуют явные свидетельства того, что Кароль сделал однозначный выбор в пользу дружбы, несмотря на существовавшую напряженность в отношениях общин даже в таком спокойном городке, как Вадовице. Историю о дружбе Юрека и Лелека —

так звали тогда Иржи Ключера и Кароля Войтылу — знали все. Ее от начала до конца рассказал Дарси О'Брайан в своей книге «Неизвестный Папа», где он также нарисовал картину общества, в котором для сохранения хороших отношений между представителями разных общин требовались усилия лидеров обеих сторон.

Особенно сильные антисемитские настроения отмечались в крестьянской среде. Здесь давно пустила корни кровавая легенда о том, что евреи якобы крадут и убивают детей христиан и используют их кровь во время еврейской пасхи. По этой причине благосостояние таких городских семейств, как Ключеры и Гупперты, являлось предметом злобы тех, чьи представления о жизни мало чем отличались от средневековых. Недалеко от Вадовице располагалась Калвария Зебжидовска — место паломничества верующих, имевшее некое сходство с Иерусалимом. Здесь все было создано по замыслу одного из знатных жителей Кракова, которого поразило внешнее сходство этого места с Иерусалимом. Он построил монастырь, к которому впоследствии добавили ряд часовен, и воссоздал атмосферу места Страстей Христовых. Десятки тысяч паломников прибывали сюда ежегодно, и Войтылы не являлись исключением.

Страстная неделя 1930 года проходила с явным антисемитским подтекстом. Евреи изображались убийцами Христа, а так как в паломничестве принимали участие и евреи, то чувства многих были задеты не на шутку. Начались антисемитские нападения и погромы, в которых участвовали молодые крестьяне, разгоряченные искаженными религиозными представлениями и водкой.

Подобные действия следовало держать под контролем, ведь издавна многие знатные землевладельцы при

решении деловых вопросов обращались за помощью именно к евреям — советы «еврейского дядюшки» вошли в традицию. Графы и князья пускали в ход свою силу и власть, чтобы защищать еврейские семьи, которые они научились ценить. По мере роста антисемитизма в 1930-е годы, стало ощутимо и давление на социальные структуры. Главы общин ради сохранения мира стали прибегать ко все более оппортунистическим и зачастую к крайним мерам. Отец Иржи, Вильгельм Ключер, чутко уловил перемены и показал это, когда молодой, но уже известный еврейский тенор Мойше Кусевицки прибыл в Вадовице для завершения военной службы в 1937 году. Доктор Ключер предложил ему петь в городской синагоге, пригласив послушать пение и некоторых католиков (будущего Папу Римского и его отца в том числе). Выступление запомнилось. Восходящая звезда музыкального олимпа предстал в польской военной униформе. По всем параметрам, это был отличный политический ход.

В классе Кароля Войтылы учились два мальчика-антисемита, да и в самой школе несколько учителей не скрывали своей неприязни к евреям. Один из них преподавал физику, другой — географию. Предмет позволял последнему, по словам Дарси О'Брайана, «обсуждать вопросы распределения материальных ценностей, проблемы демографии и им подобные, что и вызвало у многих ожесточившихся студентов желание последовать его примеру». Другие учителя оказывали активное противодействие такого рода вещам. Среди них особенно выделялся профессор Гебхардт, который призывал Иржи Ключера по насущным вопросам вступать в дебаты с антисемитами. Брайан описывает такой эпизод:

«— Евреи всего мира вступили в тайный заговор, — неустанно повторял один из антисемитов. — Евреи —

чужестранцы. Вы только посмотрите на них и послушайте, что они говорят! — мальчик повторял слова Романа Дмовски, возглавлявшего Национальное демократическое движение, который, с прочими политиками правого крыла, действовал в интересах немецкого плана переселения евреев на Мадагаскар.

Его сторонники только одобрительно кивали, однако сами не произносили ни слова; они были из таких, кто скорее нанесет удар, чем выговорит слово.

— Кто это здесь чужестранец? — резко возразил Юрек. — Мы здесь все поляки.

— Евреи говорят на идише. У них нет национальности.

— Ты когда-нибудь слышал, чтобы я говорил на идише? Мой польский ни капли не хуже твоего! А, между прочим, что у тебя по греческому?»

Фактически, идиш был исключен из обихода Ключеров, а оценки Юреку по греческому языку всегда ставили отличные.

По мере того, как Кароль Войтыла вырос, он признавал тот факт, что его дружба с евреями не ограничивалась рамками только личной жизни, а становилась общественно важным шагом и актом политического значения, хотя он тогда, вероятно, не оценивал ее с таких позиций. В школе частенько проводились футбольные матчи между командами евреев и католиков, и хотя общий настрой, царивший на них, отличался миролюбием, время от времени со стороны католиков, пытавшихся придать делу иной оборот, раздавалось: «Покажи евреям». Если в еврейской команде недоставало игроков, Кароль Войтыла предлагал свою кандидатуру для защиты ворот.

Когда ребята сдавали экзамены при переходе из начальной школы Вадовице в среднюю, Юрек с радо-

стной новостью ворвался в церковь, где находился его друг, во время мессы, и какая-то пожилая женщина отчитала его за то, что он вошел в католическую церковь. Лелек отреагировал на этот инцидент вопросом: «А разве не все мы дети Господа?» Конечно, для десятилетнего ребенка это был не по годам мудрый ответ. Возможно, не обошлось и без тех приукрашиваний, которым подверглись рассказы о человеке, поднявшемся на папский престол, однако существуют и другие убедительные свидетельства того, что, отстаивая дружбу, Кароль Войтыла проявлял упрямство и негибкость в делах, в правоте которых был убежден.

В 1930 году отец, взяв с собой Кароля, отправился в местечко под названием Ясна Гура, национальную святыню поляков. Не пройдет и полвека, как Кароль Войтыла появится здесь уже в качестве Папы Римского и скажет миллионам прихожан, что пришел сюда, в самое сердце родной земли, «слушать биение сердца Церкви». Это место — один из запавших в душу мистических образов Войтылы-поэта и Войтылы-священника; и таких образов (о некоторых он расскажет потом срывающимся от эмоций голосом) много впоследствии встретится на его пути. Каждый, кто хочет понять Польшу, говорил он, должен приехать в Ясну Гуру, чтобы «узнать... какой след оставила история в сердце поляков»; именно здесь в сердце матери и королевы сможете вы услышать «эхо жизни всей нации». Это и в самом деле правда: тот, кто хочет понять Кароля Войтылу, должен для начала понять Ясну Гуру. Один из кардиналов, знавший Папу с 1970 года, очень точно подметил, что он «был воспитан Польшей» и с годами влияние Польши все больше и больше сказывалось на образе его мыслей.

Если взглянуть на Ясну Гуру глазами скептика, то это место может вызвать раздражение. Некатоли-

ки видят здесь образец того, как церковь играет на доверчивости бедняка и невежи, чтобы упрочить свою власть и благосостояние. Монастырь на соответствующей своему названию Ясной горе расположен за небольшим промышленным городком Ченстоховой на холмах Краковско-Ченстоховской Юры. Высокие крепостные стены и башня монастырской церкви придают силуэту неповторимость и красноречиво свидетельствуют о двойной роли, которую играло это сооружение в польской истории — военной и религиозной. Монастырь был основан в 1382 году, и то, что осталось от столь древнего строения, поражает своей массивностью и свидетельствует о защитной функции, которую эти стены выполняли. Барочный орнамент, украсивший строение позже, в высшей степени экстравагантен; свод церкви обильно покрыт штукатуркой, стены выкрашены под цветной мрамор. Алтарь украшен мрамором и позолоченными и белыми статуями. При отделке монастырской библиотеки использовали интарсию — характерный для Италии пятнадцатого века прием инкрустации по дереву, а бледная с позолотой древесина, выбранная строителями, придала помещению такой вид, что я за всю свою жизнь не встречал кабинета, в котором было бы отраднее заняться чтением. Абсолютно очевидно, что на это показное великолепие затрачены огромные суммы денег, и выставленные напоказ замысловатые украшения — в большинстве своем подражающие чужому стилю и технике — резко контрастируют с грубоватой простотой крестьянских домов, которые и в наши дни преобладают в округе.

Но еще большее раздражение у заезжего гуманиста или протестанта-пуриста вызовет часовня Божьей Матери, также известная под названием часовни Чудотворного Образа. Здесь находится встроенная в вы-

сокий алтарь икона в серебряном окладе, благодаря которой Ясна Гура вот уже шесть веков является местом паломничества. Черная Мадонна Ченстохова — образ Девы с Младенцем, известный в византийской живописи как *Hodegetria*. Слово *Hodegetria* означает «та, которая указывает путь», и иконы такого типа обычно считались наделенными таинственной силой; Черная Мадонна наделена ею в изобилии. Стены часовни увешаны дарами: здесь картины, подарки, четки и распятия, оставленные паломниками, уверовавшими в то, что Мадонна вняла их мольбам. Образ защищен окладом из черного дерева и серебра; большую часть дня его скрывает серебряная ширма, которая поднимается под звуки фанфар, открывая священный образ взорам верующих. Место вокруг алтаря огорожено. Те, кто обращается к Мадонне за помощью, проходят круг на коленях. Монастырская сокровищница и ризница заполнены инкрустированными драгоценными камнями золотыми дароносицами, потирами, подсвечниками и распятиями, за века снесенными сюда в качестве даров богатыми и знатными паломниками, а также коллекциями расшитых риз, хранящихся здесь с пятнадцатого века. У Черной Мадонны, совсем как у куклы Барби (хотя подобное сравнение едва ли здесь уместно), есть наряды на смену, и меняются они по литургическому календарю.

Иконе приписывают исключительно знаменитое происхождение. Говорят, что образ этот являлся семейным портретом, написанным самим Святым Лукой Евангелистом на куске дерева, вырезанном из обеденного стола Святого Семейства. В Ченстохове икона появилась в 1384 году. Во время восстания гусситов (1430 год) икона была разрублена мечами в монастырском дворе, затем отреставрирована, однако на левой щеке Девы, как напоминание об этом, остались два

глубоких шрама. Случай, позволивший Черной Мадонне занять столь уникальное место в польском национальном самосознании, произошел во время одной из последних войн Польши со Швецией.

Вторжение шведского короля Карла X в 1655 году в Великую Польшу стало полной неожиданностью. Ему быстро удалось завоевать Варшаву и Краков, заставив отступить большую часть польской армии. Вскоре единственным оплотом серьезного сопротивления шведам оказалась монастырская крепость Ясна Гура, которую враг (несомненно, привлеченный богатствами, которые приносили туда паломники) окружил со всех сторон. Армия завоевателя была сильной и многочисленной, хорошо экипированной, снабженной пушками и мортирами, и шведы вполне резонно полагали, что победа над монахами будет легкой. Однако они не учли силы Черной Мадонны. Начав атаку в день праздника Преображения, они натолкнулись на такое сопротивление, которое, по свидетельствам польских историков, было бы невозможно без вмешательства сверхъестественной силы. «Пушечные ядра отскакивали от стен и черепицы либо пролетали над церковными крышами, не причиняя никакого вреда», в самом же монастыре «граната, угодившая в детскую колыбельку и разорвавшаяся там, даже не ранила ребенка». Рассказывали, что Мюллер, командовавший шведским войском, видел «стоящую на стене Деву в сверкающих одеждах, которая заряжала пушки и направляла снаряды шведов в обратную сторону». После месяца осады шведы вынуждены были отправиться восвояси, что и стало поворотным моментом всей войны. А Польская республика просуществовала еще полтора века.

«Конечно, — замечает летописец, — не найдется такого еретика, который бы поверил, что пушечные

ядра отводила от стен Ясны Гуры сверхъестественная сила... Но все, что я пишу здесь, — истинная правда, хотя шведские хроники об этом стыдливо умалчивают... дабы не восхвалять Бога за столь очевидное его покровительство».

Можно представить себе, какую оценку дают этому событию современные историки. Ведь в наши дни даже перед человеком, верующим в Христа и поддающимся время от времени сомнениям относительно действия сверхъестественных сил, возникают при взгляде на это событие разного рода щекотливые вопросы. История Черной Мадонны, мягко говоря, окутана тайной. Святой Лука вообще не был знаком с Иисусом, равно как и с Марией, и, по всей вероятности, написал свое Евангелие в Риме не ранее, чем через полвека после распятия Христа в Иерусалиме. Поэтому мысль о том, что он мог написать портрет на оказавшейся не у дел утвари из обихода Святого Семейства, невероятна. По мнению ученых, создание образа можно отнести ко времени между шестым и тринадцатым веками. Восприятие Девы в образе воинственной Богини настораживает, а представление о монахах, периодически (стоило только шведам проявить признаки слабости) делавших воинственные вылазки с мечами наголо и вновь скрывавшихся за монастырскими стенами, никак не вяжется с современным представлением о монашеском сани. И уж коль скоро речь зашла об этом, поражает жадность монахов Ясны Гуры, которая, похоже, не знает меры и по сей день. В конце 90-х годов прошлого века я снимал там документальный фильм для телевидения и был поражен настойчивостью, с которой монастырский поверенный (ведущий финансовые дела) вел разговоры о плате за предоставленную нам возможность работать в монастыре.

Однако подобные скептические думы не приходили в голову впечатлительного десятилетнего мальчика, совсем недавно лишившегося матери, который теперь, в 1930 году, совершал паломничество в Ясну Гуру. События 1655 года, выразительно описанные в романах Сенкевича и прочитанные отцом, вставляли перед его глазами. Писатель рассказывает об осаде Ясны Гуры через восприятие рыцаря Кмита, приехавшего туда, чтобы предупредить монахов о намерении шведов захватить монастырь. В первую очередь Кмита идет в часовню Черной Мадонны и становится свидетелем восторга, охватившего всех присутствующих, когда ширму убрали и лик Мадонны открылся толпе.

«Одновременно, подобно раскату грома, под дробь барабанов взревели трубы, и дрогнули сердца собравшихся. Ширма перед образом раздвинулась от центра к сторонам, и поток лучезарного света излился сверху на собравшихся. Стоны, рыдания и крики пронеслись по часовне.

«*Salve, Regina!* (Приветствуем тебя, о Богиня!) — закричала знать. — *Monstra te esse Matrem* (Явись нам, Матерь)»; а крестьяне кричали: «*О, Пресвятая Дева! Золотая Богородица! Ангельская Богиня! Спаси нас, помоги нам, утешь нас, пожалей нас!*»

Долго звучали те крики, смешавшись с рыданиями женщин и жалобами обездоленных, мольбами о чудесном исцелении больных и калек.

Кмита воспарил душой. Одно только чувствовал он сейчас: пред ним бесконечность, которую он не может ни объять, ни осознать разумом, и пред которой все прочее не имеет никакого значения».

Даже в наши дни паломников в Ясну Гуру охватывает не меньший трепет, а сцена, представшая взору десятилетнего Кароля Войтылы, вероятно, не очень

отличалась от описанной в книге. Детей, выросших в Западной Европе в двадцать первом веке, подобное действие привело бы в замешательство, а возможно, и испугало бы, однако Кароля Войтылу к встрече с «бесконечностью, которую он не мог объять», подготовила литература. И еще к одной вещи он был готов (как, впрочем, и большинство современных католиков, а также польских католиков того поколения): его не смущала мысль о божественном вмешательстве в дела людские, вмешательстве зримом и явном. Поэтому, оглядывая нагромождения подношений у стен, он не видел блестящей ловушки для легковверных прихожан, а чувствовал лишь прилив вдохновения оттого, что тысячи и тысячи жаждущих людей веками приходят в Ясну Гуру в надежде, что их молитвы будут услышаны.

Черная Мадонна занимает видное место в творчестве еще одного писателя, высочайшего жреца польского романтизма, Адама Мицкевича. В свое первое посещение Ченстоховы будущий Папа Римский был еще слишком молод, чтобы читать Мицкевича, однако в отрочестве он стал одним из любимых писателей Кароля Войтылы, и эту любовь Иоанн Павел II пронес через все годы.

Широко известный герой Мицкевича пан Тадеуш так обращается к своей разделенной на части стране:

«Отчизна милая!.. Ты как здоровье,
Тот дорожит тобой, как собственной кровью,
Кто потерял тебя. Истерзанный чужбиной,
Пою и плачу я лишь о тебе единой.
О Матерь Божия, ты светишь в Острой Бrame,
Твой чудотворный лик и в Ченстохове с нами,
И в Новогрудке ты хранишь народ от бедствий,
Да ты ведь и меня спасла от смерти в детстве!
.....
Ты нас на родину вернешь, явив нам чудо...»

(Перевод с польского С. Мар-Аксеновой)

Мысль о той особой роли, которую Черная Мадонна должна сыграть в национальной истории Польши, прочно укоренилась в сознании после мистических событий, связанных со снятием шведами осады 1655 года. А в 1717 году была предпринята попытка придать этой мысли реальную почву: Черную Мадонну короновали как Королеву Польши на специальной церемонии, где присутствовало 200 000 человек — число для того времени небывалое. Полвека спустя Черная Мадонна вновь сыграла свою роль в одной из великих битв в истории Польши, когда польский предводитель Казимир Пуласки возглавил борьбу против сил Екатерины Великой и превратил монастырь в Ясна Гуре в последний оплот героического сопротивления. Общеизвестным фактом польской истории стало воплощение в Черной Мадонне национального духа, который выстоял и в годы разделения Польши, и во времена господства в ней чужеземцев.

В молодые годы Кароль Войтыла, как и большинство католиков из числа его сверстников, регулярно совершал паломничество в Ченстохову, и важность опыта, обретенного в Ясна Гуре, в формировании его мировоззрения трудно переоценить. Легенды, витающие над этим местом, несут в себе силу самых лучших детских сказок, но обретают еще большую власть благодаря подтверждениям взрослых. Более того, литература и история, изучавшиеся Каролем в школе и дома, подтверждали их правдивость: то были не предрассудки простолюдинов, а события, имевшие документальное подтверждение. Именно на этом зиждилось чувство польской национальной самобытности, которое давало силы. Сочетание религиозного пыла, поэтичности и национального самосознания, видимо, особенно впечатлило ребенка, росшего в Польше, которая впервые за столетие наслаждалась свободой. Так

что те, кто озадачен парадоксальным сочетанием высокой интеллектуальности Иоанна Павла II и его удивительной готовностью признания действия сверхъестественных сил, отчасти найдут ответ в этом удивительном монастыре на вершине холма.

Ранний интерес Кароля Войтылы к театру связан с семейством, согревшим его теплом, недостаток которого чувствовался в доме. Котларчики владели семейным театром в Вадовице. Жили они рядом со школой, и Кароля Войтылу тянуло к ним, «ему хотелось найти друзей и теплоту семейного очага». Вскоре подросток стал заядлым театралом, помышляющим о карьере артиста. Он превратился в постоянного участника школьных театральных постановок; тогда-то и обнаружилась его исключительная память. Однажды он сыграл сразу две главные мужские роли в драме польского писателя Юлиуса Словацки. Участвующий в постановке ученик был исключен из школы из-за угроз в адрес учителя, и хотя до спектакля оставалось всего сорок восемь часов, оказалось, что за время репетиций Кароль Войтыла запомнил текст и этого героя.

Казалось, что новый мир впервые предоставил Каролю возможность выйти из-под влияния отца. После школы он частенько заглядывал в гостеприимный дом пообедать и послушать Мичеслава Котларчика, отца семейства и главного распорядителя семейного театра, поговорить с ними о технике театральных постановок. Обычно Кароль-старший заходил за ним к Котларчикам после работы, но никогда не задерживался, чтобы поблагодарить семейство за заботу о его сыне, и никто не помнит, чтобы он когда-нибудь присутствовал хотя бы на одной из постановок с участием Кароля.

К периоду кипения юношеского энтузиазма относятся и первые серьезные увлечения девушками. Осо-

бенно Кароль сдружился с дочерью директора Галиной Кроликевич и со своей соседкой, Гинкой Беер, которая была двумя годами старше Кароля. Обе разделяли его страсть к театру и обе были прекрасны. Юрек Ключегер описывает Гинку настоящей еврейской красавицей: черноволосая, с изумительными глазами, стройная, к тому же великолепная актриса. О Галине вспоминают как о «столь прекрасной лицом и станом, что дух захватывало» (кстати, она не рассталась со сценой и сделала карьеру на телевидении).

На взаимоотношениях Кароля с Гинкой сказалась разница в возрасте: она вела себя с юношей как наставница, учитель, а может, и как старшая сестра. Кароль и Галина стали настоящими звездами в своем кругу, на них смотрели как на лидеров. На выпускном школьном балу Кароль Войтыла танцевал с Галиной, они не расставались и в университетские годы, и вполне понятно, что о характере их отношений ходила масса разнообразных слухов. Позже Галина категорически отрицала даже намек на романтическое увлечение. «Я даже свидания ему ни разу не назначала. Ни разу», — говорила она. Однако после смерти Иоанна Павла II в 2005 году оставившая работу и овдовевшая актриса призналась в интервью берлинской газете, что «он — любовь моей жизни». Там же была размещена фотография Галины в период ее расцвета.

Папа является одной из немногих личностей, прошлая сексуальная жизнь которых (хотя бы и предполагаемая) находится в центре внимания журналистов. Мы считаем вполне резонным поинтересоваться, какие в прошлом были отношения с финансами у министра финансов, и всеми его историями, связанными с его налоговыми декларациями. И это по той причине, что именно он решает вопросы финансового законодательства, которые определяют регламент нашей

жизни и деятельности, а посему его опыт и честность в данной сфере важны для нас как залог того, что он успешно выполнит свою роль. Папа же несет ответственность за законы, которые определяют сексуальную жизнь сотен миллионов католиков. Кажется, что еще молодым человеком Кароль Войтыла понял значение подобного рассуждения в отношении вопроса безбрачия католических священников. Во вступлении к книге «Любовь и ответственность», вышедшей в 1960 году и посвященной этике взаимоотношений полов, он прямо приступает к его рассмотрению.

«Существует мнение, что лишь тот, кто живет супружеской жизнью, может обсуждать вопросы брака, и лишь тот, кто испытал это на собственном опыте, может говорить о любви между мужчиной и женщиной. При таком взгляде на вещи любые утверждения относительно этих вопросов должны базироваться на личном опыте, а значит, утверждать что-либо по этому поводу не могут ни священники, ни прочие не вступившие в брак люди. [Но это не так, ведь] они [священники] в своей пастырской работе сталкиваются с проблемами этого рода довольно часто, и обстоятельства, сопутствующие таким делам, столь многообразны, что они обретают разносторонний опыт, своего рода опыт «из вторых рук», который хотя и не является непосредственным, оказывается в результате намного обширнее».

К представлению Кароля Войтылы о проблемах взаимоотношений полов и к его более широкому пониманию связи опыта с моралью в богословии я буду обращаться довольно часто, так как это те центральные вопросы, которые помогут понять, кем же являлся этот человек и как он жил. Что же касается его юных лет, то, если бы его отношения с девушками получили определенное завершение, это было бы, в

силу общественных моральных устоев того времени, в высшей степени удивительно.

В 1990 году Иоанн Павел II упрекал в одном из писем священника ордена кармелитов, который высказал предположение, что в молодые годы Кароль Войтыла вернул себе благосклонность Всевышнего через покаяние. «Вернул — означает, что я ранее утратил милость Божью, совершив тяжкий грех, — писал он. — Но кто сказал Вам, что я в молодости совершал тяжкие грехи? Такого никогда не было. Неужели, Отец, Вы не можете поверить, что молодой человек может жить, не свершив смертного греха?»

Для отрицания сексуальных отношений в молодые годы это звучит слишком сдержанно, однако скорее всего это именно так, потому что не существует каких-либо достоверных свидетельств, позволяющих предположить иное. Равно как и не найдем мы ничего о том, что Кароль чувствовал себя неловко в присутствии девушек или испытывал трудности при общении с ними. А стоит лишь вспомнить о его дружбе с Гинкой и Галиной, и ни о каком намеке на женоненавистничество не может быть и речи.

В 1936 году Гинка Беер закончила школу с намерением заняться изучением медицины в Кракове. То, что произошло с ней дальше, дало Каролю Войтыле первое представление об уродливых сторонах жизни Польши за пределами Вадовице. Правительство не ввело определенную точно квоту на прием студентов-евреев. Обычно в Ягеллонском университете она составляла четверть от общего числа принятых студентов, но неожиданно эта доля сократилась до восьми процентов. Директор школы, где училась Гинка, женщина, не привыкшая отступать, которая сражалась еще в легионах маршала Пилсудского за славу и честь польского оружия, сама поехала в Краков, оспорила

дело и доказала свою правоту, так что осенью Кароль Войтыла вместе с друзьями и домочадцами Гинки распрощался с подругой на вокзале, и девушка отправилась в Краков начинать новую студенческую жизнь.

Но не успел учебный год завершиться, как Гинка вернулась. Ее соседка по комнате дружила с коммунистом, и полиция обнаружила его у них на квартире. О девушках доложили властям, и Гинку вынудили уйти из университета. Однако еще более настораживающим было то, что рассказала Гинка об антисемитских настроениях, широко распространенных в студенческой среде. Это еще раз подтверждало опасение ее родителей, что Польша перестала являться безопасным для евреев местом, и они решили, что семье лучше перебраться в Палестину. Им удалось добиться для Гинки рабочего разрешения, которое тогда требовали британские власти у евреев-иммигрантов. Девушку отправили первой (семья так никогда и не присоединилась к ней, как планировали: мать Гинки умерла в Освенциме, отец был убит в Советском Союзе).

Очень выразителен рассказ Гинки Беер о том, как она просталась с соседями.

«Была только одна семья, которая никогда не проявляла к нам неприязни, и были это Лелек и его отец... Я зашла попрощаться... Мистера Войтылу очень расстроил мой отъезд, и когда он спросил меня почему, я ему все рассказала. Он все опять и опять повторял мне одно и то же: «Не все поляки антисемиты. Ты же знаешь, я не такой!» Я была с ним откровенна и сказала, что таких поляков, как он, очень мало. Он был расстроен. Но Лелек расстроился еще больше отца. Он не сказал ни слова, но лицо его залилось краской. Я сказала ему «прощай» как можно ласковее, но он так был растроган, что не нашелся, что ответить. Поэтому я пожалала руку его отцу и ушла».

В высшей степени благородное поведение Кароля-старшего — важный штрих в той общей картине, судя по которой, кажется, что холодная сдержанность лежит в основе его характера. Но еще более поражает эмоциональная реакция его сына, который словно потерял дар речи. Не приходится сомневаться в том, что будущий Папа испытывал стыд за своих соотечественников-антисемитов, хотя подобную реакцию можно отнести и на тот счет, что он был семнадцатилетним юношей, прощавшимся с чрезвычайно милой юной девушкой.

То, что пережили Бееры, свидетельствует о том, что в Польше 1930-х годов безопасность евреев уже не была гарантирована. Современный польский антисемитизм ведет свое начало со сложных социальных процессов и политических перипетий конца девятнадцатого века. Во всей Европе на первый план вышла политика национального самоопределения. В Польше развитие сионизма, с одной стороны, и возрождение польского национализма — с другой, привели к обострению конфликта внутри страны. Влияние продолжительных репрессий против Польши со стороны других государств в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, произвело эффект аналогичный тому, как если бы бурлящий паровой котел прикрыли сверху крышкой. «Во время разгула национализма, по мнению польского историка Норманна Дэвиса, внутренняя общественная солидарность сильно пошатнулась. Пока империи, разделившие сферы влияния, оставались у власти, многочисленные нации региона оказались как крысы, посаженные в одну клетку, когда проще укусить соседа, чем разбить общие оковы рабства». Надежды на новое будущее для «поляков иудейского вероисповедания», о которых я говорил выше, окончательно рухнули со смертью маршала Пилсудского в 1935 году.

Пилсудский являлся чрезвычайно важной фигурой в Польской республике, образовавшейся в 1919 году. Сойдя со сцены, он оставил после себя непростое наследство. За ним закрепилась репутация воина-спасителя, который в 1920 году упрочил позиции национальной армии в политической жизни Польши, чем проложил дорогу к «эре полковников», наступившей после его смерти. Антисемитизм все более приобретал полуофициальное одобрение. Правительственные декреты, подобные тому, который определял количество принимаемых в институты евреев, сопровождались экономическим бойкотом, направленным против евреев-бизнесменов, врачей и юристов. Джон Мейнард Кейнс охарактеризовал Польшу как страну «экономически несостоятельную, в которой единственным успешно развивающимся направлением стала травля евреев».

Антисемитизм являлся беспроектным способом, гарантировавшим доходы газетчикам и завоевание популярности политикам. В общественном сознании прочно укоренилось мнение, что евреи относятся к левым, то есть к движению, наносящему Польше особый урон вследствие ее последнего конфликта с Советской Россией.

Римская Католическая церковь, к великому стыду, тоже ввязалась в эту безобразную игру. Кардинал Хлонд, архиепископ Гнезно и примас Польши, написал следующие строки в своем пастырском письме:

«Еврейский вопрос будет существовать до тех пор, пока будут существовать сами евреи... и то, что евреи ведут борьбу против Католической церкви — бесспорный факт. Они настаивают на свободе взглядов и стоят в авангарде безбожия, большевизма и низвержения власти... Не требует доказательства тот факт, что евреи обманщики, стяжатели и сводники. Фактом является и то, что влияние молодых евреев в сфере рели-

гии и морали на польскую молодежь крайне отрицательно».

Вот такие слова звучали с кафедр проповедников в 1936 году, в том самом году, когда Гинка Беер с горечью открыла, что не все поляки так хорошо относятся к евреям, как ее соседи Войтылы.

В мае 1938 года Кароль Войтыла сдал свои последние экзамены в средней школе. Результаты впечатляют.

«По экзаменационным предметам он получил следующие окончательные оценки: религия — очень хорошо, польский язык — очень хорошо, латинский язык — очень хорошо, греческий язык — очень хорошо, немецкий язык — очень хорошо. Кроме того, по предметам, изучаемым в течение шести и восьми лет, он получил следующие окончательные оценки: история и современная ситуация в Польше — очень хорошо, введение в философию — очень хорошо, физическое воспитание — очень хорошо, гигиена — очень хорошо. Государственная экзаменационная комиссия находит Кароля Войтылу достигшим зрелости и в достаточной мере подготовленным к получению высшего образования, и при сем жалуется ему настоящий диплом об окончании средней школы».

Это стало, как сказали бы мы сейчас, хорошей базой, однако интересно отметить, что среди предметов, которые изучал Кароль, нет ни одной дисциплины, основывающейся на эмпирическом научном опыте. В конце мая работу Кароля Войтылы отобрали для регистрации в Ягеллонском университете Кракова от имени выпускного класса гимназии Вадовице; к ней прилагался и скрепленный печатью диплом об окончании гимназии.

Решение о том, что Кароль, как и старший брат, будет учиться в Ягеллонском университете, означало, что отец и сын переедут в Краков. Старшего Войтылу ничего больше не удерживало в Вадовице. Они поселились неподалеку от реки Вислы в пропитанной сыростью квартирке в полуподвальном помещении у родственников матери, брат и две сестры которой являлись владельцами этого дома и жили на верхнем этаже. Это место здесь называли катакомбами. Несмотря на тот факт, что будущий Папа самые драматичные годы на разных этапах истории Польши проводил с дядей и тетюшками, не сохранилось ни его, ни чьих-либо еще записей об этом периоде.

Аншлюс — насильственное присоединение Гитлером Австрии к Германии — произошел за месяц до того, как Кароль Войтыла сдал выпускные экзамены в средней школе. За неделю до того, как Кароль принялся за работу, которая имела столь ошеломляющий успех в вадовицкой гимназии, Гитлер и Муссолини скрепили свою дружбу при личной встрече. А 18 мая, когда Кароль ждал результатов, нацисты показали пример насильственных действий в Вене. В июне, когда Войтылы приготовились к большому переезду, новые власти Австрии заявили, что каждый австриец, собравшийся вступить в брак, должен доказать свое арийское происхождение. Затем всем евреям, работающим в стране, вручили уведомления об увольнении в четырнадцатидневный срок в связи с сокращением штатов. Существуют данные о чрезвычайно высоком числе самоубийств среди еврейского населения Вены 5 июля. 22 июня правительство Берлина издало указ, предписывающий гражданам еврейской национальности носить с собой идентификационные карточки.

Так, решив переехать в Краков, Кароль Войтыла, сам того не подозревая, сделал шаг в самое сердце того,

Эдвард Стоуртон

что впоследствии стало для человечества одним из страшных эпизодов его истребления. Прошлое сразу отодвинулось в другую, невообразимо далекую эру; Вадовице мало что знал о тех ужасных шрамах, которые исполосовали Европу двадцатого века. Этот городок, со своим провинциальным уютом, с запряженными лошадьми повозками (в 1930-е годы там насчитывалось не более шести автомобилей) и со своей упрямо сохраняемой социальной сплоченностью, продолжал жить жизнью девятнадцатого века. А вот в Краков новый век врезался как скоростной поезд.

В восемнадцать лет Кароль Войтыла умен, благочестив и любит жизнь. И еще — такое суждение высказывают те, кто хорошо знал его в последующие годы, — железный осколок отцовской холодности обонивался и в его душе.

2 ЮНОША ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Обратитесь мысленно к любой из картин, хранимой в вашей памяти под грифом «Зверства фашизма», и можете не сомневаться, что Каролю Войтыле найдется в ней место. Представьте себе колонны беженцев, растянувшиеся по дорогам страны, которых обстреливают с воздуха немецкие самолеты; евреев, отправляемых в гетто, депортированных в концентрационные лагеря; представьте неожиданный стук в дверь по ночам и беспорядочные, официально санкционированные убийства на улицах днем — все это пережил будущий Папа. Нацисты правили на территории Польши, назначив Оккупационное правительство, с еще большей свирепостью, чем в завоеванных ими странах Западной Европы, таких, например, как Франция и Бельгия. Оккупация Польши длилась дольше, чем любой другой страны. Так что находиться в годы Второй мировой войны в Польше было равносильно тому, чтобы жить в самом сердце тьмы, поглотившей Европу.

Кароля Войтылу, появившегося в Ягеллонском университете Кракова за год до начала войны, одно-

курсники запомнили как личность довольно неординарную. Его относительно скромное происхождение вызывало разные пересуды в городе. Студент, сидевший рядом с ним на лекциях, вспоминал, что в первый день Войтыла появился в «хлопчатобумажном тренировочном костюме», и «всегда был одет бедно, из-за чего производил впечатление деревенского паренька, без внешнего лоска, но с сильным характером». Есть фотография того периода, где Кароль, привлекательный молодой человек, стоит рядом с колоннами университета; кепка небрежно сдвинута набок, пальто слегка великовато, но по всему видно, что молодой студент жаден до жизни.

В отношении своих высоких идей он был бескомпромиссен. Список курсов, на которые он записался, следующий: принципы польской этимологии, элементы польской описательной фонетики, польская средневековая литература и древняя польская литература, вводный курс русского языка, а также разнообразные лекции и семинары по теории и практике драмы, поэзии и прозы. По словам студентов, Кароль принимал участие в «горячих, эмоциональных» дискуссиях, которые разгорались в коридорах после семинаров по современной литературе. На одном из занятий он представил свой доклад «Мадам де Сталь как теоретик романтизма». «Трактовка была очень последовательной и четкой», — замечает однокурсник, и с долей уместной иронии «автор продолжал представлять свои работы и в течение последующих семестров».

Нужно сказать, что «Календариум», эта бесценная коллекция свидетельств о ранних годах жизни Папы, полученных из первых рук, дает еще одно подтверждение упрямой настойчивости Войтылы в тех случаях, когда он убежден, что поступает правильно.

Один из сверстников, не входивших в круг его близких друзей, рассказывал: «Я помню, как Кароль Войтыла часто провожал Анку Вебер и практически взял на себя роль ее защитника. Тогда я понимал это так (да и сейчас остался при том же мнении): он защищал ее, еврейку, от возможных нападков».

В результатах экзаменов Кароля в июне 1939 года впервые не появился высший балл — по церковному старославянскому он получил всего лишь «удовлетворительно». Однако устный экзамен по описательной грамматике завершился традиционным «хорошо», и после него радостный Кароль отправился на вечеринку, которую устраивала у себя дома его сокурсница. «Там было и вино, и танцы под граммофон, — вспоминал впоследствии один из гостей. — Он танцевал, как и все, но разговоры занимали его больше, чем танцы».

Картина становления молодого ученого запечатлена и в собственных воспоминаниях Папы Иоанна Павла II. Опубликованные в 2004 году, они содержат размышления о «разразившейся войне и о тех радикальных переменах, которые внесла она в жизнь людей. Вероятно, перспективы, открывшиеся передо мной в мире науки, в то время полностью завладели моим воображением».

Тем летом в Европе, пожалуй, не нашлось бы молодого человека, который не задумывался о вероятности войны, ибо в таком случае именно они, молодые, должны были встать в строй и отправиться на поле битвы. Немецкая пропаганда в Берлине вовсю кричала о притязаниях арийцев на Данциг, польский город Гданьск, и в апреле Гитлер расторг польско-немецкий пакт о ненападении.

По всей видимости, Кароль Войтыла никогда не выражал особого энтузиазма относительно солдатской службы. Как и все, перед поступлением в универси-

тет он был записан в Военный легион, получил униформу и прошел шестидневный курс военной подготовки. Как студента университета, его официально освободил от военной службы префект Вадовице еще в начале обучения, и униформу студенческого легиона Кароль сдал обратно 30 августа 1939 года, как раз за два дня перед вторжением немцев в Польшу. (Факт, который в ретроспективе времени можно воспринять как особое предчувствие предстоящих драматических событий.) Вопрос о том, как будущий Папа в то время относился к военной службе, остается неясным. Но в характеристике юноши больше всего поражает тот факт, что, несмотря на безоговорочную смелость и мужество, Кароль неизменно оставался противником насилия.

Самая мрачная глава в истории Польши началась с ледящего душу фарса: нацисты разыграли насквозь фальшивую сцену вторжения поляков в Германию. Вечером 31 августа 1939 года штурмбаннфюрер СС, переодетый в форму польского офицера, возглавил нападение на немецкую радиостанцию в Верхней Силезии. Под его началом находилась группа освобожденных из-под стражи уголовников, которым за участие в операции была обещана амнистия. Стоило им обезвредить охрану и передать несколько патристических лозунгов на польском языке, как их уложила очередь немецких пулеметчиков. Когда появилась местная полиция, то груда трупов в пропитанной кровью польской военной форме послужила свидетельством польской агрессии, а Гитлер получил необходимый для полномасштабного вторжения в Польшу предлог. Ранним утром следующего дня немецкие войска хлынули на территорию Польши.

Упрямо следовать установленному распорядку и в тот день, 1 сентября 1939 года, когда развернулись

события, ознаменовавшие начало Второй мировой войны, полностью соответствовало характеру Кароля Войтылы. Была первая пятница месяца, а значит, день исповеди, поэтому он покинул сыроватую квартирку, в которой жил с отцом, и пошел в Кафедральный собор на Вавельском холме в Кракове. Его духовником являлся отец Казимир Фиглевиц, который наставлял Кароля в вопросах религии в Вадовице, когда тот еще был ребенком. «Утренние воздушные налеты на Краков посеяли панику среди работников собора, — позднее вспоминал отец Казимир, — и поэтому мне не с кем было служить мессу». Тогда к этой роли привлекли Кароля Войтылу, и его первая военная месса завершилась «под вой сирен и грохот взрывов».

Как и на Краков, воздушные налеты совершались на Варшаву, Лодзь, Ченстохову и Познань; против 400 польских военных самолетов Германия подняла в воздух 2 000. В истории нападения Германии на Польшу расценивается как первый опыт новой тактики ведения войны. «Блицкриг» — так называлось наступление с ошеломляющей скоростью превосходящими силами. Жители Кракова даже не успели осознать, что с ними происходит. Кароль Войтыла со своим другом стали помогать соседям грузить вещи на ручные тележки: всем казалось, что в пригороде более безопасно. Тот вспоминает, что в это время начался воздушный налет, целью которого была расположенная поблизости радиостанция. «Кароль оставался спокоен. Даже во время самых сильных взрывов мы не обменивались ни словом. Постепенно его спокойствие передалось и мне».

Тем не менее Войтылы решили сделать то, что обычно делает гражданское население, когда приходит война: они упаковали чемоданы и пошли подальше от линии фронта. Как и многие поляки в первые

дни немецкого вторжения, они верили, что союзники Польши скоро придут на помощь, и тогда они смогут вернуться домой. Распространявшиеся по всему миру известия о все новых землях, оккупированных немцами, не обнадеживали. Газета «Таймс» полагала, что «немецкая армия хоть и добилась ошеломляющего военного успеха, но в то же время пожинает горький урожай ненависти» из-за поведения своих солдат. Сообщалось, что в одной деревне «немцы выстроили в линию все население, женщин, детей, стариков, выбрали каждого двенадцатого и расстреляли». Следом за армией появлялись молодежные бригады Гитлера, и специальный корреспондент «Таймс» рассказал об их работе следующее: «Под их надзором длинные ряды пожилых евреев, чернобородых, в каракулевых шапках, работают на улицах. Часто у них нет ни кирок, ни лопат, и им приходится копать землю голыми руками».

Попытка Войтылов ускользнуть из Кракова отчасти была вызвана физическим состоянием Кароля-старшего, который значительно ослаб и как-то преждевременно постарел. Немного отойдя от Кракова, Каролю-младшему удалось упрямить водителя посадить отца на военный грузовик, но большую часть пути они, как и тысячи людей, шли пешком. Колонна беженцев попала под пулеметный огонь немецкого самолета. 20 сентября газета «Таймс» писала, что «этот случай надолго останется в памяти тех, кто выжил... Самолет внезапно спикировал и беспощадно стал расстреливать колонну пулеметным огнем».

Попытка убежать от немецкого наступления, конечно же, оказалась тщетной, а десятки тысяч беженцев, бредущих по дорогам страны, только усложняли задачу польской армии. Люди пытались уйти в Румынию. «Жалкая вереница людского горя и скорби»,

по словам британской газеты, насчитывавшая около 800 000 человек, растянулась на двенадцать миль. 150 танков, находившихся в распоряжении польской армии, столкнулись с развернутым немецким наступлением, в котором были задействованы 2 600 танков, и какое-либо серьезное сопротивление со стороны поляков оказалось невозможным. Героические истории об опрокинувшей немецкую броню польской кавалерии, что передавали из уст в уста в те ранние сентябрьские дни, свидетельствуют о безнадежности положения, в котором оказалась страна.

Польша обратила взор на Британию. Британский премьер-министр Невиль Чемберлен дал безоговорочные гарантии, пообещав помочь отразить наступление немцев. Этот жест скорее был продиктован желанием отпугнуть Гитлера, нежели вступить с Польшей в настоящий военный альянс. В ретроспективе он очень напоминает дипломатический эквивалент последнего броска при игре в кости, и все же в то воскресное утро 3 сентября Британия по всем правилам объявила войну Германии.

Седрик Солтер из «Дейли Мейл» находился в вестибюле отеля «Европейский» в Варшаве, когда эту новость сообщили по радио. «Тишина, — писал он позднее, — стояла все то время, пока проигрывали невероятное количество раз «Боже, спаси Короля», а затем началось столпотворение». Солтер слился с толпой, высыпавшей на улицы и стремившейся продемонстрировать свою благодарность за этот акт солидарности.

«К тому времени, как толпа добралась до здания Британского посольства, в нее, должно быть, влились сотни тысяч неистово кричащих мужчин и женщин. Смущенный до такой степени, будто его застали в бе-

лом галстуке при смокинге, сэр Говард Кеннард с несчастным видом шаркающей походкой вышел на балкон и, сделав умоляющий жест, нырнул обратно за дверь в поисках укрытия. Такая демонстрация традиционной неловкости — свидетельство хороших манер — была как раз тем, что нравится толпе; она знает об этом из кинематографа».

Корреспондент оказался рядом с пожилым человеком, очень неуверенно говорившим по-английски. «Схватив меня за руку, с глазами, полными слез, он шептал снова и снова: «Боже, спаси Англию». Я не нашел в себе мужества поправить его произношение».

Сегодня каждого британца, читающего эти строки, охватывает чувство неловкости. Если сэр Говард Кеннард имел тогда хоть малейшее представление о том, какие мысли на самом деле одолевают официальные правящие круги в Лондоне — а, вероятнее всего, представление о том он все-таки имел, — то у него были все основания для шаркающей походки. Генерал Айронсайд, возглавлявший Имперский генеральный штаб, пообещал, что RAF (Королевские воздушные силы Британии) будут отвечать на все действия военно-воздушных сил Германии на территории Польши. Фактически же единственным ответным действием RAF стало сбрасывание на территорию Германии брошюр. Бомбардировщикам дана была команда совершать так называемые налеты правды на Франкфурт, Мюнхен и Штутгарт, во время которых на Германию сбрасывались листовки, рассказывающие о взгляде Британии на агрессию Гитлера. Воинственно настроенный лидер Тори Лео Амери подстрекал министра авиации Кингсли Вуда сбросить несколько зажигательных бомб на Черный Лес, дав тем самым свою оценку атак польских городов. «Это невозможно, — был получен ответ. — Этот лес — частная собственность».

У реки Сан, в сотне миль к востоку от Кракова, Войтылы услышали известие, положившее конец всем надеждам поляков: с востока в Польшу вторглись русские. Судьба страны фактически была предрешена, когда Молотов и Риббентроп, министры иностранных дел Советского Союза и Германии, подписали в Москве позорный пакт. В секретном протоколе зафиксировано, что обе стороны сочли целесообразным разделить Польшу. Указывались и границы «сфер влияния». Москва и Берлин пришли к согласию, что «вопрос, будет ли соответствовать интересам обеих сторон существование независимого Польского государства... может быть решен определенно только в ходе дальнейшего политического развития». 17 сентября 1939 года Сталин направляет войска в Польшу, чтобы получить свою долю. Силы Войтылы-старшего оказались на исходе, а мысль оказаться в руках русских не вызывала энтузиазма. Отец и сын отправились обратно в Краков.

Кароль-младший поддерживал дружбу с Мичеславом Котларчиком, своим театральным наставником, и в письме к Мичи, как он его называл, в сентябре 1939 года нарисовал картину той жизни, которую застали Войтылы, вернувшись домой. «*Vita Cracoviensis*¹, — пишет он, демонстрируя свойственную ему слабость к латинским изречениям, — состоит из стояния в длинной очереди за хлебом, (из редких) рейдов в поисках сахара, неотвязного желания достать уголь и что-нибудь почитать». На самом деле для завоеванного польского народа нацисты замыслили нечто более чудовищное, чем очереди за продовольствием.

Северная и Западная Польша были включены в состав Германии, и дом в Вадовице, где провел детские

¹ *Vita Cracoviensis* (лат.) — распорядок жизни жителя Кракова.

годы Кароль Войтыла, стал частью территории под названием Новый Рейх. Восток оккупировал Советский Союз, а находившиеся между ними Центральный и Южный районы значились как немецкие колонии с неопределенным статусом под началом Оккупационного правительства. Ганс Франк, в прошлом адвокат Гитлера, занял замок Вавель в качестве генерал-губернатора, и управлял он не чем иным, как «древним немецким городом Краковом». Именно на таком названии он настаивал, что особенно оскорбляло национальное чувство поляков. Из своего плана игры он не делал секрета. «Отныне, — заявлял доктор Франк, — политическая роль польской нации завершилась. Наша цель — навечно стереть с лица земли само представление о поляках. Ни в виде республики, ни с какой иной формой государственного правления Польша не будет возрождена. С Польшей поступят как с колонией, а поляки станут рабами Германской империи». Инструкции, которые он раздавал подчиненным, еще более ужасали.

«Поляк не имеет никаких прав. Его единственной обязанностью является подчинение и выполнение того, что мы ему говорим. Необходимо постоянно напоминать ему, что подчиняться — его обязанность».

Основной нашей целью является как можно скорее покончить со всевозможными вносящими сумятицу политиками, священниками и прочими лидерами, оказавшимися в наших руках. Я открыто признаю, что тысячи так называемых важных поляков должны будут поплатиться жизнью, но вы не должны проявлять сочувствия ни в каких, пусть и редких случаях. Это означает — добиваться триумфа национал-социализма, а также того, чтобы польская нация никогда более не смогла оказать сопротивления.

От польской культуры не должно остаться и следа. Поляки с нордической внешностью будут перевезены в Германию для работы на фабриках. Дети с нордической внешностью будут изъяты у родителей и станут воспитываться в Германии, чтобы впоследствии там работать. Остальные? Будут много работать, а есть — мало. И в конце концов вымрут. Польши больше никогда не будет».

Сейчас кажется невероятным, что при таких обстоятельствах могло продолжаться хоть какое-то подобие обычной жизни. И все же 2 ноября 1939 года Кароля Войтылу занесли в список студентов второго года обучения в Ягеллонском университете. Дружившая с ним в Вадовице Галина Кроликевич потом рассказывала: «Мы, студенты, были настолько наивны, что полагали, будто сможем завершить обучение». Но вскоре они освободились от иллюзий. Через три дня после зачисления на второй курс произошло событие, показавшее, что доктор Франк беспощадно честен. О том, что именно тогда произошло, рассказано в опубликованном в Британии весной 1940 года отчете «Польша вчера, сегодня, завтра».

«Немецкие власти попросили весь преподавательский состав университета собраться на конференцию, где немецкий профессор должен был объяснить, как немцы относятся к польским ученым. В чрезвычайно вульгарной манере немецкий лектор начал порочить польскую науку и ученых, вследствие чего польские профессора в негодовании покинули зал».

Перед входом в университет их уже поджидали большие грузовики. Все 160 профессоров и лекторов были арестованы и сурово избиты, в том числе Казимир Костанецки, бывший президент Польской академии наук, Фредерик Золл, выдающийся юрист, Вла-

дислав Конопчински, ведущий польский историк, Тадеуш Лех-Сплавински, известный филолог, Адам Крыжаноски, знаменитый экономист, который вскоре умер в застенках гестапо.

Все профессора, многим из которых было за семьдесят, были депортированы в Германию и заключены в концентрационный лагерь. Факт ареста всего профессорского состава одного из старейших и знаменитейших университетов в Европе — Краковского, основанного в середине четырнадцатого века, привел в состояние шока всю мировую общественность».

Действуя таким образом, нацизм объявил войну всякому разуму, и польскому в том числе. Влияние подобных действий на Кароля Войтылу, все стремления которого были направлены на интеллектуальную деятельность (возможно, на этом этапе жизни более важную для него, чем религия), имело для юноши огромное значение и действовало на него более угнетающе, чем бомбежки и воздушные налеты. Нацисты завладели Польшей физически, а теперь стремились стать хозяевами и ее духовной жизни. В такой ситуации для будущего Папы имела особый смысл стратегия, которая заключалась в поддержании дисциплины обучения и мышления. Читая с отцом по вечерам польских романтиков, он понял, что душа нации живет в литературе. Закрытие университета, в котором он учился, и депортация его учителей явились свидетельством того, что и враги Польши знают, как действовать.

Страстная тяга к культуре Кароля Войтылы, вероятно, в какой-то степени стала его слегка эксцентричной реакцией на ужасы жизни при нацизме: он начал писать пьесы. Многие поляки его возраста с оружием в руках вели борьбу против Германии. Солдаты, ус-

певшие уйти при нападении, оказались во Франции, и к весне 1940 года польская армия насчитывала в своих рядах за пределами страны 80 000 человек, а также значительные воздушные силы. В Польше сформировалось серьезное движение сопротивления, которое заявило о себе 27 сентября 1939 года. Но у Кароля Войтылы был иной путь. «Я не рыцарь меча, — писал он другу Мичеславу Котларчику, — я скорее артист».

Письма Кароля к театральному наставнику, написанные в этот период, дают возможность представить, о чем он думал. Вот что рассказывает он о своей жизни в одном из них от 28 декабря 1939 года:

«Представь себе, мне не хватает времени! Я читаю, пишу, учусь, думаю, молюсь, борюсь с самим собой. Временами я испытываю угнетенное состояние, депрессию, чувствую отчаяние, боль. Но проходит время, и я вновь вижу рассвет, утреннюю зарю, величественный свет. Я написал драму или, если быть более точным, драматическую поэму «Давид», в которой главный герой носит библейские одеяния, холщовую рубаху, как в девятом веке, и мантию малинового цвета, как польские аристократы. В этой поэме я открыл многое, очень многое из того, что творится у меня в душе».

Это звучит голос молодого, начинающего мыслителя в период становления его самосознания, насыщенный драматическими событиями. «Давид» не выжил, но следующая, написанная со всем пылом страсти пьеса «Иов», законченная им весной 1940 года, сохранилась. Сам автор в одном из писем говорит, что «это новая драма, греческая по форме, христианская по духу и вечная, как *каждый из нас*, по содержанию. Это драма о страданиях, — пишет

Кароль и трогательно добавляет: — Некоторым она здесь очень нравится». Но даже самые большие энтузиасты из числа его поклонников не утверждают, что пьеса снискала популярность; она изобилует длинными декламациями и спорами, а действия в ней явно недостает. Взглянув на титульный лист, ясно понимаешь, что история Иова связана с Польшей 1940 года. Здесь значит:

*Действие происходит во времена Ветхого Завета
До пришествия Христа.*

*Действие происходит в Наши Дни
Во время жизни Иова
В Польше и во всем мире.*

*Действие происходит во Времена Ожидания,
Во времена, когда люди жаждут Нового Завета.
Действие развивается в Польше и на фоне мировых страданий.*

Кратко излагая содержание пьесы в письме к другу Мичеславу Котларчику, Кароль Войтыла объясняет, каким образом он показывает раны, наносимые нацистской оккупацией в масштабе всего мира. Иову рассказывают об ужасных несчастьях (украдено стадо, слуги перебиты бандитами, сыновья погибли во время праздника из-за обвалившейся крыши и т.д.). После этого к Иову приходят трое друзей. Обсудив, что произошло, они решают, что страдания не всегда являются наказанием, но иногда, и довольно часто, могут быть знамением. Та же мысль приходит Иову после изначально возникшего стремления воспротивиться действительности. Размышляя таким образом, он приходит к выводу, что существует Высшая Спра-

ведливость, всеобъемлющая гармония. И все же он не может понять, почему он, именно он, так наказан Богом. Ему помогает молодой пророк Елиуй, его друг. Узнав о несчастьях Иова, Елиуй приходит к нему, и в присутствии Иова ему является пророческое видение: он видит Страсти Христовы, и сад, и гору Елеонскую.

Молодой драматург имел право на такого рода интерпретацию истории, которую он проживал, читая произведения своего литературного кумира, преданного слуги польского романтизма Адама Мицкевича. Писавший в начале девятнадцатого века, Мицкевич разрабатывал теорию духовности в отношении к истории, которая тяготела к идее искупления в христианской теологии. Писатель верил, что так же, как страдания одного человека могут послужить во спасение его души, так и страдания целого народа могут подготовить его к мессианской роли в мировой истории. Христос, писал Мицкевич, любил Польшу и ее народ, ибо это тот народ, который «верит, любит... надеется». Подчинение Польши есть всего лишь шаг к тому дню, когда «Лазарем среди других народов» поляки возродятся, чтобы исполнить свое предназначение, свою роль народа, «сохранившего свободу для всего мира». Подобный взгляд на историю в дни нацистской оккупации сам по себе являлся могучей поддерживающей силой, и Кароль Войтыла в течение всей войны читал Мицкевича и пропагандировал его творчество. Писатель продолжал оказывать на него влияние и после войны. Одна из самых впечатляющих проповедей Кароля Войтылы во время первого его визита в Польшу в роли Папы Римского начиналась с цитаты из Мицкевича.

Использование театра в качестве оружия против нацистской оккупации не ограничивалось одной лишь интеллектуальной деятельностью. Кароль Вой-

тыла с друзьями (среди которых была и Галина Кроликевич) начали тайно ставить пьесы на частной квартире. Это было в высшей степени рискованное мероприятие — немцы ужесточили меры по преследованию любых проявлений культурной жизни. Последний польский спектакль в краковском театре имени Юлиуса Словацки прошел 11 ноября 1939 года, после чего здание захватили немцы.

Месяц спустя генерал-губернатор Ганс Франк отдал приказ о конфискации всех имеющихся в Польше произведений искусства. Гобелены из Кафедрального собора на горе Вавель перенесли в расположенный по соседству королевский дворец, резиденцию Франка, и резные средневековые алтари уплыли в Германию (вместе с ними исчезли и полотна Рембрандта и Леонардо да Винчи, которые позднее обнаружили в домашней частной коллекции Франка). Продолжая ставить спектакли в своем любительском театре, Кароль Войтыла и его друзья стремились не дать угаснуть культурной жизни Польши, однако каждая постановка была сопряжена с риском для жизни.

В период написания поэмы «Иов» Кароль Войтыла встретился с довольно своеобразной личностью, оказавшей на него очень большое влияние, — загадочным портным по имени Ян Тирановский. Уже будучи Папой, Иоанн Павел вспоминал о нем как «об одном из тех неизвестных святых, сиявших изумительным светом из самых основ жизни, из тех ее глубин, где царит только ночь». Однако по современным представлениям, личность Тирановского, откровенно говоря, вызывает некоторое недоумение. Худой, сутуловатый, он, в свои сорок лет, «был абсолютно седым». Имея специальность бухгалтера, Тирановский не работал на этом поприще, ибо оно не соответствовало его наклонностям, и в тот момент, когда с ним встретил-

ся Кароль Войтыла, зарабатывал себе на жизнь портняжным делом, устроив мастерскую в однокомнатной квартире, неподалеку от дома Кароля. По словам одного из его знакомых, он обладал высоким голосом, «едва ли не фальцетом». Сохранилась фотография, на которой Тирановский, весь в белом, сидит на кровати среди кружевных простыней. Говорили, что он дал обет безбрачия, ходили слухи и о том, что какое-то время он находился в клинике для душевнобольных.

Тирановский часто расхаживал вокруг церкви Святого Станислава Костки и отыскивал отмеченных печатью таланта молодых людей для своей секретной группы молящихся. Кароль Войтыла часто посещал мессы в церкви, из-за чего и попал в число кандидатов. Группа называлась «Живительная молитва», и ее члены — молодые люди, рьяные католики — приглашались в крошечную квартирку на улице Розана для духовных наставлений. У Тирановского (известного среди членов группы как Наставник) было хорошо развито религиозное чутье, мистическое и созерцательно-аналитическое начало. Он познакомил Кароля Войтылу с трудами испанского священника шестнадцатого века, носившего имя святого Иоанна Креста. Я не буду здесь вдаваться в подробности его теории, отмечу лишь ее особенную непреклонность. «Чтобы постичь мудрость Господню, человек должен продвигаться, опираясь скорее на неизведанное, чем на ему понятное», — писал он.

«Невежественны те, кто полагает, что возможно достичь высшего состояния — постижения мудрости Господней, не отказавшись первоначально от всех своих инстинктивных потребностей... во всех тех вещах, что являются помехой на пути... не отказавшись от собственности, радости, знаний, утешения, отдыха... Пока эти потребности не исчезнут, вы ничего не дос-

тигнете, какими бы добродетелями ни обладали. Ибо до тех пор никто не обретет совершеннейшей из добродетелей, которая откроется только для души очистившейся, обнаженной и освободившейся от каких бы то ни было притязаний».

Это увлекло Кароля Войтылу. «Он [Тирановский] открыл мне богатство своей внутренней жизни, — писал он, став Папой. — В словах своих, в духовной жизни своей и во всем, чем он живет, являет он образец преданности одному Богу. Он представил мне мир, которого я не знал до того времени. Я увидел красоту души, столь благосклонно мне открывшейся».

Не все члены «Живительной молитвы» придерживались такого же мнения. Мичеслав Малински стал потом священником и близким другом Папы, но его первое впечатление от знакомства с Яном Тирановским было неоднозначным. Вот что рассказал мне Малински об этой встрече:

«Во время немецкой оккупации я имел привычку ходить на утреннюю мессу... В те времена, выходя утром из дома, ты никогда не знал, вернешься ли вечером обратно. Тебя могли застрелить на улице или отправить в Освенцим. Вот как мы жили. Около церкви меня поджидал человек в черном пальто, его вьющиеся волосы были зачесаны назад. «Можно вас проводить?» — спросил он. Я сразу же решил, что он из гестапо и хочет меня арестовать. Когда я дал согласие, он объяснил, что тоже идет на улицу Мадалинского. Откуда он знал, где я живу?»

Когда все прояснилось, Малински присоединился к группе, однако из того, что он там увидел, понравилось ему далеко не все. «Мне все меньше и меньше нравились наши встречи», — рассказывал он. Об-

щаться с Тирановским тоже оказалось непросто. «В его манерах было что-то начальственное, и я все никак не мог понять, чего же именно он от меня хочет». Малински вспоминал царивший там мир «жесткой дисциплины и самоконтроля», в котором «каждая минута предназначалась либо для деятельности, либо для снятия напряжения», а ежедневные молитвы, чтения и размышления записывались в тетради.

У Мичеслава Малински имелись основания для опасений при виде приблизившегося к нему у церкви незнакомца: нацисты смотрели на Католическую церковь так же, как и на институты. Стремясь искоренить польский национальный дух, они избрали ее мишенью своих нападков, поэтому молодой человек, присоединившийся к «Живительной молитве», тем самым принимал участие в нелегальной религиозной деятельности, подвергая себя реальной опасности. В октябре 1939 года папский нунций в Берлине представил немецкому правительству протест из Ватикана по поводу отношения немцев к церквям в оккупированной Польше. В нем говорилось, что после шести недель германского нашествия закрыто 117 религиозных заведений и 211 церквей; пастырская деятельность семи архиепископов ограничена, а 193 члена религиозных организаций арестованы по политическим обвинениям. По прошествии времени стало очевидным, что реальная картина религиозной жизни при правлении нацистов куда страшнее.

Весной 1940 года издательство религиозной литературы «Бернз и Оутс» выпустило в Лондоне книгу под редакцией Гертруды Годен, которая представила реальную картину «попытки нацистов подчинить себе душу польского народа». После вступительного слова кардинала Хинсли, архиепископа Вестминстерского, сравнившего нацистский режим «с варварством Чин-

гисхана», в книге описывается ряд случаев из жизни оккупированной Польши.

«Архиепископ Познаньский был интернирован, и духовенству запретили служить литургию; многие священники были расстреляны в городе на рыночной площади. В Таруне тяжелые физические работы по реконструкции моста через Вислу производились по принуждению почтенными жителями города, с которыми обращались с безжалостной жестокостью. Принужден был выполнять эту работу и католический прелат. Старый и истощенный, он оступился и упал в воду. Работавшие попытались спасти его, но охранявший их эсэовец этому воспрепятствовал и собственноручно застрелил несчастного... Стоит нацистским властям почувствовать силу польского духовенства, простого заточения в тюрьму или расстрела им становится недостаточно. Епископа в Лодзи после унижительного с ним обращения заставили подметать улицу перед его же кафедральным собором под охраной эсэовских новобранцев, так называемых черных бригад, лидеров гитлеризма, и толпы молодых немцев из местного населения».

И так было повсеместно. После окончания войны установили, что 3 646 польских священников заключены в концентрационные лагеря, 2 647 из них — убиты.

В такой ситуации участие Кароля Войтылы в деятельности секретной религиозной группы являлось отважным шагом, определившим его дальнейшую жизнь. Это каким-то образом может объяснить и ту симпатию, которую проявлял он, став Папой, к различным группам, действующим внутри Католической церкви в наши дни. Так, например, многие католики из более либерально настроенной Европейской церкви были озадачены его покровительственным отношением к столь консервативному духовному дви-

жению, как «Опус Деи», ведь по своим приемам и методам они скорее напоминают служителей культа. Но в восприятии Иоанна Павла II дисциплина и разграничения, свойственные деятельности «Опус Деи», ассоциировались с аналогичными добродетельными начинаниями «Живительной молитвы», которая помогла ему выстоять в годы нацистской оккупации.

Тот факт, что понимание веры у Кароля Войтылы складывалось в период гонений на религию, оказал большое влияние на его представление о роли Церкви. К этому вопросу я еще вернусь впоследствии. Здесь же стоит отметить, что, кроме непосредственных репрессий со стороны нацистов, свидетелем которых он был, до Кароля Войтылы стали доходить рассказы об аналогичных ситуациях на востоке Польши, в зоне оккупированной советскими войсками.

Историк Норманн Дэвис полагает, что на начальном периоде войны «во многих отношениях действия советского НКВД наносили больший урон, чем действия гестапо», по той причине, что «у советских карательных органов был больший, чем у немецких оккупантов, опыт политического террора, и они не тратили времени на всякого рода эксперименты». Он воспроизводит существовавший в НКВД список депортированных, по которому можно судить об установках секретных советских служб. Конечно же, он начинается с «членов русских дореволюционных партий — меньшевиков, последователей Троцкого и анархистов» и доходит до «людей, занимающихся церковно-приходской деятельностью: священников, секретарей и активных участников религиозных организаций; а также аристократов, землевладельцев, зажиточных купцов, банкиров, промышленников, владельцев отелей и ресторанов».

Почему так заботились о владельцах ресторанов, понять трудно, но позиция советских властей в отношении Церкви сродни нацистской. Средства массо-

вой информации католиков — «Тэблет» в Лондоне, «Оссерваторе Романо» и Радио Ватикана в Риме — рассказывали о церквях, используемых под конюшни и кинотеатры. Один из корреспондентов «Таймс» сообщал более страшные новости — о «телах священников, повешенных прямо на деревьях». 29 января 1940 года в Польском информационном бюллетене в Лондоне было напечатано следующее:

«В советском издании “Союза активных безбожников” во Львове помещена следующая программа действий в Польше:

1. Все церкви и объединения верующих на территории Польши, оккупированной советскими войсками, должны быть ликвидированы.

2. Все священники и иные лица, причастные к церкви, должны прекратить свою деятельность.

3. Собственность церквей будет конфискована в пользу государства.

4. На всей территории оккупированной Польши будут действовать отделы Ассоциации советских безбожников.

5. Атеистический журнал, официальный орган безбожников, должен выходить на польском языке и распространяться среди населения.

6. Советские радиостанции на территории оккупированной Польши будут включать в свои программы пропаганду атеизма на польском языке.

Кроме того, сообщается, что Советское правительство назначило крупные денежные премии в распоряжение «Союза активных безбожников» за успешное проведение работы в Восточной Польше».

Куда бы ни обратил свой взор Кароль Войтыла, везде он видел страдания Церкви. И в то время как католицизм, который являлся неотъемлемой частью

его детства в Вадовице, везде подвергался гонениям, Ян Тирановский учил его тому, что Церковь может быть построена в сознании и в душе вне зависимости от того, что происходит во внешнем мире. И этот урок обладал очень большой силой. В 1949 году, вспоминая о своем наставнике, отец Войтыла писал: «Ему ведом был тот сверхъестественный дар, что по Божьей милости вкладывается в самые глубины человеческой души, и он хотел пробудить это внутреннее благочестие в человеке, стремился открыть его и выявить в каждом из своих молодых спутников. Он хотел открыть источник силы в самом человеке, тот источник, открытие которого в себе мы должны продолжить сами». В конце этой довольно пространной статьи отец Войтыла рассказывает о том, каким образом внутренняя жизнь Тирановского позволила ему отгородиться от реальной жизни Кракова в сороковые годы: «В поведении Яна не было ничего необычного; ничего необычного не было, например, в том, как он носил часы, или в выражении его лица, или во всех тех многочисленных деталях, которые отмечаются социальным окружением; не было никакого несоответствия с окружающей средой. Отличие было внутри».

Период физического труда в жизни Кароля Войтылы (который впоследствии позволит его биографам обыгрывать идею «священника-рабочего») начался в сентябре 1940 года, через год после немецкого вторжения. Нацисты выпустили декрет, согласно которому все население мужского пола в возрасте от четырнадцати до шестидесяти лет должно работать, в противном случае оно подвергнется депортации.

Кароль Войтыла нашел работу в концерне «Солвея», которая приносила ему доход не из легких. Он работал в каменоломне. Одна бригада рабочих откалывала большие глыбы известняка, взрывая скалу

динамитом, вторая — разбивала их на куски, которые грузили в вагонетки и отвозили для дальнейшего производства соды. Кароль работал в бригаде вагонетчиков. Трудности суровой жизни, с которыми он столкнулся впервые, его нисколько не испугали. После месяца работы в каменоломне он писал своему другу в Вадовице: «В настоящее время я чернорабочий. Трудюсь в каменоломне. Не пугайся! Пока еще я не взрываю скалы. Я только лишь прокладываю пути для вагонеток... Когда работаешь, время летит. Жизнь становится наполненной».

Кароль Войтыла все-таки на некоторое время взял в руки кирку. Зима сменила осень, и работать на открытом воздухе стало тяжелее. Зимой 1940–1941 годов температура упала до минус тридцати. Кароль Войтыла уходил из дома в семь утра и в течение часа шел в обуви на деревянной подошве до каменоломни, где работа продолжалась до четырех часов дня. Однажды на его глазах погиб рабочий. Тот пилил известняк, и сверху упал камень, размозжив голову несчастного.

Здесь, в концерне «Солвея», работали и другие студенты, учившиеся в Ягеллонском университете. Сохранились свидетельства, что руководивший заводом немец «платил гестапо, чтобы оно закрывало глаза на тот факт, что на производстве работало много представителей молодой польской интеллигенции». Избранные воспоминания работавших с Каролем Войтылой составили альбом под названием «Откуда я родом», который был подарен архиепископу в шестидесятые годы.

Доброе отношение, проявленное к Войтыле и его друзьям по университету, наверняка оценят те, кому когда-либо приходилось отказываться от интеллектуальной деятельности и включаться в тяжелый фи-

зический труд. Рабочий-укладчик, Ян Зила, вспоминает:

«...на производстве работало несколько студентов... Когда их поставили под мое начало, управляющий Краузе попросил меня присматривать за молодыми людьми, сказал, что это очень ценные люди, что не следует перегружать их тяжелой физической работой. Я поставил их копать ямы, необходимые для прокладки колеи, выравнивать колею, заполнять пространство под шпалами, продлевать колею до следующей разработки. Архиепископ работал хорошо, с готовностью выполнял любые задания. Если выдавалась днем свободная минутка, он читал книжки. Мы говорили о том, как бы ему хотелось, чтобы война закончилась, и как бы ему хотелось выжить. Ведь по всему выходило, что нам не выжить».

Сохранилось и воспоминание рабочего, которому казалось, что студенты «используют это местечко, чтобы отсидеться за чужими спинами». А вот другой свидетель в своих рассказах ограничивается следующим: «Кароль Войтыла ходил по каменоломне с лопатой». Самое трогательное из воспоминаний принадлежит Франтишеку Лабусу, подрывнику, под началом которого Кароль работал весной 1941 года. Он выполнял одну из наиболее легких работ, выбранных для него управляющим, господином Краузе. Девяностолетний больной Лабус вспоминал:

«Он был совсем молодым человеком, когда пришел на работу, и мне было его жаль. Он не подходил для такой работы. Про себя я подумал — для него самое лучшее стать священником, у него такие маленькие и нежные руки. Я не давал ему работать, но он все же работал. Я тогда собирался покинуть этот мир, а он только входил в него. Он помогал мне скручивать про-

волоку, носил за мной детонаторы. Один раз я, как обычно, устанавливал заряды, а он стоял рядом. И я ему сказал тогда, что для него было бы лучше всего стать священником, а он только улыбнулся».

Приятель Войтылы по каменоломне, Войцех Зукровский, являлся членом боевой ветви движения сопротивления «Уния», сформировавшегося в первые дни нацистской оккупации. Они вместе работали в бригаде подрывников, и Зукровский, пользуясь случаем, выносил небольшими порциями динамит, пряча его во рту, в ботинках и в рюкзаке. Он никогда не рассказывал работавшим с ним вместе, чем занимается. «Для конспиративной работы лучше никого не информировать о том, что делаешь, — говорил он впоследствии. — И мне нравилось рисковать. Лелек был не такой».

Карл Бернштейн и Марко Полити передают разговор двух молодых людей, сидевших как-то в полдень на скамейке у реки и наблюдавших за угольной баржей, плывущей по Висле.

«— Сегодня ночью мы собираемся вынести немного угля, — сказал Зукровский...

— Как же вы его вынесете? — спросил Войтыла.

— У меня есть револьвер.

— Но у них больше оружия. И танки, и самолеты.

— Это не важно, — настаивал Зукровский.

— Молитва — вот единственное оружие, которое срabатывает, — прозвучали в ответ слова Войтылы».

Этот период жизни Кароля Войтылы нельзя назвать благодатной нивой для его биографов, ибо, сколь бы много ни существовало рассказов о всевозможных эпизодах работы Войтылы на каменоломне, все-таки трудно установить, которые из них были затем при-

украшены благодаря окружившей его впоследствии славе. Так, например, рассказывали, будто однажды он пришел на работу совсем замерзший, так как отдал свое пальто встреченному по дороге незнакомцу. Говорили, что ежедневно в полдень, чем бы он ни занимался, когда над Краковом раздавался звон колокола собора Ангелус, Кароль опускался на колени.

Однако мы располагаем его собственными воспоминаниями о том времени, сохранившимися в его поэме «Каменоломня», опубликованной четырнадцать лет спустя. Она начинается так:

«Послушайте ровные глухие удары молота,
Как привычны они. Так и притягивают слух,
Так и наводят на мысль о силе ударов.
Слушая теперь, как сила электричества
Врезается в каменную реку,
Думаю я о том, как день за днем
Запечатлевается величие
Труда».

И снова потенциальный ученый проникает в глубину своих ощущений и облекает их смысл в найденные им слова. Далее в поэме появляется образ Рабочего, своего рода интеллектуального супергероя из комиксов.

«То не только его руки, вздымаясь,
Поднимают тяжелый молот,
То не только его торс распрямляется
И напрягаются гибкие мышцы —
Великие идеи рождаются в его голове,
А плечи и руки вновь поднимаются над ней,
И стоит он, как монумент у готического здания,
Увековечивший в камне силу мысли».

Поэма «Каменоломня» — один из наиболее успешных опытов Кароля Войтылы в стихотворном стиле, и он сам, по-видимому, был о ней довольно высокого

мнения. Цитируя ее полвека спустя, он замечает: «Я до сих пор считаю, что в ней хорошо запечатлен уникальный опыт тех дней».

Кроме работы на каменоломне, чтения и неугасающего интереса к театру, Кароль Войтыла старался больше внимания уделять отцу, стремясь, чтобы тот ни в чем не испытывал недостатка. Кароль-старший выполнял кое-что по дому, стараясь помочь сыну (например, чинил обувь), но его интерес к жизни, несмотря на то что ему было немногим более шестидесяти, казался, убывал на глазах. Поэтому основные обязанности по хозяйству, такие как закупка продуктов, полностью легли на плечи молодого человека. И опять поддержкой для Кароля оказался театр. С Юлиусом Кидрински он познакомился, когда они вместе на первом курсе университета играли в студенческом спектакле. С тех пор они сдружились, и семья Кидрински заменила ему собственную семью так же, как в свое время это сделали Котларчики в Вадовице. Рождество 1940 года отец и сын Войтылы встретили у Кидрински.

В особенно суровые зимние морозы Кароль, как правило, заходил к Кидрински и брал у них каштальку с едой для отца. 18 февраля 1941 года он оставил у них посуду, чтобы сходить в аптеку за лекарством. Домой он возвращался в сопровождении сестры Юлиуса Марии. Когда они пришли, отец Кароля был мертв.

Позднее Мария рассказывала, что Кароль впервые потерял самообладание (ранее ни в одном из воспоминаний о реакции на постигшую его утрату не упоминалось, что он плакал) и обнял ее. «Я не присутствовал при смерти матери, при смерти брата. Не было меня и у постели умирающего отца», — сказал он тогда. «Когда мне было двадцать, — вспоминал Иоанн

Павел II почти сорок лет спустя, — я потерял всех, кого любил».

Для проведения последнего ритуала Кароль пригласил священника и следующую ночь провел с Юлиусом Кидрински у тела умершего отца. Став Папой, Кароль не забыл о той «доброте, любви и заботе», которые проявляли к нему Кидрински; после смерти отца Кароль переехал к ним. Мария замечала, что «он каждый день ходил в церковь на мессу, много молился в своей комнате, часто просто лежал ничком на кровати». Эта привычка — лежа лицом вниз, обращаться к Богу — осталась у Кароля Войтылы навсегда.

Монахини из монастыря урсулинок в Варшаве, где Войтыла, будучи архиепископом Краковским, обычно останавливался во время своих визитов в столицу, настаивали на том, чтобы я упомянул о тех долгих часах, что он провел, распростершись перед алтарем в часовне в последнюю ночь перед отлетом в Рим, где он был избран Папой. Это одна из тех вещей, которые не будут выглядеть убедительными, если делаются для демонстрации собственного благочестия, так же как и появившаяся у него позднее привычка целовать землю страны, в которую он приехал, — жест, в высшей степени театральный.

Надгробная плита, установленная на могиле Кароля-старшего, гласит: «Кароль Войтыла, отставной военный, прожил 62 года. После непродолжительной болезни, приняв святое причастие, почил в Бозе». И хотя умер он внезапно и в одиночестве, следует принять подобную утешительную ложь.

В июне 1941 года Гитлер приступил к осуществлению плана «Барбаросса» — неожиданного и губительного вторжения в Советский Союз. Русских выгнали из Польши, и контролируемая ими часть страны отошла к владениям Франка, войдя в состав терри-

тории оккупационного правительства. Жизнь в Кракове оставалась такой же тяжелой, как и раньше. За месяц до того, как нацисты пошли в атаку на своего бывшего союзника, все священники приходской церкви, в которой Кароль Войтыла и его наставник Ян Тирановский обычно молились, были арестованы эсэсовцами. В получасе езды до Освенцима вновь прибывших высадили и заставили идти маршем к известным воротам с лозунгом «Arbeit Macht Frei» («Труд делает нас свободными»). Предполагаемая протяженность жизни заключенных равнялась трем месяцам. В то время это еще не был в полной мере лагерь истребления, однако с ростом количества успешных операций и с увеличением людских ресурсов, попавших в руки немцев, Освенцим начал расширяться. Осенью к нему присоединили дополнительные площади близлежащего Бикенау, в результате чего в застенках оказались еще 100 000 человек.

Среди неутраченного человеческого горя и общего страха существовали в жизни Кароля Войтылы и маленькие радости. Ему удалось убедить переехать в Краков своего старого учителя Мичеслава Котларчика с женой. В связи с тем, что квартирка, где они раньше жили с отцом, пустовала, Кароль предложил Котларчикам поселиться там.

С прибытием из Вадовице известного театрального деятеля внимание Кароля Войтылы еще более сконцентрировалось на театре, в котором он видел средство сопротивления оккупантам. Он уже являлся членом «культурного крыла» «Уния», подпольного движения, в котором активным бойцом сопротивления был его друг Войцех Зукровский. Теперь вместе с Котларчиком и небольшими группами близких им по духу актеров-энтузиастов они осуществляли постановки польских классиков. Театру дали название «Рапсо-

дия» (по аналогии с песнями-рапсодиями рыцарей-трубадуров). У Котларчика имелись вполне определенные мысли по поводу того, кто может стать членом их труппы, а кто нет. Один из участников вспоминает, как он вводил ограничения «под предлогом того, что в текстах нужно произвести сокращения». Кароль и его постоянная партнерша Галина Кроликевич оставались неизменными участниками, а вот нового друга Кароля, Юлиуса Кидрински, исключили, и похоже, что он покинул группу при не совсем простых обстоятельствах.

Группа театра «Рапсодия» два раза в неделю собиралась на репетиции. По словам Котларчика, то были «незабываемые среды и субботы», когда, «невзирая на террор и аресты, несмотря на расклеенные по всему городу объявления об участившихся расстрелах, мы продолжали репетировать пьесы Словацки, Каспровича, Виспиански, Норвида и Мицкевича. Частенько эти репетиции проходили в холодной темной кухне наших «катакомб» в Дебниках, иногда при свечах, которые то и дело приходилось задувать». Рассказы Котларчика об этом периоде пронизаны душевностью и интеллигентностью, столь свойственными произведениям, написанным в этот период Каролем Войтылой. Руководитель рассказывает о «проникнутых духом романтизма репетициях, утверждавших наше польское самосознание, нашу решимость выжить и доплыть до берегов свободы, веры и идеального театра». Он характеризует их детище как «театр, который на импровизированных подмостках показывал стонущую под пытками душу Польши, то есть как раз то, что так жестоко преследовалось безжалостным врагом».

Спектакли театра «Рапсодия» проходили на квартирах друзей, и Кароль Войтыла стал едва ли не теат-

ральной звездой. Уже будучи Папой Римским, он, оценивая опыт тех лет, писал:

«Выступления проходили перед небольшими группами людей, которых мы знали, а также перед гостями, которые, питая особый интерес к литературе, составляли в каком-то смысле «инициативную группу». Необходимо было держать наши театральные постановки в секрете, в противном случае мы рисковали подвергнуться суровому наказанию со стороны оккупационных властей, вплоть до депортации в концентрационный лагерь».

Вечера постановок становились незабываемыми; декорации отсутствовали, у актеров не было ни костюмов, ни грима; сцена освещалась канделябрами. Говоривший вступительное слово в театре «Рапсодия» был во всем черном и в маске смерти поэта Словацки, актеры, тоже все в черном, «декламировали, почти не жестикулируя». Сохранился рассказ о том, когда будущий Папа произносил предсмертные слова пана Тадеуша, героя патриотической поэмы Мицкевича, проезжавший по улице немецкий грузовик с установленным на нем громкоговорителем возвестил о великой победе над Советами на Восточном фронте. Свидетели утверждают, что артист с воодушевлением завершил речь, не пропустив ни единого слова.

К 1942 году характер работы Кароля в концерне «Солвея» изменился к лучшему: его перевели из каменоломни на водоочистительное предприятие. Идти туда приходилось гораздо дольше (около двух часов), но работать там было легче. Кароль переносил известковое «молоко» из сушильных печей в специальные резервуары для смягчения воды. Делал он это с помощью деревянных ведер на коромысле. Кто-то даже сравнил его тогда с молочником из старых детских книжек. Он работал быстро, особенно с наступлени-

ем ночи, а в любую свободную минуту стремился ускользнуть в котельную с книгой в руках. На водоочистительном предприятии вместе с ним работал студент, изучавший в университете химию и геологию, и Кароль задавал ему всевозможные вопросы из области естественных наук, в которых разбирался очень плохо. Он объяснял, что «такие беседы ему необходимы», так как решил стать священником.

Решение Кароля Войтылы стать священником окончательно оформилось к концу лета 1942 года. И хотя многие из друзей и учителей отмечали его набожность, до этого момента сохранялось впечатление, что Кароль одержим идеей посвятить свою жизнь науке и театру. Говорят, что он всерьез задумался о призвании священнослужителя только после смерти отца, и постепенно это стремление «стало его внутренним убеждением, бесспорным фактом всего его существования». В книге, ознаменовавшей пятнадцатую годовщину его посвящения в духовный сан, Войтыла говорит о том, что в этот период «стал пересматривать свои прежние планы». Вспоминая свою молодость, Иоанн Павел II задавал себе вопрос, был ли «простым совпадением» тот факт, что его призвание сформировалось в дни нацистской оккупации. «Конечно, в планах Господних нет места случайности. Это время помогло мне по-новому осознать *значение и важность призвания*. Перед лицом зла и жестокости войны значение и роль священнослужителя в мире предстали передо мной с большей ясностью». Как в свое время работа над «Иовом», так теперь роль священнослужителя придавали смысл его существованию среди того, что творилось вокруг.

В октябре 1942 года, в сопровождении своего друга и члена группы «Живительная молитва» Мичеслава Малински, Кароль Войтыла постучал в дверь архиепископского дворца, расположенного на главной площа-

ди Кракова, и объявил о своем желании стать священнослужителем. Он вступил на иной уровень нелегальной жизни, попав на орбиту одной из самых влиятельных и героических ее фигур, бесспорно оказавшей большое влияние на сознание молодого человека.

Стиль руководства архиепископа Адама Сапеги — величественный, праведный, преследующий интересы свободы нации и непреклонный — явился для Кароля Войтылы бесценным образцом, которому он следовал, взойдя на престол митрополита в коммунистической Польше. Как расценивается деятельность кардинала Сапеги (он занял этот пост после войны) в Церкви сегодняшней — дело иное, но как духовный отец Кароля Войтылы он оказался одной из тех важных фигур в жизни Папы Римского, влияние и сила которых вела свою родословную еще с девятнадцатого века. Детство Адама Сапеги прошло в аристократических кругах, его обучали фехтованию и верховой езде. Архиепископ гордился своей родословной, ибо среди его предков были те (к ним относились его отец и дед), кто восстал против царя в период раздела Польши. Высказывалось предположение, что связь с итальянской аристократией в какой-то степени обеспечивала ему защиту от нацистов, которые не хотели терять союзника в лице Муссолини. Когда антисемитски настроенный польский примас, кардинал Хлонд, бежал из страны, архиепископ Сапега стал центральной фигурой сопротивления польского католицизма. Он не утратил связи с находившимся в Лондоне правительством Польши, поддерживал подпольную группу «Уния» и, используя свое влияние, укрывал от властей бежавших военнопленных и борцов сопротивления.

Дебаты по поводу реакции Католической церкви на холокост неизбежно возвращаются к вопросу о том, насколько хорошо Ватикан был осведомлен о проис-

ходивших событиях. Архиепископ Сапега, живший в нескольких минутах ходьбы от еврейского гетто и недалеко от Освенцима, прилагал значительные усилия, чтобы раскрыть правду. В феврале 1940 года он, воспользовавшись визитом богослова-доминиканца, путешествующего по швейцарскому паспорту, передал «большое количество шокирующих подробностей». Он попросил профессора все заучить наизусть, чтобы затем рассказать в Ватикане, что тот, по всей видимости, и сделал. В начале 1942 года митрополит кардинал написал непосредственно Папе Римскому об условиях содержания в концентрационных лагерях, которые характеризовал как «лагеря, откуда мало кто выходит живым», как места, где люди «лишены человеческих прав, где они оказываются во власти жестокости, начисто лишены признаков человечности». Однако Сапега не стал рисковать, так как, окажись письмо в руках немцев, они могли бы «расстрелять всех архиепископов, да и многих других». Поэтому его «посыльный» — в данном случае им оказался проезжий итальянский священник — также вынужден был заучить послание наизусть.

Первая газовая камера начала действовать в Освенциме в мае 1942 года. В октябре того же года архиепископу Краковскому все-таки удалось доставить письмо в Рим. Сохранилась информация, что неофициально им было переправлено гораздо больше сообщений в Рим, чем те, о которых здесь упомянуто.

Средняя «пропускная способность» крематория в Освенциме поднялась до 20 000 ни в чем не повинных человек в день, достигнув своей наивысшей отметки. Архиепископ Сапега поручал священникам выдавать свидетельства о крещении евреям, прятавшимся в монастырях и частных домах. Отыскивая записи в старых списках, они давали беглецам христианские име-

на и данные о крещении. Дебаты по поводу того, принимал ли непосредственное участие в этом Кароль Войтыла, велось много. Полагаясь на собственную интуицию, я ответил бы на этот вопрос отрицательно. Мы располагаем явными свидетельствами его крепкой дружбы со многими евреями, но если бы конкретный героический поступок с его стороны имел место, то данные об этом наверняка бы сохранились. Джон Корнуэлл, автор одной из последних биографий Иоанна Павла II, опубликованной при его жизни, рассказывает о том, что в конце войны он помог девочке-подростку, которую удалось вызволить из лагеря. Он кормил ее и пронес две мили на своих плечах. Мистер Корнуэлл также заметил, что, говоря «о культуре смерти» в контексте современных дебатов об абортах и эвтаназии, Иоанн Павел знал то, о чем говорил, не понаслышке.

Ягеллонский университет, хотя и считался официально закрытым нацистами, продолжал подпольно работать: семинары и лекции проводились на частных квартирах, обычно по ночам. К 1942 году, судя по одному из документов того периода, в его работе участвовало более сотни учителей и 800 студентов; все факультеты, действовавшие до войны, вновь функционировали в той или иной форме. Тайные семинары архиепископа Сапеги проходили на факультете богословия, однако обучение в университете в период 1942–1944 годов совсем не походило на те беззаботные времена, когда студенты могли пропускать лекции, увлекшись спором в коридорах университета. Кароль Войтыла учился в основном самостоятельно, чаще по ночам в котельной. Многие запомнили молодых людей, одетых в рабочую одежду и деревянные башмаки, стремившихся постичь суть метафизики. В разговорах со своим другом Малински Кароль иногда признавался, что обучение его было не из легких.

Варшавское восстание стало одной из великих героических страниц в истории Второй мировой войны, героических, но безрезультатных. 1 августа 1944 года около 150 000 бойцов сопротивления, плохо вооруженных, ценой неимоверных усилий одолели немецкую армию. Они продержались шестьдесят три дня, после чего сопротивление было подавлено, почти четверть населения истреблена, а город сожжен дотла.

6 августа в Кракове немцы устроили массовые облавы на молодых людей с целью предотвращения любых попыток покушения на их власть. Кароль Войтыла, переехавший обратно на квартиру, где жил с отцом, прятался в подвале, пока немцы обыскивали верхние этажи здания. По словам его друга Зукровского, когда они встретились через несколько часов после облавы, он еще никак не мог унять дрожь. Более 8 000 мужчин и юношей арестовали в тот день.

Архиепископ Сапега решил перевести подопечных в свой особняк. Во время облавы Мичеслава Малински по счастливой случайности не оказалось дома, потому что он играл в футбол. Затем он не попался, так как укрылся у священника, продержавшего его у себя до тех пор, пока «не пришел человек, проверявший, все ли в порядке». Вернувшийся из особняка проводник вел его по пустынным улицам, подавая сигнал, когда путь был безопасен. Вот как вспоминал об этом позднее Мичеслав:

«Я испугался у моста в Дебниках, где стояли солдаты, охраняя противотанковые укрепления, однако они на нас не обратили никакого внимания. Звиерзиневская улица показалась мне невероятно длинной. После этого мы пересекли сады Планты и оказались на Францисканской улице. Напротив особняка было окруженное высокими стенами здание, в котором размещались полицейские склады, с караулом на ули-

це, далее еще ворота — вход в здание, занятое полицией, и еще один часовой. Мы прошли мимо всего этого в невероятном страхе и оказались в конце концов перед главной дверью особняка, миновав которую, я едва не упал на руки высокого молодого человека, которого никогда ранее не встречал.

— Кароль Войтыла здесь? — спросил я.

— Да, здесь.

В эту минуту ко мне подбежал Кароль, и мы обнялись, как выжившие после кораблекрушения».

Таким же образом до конца дня прибыли и другие студенты университета. Семь человек разместились в большом дортуаре; им раздали рясы и поддельные удостоверения личности, в результате чего все оказались священниками в полном облачении. Адам Сапега направил одного из своих священнослужителей на работу в концерт «Солвея», для того чтобы Кароль Войтыла мог «незаметно исчезнуть» из списка работников, и 11 сентября 1944 года будущий Папа «прошел постриг в монахи». Эта любопытная, сохранившаяся с древних времен церемония, ныне отмененная, состояла в выбривании волос на голове священника, что символизировало его добровольный отказ от мирской жизни. Последние месяцы немецкой оккупации укрепили Кароля Войтылу в мысли, что Церковь дает альтернативу реальной жизни. Ян Тирановский убедил его в том, что католическую веру можно хранить в сознании и в душе при любых внешних обстоятельствах, а теперь Адам Сапега показал ему, что церковь как организация обладает практической властью, которая может выстоять в самых суровых условиях.

17 января 1945 года советские войска вошли в Краков. Когда с наступлением вечера звуки канонады усилились, кардинал Сапега собрал своих подопечных

в часовне. Он произносил слова мессы, а окна здания сотрясались от взрывов; остаток ночи провели в подвалах собора. На следующий день город уже контролировался советскими войсками. Таким образом Краков избежал участи, постигшей Варшаву.

Кароль Войтыла и Мичеслав Малински решились навестить старых соседей. С тех пор как они могли себе это позволить, прошло уже пять месяцев. Впоследствии Малински так описал это путешествие:

«Улицы были заполнены людьми, и через толпу было трудно пробраться. Разного рода военная техника, огромные «студебейкеры», «доджи» и «форды», повозки с пулеметами, крестьянские телеги, запряженные одной или парой лошадей, и потоки солдат, которые шли по дорогам в меховых шапках и сапогах, с автоматами наперевес. В конце Звиерзиневской улицы мы повернули на набережную, где совсем недавно был мост в Дебниках, и только здесь смогли оценить силу взрывов, его разрушивших. Мы спустились вниз и прошли через замерзшую Вислу до того места, с которого хорошо были видны покореженные стальные конструкции, устремленные в небо. На мосту лежали тела солдат и стояло несколько подбитых танков».

В первые после освобождения от немцев дни семинаристы восстанавливали архиепископскую резиденцию после повреждений, причиненных ей во время последней битвы за город. Вновь открылись здания, которые использовали для своих целей немцы. Кароль Войтыла описал случай, произошедший в этот период.

«Я никогда не забуду того впечатления, которое произвел на меня разговор с советским солдатом в 1945 году. Он произошел вскоре после прекращения военных действий на Западе. Солдат постучался в ворота нашей духовной семинарии. Я проговорил с ним

несколько часов. Хотя он так и не зашел внутрь (он имел весьма смутное представление о том, что изучают в семинарии), за время этой длительной беседы я воочию убедился, что Бог запечатлевается в человеческом сознании даже при самых сложных обстоятельствах. Несмотря на чрезвычайно негативное воздействие обстоятельств на человека, истину невозможно стереть из его сознания. Тот солдат никогда в жизни не был в Православной церкви (хотя он и упоминал о том, что, когда был маленьким, его водила туда мать, но сам он не ходил ни разу). В школе ему говорили, что Бога нет. «И все же, я почему-то знал, я всегда знал, что Он есть, — много раз повторял он, — и вот теперь я хочу узнать о Нем побольше».

При нацистской оккупации Кароль Войтыла обрел жизненный опыт в условиях такого надругательства над всеми моральными принципами, которое мало кто из нас может себе представить. Та непредсказуемость, с которой нацистский террор врывается в жизнь людей (любого могли ежеминутно схватить и расстрелять в процессе проведения карательной операции), являлась отражением сущности жизни в мире, лишившемся вообще каких-либо моральных устоев. Следовать объективным моральным ценностям — таков был жизненный принцип Кароля Войтылы и мыслителя Иоанна Павла II, Папы Римского, который достиг высшего развития в его величайшей и в то же время вызвавшей столь острую полемику энциклике «*Veritatis Splendor*»¹. Соблазн попытаться отыскать появление многих ее идей в периоде военного времени достаточно велик. Факторы того времени, определявшие, будет жить человек или умрет, являлись след-

¹Сияние Истины (*лат.*).

ствием случайного стечения обстоятельств. Жизнь и смерть могли зависеть от даты рождения человека, от его национальности, оказался ли он в неудачное время на улице или остался дома. Могло показаться, что все смешалось, как номера на лотерейных билетах.

Кароль Войтыла, обращаясь к традиционной для католицизма идее Провидения, не оставлял попыток найти смысл и при таком положении дел. «Я долго участвовал в ужасной, кровавой драме, каковой являлась Вторая мировая война», — писал он в 1994 году.

«Меня могли арестовать в любой день и дома, и в каменоломне, и на очистном предприятии и забрать в концентрационный лагерь. Иногда я задавал себе вопрос: если так много молодых людей моего возраста расстались с жизнью, то почему я не оказался в их числе? Сегодня я понимаю, что это была не простая случайность. Среди захлестнувших все ужасов войны происходившее в моей личной жизни вело к одному — к осуществлению назначенного мне свыше».

Многие из нас приходят к иному выводу — кажется, что судьба играет нашей жизнью без всякого смысла и логики. Так считает Чеслав Милош, Нобелевский лауреат, бывший приятель Войтылы в Кракове, который особенно сблизился с ним в последние годы. Незадолго до его смерти, я спросил его, не разделял ли он веру Иоанна Павла в Божественное Провидение. «Мне очень бы этого хотелось, — последовал ответ. — Но это очень трудно по той причине, что я был свидетелем и очевидцем кошмаров в истории двадцатого века. Моя задача состоит в том, чтобы соединить воедино все предначертанные историей линии с миллионами умерших людей. Это вечная проблема, и ее разрешение было бы во благо, но куда отнести страдания, расставленные дьяволом на пути истории?»

Сила веры, продемонстрированная Каролом Войтылой при столь ужасных обстоятельствах жизни в оккупированном Кракове, производит огромное впечатление, однако есть в его убежденности и что-то пугающее. Мысль о том, что вся Вторая мировая война являлась частью божественного замысла, который вел к тому, чтобы один человек выполнил свою миссию, показалась бы ему отвратительной, предстань она в таком упрощенно-грубом виде, однако в какой-то степени она является отголоском процитированного мною выше высказывания.

Опыт нацизма наглядно продемонстрировал, что какие бы идеи ни были положены в основу установленного порядка, они не могут служить ему оправданием. И хотя идеи нацизма крайне неверны в самой основе, в оккупированном Кракове Кароль Войтыла усвоил еще одну вещь: обладание властью не дает морального права. Он узнал, что истину можно сохранить в сознании и в душе вне зависимости от внешних обстоятельств жизни. Эти знания очень помогли ему в борьбе против коммунизма, который, как и национал-социализм, представлял систему власти, базирующуюся на ложных идеях. Однако усвоенные им уроки не очень-то способствовали налаживанию отношений и с современными либеральными демократиями, которые, не представляя монолитных силовых структур, между тем и не пытались влиять на формирование взглядов граждан и не утверждали свои программы с помощью силы и террора.

3

СТУДЕНТ В РИМЕ

Воспоминания о войне нелегко стираются из памяти. Кароль Войтыла был посвящен в духовный сан в День всех святых 1 ноября 1946 года в капелле архиепископа Краковского. В книге «Дар и Тайна», выход которой приурочили к пятидесятилетней годовщине со дня этого события, он писал:

«Я помню, как во время оккупации мы часто ходили сюда по утрам на мессу митрополита. Помню, как тайком вместе со мной ходил еще один семинарист, Иржи Закута. Но однажды он не пришел. После мессы я остановился у его дома в Людвиново (около Дебриков), и тут узнал, что ночью его забрали в гестапо. Вскоре после этого его имя появилось в списках поляков, приговоренных к расстрелу. Во время моего посвящения в духовный сан в этой же самой церкви, где нас так часто видели вдвоем, я не мог не вспомнить о своем брате по призванию, которому Христос иным способом открыл тайну Смерти и Воскресения».

Та же книга содержит общие размышления о польских священниках, оказавшихся жертвами Второй мировой войны. И вновь в ней звучит характерное

для Кароля Войтылы ощущение незримой связи между предначертанной ему Провидением жизненной миссией и всем ходом истории двадцатого века. «То, что я написал о концентрационных лагерях, является только частью общего “апокалипсиса нашего века”», — провозглашает он.

«Я уже поднимал этот вопрос, и хочу еще раз подчеркнуть, что *мое служение Богу с самого его начала отмечено было неисчислимыми жертвами, коими оказались мужчины и женщины моего поколения* [курсив автора]. Провидение предуготовило мне пережить этот наиболее трудный опыт, а потому так сильно во мне ощущение неоплатного долга как перед теми, кого я знал, так и перед теми, которых гораздо более, которых я не знал никогда. Ибо все они, вне зависимости от языка и национальности, став жертвой на алтаре истории, помогли реализоваться моему призванию священнослужителя».

Став Папой, Иоанн Павел часто сталкивался с критикой в свой адрес за отказ идти на уступки священникам, изъявлявшим желание отказаться от данных ими обетов. Для него, сопоставлявшего призвание священнослужителя со страданиями отдавших свои жизни «на алтарь истории», помышления священников конца двадцатого века о выборе иного «стиля жизни», пожелавших отказаться от обета безбрачия, не могли не представляться недопустимой фривольностью.

Если вчитаться в то, как Кароль Войтыла описывает ощущения, пережитые им во время посвящения в духовный сан, то со всей очевидностью начинаешь понимать одну из труднопередаваемых особенностей его интеллекта: его склонность видеть мир как некую разворачивающуюся перед его взором поэму символического содержания, в которой все, что ни появляется,

имеет значение. В «Даре и Тайне» есть описание увиденного им значения позы священника (он лежит, распростершись) во время посвящения его в духовный сан:

«Я до сих пор помню, как лежал, распростертый, на полу во время пения «Veni, Creator spiritus» («Приди, Дух Создатель») и святой молитвы, — руки вытянуты, образуя крест, — и ожидал возложения на меня рук. Что я тогда пережил!.. И то, что вы лежите вот так, распростершись, перед священником, символизирует ваше полное подчинение воле Всевышнего и полную вашу открытость перед действием Святого Духа, который снисходит на вас и освящает».

Кафедральный собор на горе Вавель, где он служил на следующий день свою первую публичную мессу, изобилует символами, говорящими о католическом прошлом Польши, и Иоанн Павел много писал о своей «особой связи» с этим местом. «Я хорошо помню и часто мысленно возвращаюсь к каждому уголку этого храма, ко всем памятникам в нем, — вспоминал он уже в восьмидесятилетнем возрасте. — Когда идешь через главный неф и по боковым проходам, то видны саркофаги польских королей, а когда спускаешься в подземную часовню, где захоронены поэты, то находишь здесь могилы Мицкевича, Словацки и Норвида». Для первой мессы Войтылой была избрана подземная часовня Святого Леонарда, и в миг высочайшего эмоционального напряжения он был окружен как тенями польских поэтов, чьи произведения он ставил в театре во время немецкой оккупации, так и образами национальных героев, чьи подвиги легли в основу историй, рассказанных ему в Вадовице отцом.

Большая часть из когорты учеников подпольной семинарии военного времени не были посвящены в духовный сан до Вербного воскресенья 1947 года, но

для быстрого продвижения Кароля Войтылы у кардинала Сапегги имелись свои практические соображения. Митрополит увидел в нем будущего лидера и поверил, что его протекже в скором времени принесет пользу Риму. Он изо всех сил старался, чтобы Войтыла уже к осеннему семестру 1946 года перешел на следующий этап обучения.

Через неделю после посвящения в сан Кароль Войтыла проводил церемонию, которая стала своего рода прощанием с молодостью. Он впервые вел обряд крещения, и ребенком, которого он крестил, была дочь Галины Кроликевич, его музы времен увлечения театром. Если он и переживал тогда из-за того, что утрачен путь не только к самой Галине, но и к миру театра, который служил источником вдохновения для них обоих, то об этом не сохранилось никаких письменных свидетельств. Отец Кароль верил, что «став священником, он вступил в иной круг людей, стал одним из тех, кто находится в постоянном контакте с Богом, кто печется лишь о тех невидимых и бесценных сокровищах, которые относятся к сфере сверхъестественного и духовного, с ее необыкновенной таинственной силой, идущей через Святое Причастие».

Почти сразу же после этого он отправляется в Рим. Что может быть желаннее для молодого человека! «В величайшем волнении сел я на поезд», — писал он позднее. Так самый неутомимый путешественник по миру отправился в свое первое турне.

«Со мной был Станислав Старовойский, мой юный коллега, которого послали для завершения изучения курса богословия в Риме. Впервые я пересекал границы родной земли. Из окна движущегося поезда я видел города, знакомые мне только по учебникам географии. Впервые увидел я Прагу, Нюрнберг, Страсбург. В Париже мы остановились как гости Польской

семинарии на улице Ирландии. Мы пробыли там недолго из-за ограниченности во времени, и приехали в Рим в конце ноября».

Отцу Войтыле и его компаньону предоставили комнаты не в Польском колледже, который был переполнен, а в Бельгийском, на виа Квиринале. Комнаты оказались без удобств (душ появился в этом здании только к 1947 году), однако лучшее местоположение трудно себе представить. Виа Квиринале проходит вдоль *monica lunga* (длинного рукава) дворца Квиринале 16 века, ныне резиденции итальянского президента, а тогда там проживал Римский Папа. Место это находится у самых знаменательных памятников средневекового Рима — Пантеона и Плаца Навона, да и до самого Ватикана рукой подать. Если пересечь маленький парк за колледжем, то выйдешь к церкви Сант-Андреа аль Квиринале, шедевр эпохи барокко, созданному Джованни Лоренцо Бернини. Здесь находится могила Станислава Косты, покровителя Кароля Войтылы времен его участия в «Живительной молитве». Простое ли это совпадение или Провидение сыграло свою роль — неизвестно, но подобное соседство радовало Кароля, и он, отправляясь в университет «Ангеликум», каждое утро заходил в церковь.

Во время немецкой оккупации американцы осуществляли бомбардировки Рима, но ущерб его древней славе был нанесен относительно небольшой, и два юных поляка с восторгом осматривали все, что могли. Один из учителей, готовивших отца Войтылу в Кракове, говорил, что «гораздо важнее *изучать сам Рим*, чем учиться, ибо, в конце концов, получить докторскую степень можно и в любом другом месте». Молодой священник писал друзьям в Краков о том, что он

испытывал, «оказавшись в Риме»: «Это целая глава из книги, которую невозможно заменить несколькими предложениями. Описываемый предмет имеет столь много пластов, столь много сторон. Они постоянно ассоциируются с той или иной деталью, и процесс обогащения не прекращается, хотя я, к примеру, слишком далек от того, чтобы систематизировать свои впечатления».

Вспоминая этот период позднее, уже живя в городе в качестве Папы, он пришел к выводу, что, оказавшись здесь впервые, «я носил в себе образ Рима из истории, литературы и из всех традиций христианства. Пробродив по улицам города много дней... я не смог найти в себе тот образ Рима, который привез сюда с собой». Такие слова мог сказать именно житель Кракова. Ведь этот город лежит на самом краю «Римского» мира, едва ли не на той последней черте, где католический Запад встречается с православным Востоком, где латинский шрифт уступает место кириллице.

Достопримечательности Рима интересовали Войтылу прежде всего в плане духовном, нежели эстетическом. Он начал с катакомб, где первые римские христиане собирались на молитву и где они хоронили своих погибших братьев, поэтому описывает Рим как вечный город, как «Рим — колыбель христианства, Рим Апостолов, Рим Мучеников». Для него Рим — это «начало существования самой Церкви». И в то же время культурное многообразие, наследниками которого мы являемся, позволяет представить, какая из его граней привлекала Войтылу более всего. Характер города как столицы католицизма был тогда еще более очевиден, чем сейчас. В «Даре и Тайне» Иоанн Павел говорит о характерных красных рясах немецких семинаристов, с которыми он часто сталкивался во время своих ежедневных визитов в Сант-Андреа аль Кви-

ринале. Это происходило еще до того, как Второй Ватиканский Собор принял решение о том, что некоторые наиболее кричащие символы следует убрать. В Кракове Кароль Войтыла привык к тому, что Церковь в условиях преследований действовала секретно, а в Риме он увидел ее во всей полноте величия.

Покровительствуя будущему Иоанну Павлу II и проводя для него первый «мастер-класс» стиля поведения на папском троне, всю римскую жизнь отца Войтылы этого периода озаряла необычайно влиятельная фигура Евгенио Пацелли, Пия XII, который занимал трон в соборе Святого Петра в течение всей Второй мировой войны и еще много лет после ее окончания. Сейчас он представляется фигурой противоречивой из-за того, что в свое время не выступил открыто против холокоста. «Папа Гитлера» — под таким названием вышла пользовавшаяся успехом книга Джона Корнуэлла, которая, можно сказать, вынесла ему негласный приговор современности. Однако для многих римлян сороковых годов прошлого века он являлся и национальным героем, и духовным лидером. Всю немецкую оккупацию Папа Пий XII оставался в Ватикане. Не покинул он свой пост и во время бомбежек союзников, и даже обращался к Рузвельту с протестом против воздушных налетов. Он настаивал на том, чтобы было построено бомбоубежище для особенно редких книг, хранящихся в Ватикане, а сам от бомбоубежища отказывался. Когда американские самолеты избрали целью своего удара объект близ кафедрального собора Святого Иоанна Лютеранского, Папа Римский незамедлительно пошел навещать раненых. Пий XII был для Италии все равно что королева-мать для Англии. Во время войны он запретил центральное отопление в Ватикане в знак солидарности со всеми жителями Рима, а папская вилла в Кастель-Ган-

дольфо стала прибежищем для всех, кто подвергся политическим и религиозным преследованиям.

Летом 1946 года итальянцы проголосовали за отмену монархии, сделав Пия XII самой главной фигурой на своей земле. Он не расценил такую ситуацию как его возвеличивающую. Когда умер госсекретарь, он просто взял на себя его работу, одинаково умело управляя Ватиканом и как глава государства, и как глава правительства. На встречах с официальными представителями он почти никогда не спрашивал у них совета, а после изучения некоторых документов зачастую возвращал их обратно без объяснения причин своего недовольства. «Мне не нужны советчики, — говорил он многим из своих высших кардиналов. — Я хочу, чтобы люди делали то, что я говорю». У садовников была инструкция, согласно которой, как только Папа выходил в сады Ватикана или Кастель-Гандольфо, им следовало прятаться в кустах, дабы не нарушать его уединения. Бывшая под его началом ватиканская бюрократия могла бы подтвердить самые неблагоприятные слухи, распространяемые врагами католицизма. Британский посол д'Арси Осборн жаловался на то, что официальные представители Ватикана обычно излагают свои взгляды стилем «столь многословным и витиеватым, что понять значение их заявлений довольно трудно», и, описывая атмосферу, царящую в этом крошечном государстве, утверждал, что живут там, мягко говоря, «настолько вне времени... что расчеты делают на века, а планы строят на вечность».

Отец Войтыла встречался с Пием XII только раз — во время личной аудиенции Папы, организованной ректором Бельгийского колледжа для учащихся. Записей о том, что он сказал, не сохранилось; скорее всего, холодный и надменный Пацелли не стал уделять

много времени польским учащимся. Восьмидесятилетний Пий продолжал руководить Церковью, и результаты последних лет его деятельности эхом отозвались на финальной стадии понтификата Папы Иоанна Павла II. Как епископы в 90-е годы двадцатого века и в начале нового тысячелетия жаловались на то, что доступ к понтифику был только через польского секретаря, Станислава Дзивича, так и их предшественники шептались о влиятельной экономке Пия XII, немке, сестре Паскуалине. Известная как Дева Потенс, или Властная дева, а иногда Папесса (подобное прозвище не носило никакого намека на сексуальность; как отметил один из писателей, «мало кто заподозрил бы аскетичного и болезненного Папу в проявлении хоть какой-то сердечности»), она составляла его ежедневное расписание и, как поговаривали, давала ему советы даже в таких тонких церковных вопросах, как выбор кардиналов.

Кароль Войтыла и Станислав Старовецкий не ограничились осмотром одного лишь Рима. В списке отца Станислава значится пребывание в Неаполе, на Капри, в Субиако (колыбели Ордена бенедиктинцев), Венеции, Милане, Ассизи, Флоренции, Сиене и Монте-Кассино. В те времена величественные монастыри Кассино еще хранили шрамы, оставленные в 1944 году. Одним из 300 000 поляков из состава сражавшихся там союзных войск был друг детства Кароля Войтылы Иржи Клюгер. Ставший к тому времени офицером артиллерийских войск, он получил Польский крест «За доблесть» после участия в штурме, который позднее вспоминал как «беспреданную бомбежку, превратившую в груды развалин» то, что «тысячи лет являлось красотой».

Сразу после праздника Пасхи 1947 года благочестивые и энергичные молодые люди оправились в путешествие, которое произвело на будущего Папу особое

впечатление. Они посетили знаменитый монастырь, расположенный высоко в горах Сан-Джованни Ротондо, неподалеку от Фоджи, дома падре Пио. Франческо Форджионе (так звали того, кто после принятия имени падре Пио стал известен миллионам последователей) в то время было шестьдесят (он прожил больше восьмидесяти). После тридцати лет он вступил в Орден капуцинов. Говорят, что большую часть жизни у него появлялись стигматы — раны, возникавшие на руках, ногах и боку и соответствовавшие ранам на распятии. Первый зафиксированный случай появления стигматов отмечался у Франциска Ассизского; после сообщалось примерно о сотне подобных случаев, происшедших после его смерти в начале XIII века.

Падре Пио поклонялись уже в 1930-х, а зимой 1943–44 года Уильям Карриган, работник американского Красного Креста из 5 отделения военно-воздушных сил США, вместе с двумя солдатами поднялся по извилистым дорогам в его уединенную келью, чтобы посетить мессу.

«Мы стояли на коленях на холодном мраморном полу, сбоку, на расстоянии не более десяти футов от падре. Нам видно было каждое его движение. Казалось, началось с того, что он испытал сильнейшую боль; он начал раскачиваться из стороны в сторону, произнося слова как бы в нерешительности, которые он потом повторял с большим трудом, будто выталкивая из себя, сопровождая стуком зубов, не в силах преодолеть боль. Мускулы его щек подергивались, на щеках видны были слезы. Он протянул руку и отдернул ее, содрогаясь от боли, рана на ладони была мне видна отчетливо».

Во время утренней мессы он скрывал раны под перчатками без пальцев типа стрелковых. Тысячи людей тянулись на Сан-Джованни Ротондо, из уст в

уста передавались истории о необычайной силе падре. Говорили, что он являлся американским пилотам, которые совершали вылеты с целью бомбежки, в качестве «возвышающегося среди облаков призрака», отпугивавшего их от монастыря. «Были летчики, которые клятвенно заверяли, что видели в небе фигуру, иногда нормального роста, а иногда гигантских размеров, обычно монаха или священника», — писал Бернард Руффин, изначально — скептический министр-протестант, впоследствии ставший рьяным биографом падре Пио. «Несколько человек из Фоджи, где сотни были убиты во время воздушных налетов, рассказывали, как в комнату, в которой они прятались, попала бомба и упала около фотографии падре Пио. Они утверждали, что, когда она взорвалась, эффект был не сильнее, чем от лопнувшего мыльного пузыря». Мистер Руффин сообщает, что комната монаха-стигматика часто по утрам выглядела «как сцена после пьяной драки, и Пио говорил, что ночью сражался с демонами», которые раздевали его догола, «в самом ужасном виде... бросались на меня» и «жесточайше меня избивали». Говорили, что падре обладал даром биллокации (одновременного пребывания в двух разных местах). Однажды он появился в Ватикане, тогда как все знали, что он в это время живет в монастыре на юге Италии. Существуют записи, что после смерти он материализовался у алтаря, чтобы причастить женщину, молившуюся в монастырской часовне. Те, кто ему исповедовался, говорили, что он смотрел в самую душу и видел все их грехи еще до того, как они о них рассказывали.

Молодого священника, воспитывавшегося на рассказах о Черной Мадонне из Ченстоховы, казалось, грехи не тяготили. Он встал в очередь на исповедь к падре, и существует история (как я ни искал, ника-

кими надежными свидетельствами не подтвержденная), что монах предсказал его избрание на папство. В последующие годы Кароль Войтыла часто рассказывал своим друзьям в Кракове о том восхищении, которое вызвал у него падре Пио, и о том, как он написал ему в 1962 году, прося помощи для страдающей от рака женщины, и что ее последовавшее за этим выздоровление нельзя расценить иначе как чудо. Игнорируя недоверие богословов относительно сомнительных явлений падре во время военных операций, проводимых союзниками, Иоанн Павел канонизировал его в юбилейном 2000-м году. Не все церковные саванники были столь же убеждены в святости падре. Ватикан дважды отменял к нему визиты католиков (в 1926 и в 1931 годах), а при Папе Иоанне XXIII в конце 50-х его делом заинтересовались церковные судьи.

Тем летом запланирована была еще одна важная поездка. «Такова воля кардинала, — писал отец Войтыла друзьям. — Он хочет, чтобы в эти каникулы я посетил Францию, Бельгию и, возможно, Голландию и посмотрел, как там ведется пастырская работа». Что-то трогательно старомодное есть в этой привычке ссылаться на своего патрона кардинала Сапегу, что-то напоминающее манеру молодых художников и музыкантов восемнадцатого века; так мог бы сказать молодой Моцарт. Но есть во всем этом и штрихи, которые не вполне соответствуют подобной манере поведения и звучат, скорее, вызывающе. Вот что вспоминал отец Станислав об их пребывании в Париже:

«Для поездок по этому огромному городу мы часто пользовались метро. Оно по большей части переполнено, а поведение французов оставляет желать лучшего. Поездив так несколько дней, отец Кароль сказал мне: «Знаешь, во время таких поездок можно обращаться к своей внутренней жизни [к медитации]».

Должен сказать, что такое замечание друга по этому поводу меня очень удивило».

Грубоватые парижане в метро помогли будущему Папе взглянуть в глаза проблеме, над решением которой он будет биться всю свою жизнь. Это проблема отступления христианства с той земли, которая исторически всегда была его сердцем, — из центра Европы. «С самых разных сторон, — писал он, уже будучи Папой, — я шел к пониманию величайшей роли *Западной Европы*: Европы послевоенного периода, Европы величественных готических соборов, Европы, оказавшейся под угрозой нашествия антиклерикализма. Я увидел, как последний бросает вызов Церкви, и понял, что необходимо противостоять этой надвигающейся опасности». Материалом для первой статьи, написанной по возвращении в Польшу и положившей начало, как потом оказалось, его взлету как «католика-интеллектуала», послужило путешествие по Франции. В ней прозвучало предупреждение польскому духовенству об опасности привлекательных сторон материализма, и особенно идеологии левого толка, диалектической партнерши материализма, которая подрывала духовные основы католицизма во Франции.

Время, проведенное в Риме Каролем Войтылой в качестве аспиранта, явилось тем периодом, когда на его долю выпала возможность воспользоваться обширными связями, которые предоставляет Католическая церковь. Римская Католическая церковь поистине является организацией *над*национальной, она принципиально отличается от таких *меж*национальных структур, как ООН или Европейский Союз. Как по своей теологической направленности, так и по бюрократической структуре она способствует развитию

международных контактов. Молодому священнику или семинаристу, направленному в Рим, чрезвычайно повезло, ибо ему представляется уникальная возможность испытать, что такое всемирное братство. Такую возможность дает ему Церковь, или, если вы предпочитаете более циничный подход к вопросу, на его долю выпадает единственный в жизни шанс познать тот кровосмесительный масонский союз, который, как может показаться, заправляет всей организацией. Кароль Войтыла, молодой человек с четко определенными целями, использовал время в Бельгийском колледже, совершенствуя свой французский и немецкий, а также практиковался и в английском языке в небольшой группе американских семинаристов, которые размещались там же. Ректор колледжа, отец Максимилиан де Фюрстенберг, стал кардиналом будущего Папы в 1967 году, и по крайней мере трое из учителей Кароля также получили свои «красные шляпы» как выдающиеся деятели Церкви. Войтыла записал, что во время конклава 1978 года, на котором он был избран Папой, бывший ректор Бельгийского колледжа «подшел ко мне и произнес очень важные слова: “*Dominus adest et vocat te*” (“Пришел Господь и призывает тебя”)». Во время избрания Иоанна Павла не знало большинство людей, живущих вне Ватикана, но в его стенах, в его иерархической системе у него давно сложились дружеские отношения, которые длились десятилетиями.

Пребывание отца Кароля в Риме совпало с папской реформой, которая заложила основы выборной системы. Пий XII, хотя и сам являлся членом так называемой «черной знати», горстки аристократических семей, которые традиционно сохраняли за собой ведущие должности в Ватикане, был глубоко убежден, что находившиеся у власти церковные структуры долж-

ны соответствовать ее наднациональному характеру. На лекции, обращенной к кардиналам колледжа, в декабре 1945 года он сказал по этому поводу:

«Католическая церковь по самой своей сути стоит выше национализма... Когда наступают такие смутные времена, как сейчас, ради собственного блага и во благо всего человечества Церковь должна сделать все, что только возможно, чтобы упрочить свою неделимую целостность. Сейчас более чем когда-либо должна она отстаивать свои позиции — они выше всякого национализма. Именно такой дух должен царить среди незримо ее возглавляющих, в Священном колледже; им должны быть пронизаны все действия святейшего престола».

В следующем году Пий XII назначил тридцать два новых кардинала, в большинстве своем объявленных после одного заседания. В их состав вошел первый китайский кардинал и несколько прочих за пределами Европы. До того в Италии насчитывалось двадцать три «красные шляпы», в то время как на весь остальной мир приходилось пятнадцать. После папских реформ в Италии стало двадцать восемь кардиналов, а за пределами страны даже больше — сорок два. В сентябре 1948 года Пий XII сказал, что произошедшие изменения — одни из самых значительных со времен Римской империи, а тридцать лет спустя (почти в том же самом месяце) Кароль Войтыла, завершивший обучение в Риме, подтвердил, что Пий был абсолютно прав, ведь впервые за четыре с половиной века Папой стал не итальянец.

Разгоревшаяся в этот период в Риме политическая баталия, вероятно, затмила не столь важную по сравнению с ней тему восхождения Иоанна Павла, ставшего вначале епископом, а потом и Папой. Это была борьба

между христианством и коммунизмом. Окрепшее за годы немецкой оккупации итальянское движение сопротивления стало основой для усиления Коммунистической партии Италии — несомненно, самой сильной в Западной Европе. Папа Пий XII, считавший, что в коммунизме существует моральная угроза Церкви (позднее он заявит, что католики, которые становятся коммунистами, отлучаются от Церкви), увидел в происходивших в 1948 году в Италии выборах первую решающую схватку холодной войны. Он направил все влияние Церкви на то, чтобы перевесила чаша весов вновь сформированной Христианской Демократической партии, и дал инструкции своему уполномоченному госсекретарю Джованни Баттиста Монтини (будущему Папе Павлу VI) мобилизовать для поддержки все силы клерикальной католической верхушки. Деньги для антикоммунистической кампании поступали от правительства Соединенных Штатов. Машина работала: премьер-министром Италии стал католик Алсиде Гаспери. А в том, что битва была решающей, инстинкт не обманул Пия. В результате Италию отстояли, а значит, отстояли страну, которая находилась в самом центре либеральной Западной Европы.

В Польше события, конечно же, разворачивались по-другому. За год до этого к власти в Варшаве пришла коммунистическая партия. Многие американцы, британцы и поляки считали, что результаты выборов подтасованы. Восхождение Кароля Войтылы пришлось на время самой активной борьбы с коммунизмом. Когда весной 1948 года, в преддверии решающих выборов, разгоралась борьба за электорат, Кароль Войтыла ушел с головой в книги — приближались экзамены на получение докторской степени. «Поверьте, моя жизнь пролетает мимо, — писал он друзьям. — Я, честно говоря, и не заметил, как пролетели почти

полтора года. Учеба, наблюдения, раздумья — все это действует как шпоры на коня. И заполняет каждый день до отказа».

Темой докторской диссертации Кароля Войтылы стала загадка Святого Иоанна Креста, которая волновала его еще с того времени, когда он находился под влиянием Яна Тирановского. Работа была написана в русле современных традиционных направлений в католическом богословии. Поговаривали, что кардинал Сапега отправил его в университет «Ангеликум», а не в наиболее известный и перспективный Григорианский университет Рима по той причине, что он восхищался более консервативной атмосферой последнего. Руководителем отца Войтылы стал отец Реджинальд Гарригу-Лагранж, известный как Реджинальд Негсигаемый, специализацией которого было изучение работ Фомы Аквинского. Аквинский, являвшийся отцом Церкви в тринадцатом веке, возможно, более всего запомнился по дебатам на тему о том, сколько ангелов сможет протанцевать на одной булавочной головке. И хотя не существует никаких свидетельств, будто он и вправду развивал подобную тему, однако сам факт, что такая ассоциация при упоминании его имени прочно прижилась, говорит о весьма сложном для понимания характере его богословских рассуждений. Даже упрощенная интерпретация основ томизма¹, появившаяся в 40-е годы двадцатого века, звучит довольно *recherché*²: Рокко Буттиглионе, любивший поспорить политик, который давал письменное заключение относительно философских идей Кароля Войтылы, охарактеризовал направление неотомизма (как он его себе представлял) следующим образом:

¹ Томизм (Thomism) — учение Фомы Аквинского (Thomas Aquinas).

² *Recherché* (фр.) — научно.

«В Католическом университете города Лувена в Бельгии, например, сделана попытка увязать томизм с современными идеями (и в частности, с Кантом). Во Франции Маритен и Гилсон дали томизму экзистенциальную направленность, опираясь на имеющие большое значение принципы томизма относительно различия между сущностью и существованием и признания достоверности эйдетической интуиции в интерпретации абстрактного».

Реджинальд Несгибаемый не имел ни малейшего отношения к этой опасной революционной чепухе (что бы она ни означала), и, похоже, его юный подопечный — тоже. «Можно отметить, что Войтыла в своих работах занимает правильную позицию по отношению к любителям интеллектуальных диспутов, которые затеваются в католицизме, — пишет Буттиглионе. — Он ограничивается ссылками и предложениями, не выходя за рамки собственных исследований».

Серьезная работа Кароля Войтылы над диссертацией принесла ему высокую оценку «*Magna cum laude*». Результат очень впечатляющий, но, возможно, не тот, на который он надеялся: «*Summa cum laude*» еще более высокая оценка. На данной ступени своей карьеры он мог очень удачно устроиться в Ватикане, но вместо этого, без малейших колебаний, выбрал возвращение на свою беспокойную родину. Таким образом, от блеска и славы Рима он направился в деревенский приход в окрестностях Кракова.

Совсем как какой-нибудь английский денди восемнадцатого века, вернувшийся из своего гранд-тура с исключительными европейскими манерами, отец Войтыла, в церковном варианте, обрел элегантность в расцвете духовности. Особенно большое впечатление на него произвело то, что он узнал, совершая палом-

ничество в дом святого Иоанна Мария Вианни (известного более как кюре д'Арс), скромного священника девятнадцатого века, имя которого было у всех на устах просто из-за его исключительной духовности и использования собственного опыта на благо жителей деревни Неговиче, где он проживал.

«Из Кракова в Гдов я ехал автобусом, а оттуда местный житель подвез меня на своей телеге до деревни Маржовице и показал, как можно добраться до места коротким путем. Оттуда мне уже видна была церковь в Неговиче. Было время сбора урожая. Я шел по полям, уже наполовину скошенным, а наполовину с раскачиваемыми ветром колосьями. Оказавшись на территории прихода в Неговиче, я встал на колени и поцеловал землю. Этому я научился от святого Иоанна Мария Вианни».

Образ молодого священника, застывшего в восторге перед красотой, сотворенной Создателем, и охватившее его волнение при виде земли, на которой стоял первый его приход, подкупает своей искренностью. В этом жесте — порыв души.

4 СВЯЩЕННИК, ФИЛОСОФ, ЕПИСКОП

Во вступлении к книге «Любовь и ответственность», посвященной сексу и браку, Кароль Войтыла писал: «Это — не описание и не доктрина. Она [книга], скорее, обязана своим появлением непрерывающемуся противостоянию теории и жизни (в чем и состоит работа духовного наставника)». «Любовь и ответственность» была его первой книгой, и прочитавшие ее после выхода в свет католики поразились той откровенности, с которой она написана. Вообще-то в то время католические священники не издавали трудов, в которых бы давалось описание женского оргазма. Позиция католического учения в отношении секса была четко определена в 1950 году Пием XII. В заявлении группе молодоженов он говорит:

«К сожалению, мир захлестнула волна принципов, в основе которых — удовольствие, и волна эта единым махом угрожает смыть тот образ мысли, действий и желаний, которые диктует нам супружеская жизнь. И здесь мы должны сказать «нет». Важность и святость христианского морального закона не допускает

необузданного удовлетворения сексуальных инстинктов, что дает лишь удовольствие и наслаждение. Моральные нормы христианства не допускают, чтобы здравомыслящий человек позволял себе дойти до этого, ни при каких обстоятельствах».

В «Любви и ответственности» звучит искренний и чистый голос священника, который обсуждает непосредственно с прихожанами вопросы их личной жизни. Молодой прелат пишет:

«Хотя проще всего начертить рамки правил для католиков в сфере «сексуальной» морали, с каждым шагом чувствуешь необходимость вновь и вновь обосновывать эти правила. Ибо правила на практике чаще, нежели в теории, наталкиваются на большие трудности, и духовный настоятель, который более других осведомлен о делах практических, должен искать путь для их подтверждения. И задача его состоит не в том, чтобы командовать или запрещать, а в том, чтобы разбираться, разъяснять».

Эта запись свидетельствует о том, что на данном жизненном этапе Кароль Войтыла относился к диалогу с верующими своего прихода очень серьезно и выполнял свои обязанности даже при самых неблагоприятных обстоятельствах. Расхождения между «доктриной» и «жизнью», между спущенной сверху теологией, которую он изучал как ученый-католик, и практическим опытом жизни католика в миру составляли основную тему его работы.

Попутешествовавшему по миру интеллектуала, только что вернувшегося из Рима, жизнь в сельском приходе вдали от Кракова в сороковые годы могла привести в состояние шока. Маленькая деревушка Неговиче, казалось, находилась на краю света. В доме священника не было ни электричества, ни водопровода,

и когда Мичеслав Малински приехал навестить друга, он увидел «окруженную липами старую церковь... колодец, огород и фруктовый сад, хлев и курятник». Лошадь с телегой являлись главным видом транспорта, с помощью которого можно было добраться до отдаленных деревень прихода. Кароль Войтыла преподавал в четырех деревенских школах и, трясясь в телеге во время переездов по ухабистой дороге из одной в другую, обычно читал книги. Он жаловался Мичеславу, тоже ставшему священником, на сложности, которые ему приходилось преодолевать, посещая прихожан в зимние месяцы.

«Снег налипал на края рясы и, когда я заходил в помещение, таял. На воздухе ряса замерзает, становится жесткой и тяжелой и очень мешает при ходьбе. К вечеру начинает казаться, что ты не можешь больше сделать ни шагу, но не идти тоже нельзя, потому что ты знаешь, что люди ждут твоего прихода целый год. И ты входишь и говоришь: «Да будет благословен Иисус Христос», здороваешься со всей семьей и молишься вместе с ними, а потом окропляешь дом святой водой и конюшни окропляешь, чтобы скот приумножился в предстоящем году. А потом опять возвращаешься в дом, и тут нельзя не посидеть и не поговорить с каждым хотя бы понемногу».

Нельзя сказать, что это была привычная для Войтылы обстановка. И, несмотря на это, он, по всей видимости, выполнял свои обязанности более чем добросовестно: за восемь месяцев, проведенных в Неговиче, обвенчал тринадцать пар и окрестил сорок восемь детей. Особенно внимателен отец Кароль был на исповедях. После его прибытия в Неговиче, в августе 1948 года, в приходе проходили ежегодные торжества по поводу чествования святого. Планировалось, что

вновь прибывший произнесет за обедом речь и расскажет об опыте, приобретенном им во Франции и Бельгии. Однако Войтыла, вызвав всеобщее возмущение священников, опоздал на трапезу, так как задержался в исповедалне с кающимися.

Избавление от заледеневшей рясы, благословений домашнего скота и бесед с крестьянами явилось на удивление быстро. Весной 1949 года его отозвали в Краков для работы в церкви Святого Флориана, расположенной прямо за стенами Старого Города. Прихожане этой церкви являлись людьми преуспевающими и интеллектуально разносторонними: это любимый приход как студентов, так и профессоров Ягеллонского университета. Отец Кароль оказался здесь в своей стихии, и его талант работать с невероятным усердием — шестнадцати- и восемнадцатичасовые рабочие дни были для него делом привычным — стал приносить плоды. Он начал посещать университетские гостиницы и общежития, «устанавливать контакты и развивать дело», как заметил биограф Папы, Джордж Вейгель. Таким образом, вскоре сложилась программа мероприятий, которые быстро сделали церковь Святого Флориана одним из наиболее популярных приходов в городе. Сформировался хор, который пел грегорианские песнопения, регулярно по четвергам проводились конференции по теологии, осуществлялись поездки в близлежащие монастыри. Во время Великого поста отец Кароль, воспользовавшись опытом работы в театре, помогал студентам в постановке средневековых пьес-мистерий, а его воскресные проповеди привлекали на скамьи церкви все новых и новых верующих. Большую часть своего времени и сил он так же, как и в Неговиче, отдавал исповедям. Если вы исповедуетесь отцу Каролю, то можете быть уверены, что брошенным второпях прощением дело не обой-

дется. Говорили, что он был «требовательным исповедником, и мог продержаться кающегося в исповедальной кабине и больше часа». В результате подобных духовных марафонов за ним сохранилась репутация вечно опаздывающего человека. Племянница кардинала Сапегги, попросившая Кароля Войтылу обучать ее дочь катехизису, позднее вспоминала, что он «никогда» не приходил на уроки вовремя, и получалось, что у маленькой девочки домашний урок, назначенный на восемь часов вечера, начинался только в десять тридцать. «Календариум» дает нам точный критерий, помогающий судить об эффективности методов нового священнослужителя: количество министрантов¹ в церкви Святого Флориана возросло с десяти в 1946 году до ста в 1952 году.

В то время как Кароль Войтыла столь усердно работал о росте количества своих прихожан, Иосиф Сталин ужесточал контроль над тем самым миром, в котором трудился будущий Папа. О своих планах в отношении Польши советский лидер дал ясно понять еще во время Варшавского восстания 1944 года, в эти шестьдесят три дня героического сопротивления Польской армии, жестоко подавленного нацистами. Правительства Британии и Америки неоднократно призывали русских помочь Польше, однако Сталин уклонялся от каких-либо действий, назвав героические действия поляков «бессмысленной авантюрой, которая привела к бесполезным жертвам». Когда его просили хотя бы предоставить свои аэродромы для того, чтобы сбросить полякам оружие, он тянул до тех пор, пока не становилось слишком поздно. Ко времени Варшавского восстания Советы уже практически сформировали марионеточное правительство Польши,

¹ Министрант — мальчик, прислуживающий в церкви.

что Черчилль прокомментировал следующим образом: «Русские хотели, чтобы некоммунистическая Польша была полностью разгромлена, и при этом они хотели, чтобы все думали, будто именно они и спасли Польшу». Для страны готовилась роль государства-сателлита, с помощью которого можно держать под контролем Восточную и Центральную Европу.

Чтобы окончательно закрепить контроль над послевоенной Польшей, в 1947 году коммунисты провели в стране выборы. Кароль Войтыла в это время учился в Риме. Вот что рассказывает об этом историк Норманн Дэвис.

«Выборы не являлись ни «свободными», ни «добровольными». Список кандидатов был предварительно утвержден правительством. Два миллиона избирателей оказались вычеркнуты из списков избирательными комитетами, находившимися под контролем правительства. Рабочие проследовали на избирательные участки под контролем, и им было сказано, что они должны проголосовать за правительство, если не хотят осложнений на работе. Правила тайного голосования не соблюдались. Результат получился именно такой, которого добивались».

80 процентов голосов избирателей получил Демократический блок, в котором лидировали коммунисты. И вот в 1949 году, к тому времени как Кароль Войтыла стал приходским священником в церкви Святого Флориана, Сталин окончательно выполнил поставленную задачу, создав в Варшаве новое коммунистическое правительство, готовое действовать по указке Москвы. Любое проявление независимости Владислава Гомулки осуждалось, а сам он осенью 1948 года был смещен с поста генерального секретаря Польской рабочей партии. На его место поставили Болеслава Бе-

рута (который являлся и президентом Польши), верного курсу Сталина.

Для Польши настал новый этап унижений и горя, которому суждено продлиться вплоть до политического кризиса 1956 года. Георг Блажинский, один из биографов Иоанна Павла, описывает Польшу этого периода как «часть земли, где на рассвете со страхом ждали стука в дверь, где сосед мог оказаться секретным агентом полиции и где Великим Учителем был не Христос и не Будда, а одержимый манией величия сын грузинского сапожника, из-за которого погибли миллионы людей». Любой, высказавший собственные идеи, где содержалось несогласие с политикой коммунистического контроля или с «дружбой» Польши с Советским Союзом, сталкивался с гневным общественным осуждением или с более грубой силой. Бывший офицер Польской армии так вспоминает о времени, проведенном им в руках секретной полиции:

«Возможно, самым мучительным был так называемый «зимний вид спорта». Человека целый день допрашивали, а потом ночью запирали в абсолютно пустом подвале с выставленным окном. А так как это происходило зимой, то в подвале был такой же мороз, как и на улице. Человека заставляли стоять раздетым перед окном, и так он должен был простоять всю ночь, потому что за любое движение ему грозило еще наказание».

Сталинские меры не были столь беспорядочными и зверскими, как нацистские, но и они преследовали ту же цель — вытравить из жизни Польши все национальные черты. «Преследуемый наступающей на пятки секретной полицией, — писал журналист и историк Нил Ачерсон, — весь польский народ вынужден

был сломя голову ринуться на штурм новых бастионов — на создание просоветского государства на Висле. Искоренялось всякое инакомыслие, а тоталитарная партийная диктатура приступила к разрушению всех структур польского общества и к перестройке их по советскому образцу». И конечно же, под особым наблюдением оказалась Католическая церковь.

Во время нацистской оккупации Церковь притеснялась чужеземцами, теперь же, впервые в истории страны, в борьбу с Польской Католической церковью вступило правительство самой Польши. Вновь начались аресты священников и епископов, собственность церковей конфисковывалась, в контролируемой правительством прессе развернулась антикатолическая пропаганда. В январе 1950 года газеты без каких-либо на то оснований стали писать, что вещи, пожертвованные международной благотворительной организацией «Каритас», продаются на черном рынке и что священники на этом наживаются. Распускали «ужасные истории о том, что пьяные монахи и монахини в детских домах принуждают лишенных полноценного питания и медицинского обслуживания детей к сексуальным контактам».

Однако эффективнее действовало против Церкви более коварное оружие. Пользуясь принципом «разделяй и властвуй», была основана действующая заодно с правительством организация «Пакс», которая номинально являлась католической, но фактически работала на подрыв авторитета теократии. Руководил ею Болеслав Пясецкий, отличившийся в довоенные годы как лидер одного из фашистских движений в Польше под названием «Фаланга». Пясецкому удавалось привлекать на свою сторону достаточно католиков, чтобы представлять для церковной иерархии реальную угрозу.

В этот период во главе Католической церкви стояла еще одна величественная фигура, сыгравшая решающую роль в истории страны. Стефан Вышинский был из тех польских священников, кто работал в варшавском подполье в военные годы. Бойцы дали ему трогательную подпольную кличку Сестра Цецилия. В прошлом ученый, он в годы холодной войны характеризовался в отчетах ЦРУ как «просвещенный и либеральный мыслитель... часто причисляемый к радикалам». В октябре 1948 года после смерти кардинала Хлонда Вышинский стал примасом Польши, и в последующие три десятилетия оказывал большое влияние на жизнь Кароля Войтылы. Американец, встречавшийся с польским примасом в 1950 году, описывает его так:

«Правильные черты лица его были тонкими, глаза голубые и живые, а пальцы его рук были настолько длинные, что мне казалось, что я никогда раньше ни у кого не видел таких длинных пальцев. В его лице чувствовалась сила и в то же время необычное спокойствие. И спокойствие его было таким, к которому приводят годы внутренних размышлений и которое поэтому никакие элементы извне не в состоянии нарушить. Этот человек уже не ведет борьбы с самим собой, подумал я, ибо он уже давно выиграл эту борьбу. Он ясно видит свой путь, и он знает, что Бог с ним».

Такое же ощущение спокойствия и силы встречается и в воспоминаниях об Иоанне Павле II. Отношения между двумя титанами Польской церкви, Вышинским и Войтылой, завершились на пронзительно трогательной ноте в 1981 году. Папа Иоанн Павел, лежа на больничной кровати в Риме и поправляясь после покушения на его жизнь, позвонил умирающему кардиналу в больницу в Варшаву, чтобы попрощаться.

В случае необходимости Вышинский всегда был готов противостоять властям. Он запрещал священникам посещать собрания, на которых очернялась Католическая церковь, — это стало своего рода противостоянием «Паксу», в который вступили некоторые священники. В феврале 1950 года Вышинский заявил в письме-послании: «Епархия многое сделала и намерена сделать еще больше для поддержания мира... Однако существуют границы, через которые мы, епископы, не можем переходить, если хотим остаться верными заповедям Бога». Но инстинкт подсказывал ему, что нужно использовать любую возможность и искать мирные пути решения споров с властью. В этом же году, немного позднее, он подписал договор с польским правительством, согласно которому Церковь должна была действовать в согласии с *«интересами государства»*, которыми руководствовалось правительство Польши. Правительство, в свою очередь, признало главенство Папы «в вопросах веры, моральных устоев и церковной юрисдикции». «Я хочу, чтобы мои священники остались у алтарей, у кафедр проповедника, в исповедальнях, а не в тюрьмах», — говорил Вышинский.

Не все представители церковной иерархии разделяли его позицию. Наставник Кароля Войтылы кардинал Сапега, теперь уже старый человек, находился в Риме, когда был заключен договор с польским правительством. Действительно, могло показаться, что кардинал Вышинский, который был моложе его, но при этом занимал более высокое положение, намеренно дождался его отъезда из страны, чтобы сделать этот шаг. Ярый антикоммунист, Сапега, узнав об этом, не мог сдержать гнева. Взгляды его разделял Пий XII, который чуть ранее объявил коммунистов врагами Церкви в Центральной и Восточной Европе. Сапега вернулся в страну с письмом Папы, в котором содер-

жалась жестокая критика церковной иерархии Польши за ее «капитуляцию перед государством». Однако Вышинский доказал, что он не столь мягок, как могло показаться. Три года спустя коммунисты сделали попытку пересмотреть договор, настаивая на предоставлении государству права назначать и отзывать всех священников и епископов. Кардинал Вышинский выступил с ответной проповедью, в которой заявил: «Мы учим, что кесарю нужно отдать кесарево, а Богу Богово. Но если кесарь восходит на алтарь, наш ответ краток: этого быть не должно». Вскоре его арестовали и заключили в монастырь.

В период напряженно развивающихся политических событий и интриг в высших кругах духовенства Кароль Войтыла сосредоточил свои силы на практических нуждах своих прихожан, а позднее, когда стал преподавать в университете, — на обучении студентов, в то время как ум его был сконцентрирован на важнейших проблемах человеческого бытия. В этом можно усмотреть зеркальное отражение того же способа, которым он, следуя своему призванию, отгораживался от ужасов и зверств нацистской оккупации. Таким же образом, уйдя с головой в книги Фомы Аквинского и Иоанна Креста, Кароль Войтыла пропустил в Италии важные выборы 1948 года. Одной из наиболее поразительных черт человека, который стал самым политизированным Римским Папой, было то, что он, по видимому, не читал газет, а в молодости не питал интереса к изменениям, происходившим в политической жизни. В пятидесятые годы он много времени уделял двум увлечениям, которые остались у него надолго, — это философия и длительные походы.

В начале 1953 года, когда разгоралось противоборство между кардиналом Вышинским и польским правительством, отец Кароль заинтересовался лыжными

походами, и приглашение провести несколько дней на курорте в Татрах его чрезвычайно обрадовало. Научные сотрудники университета, которые знали его по работе со студентами, снабдили Кароля лыжами, приспособив крепления к его «простым черным ботинкам — из тех, что носят священники». Оказалось, что он умело управляет с лыжами, и такие походы стали неотъемлемой частью его жизни зимой. Однако отец Кароль настаивал на ежедневной мессе. Для этого он либо останавливался в какой-нибудь деревенской церквушке по пути следования, либо проводил церковный обряд прямо на открытом воздухе. «У Войтылы, одетого в обычный лыжный костюм, в рюкзаке была ряса, которую он надевал во время службы. У него имелся складной потир. Иногда Войтыла служил мессу в доме крестьянина, иногда просто в сарае, где с приятелями возводил алтарь из соломы, а иногда и на склоне горы, с рюкзаком. Деревья заменяли ему алтарь».

Нетрудно представить себе эти романтические и глубокие тайные мессы, похожие на те, что проводил в горах Мексики бежавший от властей священник в романе Грэма Грима «Сила и слава». Трудно переоценить значение, которое имело в тот период причастие для католиков, живших во время политических гонений на Церковь. Привычка Кароля Войтылы сочетать религию с походами являлась делом рискованным. «За эту мессу в лесу, — заметил как-то приятель Кароля, — можно и в тюрьму отправиться». Для священника вообще считалось удивительным ходить в походы с молодежью, однако будущий Папа приспособил для своих пасторских целей и иные сферы деятельности: к лыжным прогулкам прибавились пешие и байдарочные походы, которые он совершал летом с группами студентов, проводя вечера в беседах о выборе

жизненного пути и о моральных проблемах, с которыми им приходится сталкиваться.

За этот период христианство отца Войтылы «обретало спортивную форму»; в 1954 году, после завершения серии походов по равнинной местности — «общее пройденное расстояние которых составило 166 километров», — он был награжден бронзовой медалью за успехи в туризме (категория D). Летом того же года состоялся двухнедельный поход на байдарках по каналам и озерам северной Польши, почти до границ Литвы, являвшейся тогда частью Советского Союза. Группа состояла из десяти человек.

Вот что вспоминали об этом походе юные приятели священника: «Ежедневная месса. Отец Войтыла с удовольствием поет церковные гимны. Диспуты у костра. В походе он напевает обычные песни. Разговоры с каждым, очень интимные, вдали от всех. Установившиеся во время таких походов стиль и форма сохранились на многие годы».

Некоторые становились постоянными участниками подобных походов, пока Кароля Войтылу не избрали Папой. Пожалуй, в той динамике взаимоотношений, которые удалось установить, было нечто особенное. К ним иногда присоединялся отец Малински. «Юные друзья Кароля называли его *Wujek* [дядя]», — писал он.

«Во всем не наблюдалось ни тени формализма, атмосфера была дружеская... При всей искренности и простоте поведения молодых людей, они по-настоящему уважали своего «дядюшку», даже когда они смеялись над его попытками ездить на велосипеде, ибо если он предавался раздумьям или «отключался», то вполне мог въехать в дерево».

«Интимные» разговоры во время таких походов, по-видимому, и стали тем материалом, который по-

служил основой для создания «Любви и ответственности», книги об этике взаимоотношения полов, то есть о той сфере, где должны давать совет священники, ибо «в своей ежедневной работе они сталкиваются с этими проблемами настолько часто, да еще при таком разнообразии обстоятельств и ситуаций, что опыт их чрезвычайно разносторонен».

Еще на начальном этапе деятельности отца Войтылу интересовали моральные проблемы, возникавшие при сексуальных отношениях и женитьбе. В 1950 году он организовал курс лекций в церкви Святого Флориана для подготовки молодых пар к семейной жизни. Довольно откровенно говорил он на те темы, при обсуждении которых многие священники его поколения испытывали неловкость. «Сексуальное желание — это Божий дар», — говорил он группе студентов в 1954 году.

«Мужчина может устремить все свои помыслы к Богу, приняв обет безбрачия. Он может обратить свои помыслы к другому человеку, не забывая при этом, что перед ним другой человек. И это не должно быть случайностью. Рядом с тобой оказывается человек, которого ты не должен обижать, которого ты должен любить... Любовь — это не фантазия. Если в ней присутствует сексуальное желание, которое связывает людей, то это гарантирует ее продолжительность и появление в этой жизни нового человека. Если мы будем относиться к сексуальному влечению в любви с должным уважением, то мы не будем попираť любовь, не допустим ее крушения».

В основе подобного положения нет ничего особенно революционного, как нет ничего революционного и в разговоре о том, что положено и что не положено католикам делать в постели. Кароль Войтыла в этом

абсолютно традиционен. Но он говорит иным языком, и именно это, возможно, свидетельствует о том, что Церковь должна пересмотреть сам стиль разговоров о сексе. Долгие часы, проведенные на исповедях и у костра, не пропали даром: Кароль Войтыла уже тогда предвидел надвигающуюся сексуальную революцию шестидесятых. К тому же он работал в окружении, сформировавшимся под влиянием агрессивно действовавшего правительства. В пятидесятые годы в Польше были приняты исключительно либеральные законы в отношении аборт, что подталкивало молодых людей, направлявшихся в финансируемые государством летние походы, к сексуальным контактам, являвшимся открытым вызовом Церкви с ее моральными устоями. Во время летних путешествий Кароль Войтыла раздавал участникам отдельные главы своей книги «Любовь и ответственность», их читали и обсуждали на семинарах.

Книга отца Кароля не из тех, к которым обращаются, чтобы отдохнуть после дня гребли на байдарке или трудного перехода, и серьезно настроенным молодым людям, вынужденным, преодолевая себя, погружаться в ее образность, нельзя не посочувствовать. Она избилует философскими терминами и утяжеляется красивыми оборотами, многие из которых даются на латинском языке. «Однако есть существенное различие между любовью, нашедшей выражение в желании (*amor concupiscentia*), и самим желанием (*concupiscentia*), особенно чувственным желанием. Желание предполагает осознание неизбежности потери. Неприятное ощущение, которое можно устранить с помощью исключительно доброго...» и так далее. Стиль свидетельствует о том факте, что Кароль Войтыла все больше и больше времени уделял философии. Осенью 1953 года ему предоставили годичный

отпуск для написания диссертации. Несмотря на это, он не прерывал связи с прихожанами до тех пор, пока в 1958 году не был посвящен в епископы. В 1954 году Войтыла стал преподавателем на философском факультете Католического университета в Люблине.

Творческие изыскания Кароля Войтылы в этот период направлены на феноменологию — область философии, в широком смысле определяемую как «описательная философия опыта». Получивший признание отец этой школы Эдмунд Гуссерль выразил ее суть в одной фразе: «назад к вещам в себе», а американский профессор-католик Майкл Новак назвал это стремлением «вернуться к философии повседневных вещей, к подлинной целостности, к тому основному жизненному ощущению, которое нам дано». Выбор Кароля Войтылы в освещении этого вопроса пал на труды ученика Гуссерля, Макса Шелера.

Материал был не из веселых. Отец Мичеслав Малински, навестив как-то вечером своего старого друга, застал его сражавшимся с текстами Шелера. «Ты только посмотри, с чем мне нужно справиться, — пожаловался Кароль. — Разбираюсь с трудом. Я не силен в немецком, а здесь так много технических терминов, не представляю, как их переводить. Знаешь, что я делаю? Я начал переводить всю книгу, другого выхода нет».

Название диссертации будущего Папы — «Оценка возможности создания христианской этики на основании системы Макса Шелера» — скорее всего отпугнет тех, кто не увлекается философией. На самом же деле это была попытка решить проблему (причем, решить ее на высоком интеллектуальном уровне) все того же «противостояния между доктриной и жизнью», о котором он упоминал еще во вступлении к «Любви и ответственности». Джордж Вейгель счита-

ет изучение Каролом Войтылой Шелера «первой его продолжительной попыткой связать реалистическую *объективность*, насаждавшуюся философии, которую он изучал в семинарии и «Ангеликуме», с ощущениями человека и *субъективностью*, которые ставила во главу угла современная философия». Будущий Папа пришел к твердому убеждению, что учение Макса Шелера нельзя положить в основу христианской этики, хотя то, что он пытался это сделать, говорит о многом. К тому же Шелер был повесой. Родившийся в еврейской семье протестантов, он в возрасте четырнадцати лет обратился к католицизму; однако, став студентом, настолько увлекся сексом и алкоголем, что его исключили из Мюнхенского университета за аморальность. Первую мировую войну он провел за составлением научных трудов для кайзера, позднее вспомнил о католицизме, трижды женился. Подобный «послужной список» не произвел хорошего впечатления на будущего Папу Иоанна Павла II.

Осень 1956 года была успешной и продуктивной в научном плане. Кароль Войтыла начал серию лекций по пропедевтике теологии и по экономической этике на семинаре в Кракове. В то же время в Люблинском университете он вел курс «Мораль в богословии» и свой любимый предмет — этику супружеских отношений. В конце ноября Войтыла назначен доцентом. Ректор университета охарактеризовал его как «одного из самых талантливых лекторов на факультете теологии» и похвалил его «хорошую подготовку, широту научных интересов, моральные качества и лояльность по отношению к властям». 1 декабря назначение было подтверждено, что обеспечивало ему полную занятость в числе преподавателей университета.

Читая в «Календарии» отчет о столь гладкой траектории восхождения и включения в научную жизнь,

невозможно найти никаких деталей, указывающих на тот факт, что Польша тогда переживала период жесткой политической конфронтации. После смерти Сталина в 1953 году в Восточной Европе отмечались всплески антисоветских настроений. В Польше поначалу все оставалось спокойно, однако в течение последующих трех лет политическая атмосфера стала постепенно накаляться. В 1954 году дезертировавший полковник секретной спецслужбы рассказал журналистам на радио «Свободная Европа», как его пытали и шантажировали, как Советы вмешиваются во внутренние дела Польши. На следующий год в Варшаве проводился Всемирный день молодежи. В польскую столицу съехались тысячи молодых людей со всего мира, которые рассказывали о свободной жизни. Интеллигенция стала выходить за пределы, дозволенные цензурой, необходимость перемен почувствовалась даже внутри самой Коммунистической партии.

Искрой оказалась знаменитая речь, произнесенная Никитой Хрущевым на двадцатом съезде Коммунистической партии в феврале 1956 года, в которой он осудил преступления Сталина. Так называемая «секретная речь» оказалась не такой уж секретной для Варшавы, где настроенные на реформы коммунисты радостно распространяли текст выступления среди западных журналистов, что накалило и без того кризисную ситуацию, продолжавшую сохраняться до конца года. Ободренные ветром перемен, рабочие локомотивного завода в Познани устроили в июне забастовку протеста в связи с тяжелыми условиями труда. 28 числа этого же месяца марш протеста превратился в политическую демонстрацию с более широкими требованиями. Рядом с лозунгами «Хлеба и свободы!» соседствовали надписи «Русские, отправляйтесь домой». 100 000 человек вышло на улицы. Коммунистическая власть отреа-

гировала — с предсказуемой жестокостью — расстрелом толпы. Британский бизнесмен, оказавшийся в это время в городе на торговой ярмарке, рассказывает о том моменте, когда дело приняло опасный оборот. Он ехал мимо «весело настроенных» демонстрантов, которые радовались и хлопали в ладоши, увидев развевающийся на его машине британский флаг. Но «через несколько минут полиция открыла огонь, и настроение изменилось. Когда пронесся слух, что среди застреленных оказался ребенок, демонстранты в ярости устремились к месту расположения секретных служб. Схватки разгорались то здесь, то там, и вскоре разразилась жестокая битва». Прежде чем удалось восстановить порядок, за два дня боев были убиты десятки людей, в их числе оказались и несколько представителей Коммунистической партии, которые имели несчастье быть схваченными по другую сторону баррикад.

Ситуация достигла апогея в октябре. В то время как Кароль Войтыла возглавлял группу велосипедистов, следовавших в Ченстохову, представлял тезисы работы на тему «Основы для усовершенствования этики» и строил планы на следующий учебный год, Коммунистическая партия Польши переживала период внутрипартийной борьбы между сталинистским и реформаторским крыльями. Реформаторы победили, и Владислав Гомулка, получивший отставку восемь лет назад из-за своего стремления сохранить независимость от Москвы, был избран Генеральным секретарем. Никита Хрущев немедленно вылетел в Варшаву, чтобы выразить протест против столь открытого акта неповиновения, а находившиеся в Польше советские войска были стянуты к Варшаве, чтобы вмешаться в случае необходимости. В последовавшие за этим двадцать четыре напряженных часа угроза новой польско-советской войны представлялась вполне реальной. Хрущев

«в апоплексическом состоянии нескрываемого гнева» и Гомулка сидели за столом напротив друг друга до глубокой ночи, пока советский лидер в конце концов не отступил, очевидно, поддавшись заверениям Гомулки, что, как бы там они в Кремле о нем плохо ни думали, он был и останется убежденным коммунистом. Хрущев уехал домой, а советские танки вернулись на свои исходные позиции.

Хрущев пришел к согласию с Гомулкой в воскресенье 20 октября в 2.00 ночи. В следующую среду новый руководитель Польши отправил кабинет министров и одного из своих ближайших советников в отдаленный монастырь в Карпатах, в тот самый, где кардинал Вышинский провел последние три года, в течение которых его держали под домашним арестом (он коротал время, изучая труды Маркса и Ленина, исходя из принципа, что необходимо знать своих врагов). Вышинскому же была предоставлена неограниченная свобода, и пару дней спустя он вернулся в свою главную резиденцию в Варшаве. Это свидетельствовало о том, что Церковь, несмотря на сталинские репрессии, сохранила свое место в жизни народа, а совершенная Гомулкой перестановка это наглядно показала.

Обстановка в Польше все еще оставалась напряженной, и вероятность вооруженного столкновения с советскими войсками по-прежнему была велика. Через несколько дней после достигнутого между Хрущевым и Гомулкой соглашения началась советская военная операция по подавлению вспыхнувшего восстания в Венгрии, которая оказалась своевременным напоминанием о том, к чему могут привести широкомасштабные действия против Москвы. Голос Церкви мог сыграть здесь решающую роль.

В первое воскресенье ноября кардинал Вышинский отдал должное новому руководителю Польши. Местом

для своей первой после освобождения проповеди он избрал церковь, в которой должен был молиться три года назад, в тот день, когда его арестовали. Тогда над дверью церкви Священного Распятия в Варшаве появилась надпись, гласившая: «Кардинал сегодня не будет читать проповедь». Это дало Вышинскому возможность начать свою речь по-театральному цветисто. «На пути к вам я немного задержался, — произнес он с кафедры. — Задержался не многим более чем на три года. Простите меня. Со мной такое случилось впервые».

Присутствовавший на службе американский посол сообщал домой: «Эмоциональное напряжение возросло, прихожане в слезах». Но речь кардинала оказалась тщательным образом выверена: в ней прозвучало именно то, что было столь необходимо в тот момент польскому руководству для ослабления революционного духа в стране. «Человек умирает один раз, и имя его быстро покрывается славой, но несравненно больший героизм жить в лишениях, трудностях, страданиях, переносить боль долгие годы, — сказал примас. — Мы призваны к труду и к порядку, к усердию в выполнении ежедневных своих дел более, нежели к мученичеству и противостоянию».

После вмешательства архиепископа кризис пошел на убыль, и около года Польша довольствовалась жизнью при более либеральном режиме, допускавшем в значительной степени свободу от Москвы. Во время дебатов ООН по поводу действий Советского Союза в отношении Венгрии представитель Польши впервые с 1945 года не отдал свой голос в поддержку Москвы. В стране на короткий период расцвела свобода слова. Посетивший Польшу в феврале 1957 года американец сообщал: «Все газеты, включая и официальные правительственные органы печати, пишут все, что хотят. Многие открыто нападают на Россию, ставя под сомнение основные дог-

маты коммунизма. Вину за бедность в стране они открыто возлагают на годы сталинского правления».

Кристина Хочкис, жившая в Нью-Йорке польская эмигрантка, совершила поездку на родную землю сразу же после октябрьского кризиса и записала свои впечатления и разговоры в книге «Домой в Польшу». «Вы слышали историю про двух собак, встретившихся при пересечении польско-чешской границы?» — спросил ее как-то молодой студент. — «Польская собака сказала: “Я иду в Прагу, чтобы купить жене пару замечательных чешских туфель”. Чешская собака бросила на нее взгляд через плечо и ответила: “А я направляюсь в Польшу, чтобы там полаять”».

От новых политических веяний выиграла и Церковь. Кардинал Вышинский воспользовался теми рычагами, которые были в его распоряжении в первые дни после кризиса 1956 года, чтобы в ходе переговоров с государством добиться новых результатов. Ранее арестованных священников и епископов освободили. Церкви в какой-то степени удалось вернуть себе то положение, которое она занимала в довоенной жизни страны, — священнослужители вновь получили доступ в госпитали и тюрьмы, предмет «религия» появился в школьных программах. Государство ослабило контроль за деятельностью Церкви, разрешив католикам создавать организации, не имеющие отношения к «Паксу». Пий XII, который был уже очень стар и болен, с подозрением относился к любому примирению с коммунистическим режимом, однако Вышинский продолжал создавать видимость согласия с властями, что способствовало сохранению этих отношений непосредственно до крушения коммунистического строя более чем три десятилетия спустя.

Благодаря новому соглашению первые шаги Кароля Войтылы по ступеням церковной иерархии про-

исходили в Церкви, вновь обретшей собственное достоинство. Почему именно его представили в Рим в качестве подходящей кандидатуры на место помощника епископа, до сих пор остается загадкой. Кроме двух лет, проведенных им в приходе Святого Флориана, у него не имелось опыта административной работы. Существуют предположения, что сделано это было по плану кардинала Сапеги, который, находясь на пороге смерти, хотел увидеть своего протезе в роли собственного преемника. Точно известно лишь то, что архиепископ Краковский, Евгениус Базик, способствовал продвижению Кароля Войтылы.

Кароль Войтыла находился в отпуске на озерах на севере Польши, когда пришел вызов от кардинала. Здесь особенно почитают Деву Марию, благодаря чему Войтыле удавалось поклонение Деве сочетать с походами на байдарках. Особую прелесть отдыху придавало и то обстоятельство, что отец Кароль раздал участникам группы главы из «Любви и ответственности», чтобы молодые люди могли обсуждать книгу, «сидя на траве на берегу озера или на опушке леса». Сам Кароль всегда возил с собой «Старика и море» Хемингуэя. Из местной церкви сообщили, что Войтылу вызывают в Варшаву на аудиенцию к кардиналу Вышинскому. Сохранились его записи в несколько романтическом стиле о том, как он добирался в столицу.

«Сначала я отправился в путь в лодке, по речным волнам, а потом в грузовике, груженном мешками с мукой, пока не оказался в Олштынеке. Поезд на Варшаву отправлялся поздно ночью. Я прихватил с собой спальный мешок, надеясь, что мне удастся вздремнуть на вокзале, попросив кого-нибудь разбудить меня, когда пора будет садиться на поезд. Но этого не потребовалось, потому что я не заснул».

Эта встреча стала поворотным моментом в жизни Кароля Войтылы. Он отказался от карьеры ученого, которая, казалось, предписана ему самой судьбой. О разговоре будущего Папы с примасом в тот августовский день 1958 года ходит масса историй. Чаще всего в них высказывается предположение о честолюбивом замысле. Вот вариант изложения событий, представленный Карлом Бернштейном и Марко Полити в «Его Святейшестве».

«Примас помедлил, следя за реакцией Войтылы [на известие о назначении]... Как правило, оказавшись в подобной ситуации, кандидаты на столь высокий пост начинали бормотать что-то типа: «Перед принятием такого ответственного решения я должен проконсультироваться со своим духовным наставником». Примас им потом, как водится, отвечал: «Если вы личность сформировавшаяся, вам самому надлежит решить, как поступить». Были священники, которые старались выиграть время, говоря: «Об этом я должен спросить Иисуса в своих молитвах». В таких случаях примас указывал на дверь. «Прямо за этой дверью — часовня. Вы можете помолиться там. Но, пожалуйста, не более пятнадцати минут, ибо у меня не много времени. Да и у Иисуса тоже».

Вышинский же спросил Войтылу: «Вы готовы вступить в должность?» «Где мне подписаться?» — ответил тот без минуты колебаний».

В книге «Встань и укажи нам пути наши» воспоминания самого Иоанна Павла об этой ситуации несколько отличаются, однако и здесь чувствуется деловой тон:

«Выслушав слова примаса о решении Ватикана относительно меня, я сказал: «Ваше Преосвященство, я слишком молод: мне всего тридцать восемь». Однако

примас ответил: «Это недостаток из тех, против которых есть средство. Пожалуйста, не противьтесь воле Святого Отца». Я сказал: «Я согласен». «Что ж, тогда пошли обедать», — заключил примас».

Самый молодой из избираемых польских епископов настоял на том, что перед посвящением он завершит свой поход на байдарках. Подобную просьбу многие вышестоящие церковные чины расценили как весьма эксцентричную. В книге, опубликованной через сорок пять лет после назначения Войтылы епископом, есть любопытное авторское отступление. «Взявшись за весла, я вновь почувствовал, как все это странно. Меня удивляло совпадение дат: день моего назначения был четвертое июля. Это день моего благословения в соборе на горе Вавель. Память об этом дне я всегда ношу в сердце. Я подумал, что в этом совпадении есть какое-то особенное значение».

В отношении роли Провидения в своей судьбе будущий Папа всегда сохранял особую бдительность. Он был рукоположен в архиепископы в конце сентября в Кафедральном соборе на горе Вавель, недалеко от той самой часовни, где двенадцать лет назад его посвятили в духовный сан. Описание этого католического ритуала во всей его пышности и красоте свидетельствует о том, что католические традиции занимали в воображении Войтылы большое место. Он помнит, как пели литанию святых, а молитва «Святые ангелы Господни» вызвала у него следующие воспоминания.

«У меня особая привязанность к ангелу-хранителю. Вероятно, как и все дети, я, будучи ребенком, молился: «Ангел Божий, мой заступник, будь всегда со мной... стой всегда рядышком, чтобы помочь мне, охраняй душу мою и мое тело». Ангел-хранитель знает, что я делаю. Моя вера в него, в его постоянное присут-

ствие и заступничество с годами становится все сильнее и сильнее».

При всех внешних признаках современности и открытости своего пасторского стиля, новый епископ тяготел к самому что ни на есть старомодному благочестию и не имел ни малейшего представления о тех драматических коллизиях, с которыми католицизму вот-вот предстояло столкнуться. Через две недели после рукоположения в соборе Вавеля умер Пий XII. Вслед за трехдневным конклавом¹ и десятью безуспешными попытками голосования коллегия кардиналов наконец-то избрала преемника Папы. Им оказался Анджело Ронкалли, патриарх Венеции. Папе Иоанну XXIII исполнилось семьдесят семь, он принадлежал к крестьянскому роду, и никто не предполагал, что он начнет вершить большие дела. Следовало бы сказать, что был выбран *papa di passaggio*², промежуточный Папа. После длительного правления Папы Пия XII Церкви предстояло решать большие проблемы, однако кардиналы предпочли отложить их на некоторое время. Иоанн XXIII положил начало одной из величайших революций в истории Церкви, в период его правления появились очертания того интеллектуального пространства, на котором двадцать лет спустя, во время понтификата Иоанна Павла II, наступит период великого противостояния.

Новый епископ приступил к работе в характерном для него энергичном стиле. Он продолжал уделять время преподаванию в Люблинском университете, но основной его работой стало управление епархией и прочие обязанности, которые составляют ежедневную

¹ Конклав — тайное совещание кардиналов.

² *Papa di passaggio (um.)* — проходной папа.

работу епископа. В «Календарииуме» дается список мероприятий.

«Ноябрь, 16.

7 часов утра. Подъем, месса и проповедь...

10 утра. Краков. Епископальная месса и проповедь для юношей в приходе Благословенной Девы Марии.

7 часов вечера. Проповедь для юристов в приходе Девы Марии...»

Это было, конечно, интереснее, чем каждодневные «рождения, смерти, свадьбы» — заботы обычного приходского священника, однако для человека, который, помимо всего, продолжает писать стихи, пьесы и статьи, — вещь довольно обременительная. В результате нового назначения он согласился только на три «преимущества»: специальное освещение для чтения и откидной столик на заднем сиденье машины, собственную байдарку и палатку для походов и перезахоронение матери и брата рядом с отцом в Кракове.

В новом положении для Кароля Войтылы оказались неизбежными частые контакты с кардиналом Вышинским, и в скором времени стало очевидно, что совместный ланч в тот знаменательный день в Варшаве не заложил фундамента дружбы между ними. Случилось, скорее, наоборот. Когда приехавший с визитом американский епископ спросил польского примаса, каково его мнение о молодом епископе Войтыле, Вышинский ответил: «О, да он оппортунист». В книге «Человек века» Джонатан Квинти рассказывает о собрании польского епископата, когда открыто проявилась натянутость отношений этих двух волевых людей:

«Вышинский читал лекцию в своем обычном стиле. Войтыла, тоже, как обычно, сидел и читал на заднем ряду. Заметив невнимательное отношение ново-

го епископа, Вышинский стал выходить из себя. В конце концов он сказал: «А теперь епископ Войтыла расскажет нам, о чем только что шла речь». После этих слов Войтыла поднялся и повторил все, о чем только что говорил Вышинский. Впоследствии такое происходило не раз: способность Войтылы концентрироваться одновременно на двух вещах изумляла очевидцев и приводила в ярость таких, как Вышинский».

Отчасти это являлось конфликтом поколений; Вышинский был старше Кароля Войтылы на девятнадцать лет. В то время, когда молодой епископ в книге «Любовь и ответственность» размышлял о том, какое место в жизни молодой христианской семьи должно занимать сексуальное удовольствие, кардинал почтенного возраста говорил в своих огненных проповедях о моральном упадке. «Как много кругом разврата! Мы протестуем против разврата в книгах и в прессе, против распространения порнографии, — возвещал примас со своей кафедры. — В прессе мы только и видим разодетых кукол и фривольных дам, чьи дорогие наряды... пробуждают излишнюю чувственность среди мирных тружеников...»

Интеллектуальность Кароля Войтылы, которую он прекрасно осознавал, по всей видимости, тоже не способствовала развитию их взаимоотношений. Несмотря на собственное академическое прошлое, примас с подозрением относился к тем, кто пробовал себя в поэзии и драматургии. Из отчетов полиции следовало, что Вышинский «считал сельских тружеников солью земли польской, и... хотел, чтобы епископство придерживалось этой линии». Отчасти причиной противостояния могло быть открытое соперничество двух влиятельных фигур, что часто встречается в официальной политике больших структур.

Однако у обоих лидеров имелся общий враг — коммунизм. Появившиеся после октябрьского кризиса 1956 года надежды на новое, более либеральное коммунистическое будущее рухнули: Гомулка доказал, что обещания, данные Хрущеву, не просто слова. Он и в самом деле оказался в первых рядах убежденных коммунистов. По иронии судьбы, год спустя после октябрьского кризиса произошло аналогичное событие. В октябре 1957 года газета «*Po Prostu*» (что в переводе означает «Говоря правду»), ставшая первым голосом реформаторов, была закрыта властями. Когда студенты Варшавского политехнического института в знак протеста вышли на улицы, полиция встретила их дубинками, и в столице три дня продолжались волнения. Гомулка начал процесс «чистки» в рядах правящей коммунистической партии (известной как Польская объединенная рабочая партия), была исключена почти пятая часть ее состава. В Церкви тоже повеяло холодком. Летом 1959 года полиция неожиданно появилась в Ясна Гуре, в национальной святыне, занимавшей в детстве будущего Папы столь видное место, и изъяла печатное оборудование, на использование которого отсутствовало разрешение. У кардинала Вышинского, обратившегося с речью к толпе, выхватили микрофон. Предмет «религия» опять исключили из школьной программы. Целью развернувшейся кампании являлось ослабление влияния Церкви и усиление государственной власти и партийной идеологии.

Занимаемое Каролем Войтылой положение со всей неизбежностью вынесло его в первые ряды оппозиции. 22 марта 1959 года он читал проповедь для юристов в Доминиканской церкви Кракова, спустя три дня — для врачей. Биограф Тед Шульц нашел письмо, написанное архиепископу Краковскому 23 марта

неким Виктором Бонецки, который, являясь членом партии, утверждает, что епископ Войтыла подстрекал его «к нарушению закона». В доказательство он описывает «дни медитации, организованные епископом для юристов, врачей, учителей и молодежи. Организация подобных мероприятий способствует искусственному разделению общества на верующих и неверующих, нарушая тем самым социально-политическое единство местного общества». Сохранившийся документ позволяет лучше понять, как сложно было действовать в обществе, где жизнь во всех ее проявлениях воспринималась исключительно как противостояние двух грозных противоборствующих систем. Далее автор письма продолжает:

«Подобная деятельность усиливает разделение жителей города, работающих в государственных учреждениях, на верующих и неверующих... Она искажает общественное мнение, подталкивая людей к тому, чтобы они больше ценили мнение врача, который является католиком, пекущимся о благе и просвещении родины, или учителя, который опускает наиболее «болезненные» вопросы в утвержденных правительством учебниках, чем мнение их неверующих коллег».

Ответ Войтылы, написанный архиепископу, звучал твердо: «Не могу считать это обвинение обоснованным, потому что закона, запрещающего священникам и епископам проводить обычную пасторскую работу, не существует. Моя деятельность, равно как и деятельность, мною поддерживаемая, о которой упоминается в письме, являются непосредственной частью пасторской работы». За этим случаем ничего не последовало, однако Кароль Войтыла был взят властями на заметку.

«С того времени, как епископ Войтыла занял свой пост в курии, — пишет Бонецки, — деятельность, направленная против законов со стороны определенных представителей краковского духовенства, усилилась. Ответственность за это мы возлагаем на епископа Войтылу».

Жизнь Кароля Войтылы проходила на фоне таких исторических событий, что невольно возникает соблазн взглянуть на нее как на серию захватывающих красочных картин, как на историю, действие которой разворачивалось в галерее, на фоне полотен старых мастеров, которые окружали его в Ватикане. До этого момента он являлся фигурой хотя и действующей, но творящей на периферии, — эдакий брейгелевский пахарь, ответственно обрабатывающий свою борозду, в то время как Икар падает с неба. Но постепенно он перемещается к центру событий, направляя общее движение своим все более деятельным присутствием.

В 1950 году, положившем начало новой декаде, Войтыла нанес первый серьезный удар в той схватке, которая принесет ему настоящий успех. Полем «битвы» стал промышленный пригородный район Нова Гута (Новая работа), который являлся частью епархии архиепископа Кракова. Этот район вырос вокруг сталелитейного завода им. Ленина, строительство которого в 1949 году начало коммунистическое правительство на месте деревни, расположенной в нескольких милях от Кракова. Поблизости не имелось ни сырья для сталелитейной промышленности, ни свободной рабочей силы. Решение было принято с единственной целью — создать новый индустриальный пригород с величественным пролетариатом, который впоследствии поглотит весь Краков. Это место, по словам путеводителя туриста, представляло собой «море из се-

рого бетона — образец сталинской архитектуры». Высотные дома, в каждом из которых располагалось по 450 квартир, спроектированы так, что между ними не было прямых проходов. Если вам хотелось навеситить соседа, живущего поблизости, то приходилось спускаться на лифте до первого этажа, а затем подниматься на другом лифте. Кто мог подумать, что Нова Гута сможет взять верх над отличавшимися изяществом и красотой соседними районами, понять трудно, однако таков был план, и, как часть стратегии социального развития, решили не строить в этом районе ни одной церкви.

До тех пор пока люди прибывали в Нова Гуту для работы на сталелитейном заводе, план действовал: население пригорода неуклонно росло и достигло 200 000 человек. Коммунистические лидеры не учли, что в большинстве своем приехавшие работать являлись выходцами из деревни, набожными католиками. Вместо того чтобы стать авангардом пролетарской революции в соответствии с планами коммунистов, они составили ядро активной католической оппозиции. Их недовольство сконцентрировалось на официальном отказе властей строить новую церковь. В старой деревеньке, исчезнувшей под бетонными громадинами Новы Гуты, была маленькая церквушка, которая сохранилась, однако для увеличившегося населения она оказалась слишком мала. К тому времени как Войтылу назначили епископом, была подана официальная петиция в правительство на разрешение строительства церкви в Нова Гуте, и развернувшаяся в связи с этим кампания стала большим местом в отношениях между Церковью и государством почти на два последующие десятилетия.

Епископ Войтыла встал во главе движения. В канун Рождества 1959 года он проводил ночную мессу в

Эдвард Стоуртон

открытом поле на окраине Нова Гуты. Эффект был сильный, поистине театральный — настоящая иллюстрация его интуитивного понимания того, как можно использовать эффективность католического ритуала в политических целях. Выбрав для проведения торжественной церемонии столь унылое место, он оживил в воображении собравшихся величественные образы рождественской истории. Прихожане почувствовали, насколько обездоленными и отвергнутыми оказались они из-за того, что власти запретили строительство церкви. И вот холодной ночью, в такой же обстановке, что и две тысячи лет назад при появлении первых христиан, епископ дает им утешение, повествуя о младенце Христе, родившемся в хлеву в яслях, ибо в гостинице для него места не оказалось.

Такие рождественские мессы в Нова Гуте стали проводиться ежегодно и приобрели особое, символическое значение, привлекая тысячи новых участников.

5 ГОЛОС ЦЕРКВИ, РАЗНОСИМЫЙ ПО ВСЕМУ МИРУ

Сохранилась исключительная видеозапись, где польский епископ едет на поезде из Вены в Рим для участия во Втором Ватиканском Соборе. Можно за секунду или две успеть поймать образ молодого епископа Кароля Войтылы. Его лицо, совсем как у ребенка, озарено заразительной улыбкой. Собор, открывшийся в октябре 1962 года, предоставил ему возможность уехать из Польши впервые за четырнадцать лет, и вряд ли кто-то возьмется осуждать Войтылу за столь радостное расположение духа.

Родная земля Кароля за последние полтора десятка лет не очень-то изменилась. Представление о Польше конца пятидесятых, все еще не преодолевшей последствий войны, дается в описаниях эмигрировавшей в Нью-Йорк Кристины Хочкис, посетившей родину в это время. В свое первое утро в Варшаве она была поражена, увидев фасад здания, «до сих пор хранившего на себе отметины разорвавшихся снарядов»,

и заметила, что «следы войны видны повсюду». Да и сами поляки из-за краха социалистической экономики продолжали терпеть лишения почти как в военное время. Хочкис дает беглые зарисовки, набрасывая портреты людей, встреченных на улицах Варшавы; они печальны и как-то удивительно неустроены. «Укутанные в пальто из овечьей шерсти, они торопливо идут куда-то, не оглядываясь по сторонам. Почти все несут какие-то тяжелые бумажные свертки. Кажется, что все очень заняты и куда-то спешат. Вскоре я поняла, что они обеспокоены проблемой выживания». Она разговорилась с молодой девушкой, которая перед этим стояла в очереди в магазине, но ушла, так как пронесся слух, будто в другой магазин поступила партия краковской колбасы. Хочкис смотрела на «блеклые» витрины, где разложено «неестественное нижнее белье болезненно-розового цвета, шерстяные вещи мрачных темных расцветок, кухонная утварь, сделанная из дешевых материалов, — все это продукция государственных кооперативов».

Кароль Войтыла совершал путешествие в противоположном направлении, с коммунистического Востока на капиталистический Запад, и, видимо, не в меньшей степени был поражен изобилием, появившимся там за послевоенные годы. В отличие от мрачных государственных магазинов Варшавы Рим предлагал роскошные магазины на виа Кондотти и уютные кафе и отели на виа Витторио Венетто. С тех пор как Войтыла покинул Вечный Город, к репутации Рима прибавилась еще одна сторона, закрепившая за ним отныне, помимо древней столицы священников, титул места «*la dolce vita*»¹ (фильм Феллини с таким названием вышел в 1959 году).

¹*La dolce vita (ит.)* — сладкая жизнь.

Кароль Войтыла остановился в богатом районе Польского института, месте проживания среднего класса, около Понте Кавор, на западном берегу Тибра, и, проходя каждое утро мимо монументального Дворца Правосудия и Замка Святого Ангела, чтобы присутствовать на заседании Собора, он отмечал, что деловая жизнь теперь протекает значительно активнее, чем раньше. Население города возросло с 1,6 миллиона до 2,1 миллиона в 1950 году. Благодаря росту благосостояния в Европе в Рим съезжались толпы туристов. Шума здесь тоже стало больше. То был новый Рим, которому повсеместный экономический бум пошел на пользу. Средний рост экономических показателей двенадцати западноевропейских стран на 1950–1972 годы составил 4,6 процента (в то время как аналогичные данные 1913–1950 годов равнялись всего 1,4 процента).

Второй Ватиканский Собор стал для современного католицизма определяющим событием, хотя даже через сорок лет после его завершения люди продолжают вести жаркие споры о том, что же конкретно он определил. Церковные соборы — явление довольно редкое. Первый Ватиканский Собор состоялся в 1869 году, а время предыдущего, Трента, приходится на конец шестнадцатого века. Во время подобных соборов епископы всего мира встречаются в одном месте. Здесь обсуждаются сложные проблемы богословия и определяются пути дальнейшего развития Церкви. Конечно же, Ватикан II позволил решить некоторые спорные вопросы, многие из них — довольно эффективно и неожиданно, однако возникли и новые проблемы. Идеологические баталии, разгоревшиеся во время папства Иоанна Павла II, во многом явились продолжением диспутов, начатых на этом Соборе, а возглавившими эти баталии фигурами, включая и главного стража теологии,

кардинала Ратцингера, будущего Папу Бенедикта XVI, стали участники встречи.

На Соборе отмечалось, что возникла трудность с определением, к какой же группе — правых или левых — можно причислить Кароля Войтылу. В определенной степени он, конечно же, был «склонным к сглаживанию конфликтов». Войтыла принимал активное участие в совещаниях Собора и даже написал об этом книгу «Источники обновления: итоги Второго Ватиканского Собора». Не стоит забывать и о его решении взять имена двух прославленных пап, его предшественников (Иоанна XXIII и Павла VI), что говорит о духовной преемственности. В своем последнем завещании — документе, каждое слово которого дышит искренностью, — он благодарит Святой Дух «за великий дар Собора» и добавляет, что еще долго новые поколения будут пользоваться теми «богатými плодами, которые дал нам Собор XX века». Однако еще и сегодня многие видные деятели, принимавшие участие в Соборе, продолжают подвергать резкой критике правление Иоанна Павла. Ключ к разрешению этой загадки, возможно, нужно искать в разнице взглядов Кароля Войтылы, приехавшего той осенью в Рим, и его коллег епископов из Западной Европы.

Разные пути, которыми шли Запад и Восток после окончания войны, как в материальном, так и в экономическом смысле, стали слишком очевидны для Кароля Войтылы, как только он приехал в Рим. Социальное и политическое развитие Европы за годы, прошедшие с тех пор, как он, закончив учебу, покинул Рим, сделало значительный шаг вперед. Созданный благодаря этому климат способствовал улучшению взаимоотношений между Церковью и обществом.

В Польше эти две структуры находились в состоянии непрекращающегося конфликта. Война велась между всеми слоями общества. Это требовало от свя-

ценников большого морального напряжения, потому что почти ежедневно они сталкивались с проблемой выбора. Церковь не просто оказывала «еще одну услугу», не просто проводила воскресную службу, она создавала альтернативное социальное пространство, где складывалась иная система ценностей, нежели там, где правило государство. И, как следствие этого, она была, конечно же, Церковью преследуемой, что заставляло ее лидеров держать при себе собственные, отличные от принятых представления. Более того, не было никаких надежд на существенные перемены; все годы взрослой жизни Кароля Войтылы являлись для Церкви чередой невзгод. Каждое новое просветление — освобождение от нацистов или завершившиеся успехом переговоры Гомулки с Хрущевым в 1956 году — в результате оборачивалось обманом, идея «социального прогресса» оказалась не более чем пропагандистским лозунгом.

В Западной же Европе прогресс был реальным. Оглядываясь назад, хотелось бы отметить, что плюрализм после Второй мировой войны очень быстро утвердился во многих странах на континенте. В Италии, Франции, Западной Германии ко времени открытия Собора установились прочные демократические системы. Католики среди политиков (вероятно, наиболее заметный среди них Конрад Аденауэр, представитель Христианско-Демократической партии и первый канцлер новой Федеративной Республики Германии) сыграли важную роль в установлении нового порядка. Не имевшие отношения к Церкви политики не становились, как в Польше, врагами Церкви. Таким образом, «на свободном Западе» прогресс развивался по пути, который имел свое продолжение, в отличие от быстро сворачивавшихся революций, свидетелем которых стала Польша.

Дж. М. Робертс в своей «Истории Европы» описывает историческое развитие как нечто «субъективное, не выражаемое в цифрах и диаграммах, как реальность, дошедшую до сознания женщин и мужчин, которые все более и более испытывали... чувство изумления оттого, что мир уже не тот, каким был раньше», и добавляет, что «ускорение перемен, происходивших после 1945 года, трудно преувеличить».

Во время работы Второго Ватиканского Собора произошли два события, ознаменовавшие политические перемены: Британия распрощалась с еще одной колонией (Угандой), и впервые в Верховном суде Англии появилась женщина. Процесс деколонизации изменил в странах старой Европы представление о своей роли на мировой арене и привел к изменению социальных отношений внутри самих стран. Почтительность постепенно уступала место культу молодости. На другой стороне Атлантики движение за гражданские права пошло на убыль. Это был период ощущения новых возможностей, и общество на Западе захлестнула волна оптимизма утопических планов и веры в свои силы, так характерная для шестидесятых. В то время как скамьи в церквях, где проводил службы Кароль Войтыла, заполнялись недовольными прихожанами, чье раздражение было направлено против существующего государственного порядка, католики Западной Европы, в большинстве своем в порыве радостного энтузиазма, приветствовали процессы, происходившие у них на глазах. Проблема Церкви в Западной Европе состояла не в том, чтобы выжить в условиях преследований со стороны государства, а в том, чтобы не потерять вес в изменяющемся с ошеломляющей скоростью обществе.

Именно поэтому перспективы, открывавшиеся перед приехавшим для участия в Соборе Каролем Войтылой, были совсем иные, нежели чем перед еписко-

пами из Брюсселя, Утрехта и Вены (эти три епархии представляли на Соборе лидирующих либералов), и именно перспективы определили его представление о задачах Собора и его месте в истории. Церковь на Западе — как Европы, так и Северной Америки — заняла за этот период доминирующее положение, благодаря чему на Соборе была представлена ее традиционная версия. Изменения, через которые прошел католицизм шестидесятых, начались столетием раньше, при понтификате Пия IX — единственном из пап, правившем больше Иоанна Павла II (некоторые католики придерживаются мнения, что дольше всех Церковью руководил святой Петр, однако даты его правления, на мой взгляд, могут быть определены не совсем точно). В дебатах о современной Церкви часто слышны имена последних пап, и в историях либералов Пий IX, более известный как Пио Ноно, фигурирует как фигура зловещая.

В молодые годы он вынужден был оставить мечты о военной карьере из-за припадков эпилепсии. Один из них случился на улице Рима после того, как он подал прошение о принятии его в когорту папских охранников. В скором времени, отогнав мысль о самоубийстве, вызванную разочарованием, он решает стать священником. Будущий Папа Пий IX был очарователен и обладал «сильным, музыкальным голосом и врожденной гибкостью речи». Мелодраматический стиль его проповедей — иногда он ставил перед собой на кафедру череп с зажженной свечой — позволил ему завоевать сердца многих, и в 1846 году, в возрасте пятидесяти четырех лет, он был избран Папой.

В тот период Папа являлся временным монархом (правителем Папского государства в центре сегодняшней Италии), и его поручители в конклаве видели в нем умеренного либерала. Два года он слыл энергич-

ным реформатором и любимцем толпы, но в революционном 1848, когда в Европе стабильности был брошен вызов, на улицах Рима стали действовать иные законы. Государственный секретарь Папы, его официальный политический представитель, был заколот на ступеньках дворца Квиринале, а сам Папа бежал, переодевшись слугой (очень напоминает бегство крысы с тонущего корабля).

Когда же Франция в 1849 году вновь водворила его на трон, это, по словам папского историка Валери Пири, был уже «протрезвевший и очень раздраженный Папа, вернувшийся в Квиринале». Революция охладила его пыл и сделала одним из самых реакционных консерваторов. В 1854 году Пий IX опубликовал «Догму непорочного зачатия», в основе которой лежит вера в то, что Мария была свободна от первородного греха с самого момента зачатия. Документ сразу вызвал напряженность в отношениях с протестантами. После этого Папа принялся сооружать метафорический барьер между Церковью и «современной цивилизацией», которую считал не чем иным, как источником «агрессивного вандализма», направленного против подлинной религии. «Программа ошибок», опубликованная им в 1864 году, осуждала свободную культуру во всех ее проявлениях, а вместе с ней и «пантеизм, натурализм, материализм заодно с современным рационализмом, индифферентизмом, как и любые проявления терпимости в религиозных вопросах». Осуждению подверглись секретные общества, библейские союзы, либеральные клерикальные организации, которые ставились в один ряд с социализмом и коммунизмом. В восьмом же, заключительном догмате утверждалось, что само по себе допущение, будто Римский понтифик может отождествлять себя с прогрессом и свободой взглядов, является ошибкой. Ну и для ровного счета, любые издания,

содержащие критику в адрес «Догмы», были занесены в список книг, запрещенных для чтения среди католиков. Пио Ноно увенчал бастионы своей нерушимой крепости-Церкви, созвав Первый Ватиканский Собор, который одобрил «Догму папской непогрешимости» (почти десятая часть присутствовавших на Соборе епископов покинула Рим, решив не голосовать за новый догмат). За тридцать два года пребывания на троне собора Святого Петра Пио Ноно удалось добиться того, что Церковь в конце девятнадцатого века стала казаться более «средневековой», чем в его начале.

«Героем» либеральной страницы Второго Ватиканского Собора стал Иоанн XXIII, Папа, который, созвав Собор, не оправдал возлагавшихся на него ожиданий по поводу периода спокойного правления, *papa di passaggio*. Свое решение он сообщил кардиналам после службы в базилике Святого Павла в январе 1959 года. Новость встретили в молчаливом оцепенении; по официальной версии, все оказались «настолько тронуты, что не могли произнести ни слова». Хотя скорее, все были просто напуганы услышанным. В намерения Папы входило «наладить связь времен», модернизировать католическое учение, приблизить его к реалиям двадцатого века. Существует история (как и многие из историй об Иоанне Павле II, рассказываемые столь часто и настолько по-разному, что трудно понять, происходило ли это на самом деле), что, когда кто-то спросил его, какая задача стоит перед новым Собором, Иоанн XXIII пересек комнату и широко распахнул окно, показывая этим символическим жестом, что для Церкви настало время выйти за пределы ограничивающих ее стен и задышать свежим воздухом современного мира. Ему пришлось как следует побороться, чтобы воплотить свое видение в жизнь, ибо его курия, все службы Ватикана старательно этому пре-

пытствовали и делали все, что могли, чтобы расстроить планы Папы.

Но это лишь один вариант истории, а вот рассказ, представленный «консервативными» кругами, совсем иной. Джордж Вейгель цитирует ответные слова кардинала Монтини, в то время бывшего архиепископом Милана, а впоследствии ставшего Папой. Услышав новость о том, что Иоанн XXIII созывает Собор, он сказал: «Этот блаженный старичок даже не представляет, какое осиное гнездо он разворошил». По мнению Вейгеля, все происходившее являлось лишь крупной азартной игрой.

«Во многих интеллектуальных и научных центрах современный мир, к которому Церковь пыталась себя приблизить, отгородился от самой идеи трансцендентности; католицизм оказался отрезанным от всемирного общехристианского движения... Агрессивный противник-атеист [коммунизм] с его приземленной теорией спасения держал под контролем миллиарды человеческих судеб. Внутри самой Церкви мнения относительно возможности диалога с современностью сильно разделились».

В оценке консервативных кругов Пио Ноно предстает фигурой более значительной, нежели образ карикатурного старикашки, представленный выше. Отмечается также, что период его правления совпал с тем временем, когда на Церковь шли серьезные нападки по всему фронту. В большинстве случаев атаковали саму папскую власть. С одной стороны, военными силами итальянского националиста Гарибальди, с другой — политическим движением «Пьемонтесе», которое прекратилось после того, как в 1870 году военные силы короля Виктора Эммануила заняли Рим, и город стал столицей новой Италии.

Многое в энергичном продвижении новых догм Пия и в искоренении ошибок было продиктовано стремлением сохранить католицизму пространство в новых условиях. Оглядываясь назад, можно сказать, что его восприятие отношений между Церковью и окружающим миром сродни восприятию Кароля Войтылы и польских епископов, живших в двадцатом веке при коммунистическом строе, нежели представлениям епископов из благополучно развивающихся демократических государств Западной Европы.

Папа Иоанн XXIII умер в 1963 году. Еще до окончания Собора поднялся шум по поводу его канонизации. Иоанн Павел II причислил Папу Иоанна к лику блаженных осенью 2000 года. Вызвав недовольство среди либералов, он в тот же день причислил к лику блаженных и Пио Ноно.

На Собор, созданный Пием IX в 1869 году, в Рим приехали 600 епископов, в большинстве своем из европейских стран. На открытии Второго Ватиканского Собора 1962 года присутствовал 2 381 участник, и съехались они со всех уголков земного шара. Роберт Блэр Кайзер, освещавший это событие в журнале «Тайм», так описывает выход епископов после окончания службы.

«Я видел и черные, и коричневые, и желтые лица, и румяные красные лица ирландцев и шотландцев... Я видел невероятное разнообразие красок. Эти епископы и патриархи собрались со всего мира, и когда они вышли и стали спускаться по ступеням собора Святого Петра, то издали казалось, что это низвергся водопад, водопад красного, пурпурного и черного цветов, и вместе они составляли все цвета радуги».

Внутри собор Святого Петра напоминал парламентское здание; по обеим сторонам нефа тянулись ряды

скамеек. Несмотря на внушавшее благоговейный трепет убранство и на то, что все диспуты велись на латинском, епископы вскоре приобрели навыки заправских парламентариев. Группы, выработавшие определенную линию, начали во второй половине дня после официальных обсуждений «проводить совещания по фракциям». Епископы из некоторых «новых церквей» Африки и Азии образовали альянсы, чтобы обрести уверенность, что их голос будет услышан. Могущественные кардиналы за обедом обсуждали планы, а вечером «преемники апостолов» обменивались последними новостями в барах, открытых рядом с собором. И как заправские политики в ходе баталий, они стали прибегать к услугам прессы. Роберт Кайзер пишет:

«Это было политическое событие. Парламент епископов всего мира. И в то же время событие чисто человеческое. Должно быть, сам Святой Дух присутствовал здесь. Но Святой Дух делает свою работу через людей. И я видел этих людей, увлеченных делом, и великое обсуждение продолжалось. В этом-то и была его прелесть».

Вот как описывает работу Ватиканского Собора в биографии Джон Корнуэлл:

«Войтыла был ошеломлен явной анархией и беспорядком, ознаменовавшими первые сессии Собора. Что же это такое? Епископы ссорятся, лоббируют, критикуют друг друга и часто вступают в словесную перепалку! В этом Войтыла никак не может участвовать. Особенно его раздосадовала деятельность прессы, все эти сплетни и уколы в спину, это искажение информации и суета. Не так выживала Церковь в Польше, где ее врагом был тоталитарный режим».

Кардинал Кениг, архиепископ Вены и один из ведущих участников Собора, считает, что польский при-

мас, кардинал Вышинский, смотрел на все происходящее как на небольшое развлечение. «Собор его мало занимал. Он сказал, что все это имеет отношение только к западному миру, а он полагает, что гораздо важнее другая часть Европы... Восточная». Более того, в разногласиях, возникших между епископами, он видел дело рук своего главного врага. Тактика коммунистов, писал он в воспоминаниях о Ватикане, состоит в том, чтобы «разрушить единство верующих, разбить епископов на группы... хитро изложив различия между “реакционерами” и “прогрессивно настроенными”».

Какова бы ни была реакция епископа Войтылы на поведение своих *коллег*, в его работе на Соборе не наблюдалось ни безразличия, ни тем более открытой враждебности, как у кардинала Вышинского. Он давал искренние ответы на проведенном предварительном опросе по поводу программы Собора, а отправляясь на первую сессию, сказал: «Я отправляюсь в этот путь с глубоким чувством, с сильным сердечным трепетом». Он поддержал одну из первых, наиболее радикальных реформ Собора — идею проведения месс на национальном языке, а не на латинском (в отличие от кардинала Вышинского, который сделал по этому поводу довольно странное замечание, сказав, что его прихожане «ничего не поймут на польском»). Он объяснил это тем, что «Тайна должна быть произнесена на языке тайны»). Первая речь Кароля Войтылы прозвучала в соборе Святого Петра во время дебатов по поводу нового Церковного устава «Lumen Gentium», или «Свет для всех народов», где он заявил о поддержке реформаторов. Он подчеркнул важность активной позиции для привлечения людей, говоря о Церкви как о «людях Божьих» (выражение в реформаторском стиле) и предостерегая от опасности, что церковная иерархия может обернуться «авторитарной властью».

Однако в ретроспективе становится понятно, что его представление о том, что происходило на Соборе, в значительной степени отличалось от восприятия Собора западными коллегами. Когда Войтыла стал Папой и его послание с оценкой Ватикана II приобрело вес и известность, стало казаться, будто он посещал одни сессии, а его коллеги-епископы — другие. Его восприятие нового, современного духа проходившего Собора — сама идея открытости для мира конца двадцатого века — является тому хорошим подтверждением. Манифест устремленной в будущее Церкви официально назывался «*De Ecclesia in Mundo Huius Temporis*» («Церковь в современном мире»). Название более известно в латинском варианте, так как лучше передает тон манифеста, — «*Gaudium et Spes*», или «Надежда и радость». Это был откровенный выпад против Церкви-крепости, созданной Пием IX, ведь признавалась возможность плодотворного взаимодействия между католицизмом и современным обществом.

«Несмотря на прямое отрицание «современного мира» Пием IX в «Программе ошибок» почти столетие назад, несмотря на влияние этой программы, продолжавшееся вплоть до начала Собора, — писал ирландский богослов Энда Макдонэй, — сделанный на Соборе шаг относительно перспектив развития можно охарактеризовать как революционный». Для епископов Западной Европы современный мир означал новые представления о социальной справедливости, о войне и сексе, и это были те области, название которых нашло отражение в заголовках «*Gaudium et Spes*». Это мир экономически и политически радикальный (одобрение профсоюзов и отстаивание гражданских прав), мир крайне пацифистский (осуждение гонки вооружений как «тупикового пути для всего челове-

чества»). И хотя епископам запрещено было во время дебатов обсуждать проблему контрацепции, прозвучало немало намеков на необходимость нового подхода, который вселял надежду на изменения в вопросах контроля за рождаемостью.

Однако когда польские епископы взглянули дальше бастионов Церкви-крепости, жестокость мира коммунизма стала для них еще очевиднее, поэтому во время дебатов по поводу «*Gaudium et Spes*» епископ Войтыла заострил внимание Собора на том, что в разных странах мира положение Церкви сильно отличается. «В некоторых Церковь может свободно говорить правду. В других — все ее действия преследуются».

Позднее в «Воспоминаниях и реальности», книге, опубликованной вскоре после его смерти, Кароль Войтыла, возвращаясь мысленно на несколько десятилетий назад, объясняет различие в понимании главного документа. Он цитирует «*Gaudium et Spes*», ту его часть, где говорится о роли Церкви в текущей политике, и дает по этому поводу следующее объяснение:

«То, как Собор понимает термин «отделение» Церкви от государства, очень далеко от того, как интерпретируется это понятие при тоталитарном режиме. Для некоторых стран оказалось полной неожиданностью и, в определенном смысле, вызовом (особенно это касается стран, где у власти коммунисты)... и они поняли, что это полностью расходится с их представлением об отделении Церкви от государства. По их представлениям, миром владеет исключительно государство. Церковь действует в иных сферах, тех, что лежат «выше пределов» так называемого мира. Представление Собора о Церкви «в миру» противоречит их интерпретации».

Пока епископы Запада видели в документе путь к продолжению контактов с высокопоставленными по-

литиками шестидесятых, для Кароля Войтылы это был еще один вид оружия в борьбе против коммунизма. Манифест «*Gaudium et Spes*» определял место Церкви в обществе как центральное, он не видел ее на задворках, куда непрестанно старались отодвинуть ее коммунисты. В том же отрывке Кароль Войтыла рассказывает о своих соображениях по поводу поддержки Церковью мирян:

«Для Церкви мир есть и место приложения сил, и брошенный вызов. Таков он для всех христиан, но особенно для верующих. Собор поднял вопрос об активном участии христиан в жизни общества. Однако, если следовать марксистской идеологии, то это как раз та сфера, где необходимо установить исключительный государственный и партийный контроль».

Другими словами, суть концепции «людей Божьих» не столько в том, чтобы создавать новые демократические структуры внутри Церкви, сколько в том, чтобы наделить силой солдат, ежедневно вступающих в битву на идеологическом фронте.

Такая же двусмысленность сохранилась и в вопросе о значении роли, которую сыграл Кароль Войтыла в дебатах Собора по поводу религиозной свободы. Не совсем просто для католиков признать тот факт, что до шестидесятых годов двадцатого века Ватикан и в самом деле не допускал, что люди свободны выбирать, кому поклоняться. Пока Пио Ноно не сошел с арены Папского государства, оно, конечно же, оставалось абсолютной монархией; репутация государства терпимого за ним не закрепилась. Священники мало думали о преследуемых инакомыслящих и подавлении свободы слова, так же, как и о правах отдельных граждан, пострадавших от произвола властей, для которых большим препятствием являлся тот факт, что судеб-

ные разбирательства в Папском государстве слушались на латинском. Евреи в Риме были заключены в гетто, а в 1858 году Пио Ноно спровоцировал скандал, шумевший на всю Европу. Он потребовал, чтобы силы полиции в Болонье захватили шестилетнего еврейского мальчика по той причине, что он был тайно окрещен одним из слуг (по закону евреям не разрешалось воспитывать детей христианами). До конца восемнадцатого века тесная связь между государственными властями и Церковью являлась для католической Европы нормой, и мысль о том, что католицизм заслуживает, по крайней мере, привилегированного положения в обществе, запала глубоко.

На изменениях настаивали американские либералы и восточно-европейские антикоммунисты; каждая из групп — в соответствии со своими политическими традициями. Для американцев это был вопрос согласования учения Церкви с идеями просвещения, такими, например, как права человека, которые являлись основной идеей американской революции. Представители Восточной Европы, к числу которых принадлежал и Кароль Войтыла, видели в принципе религиозной свободы важнейшую идею для защиты от агрессивно наступавшего при поддержке государства атеизма. Этот несколько странный альянс между епископами Старого и Нового мира, полностью расхоdivшимися во мнениях по другим вопросам, столкнулся с жесткой оппозицией стоящих насмерть консерваторов, которые вообще не хотели никаких изменений. В основном это были епископы и кардиналы курии, государственной службы Ватикана, у которых имелась особая заинтересованность в сохранении существующего положения вещей. Наступил даже такой момент, когда Папа лично вмешался, чтобы вопрос не затерялся среди процедурной волокиты. В результате

многочисленных споров «*Dignitatis Humanae*», или «Декларация свободы религии», в конце концов вышла из темного чрева базилики Святого Петра, и Римская церковь смогла по праву провозгласить себя защитником прав угнетенных.

Невозможно переоценить значение этой битвы. Сама идея о том, что власть Церкви узаконена и отделена (а зачастую находится в конфликте) от власти светской, имеет важные последствия, особенно в странах Восточной Европы и Латинской Америки. Кароль Войтыла усвоил этот урок еще молодым человеком во время оккупации Кракова нацистами. Показательно его «вторжение» в дебаты при обсуждении «*Dignitatis Humanae*». Его поддержка основного принципа не вызывала сомнений. «Этот принцип [религиозной свободы] является утверждением основных прав человека в обществе, и это должны четко уяснить себе все, а особенно те, кто управляет государством», — сказал он на Соборе 25 сентября 1964 года. Очевидна также его убежденность в том, что свобода религии не означает вседозволенности. Говоря о том, какую роль свобода религии играет в отношении других христианских церквей, он отметил:

«Необходимо, чтобы далее в Документе была подчеркнута связь между свободой и истиной. Ибо, с одной стороны, свобода существует благодаря истине, и тем не менее, с другой стороны, она не может идти вперед без помощи истины... Взаимодействие истины и свободы — величайший момент мирового действия. За этим действием стоит не что иное, как освобождение всего христианства от схизмы, чего, конечно же, окончательно нельзя добиться, если полный союз с истиной не будет достигнут. Поэтому будет недостаточным, если принцип религиозной свободы в отношении Разделенного Братства будет воспринят

как принцип терпимости. Ибо терпимость не заключает в себе столь позитивного смысла, а в некоторых отношениях становится явлением негативным».

В написанном столь трудным языком послании ясно прослеживается следующее. Свобода в выражении для других религиозных законов хороша до тех пор, пока она не выходит за рамки религиозной иерархии истины, а истина, несомненно, лучше всего выражена в учении Римской Католической церкви. На последовавшей затем сессии Собора он открыл дебаты по Декларации свободы религии речью, представляющей взгляды группы польских епископов:

«В данном случае недостаточно сказать: «Я свободен», важнее сказать «Я несу ответственность». Это доктрина, лежащая в основании живой традиции Церкви, где есть духовник и мученик. Ответственность — высшая точка и неотъемлемая часть свободы. Необходимо подчеркнуть, что наша Декларация в церковном смысле в высшей степени персонализирована, однако не имеет ничего общего с *либерализмом или индифферентизмом*» [курсив мой].

Многие критики понтификата Иоанна Павла II жаловались, что, отстаивая права человека в тоталитарном государстве, он никак их не поддерживал, когда речь шла о не согласных с общим направлением членах Церкви. Эта позиция полностью соответствует тому, что будущий Папа сказал на Соборе.

Тот факт, что Кароль Войтыла был избран говорить от лица польских епископов, свидетельствовал о значительном изменении его статуса. Евгениус Базик, архиепископ Краковский, который в самом начале увидел в Войтыле потенциального епископа и назвал его имя, умер от сердечного приступа летом 1962 года

во время подготовки к Собору. Новость внесла некоторое смятение, ибо совсем недавно завершились мучительные переговоры Польской церкви с коммунистическими властями по поводу официального признания в Кракове должности Базики и было принято решение, что пока все окончательно не установится, кто-то временно будет вести дела епархии. Городской Кафедральный собор и собрание каноников проголосовали за Кароля Войтылу.

Вопрос о постоянной замене Базики осложнялся тем, что Польская церковь занимала особое положение. В соответствии с договором, кардиналу Вышинскому следовало представить имена кандидатов на основные должности в Департамент по религиозным конфессиям в Варшаве до того, как предлагать их вниманию Ватикана. Фактически, такое положение вещей устраивало польского примаса, который боялся, что прямой контакт его правительства с Ватиканом приведет к уменьшению его собственного влияния. Существуют различные мнения относительно того, какие именно переговоры велись по поводу нового епископа Кракова, но все они сходятся на одном: Вышинский предложил несколько имен и только после этого согласился на то, чтобы имя «временного» священника включили в список. Официально Кароль Войтыла был назначен только в конце 1963 года, через полтора года после смерти своего предшественника.

Непритязательность, как и склонность опаздывать, являются *лейтмотивом* воспоминаний тех, кто знал Кароля Войтылу в его бытность священником и епископом. Но, как и все актеры, он знал цену хорошего костюма, а став архиепископом Краковским, имел доступ к самым исключительным церковным облачениям в мире. Вид, в котором он предстал во время инаугурационной мессы, — еще одна иллюстра-

ция свойственной ему тенденции воспринимать жизнь как постоянно разворачивающуюся перед глазами символическую поэму. Нужно отметить, что Кароль Войтыла видел любую должность в историческом аспекте и делал все, чтобы вдохнуть в эту «историческую должность» новую жизнь за то время, что в ней пребывал.

Он переехал в резиденцию краковских архиепископов, правда, спал не в большой спальне, используемой его предшественниками, а в маленькой, и занялся преобразованиями в соответствии со своими представлениями о том, какую роль должно играть это место в жизни Церкви. Резиденция стала и административным центром, и местом повседневной общественной работы, и приемной, где решались важные интеллектуальные проблемы. Она находится в самом центре города, рядом с Гродской улицей, старейшей в Кракове, которая связывает Рыночную площадь и Вавельский комплекс с его замком и собором. Это красивое здание разместилось прямо напротив внушительной огромной францисканской церкви девятнадцатого века с монастырскими пристройками. Новый архиепископ любил жить и работать там, где ощущался дух времени. Однако любовь эта не имела ничего общего с затхлым, напоминающим музейный воздухом закрытых церковных строений. Войтыле требовался повод, которым можно было пользоваться. Вспоминая о краковском периоде своей жизни, он писал:

«Здесь проводились разного рода собрания и ученые заседания, в том числе «Семейный круг». Была специальная комната для консультаций по вопросам семьи. Это было время, когда власти расценивали любые большие собрания как антиправительственную деятельность. Епископская резиденция стала своего рода убежищем. Я приглашал людей самых разных:

ученых, философов, гуманистов. Проводил также регулярные беседы со священниками, зал часто использовался для проведения лекций... В резиденции, можно сказать, так и пульсировала жизнь».

Рабочий день архиепископа, как правило, начинался в 5.30 утра. Он служил мессу в 7.00, далее следовал легкий завтрак. Большую часть утра он проводил в молельне за работой и молитвой. Войтыла воспринимал молельню как «место, дающее особое вдохновение», и часто писал об этом в своих книгах. «Человек действующий», его большой философский труд этого периода, появился в такие утренние часы.

Общественная жизнь начиналась в 11.00. Епископ принимал посетителей, придерживаясь принципа «открытых дверей» — многие могли попасть к нему без предварительной договоренности. Епархия Краковского епископства очень велика, она насчитывает около полутора миллионов католиков; здесь 329 приходов, 1 500 священников, 3 000 монахов и монахинь и около 200 семинаристов. Так что круг обязанностей епископа очень широк. Это и проведение особых месс, и проповеди, и посещение больниц и домов для престарелых, посвящение в духовный сан и принятие обетов. И при этом — его личные, непрестанные духовные искания. Архиепископ частенько просил шофера отвезти его к храмам Калварии, которые знал с детства, и там, выйдя из машины посреди ночи, ходил и размышлял. Главную роль в его занятиях занимали научные изыскания, его тяга к участию в семинарах и коллоквиумах была безгранична. То же самое можно сказать и о сессиях Ватиканского Собора в Риме.

Описание последней недели марта 1965 года дает представление о том, что интеллектуальные интере-

сы, прибавляясь к обязанностям архиепископа, занимали все его свободное время.

«22 марта. 3 часа дня. Встреча в резиденции с руководителями и министрами культуры.

23 марта. 5 часов дня. Встреча в резиденции с артистами.

24 марта. 5 часов дня. Встреча в резиденции с профессорами. В тот же день в 7 часов вечера. Малая месса для еженедельного католического журнала.

25 марта. 5 часов вечера. Встреча в резиденции с писателями».

А уже 26 марта он присутствовал на защите диссертаций на философском факультете в университете в Люблине (одна тема посвящалась Жану-Полю Сартру, другая — Фоме Аквинскому), откуда отправился в Рим для работы над «Gaudium et Spes», после чего вернулся в Краков, где посвящал в духовный сан и проводил службу на Страстной неделе.

В то же время архиепископ продолжал с удовольствием кататься на лыжах, ходить в пешие и байдарочные походы. Георг Блажинский, один из его ранних биографов, оставил портрет увлеченного спортом прелата.

«Часто он отправлялся после полуночи, проведя мессу в канун Нового года. Остановливался он обычно в монастыре урсулинок в Закопане, зимнем курорте в Татрах, катался на лыжах с 11 утра до 4 дня, иногда ехал без остановки часа два, а остальную часть дня проводил за работой. Больше всего он любил ездить на Чочоловскую и Каспровый Верх [высшие пики в Татрах]... Друг Войтылы, характеризующий его как «одного из самых отчаянных лыжников в Татрах», добавляет: «Ему нравилось само волнение, само ощущение опасности». Во время одного из интервью, которое он

давал корреспонденту «Таймс» в Бонне, Войтыла посмотрел в окно и вздохнул: «Как жаль, что я сейчас не где-нибудь в горах, не мчусь по снежному склону. Это ни с чем несравнимо».

Фигура Кароля Войтылы в середине 60-х годов выглядит чрезвычайно привлекательно как в физическом, так и в интеллектуальном плане. Энергия его направлена на две вещи: на проведение в Католической церкви идей Второго Ватиканского Собора и на борьбу с коммунизмом в Польше. И то, и другое его сильно увлекало. Однако без вспышек раздражения иногда не обходилось. Каждый его день был заполнен до отказа, и не все шло точно по расписанию. Способность Войтылы делать две вещи одновременно, причем обе в высшей степени внимательно, являлась величайшим даром. Но в то же время его поведение не всегда истолковывалось правильно. Однажды за обедом в Кракове он занимался письмами, а затем совершенно точно изложил суть дебатов, которые велись вокруг него все эти два часа.

Этот дар «разделения внимания» стал «виновником» появления его невероятных поэтических экспромтов, которые Войтыла писал, слушая, например, речи епископов в соборе Святого Петра во время Второго Ватиканского Собора. Предложенный ниже образец — его размышления о Церкви и святом Петре.

«Именно здесь мы чувствуем под ногами почву,
Здесь, где воздвигнуто столько стен и колонн.
И если ты не затерялся среди них,
Но идешь, чувствуя свою уникальность и смысл,
То все это оттого, что ведет тебя пола мрамор.
Ибо не одно лишь пространство
Меж структурами Ренессанса
Соединяет, но и наши пространства

Он в единое целое сводит.
И когда идем мы вот так, сознавая собственную
Слабость и уязвимость,
Ты сам, Петр, хочешь стать для нас
Мрамором пола,
Чтобы ведомы мы были тобою, меж тем как идем
Мы вперед, не ведая сами — куда.
И так направляешь ты наши стопы
К целостности,
К тому предвидению, из которого
Зарождается мысль сама.
Это ты, Петр, и есть тот, кто поддерживает
Стопы наших ног,
Совсем как камень, поддерживающий
Копыта пасущихся овец,
Ибо камень есть мраморный пол
Гигантского храма,
Ибо христианство есть пастбище наше».

Возможно, в оригинале оно звучит лучше, но, думаю, здесь не лишним будет вспомнить свидетельство одного из священников его свиты в Кракове: «Он никогда не обращал внимания, если его поддразнивали или критиковали... когда друзья, знавшие о его стилях, жаловались на трудность их восприятия».

Вскоре после избрания его епископом произошел случай, продемонстрировавший, что Кароль Войтыла (столь выдержанный в беседах и в исповедальнях) мог запросто выйти из себя, если что-то задевало его за живое. Дело с «Письмом немецким епископам» — одно из тех исторических курьезов, которое может послужить напоминанием о том, как сильно изменилась Европа за последние полвека. Во время одной из последних сессий Собора в Ватикане в 1965 году польские епископы разослали пятьдесят шесть писем на епископские конференции всего мира с приглашением принять в следующем году участие в празднова-

нии тысячелетия христианства в Польше. Особую трудность вызвало составление письма немецким епископам из-за особенной щепетильности в силу сложившихся исторических обстоятельств. Однако совместными усилиями польских и немецких епископов, вместе работавших в Риме, был найден правильный тон письма. В варианте, на котором они остановились, после упоминания о преступной войне Германии против Польши признавалось также, что пострадавшей стороной оказалась в том числе и Германия. Письмо заключалось словами: «Мы прощаем вас и просим у вас прощения». Такой ответ пришелся не по нраву коммунистическому правительству, которое обвинило лидеров Церкви в предательстве, заявив, что раны войны еще свежи в сознании польского народа. Партия развернула кампанию против епископов под лозунгом: «Мы не простим и не забудем».

Имя Кароля Войтылы стояло в числе подписавшихся под приглашением, и он получил «открытое письмо» от служащих концерна «Солвея», где работал во время войны.

«Трагическая история нашей нации в период нацистской оккупации хорошо известна вашему преосвященству, работавшему в концерне «Солвея» во время оккупации и знавшему, к каким трагическим последствиям она привела. Именно поэтому мы были возмущены и удивлены, узнав о вашем участии в дискуссии с немецкими епископами, а также о том, что вы участвовали в составлении и подписали «Послание», в котором приняты авторитарные решения относительно жизненно важных вопросов, затрагивающих наши национальные интересы... Вольность, которую позволили себе епископы, составляя «Послание», где, среди прочих вещей, упоминается вина

поляков перед немцами, оскорбляет в нас чувство национального достоинства...»

Далее в письме продолжались рассуждения в таком же высокопарном стиле о «немецких приспешниках» и «зверских методах биологического истребления». Кароль Войтыла пришел к выводу, что открытое письмо сфабриковано коммунистами (выводу, вероятно, правильному, так как опубликовано оно было правительственной прессой), и выступил с официальным заявлением, отстаивая свою позицию.

«Прежде всего, я отвечаю на это письмо как потерпевший. Потерпевший, ибо меня оклеветали, и мне публично было выдвинуто обвинение людьми, которые не удосужились честно взглянуть на факты и главные мотивы происшедшего. Когда во время оккупации мы работали вместе, существовало немало вещей, которые нас объединяли. И главными в их числе являлись уважение к людям, совесть, достоинство. Этим качествам я в значительной степени научился у рабочих в «Солвее», однако ваше письмо построено отнюдь не на этих фундаментальных принципах. Мне очень больно писать эти строки, но я должен заявить, что я имею право отстаивать не только свое доброе имя, но и добрые имена всех тех людей, которых я представляю и которым являюсь пастырем, будучи архиепископом Краковским».

Во время Собора за архиепископом Краковским закрепилась репутация чрезвычайно общительного участника; зачастую после дневных заседаний он старался ускользнуть в боковую часовню для молитвы. Налаживание политических контактов в непринужденной атмосфере римского вечера его не привлекало.

А вот к работе по налаживанию связей с конкретной целью он относился со всей серьезностью. В этом ему во многом помогали старые друзья, оказавшиеся в самом центре руководства Ватиканом — в курии. Анджей Мария Дескур стал членом семинарии в Кракове в 1945 году и, избрав путь карьеры, оказался у руля власти в Ватикане. Его официальная должность именовалась «Президент комиссии понтификата по связям с общественностью» (можно сказать, что он был пресс-секретарем Церкви), однако подлинное его мастерство проявлялось в налаживании контактов. Позднее он вспоминал, что «все его друзья хотели встретиться с Войтылой», потому что «очень многие знали старого кардинала Сапегу и хотели познакомиться с его преемником». (Похоже, что о бедном архиепископе Базике забыли довольно быстро.) Благодаря Дескуру организовывались встречи с влиятельными людьми.

Связь с Сапегой сослужила большую службу для установления наиболее важных контактов во время проходившего Собора. Папа Иоанн XXIII умер 3 июня 1963 года. Избиравшие его кардиналы ошиблись в отношении его влияния, но оказались правы в том, что срок его правления будет коротким. Следующим, всего за три этапа голосования (один из самых коротких конклавов в истории), был избран кардинал Джованни Батиста Монтини, архиепископ Миланский. Папа Римский Павел VI начинал свою карьеру молодым священником в посольстве Ватикана в Варшаве в 1923 году. Он так же, как и Войтыла, зачитывался книгами Адама Мицкевича и, по странной прихоти судьбы, посещал город Освенцим около Кракова по делам Церкви еще до того, как он приобрел печальную известность во время немецкой оккупации. Вот что вспоминает о своей первой аудиенции у нового Папы Кароль Войтыла:

«Святой Отец... приветствовал меня, выразив удовлетворение по поводу представившейся возможности познакомиться со мной, хотя мне довелось встречаться с ним и ранее, еще в его бытность кардиналом, во время первой сессии, однако в этот раз мы впервые встретились при новых обстоятельствах. Святой Отец сразу же стал вспоминать Кардинала Кардиналов [Сапегу]. Это и в самом деле вещь исключительная: где бы ты ни появился в Риме, с кем бы ни заговорил, когда твой собеседник слышит слово «Краков», он тут же вспоминает Кардинала Кардиналов».

Несмотря на предположение, что Монтини забыл о своей первой встрече с молодым польским епископом, это не помешало им быстро сблизиться. Привязанность Кароля Войтылы к Павлу VI выражалась с несвойственной клирическим кругам того времени экспрессивностью. После первой аудиенции он, обращаясь на проповеди к прихожанам, сказал, что лицо Папы «столь совершенно, столь полно любви, оно свидетельствует о том, сколь близко к сердцу принимает он проблемы Церкви и всего человечества» (почти те же слова скажут впоследствии о нем самом), а в «Последнем завещании» написал: «Павел был моим предшественником и Отцом». Когда в июне 1967 года Павел отдал Каролю Войтыле свою шляпу кардинала, это расценили как знак особого папского благоволения.

Кароль Войтыла использовал свое упрочившееся (благодаря речам на Соборе и налаженным контактам) положение на международной арене, чтобы помочь Польской церкви выйти на более широкую аудиторию. Известными стали его выступления по радио Ватикана, его часто приглашали для участия в беседах, транслируемых по Би-би-си. В последние дни Ватиканского Собора, в преддверии Рождества, он описывал для

Эдвард Стоуртон

аудитории стран Западной Европы канун Рождества в Нова Гуте.

«Вот уже несколько лет я провожу здесь [Рождественскую церковную] службу. Я служу ее под открытым небом, при температуре двадцать градусов мороза, среди покрытых льдом деревьев. Иногда я провожу ее во время снегопада, иногда под дождем, принесенным декабрьскими ветрами, прямо на мокрой земле, среди грязи. Но тысячи людей приходят сюда, несмотря на погоду... Может быть, ни в каком другом месте христиане не чувствовали себя более, чем здесь, свидетелями рождения Сына Божьего».

Павел VI с вниманием и сочувствием прислушивался к новому настойчивому голосу, призывавшему к расширению Церкви. Как и его предшественник, Павел VI сосредоточил внимание на положении Церкви в странах советского блока и стал проводить политику, впоследствии ставшую известной как «Ост-политика», то есть ориентированная на Восток.

Собор завершился 8 декабря 1965 года, и в канун Рождества архиепископ Войтыла произнес с кафедры: «Святой Отец дал свое благословение на то, чтобы этот камень с могилы святого Петра стал камнем фундамента новой церкви, которая будет возведена в Нова Гуте».

6

КАРДИНАЛ В ДЕЙСТВИИ

В самом начале сентября 1966 года в Восточной Европе в городке Беджин произошло примечательное событие. Место это, недалеко от Катовицкого региона, самого густонаселенного промышленного района в стране, с шестьюдесятью шахтами (в число которых входит и самая большая в Европе) и сталелитейными заводами, является индустриальным центром Польши. Угрозой безопасности, побудившей Министерство внутренних дел действовать, был не тайный агент из капиталистического лагеря, не склад оружия и даже не подпольная литература. Причиной являлась икона. Дело в том, что одной из составляющих празднования тысячелетия христианства в Польше должно было стать торжественное шествие по всей стране с копией иконы Черной Мадонны из Ченстоховы. Но, руководствуясь исключительно интересами национальной безопасности Польши, власти решили этого не допустить. Икону под охраной отвезли обратно в монастырь в Ясну Гуру, где она и оставалась взаперти до окончания празднований. Но, несмотря на это, торжественное открытие все же состоялось, и Кароль Войтыла, в чью епархию входило

и Катовице, выступил с обращением к прихожанам в городском соборе. Говоря об отсутствии иконы, он заметил: «Мы все собрались здесь для того, чтобы взглянуть на символ нашего единства, единства христианского и единства национального, того самого единства, которое формировалось в душах поляков веками, того единства, что обрело свою форму в образе Нашей Девы из Ченстоховы».

Слегка сюрреалистическую окраску это происшествие (то было время холодной войны, когда значительная часть человечества жила под угрозой ядерного уничтожения) приобрело благодаря действиям Польской церкви и проявленной ею стойкости в борьбе с коммунизмом. Празднование тысячелетия должно было оказаться пиком в противостоянии Церкви и государства, и обе стороны готовились к схватке заранее. Кароль Войтыла и Стефан Вышинский давили на правительство, требуя разрешить Павлу VI приехать в Польшу по случаю празднования (несмотря на сложность взаимоотношений, когда дело касалось властей, они действовали сообща). Гомулка слишком нервничал из-за предстоящего папского визита и энергично выступал против. Установленный им порядок был рассчитан на то, чтобы максимально отвлечь людей от католического праздника. Британский журналист-католик, освещавший события, сообщал, что даже изменили «расписание футбольных матчей, чтобы их проведение совпало со временем церковных служб. Детей увели на экскурсии, чтобы они не смогли пойти на празднования. Польские средства массовой информации сделали вид, что события вообще не существовало как такового». Но Гомулка не мог запретить Церкви по всей стране отмечать этот праздник, и весь 1966 год, ознаменовавшийся чередой бесконечных проповедей главы Польской церкви, вновь и вновь

напоминал людям о глубоко укоренившихся исторических связях между католицизмом и самобытностью польского народа.

Город Краков, древняя столица польских королей, являлся центром оваянной романтикой связи между верой и душой поляков, а потому тысячелетняя годовщина принятия христианства сделала епископа Краковского одним из главных действующих лиц национального праздника. За этот год Кароль Войтыла провел в разных уголках страны пятьдесят четыре праздничные мессы, прошел в торжественных процессиях по многим городам и деревням. Он нашел свой риторический стиль. Используя символы прошлого, он связывал их с современностью, и они становились понятны и близки каждому. Так, например, после процессии к останкам святого Станислава (великого краковского мученика) и святого Адальберта (первого польского миссионера) Войтыла, обратившись к толпе, сказал: «Когда сыпется на нас удар за ударом, мы всегда чувствуем, что те удары падают в прошлое, на голову святого Станислава и на сердце святого Адальберта». Постороннего подобные образы просто сбили бы с толку, но для слушавших его открывался секретный код, который помогал противостоять государственной власти (святой Станислав) и сохранять национальное своеобразие католической Польши (святой Адальберт). По свидетельствам очевидцев, проповедь «часто прерывалась аплодисментами и выкриками».

Кампания нового кардинала по поводу строительства церкви в Нова Гуте в конце концов заставила власти пойти на уступки, и после преодоления растянувшегося на годы сопротивления бюрократической системе работы по строительству церкви все же начались. Писатель-католик Питер Геблетвейт, посетивший это место в 1967 году, так описывает увиденное:

«Несмотря на моросивший дождь, на мессу на открытом воздухе собралась огромная толпа. Люди вставали на колени прямо в грязь, а через дорогу все шли и шли новые толпы. Проезжавшие мимо автобусы и грузовики, казалось, сливались с хором в общую гармонию. Над зонтами всем был виден образ Нашей Мадонны в шоколадно-коричневых тонах, окруженный таинственными огнями. Если бы только кто-то смог понять, — помню, подумал я тогда, — почему эти крестьяне, ставшие рабочими, собрались здесь, под дождем, среди грязи, он бы приблизился к разгадке тайны польского католицизма».

Польские власти пытались втянуть Кароля Войтылу в свои политические игры. Документ 1967 года, обнаруженный в архивах секретной полиции после краха коммунизма в Польше, подтверждал, что правительство старалось вбить клин раздора между двумя польскими кардиналами, надеясь, что их соперничество приведет к ослаблению Церкви в целом. Когда в Польшу приезжали с визитом выдающиеся деятели из-за рубежа, правительство старалось организовать для них встречи с Войтылой и обойти Вышинского, заставив последнего думать, будто им пренебрегают. К примеру, когда страну в 1967 году посетил Шарль де Голль, он, по настоянию пригласившего его правительства, отказался от предварительного намерения встретиться с кардиналом Вышинским и вместо этого полетел в Краков. Однако когда французский президент прибыл, оказалось, что архиепископ Краковский «занят иными делами» и в настоящий момент отсутствует, поэтому не сможет принять гостя в своем соборе. Подобная же солидарность была продемонстрирована и несколько позже, когда власти отказали кардиналу Вышинскому в паспорте для выезда в Рим для участия в

Синоде епископов. Кароль Войтыла отказался ехать без Вышинского. Польские епископы выступили с официальным заявлением, обвинив власти «в серьезном ограничении религиозной свободы», прозвучавшем в следующее воскресенье с кафедр всей страны.

Несостоявшийся актер из Вадовице, несомненно, получал удовольствие от тех театральных возможностей, которые представились для него в Кракове. Центр города со средневековой и барочной архитектурой хорошо сохранился, и на его фоне разворачивалась масса событий, которые выходили за пределы церквей на улицы города. Это была стратегия, рассчитанная на привлечение внимания публики, своего рода вызов коммунистическим властям, демонстрация того, что Церковь не собирается за закрытыми дверями ограничиваться молитвенниками и подушечками, что кладут во время молитвы под колени. Когда копия Черной Мадонны прибыла в мае 1966 года в Краков (это произошло еще до ее ареста), перед Кафедральным собором собралась толпа приветствовавших ее людей. Тогда архиепископ под проливным дождем остановил процессию, чтобы дать возможность собравшимся преклониться перед образом. Проследовав после этого в собор, он торжественно заявил:

«Мы стоим на пороге нового тысячелетия, и, посмотрите, Мария прибыла в собор Вавеля, чтобы вести нас далее... Совсем так же, как ведет она польский народ, как ведет она за собой Польскую церковь, шаг за шагом... в новое тысячелетие веры и христианской жизни... Мы приветствуем тебя в соборе Вавеля, о, творение рук Господа, Польская Богиня!»

Подобный эпизод произошел и после возвращения Войтылы из Рима, где он получил титул кардинала. Его приветствовали «тысячи ликующих лиц, люди

забрасывали его цветами». Это уличное представление по своему размаху не уступало шекспировским сценам. Облаченный в красную мантию кардинала, он сказал своим «дорогим краковянам», что «это [алый цвет] — дар церкви Святого Станислава, епископа и мученика, который, пролив кровь, стал первым, благодаря кому алый цвет стал цветом Кракова». Во время проповеди в храме он вернулся к этой теме.

«Возложив красный головной убор кардинала на мою голову, Святой Отец хотел сказать мне, что я должен еще лучше осознать цену крови. И выше всего следует мне ценить Кровь Спасителя. Ибо, хоть и пришлось бы мне пролить собственную кровь, именно ценой Крови Спасителя заплачено за то, чтобы я стоял сейчас в Церкви Господней».

Такие слова брали за живое и оказались далеко не праздной риторикой; не много времени прошло, а польской крови суждено было вновь пролиться.

Достижения Кароля Войтылы за последующие несколько лет стали в каком-то смысле тем поэтическим наследием, которое он оставил. Безошибочно создав удивительный сплав из религиозных чувств, романтизма и культурной и национальной гордости, лежащей в основе польского национального сознания, он получил собственный синтез, новое полотно, которое оказалось гораздо шире, чем просто борьба против давления коммунистов. Причиной трудностей, с которыми столкнулся Гомулка к концу 60-х годов, стало не только противостояние Католической церкви. Кризис коммунистической системы в Польше, так же как и в других частях советской империи, был гораздо шире.

Гомулка и партийные лидеры поставили далеко идущие планы, которые сделали бы Польшу эконо-

мически независимой, но выполнить намеченное им не удалось. В течение первых пяти лет пребывания Гомулки у власти производительность труда и зарплаты значительно снизились. Сельскохозяйственное производство, которое по плану должно было к 1965 году возрасти на 30 процентов, также упало. Народ не ощущал улучшений в жизни, зато партийная элита пользовалась массой привилегий. Когда Москва «по-братски» предложила «закрутить гайки» покрепче по отношению к «несогласным», под замок посадили нескольких ученых и закрыли некоторые журналы.

Сам Гомулка все более отходил от дел, замыкаясь в узком кругу единомышленников. Ухудшило положение еще и то, что он увидел угрозу своей власти со стороны правительства. Генерал Мичеслав Мозар, возглавлявший коммунистов-партизан во время немецкой оккупации, стал министром внутренних дел и, опираясь на свои военные заслуги, создал нечто подобное движению «левых патриотических сил». Он и его сторонники, играя на антирусских настроениях и разжигая антисемитизм, призывали к реставрации «сильной власти».

Описанный ниже случай лишь подлил масла в огонь общественного недовольства и политических интриг. Вот что произошло во время постановки пьесы литературного кумира Войтылы Адама Мицкевича. Его «Канун Предшественников» набатом прозвучал в политической обстановке 1968-го. «Написанная в начале девятнадцатого века, эта пользующаяся всеобщей любовью мистическая пьеса, — писал журналист и историк Нил Ачерсон, — проникнута поддержкой борьбы народа против царя. Это произведение о морали, религии и народе, в котором ни один из поляков не мог не увидеть ключа к решению проблем со-

временности. В январе 1968 года вся аудитория, не сдержав эмоций, разразилась громом аплодисментов в тех местах, где высмеивалась власть русских». Советский посол потребовал, чтобы пьесу запретили, власти ответили согласием. Студенты в знак протеста вышли на улицы, полиция пустила в ход дубинки.

В Чехословакии набирала обороты «Пражская весна». В политике Польши весной 1968 года царил хаос. Генерал Мозар продолжал баламутить народ, надеясь, что именно в нем он в конце концов увидит «сильного лидера», способного спасти Польшу от анархии, — тактика, которую Норманн Дэвис охарактеризовал как «классический пример политических провокаций, типичный для диктаторов стран Восточной Европы». Мозар послал полицейские отряды в Ягеллонский университет на подавление бунта, хотя никаких студенческих беспорядков в это время в городе не наблюдалось. Евреи, либералы и представители интеллигенции отмечались особо его сторонниками, которые развернули антисемитскую кампанию, доведя ее до такой массовой истерии, что к концу 1968 года две трети оставшихся в Польше евреев вынужденно покинули страну. Гомулка, имея жену-еврейку, занял четкую позицию по поддержке этой нации, но в то же время присоединился к нападкам на либералов и интеллигенцию и, казалось, не мог более контролировать ситуацию. Обстановка сложилась довольно напряженная и в общем никоим образом с религией не связанная, — она лишь свидетельствовала о слабости политической системы, давшей трещину в самом основании.

Во время кризиса 1956 года Кароль Войтыла оставался незаметной фигурой — трудолюбивым священнослужителем, преподавателем теологии. В 1968 году он уже был кардиналом с национальной платформой

и четко сформулированным представлением о позиции католицизма в происходящих событиях. В мае он сказал:

«Все те тяжести и невзгоды, которым подвергается вера, выпадают на нашу долю для того... чтобы дать возможность вере обрести форму. Мы все должны это себе сказать и не бояться. Господь более могущественен, чем люди! Если кто-либо на самом деле желает жить с верой... он справится с этой задачей!.. Пусть знание того, кто мы есть, пребудет с нами везде; дай нам не склонить главы, дай нам смотреть прямо в глаза...»

Обстоятельства сложились так, что надежды Мозара не оправдались: угроза повсеместной гражданской войны, которая заставила бы народ пойти за ним, так и не материализовалась. Гомулка все еще пользовался поддержкой главы советского государства Леонида Брежнева, которому требовалась помощь поляков для того, чтобы подавить всплеск либерализма и независимости в Праге. При вторжении советских войск в Чехословакию в августе 1968 года в операции принимали участие польские солдаты и танки, и благодарный Брежнев осенью появился на съезде Польской Коммунистической партии, чтобы выразить свою солидарность с ее лидерами. Кризис миновал, и Гомулка продержался на плаву еще пару лет.

Нил Ачерсон приводит описание тех изменений, которые произошли за 1968 год. До этого момента, полагает он, большую часть интеллектуальной оппозиции составляли «либералы, в том смысле, что между догматическими блоками католиков и коммунистов они прокладывали гуманистическое направление, не лишённое скептицизма», они основывались на предположении, что коммунистическая система может быть изменена изнутри, путем реформ. «Среди ее ли-

дерев было много ассимилировавшихся евреев, часто с марксистским прошлым». Все это исчезло среди сумятицы и жестокости событий 1968 года, и когда интеллектуальная оппозиция появилась вновь, она, по мнению Ачерсона, стала уже совсем иной, «более консервативной, более исторически сориентированной, более обращенной к Католической церкви, в которой видела своего руководителя и заступника». Другими словами, это интеллектуальное движение оформилось в залах архиепископской резиденции в Кракове.

Гомулка полностью себя дискредитировал как провалом экономической политики, так и неспособностью уловить религиозные общественные настроения. После кризиса 1968 года он попытался провести рыночную реформу, однако предложенные им меры создали новые проблемы, и в декабре 1970 года он вынужден был пойти на повышение цен на продукты питания. Известие об этом передали по варшавскому радио в преддверии Рождества. Начались забастовки и марши протеста на судоверфях Гдыни и Гданьска. Полиция снова взяла в руки оружие и дубинки. Вот свидетельство очевидца:

«Один из командующих, лейтенант, просто выстрелил в толпу из маленького пистолета. Это произошло на расстоянии вытянутой руки от меня, но я понял, что случилось, только когда увидел струю крови. Одному из парней с судоверфи пуля попала прямо в горло, в артерию, и кровь, понятно, забила фонтаном. Как будто нефть охватило пламя — такое сравнение есть у нас, поляков. То же произошло и с людьми. Увидев это, они стали бросаться на кордон полицейских. Началась бойня».

Убитого отвезли в больницу. «Где-то нашли польский флаг, и флаг этот весь был пропитан кровью».

Так начался поединок, который длился несколько дней. Правительство столкнулось с угрозой всеобщей забастовки или повсеместной революции, поэтому 20 декабря Гомулка был смещен, и его заменил Эдвард Герек. Кардинал Войтыла в это время ехал в Краков к священнику, выздоравливавшему после операции по удалению опухоли. Прооперированный услышал новость по радио в больничной палате и сразу же рассказал ее приехавшему посетителю. «Кардинал выслушал меня очень внимательно, в полном молчании. Когда я закончил, он сказал следующее: “И право, непостижимы пути Господни”». На последней в этом году рождественской службе, которая проходила в францисканской церкви в Кракове, его проповедь обрела новый риторический оттенок, прозвучавший как отголосок недавних событий в портовых городах.

«У нас позади тяжелые испытания последних нескольких недель, и все это как раз перед Рождеством. Недели эти останутся кровавой страницей в анналах истории нашей нации, написанных польской кровью и поляками пролитой... Эта ночь не такая, как обычно; мало кто способен думать сейчас о праздничном веселье. Вместо этого мы чувствуем необходимость искупления, переосмысления всего перед Богом, потребность обратиться к своей совести, помолиться за умерших и за тех, кто страдает там, далеко от нас, в городах на побережье».

Его обращение к Эдварду Гереку, даже с учетом того, что Польская церковь всегда была в высшей степени политизированной, звучало предельно ясно. Кардинал говорил «о праве на жизнь, праве на свободу... в атмосфере подлинной свободы, свободы беспрепятственной и неограниченной, свободы, которой

ничто не угрожает в практическом смысле, свободы без страха за то, что произойдет, если я буду действовать так, а не иначе, если пойду в то или иное место».

Многое здесь уже сказано о вере Кароля Войтылы в Провидение, о его склонности видеть во всем перст Божий и, конечно же, руку Девы, — не важно, относилось ли это к истории или к его собственной жизни. Но необходимо еще отметить, что в этот период он прекрасно видел динамику социальной жизни, которая приводила людей в Церковь во времена бурь и потрясений. Он говорил:

«Религия перестала быть принудительно-обязательной. Наоборот, она стала запрещенной. Тяга к ней — это тяга к свободе, но это ненадолго. По большому счету, к религии нельзя относиться как к возможности продемонстрировать свою независимость... Создается своего рода прибежище для католиков. Люди видят в Церкви место, где можно укрыться, они находят в ней то, без чего не могут жить... Встречи во время месс... дают им ощущение силы и безопасности... Само правительство привело их к христианству».

Обоим польским кардиналам можно простить их сетования по поводу того, что всемирная Церковь не оказала им должной поддержки во время тяжелых событий конца шестидесятых годов. Поддержку в виде денежной помощи они получили от американских католиков. Инициатором ее выступил Джон Крол, архиепископ Филадельфии, когда-то покинувший Польшу и назначенный кардиналом на той же церемонии, что и Кароль Войтыла. Однако в Риме назрел кризис другого рода, и Кароль Войтыла принял некоторое участие в этой драме. Здесь стоит остановиться, ибо происшедшее имело продолжение в период его правления в Риме.

Епископальная комиссия по вопросам населения, семьи и рождаемости — более известная впоследствии как Комиссия по контролю за рождаемостью — появилась довольно странно. Она начала свое существование в 1963 году. Идея ее создания возникла у кардинала Леона Суененса, архиепископа Брюссельского. Известный представитель либерального направления Второго Ватиканского Собора, он был одним из тех западно-европейских епископов, кто чувствовал необходимость перемен в обществе, где большая семья более не считалась долгом католика. Осенью 1963 года шестеро мужчин — доминиканский политик, два иезуита, демограф, социолог и британский врач — тайно встретились в отеле «Дом в лесу» в Бельгии и занялись обсуждением наболевшего вопроса: может ли Церковь изменить свою позицию в отношении применения противозачаточных средств.

На свою вторую сессию Комиссия собралась в Риме. Представитель Британии Джон Маршалл описал мне ту несколько странную атмосферу, в которой проходили дискуссии. «Совершенно неожиданно друзья одного из членов Комиссии, оказавшиеся в Риме, были приглашены на обед, — рассказывал он. — Нужно было видеть, какое изумление читалось на их лицах, когда за кофе стали обсуждать вопрос *прерывания полового акта*». Дискуссии проходили в атмосфере общего возбуждения, свойственного светским дискуссиям, речь шла о возможностях, которые дают легкодоступные и исключаяющие элемент риска противозачаточные средства.

Католическая пресса заинтересовалась вопросом не менее остальных. Кардинал Суененс даже вынес этот вопрос на Совет Ватикана. Взяв текст Ветхого Завета, он вопрошал: «Разве мало сказано в этой фразе “плодитесь и размножайтесь”, и разве недостаточ-

но того, что сказано здесь: “...и будут они единой плотью”?. Прошу вас, братья епископы, не допустите второго “Дела Галилея”. Одного для Церкви вполне достаточно». Ссылки на попытку Церкви отвергнуть науку, осудив в начале семнадцатого века теорию Галилея, оказалось довольно, чтобы продолжительные аплодисменты огласили собор Святого Петра.

Летом 1964 года Папа Павел VI официально признал существование Комиссии. Это было шагом вперед, так как означало, что в Церкви, по крайней мере, существует возможность изменений. Немного позже, в том же году, Комиссия приняла радикальные меры, расширив свои ряды за счет включения людей разных профессий. «Те из нас, кто рассматривает этот вопрос с научной точки зрения, — сказал Джон Маршалл, — понимают, что мужчина и женщина с улицы так же, как и те, которые разделяют супружеское ложе, тоже должны иметь право высказаться по этому вопросу. Здесь речь идет не о чистой теологии или науке, но о самом человеке, его чувствах, его опыте».

Американской супружеской паре Кроулеев, приглашенной для участия в работе Комиссии, было предложено представить мнения простых католиков по этому вопросу. Поток хлынувших писем дал наглядную картину тех бед, которые выпали на долю католиков, следующих учениям Церкви. «У нас дома трое маленьких болезненных детей, еще один стучит ножками у меня в животе, муж начал пить», — писала одна женщина. «Я жила надеждой, надеждой на Бога, надеждой, что я не забеременею в ближайшее время, надеждой на то, что кто-то поймет, как мне тяжело», — сообщала другая. «Звучащая в этих письмах боль разрывает сердце, — сказала Пэтти Кроулей, — и мы просто представить себе не можем, что Церкви нужны такие жертвы и такое послушание». Представ-

ленный обзор оказал большое влияние на Комиссию, в составе которой на последней сессии уже насчитывалось пятьдесят пять членов, в том числе пятнадцать епископов. В июне 1966 года она большинством голосов одобрила документ «Родительская ответственность», который рекомендовал внести изменения в учение Церкви.

Текст документа был полностью напечатан в американском издании «Нэшнл Кэтолик Репортер» и в британском журнале «Тэблет». Там же широко распространялось предположение, что Папа Павел VI примет во внимание рекомендации. Но он этого не сделал, и когда энциклика «Humanae Vitae» («Человеческая жизнь») была опубликована летом 1968 года, она оказалась одной из самых спорных за всю историю Церкви. «Мы напоминаем вам, — говорил Павел верующим, — что употребление противозачаточных средств — большой грех, который оскорбляет Бога, разрушает гармонию жизни, закрывает доступ к телу Христову и, что особенно прискорбно, разрушает жизнь супружеской пары».

По всей Западной церкви прокатилась волна открытого неподчинения. 640 американских священников и теологов подписали петицию против энциклики; 5 000 рядовых католиков в Германии открыто объявили, что они отказываются следовать такому учению, а епископы Англии и Уэльса опубликовали заявление, которое практически одобряло протест против учения Папы. «Вполне понятно, — говорилось в нем, — что многие мужья и жены, ожидая подтверждения Папой обещанного изменения, стали прибегать к противозачаточным средствам. Они сознательно так действовали, зачастую посоветовавшись со священником. Теперь они не поймут, почему, в силу сложившихся обстоятельств, то, что они делали, счита-

ется недопустимым». На Павла VI, по свидетельствам окружающих его людей, происшедшие события повлияли очень сильно, он так и не смог оправиться от той травмы, которую они ему нанесли, и оставшиеся дни своего папства провел в мучительных размышлениях по поводу раскола, охватившего Церковь.

Роль Кароля Войтылы в этом вопросе остается не совсем ясной. Как автор «Любви и ответственности» он, естественно, был выбран для участия в работе Комиссии, и пригласил его туда сам Павел. Но на решающей, финальной сессии при голосовании Войтыла отсутствовал — работа Комиссии растянулась на три месяца, а в начале 1966 года его присутствие требовалось в Польше в связи с тысячелетием принятия христианства. Однако он организовал собственную Комиссию в Кракове, и результатом ее деятельности стал документ «Основы церковной доктрины по вопросам супружеской любви», который был послан в Рим в феврале 1968 года, когда Павел добавлял последние штрихи к своей энциклике. Высказывались разного рода соображения по поводу того, в какой степени Краков повлиял на окончательный текст «*Humanae Vitae*». Судя по документам, на Павла «поднажали» консерваторы, намеревавшиеся взять вопрос о противозачаточных средствах под свой контроль. Над энцикликой также поработала в 1967 году группа из четырех консервативных теологов, задавшихся целью доказать, что традиционное учение Церкви незыблемо. Однако не вызывает сомнений тот факт, что «*Humanae Vitae*» была встречена Краковским епископом с большим энтузиазмом, нежели многими епископами в Западной Европе. Вскоре после ее публикации кардинал Войтыла высказал одобрение энциклики в характерном для него стиле на проповеди в старинной церкви Святой Марии, расположенной на кра-

ковской Рыночной площади. «Если оказывается, что это слишком трудно, если моральные требования к человеку столь высоки, — значит необходимо отвечать этим требованиям».

Как и Второй Ватиканский Собор, энциклика определила контуры баталии, которая развернется впоследствии при Понтифике Иоанне Павле II. Давление настаивающих на переменах либеральных католиков Западной Европы и Соединенных Штатов, которые изначально спровоцировали кризис, более или менее ослабло по той простой причине, что большинство из них в конце концов просто решили игнорировать энциклику. В то же время из-за распространения СПИДа отношение Церкви к противозачаточным средствам оказалось вопросом жизни и смерти. А за дебатами, которые велись вокруг секса, стоял другой важный вопрос — вопрос власти. Аргумент консерваторов, отстаивавших свою линию в «*Humanae Vitae*», состоял в том, что, если Церковь меняет свое мнение относительно учения, из века в век пропагандировавшегося возглавлявшими ее папами, ставится под сомнение сама идея папской власти. Получалось, что подрываются основы папской власти, ибо энциклика спровоцировала первый случай массового неповиновения указаниям Папы со стороны людей, считающих себя истинными католиками. «*Humanae Vitae*» подняла также вопросы о природе истины, затронув тему, которая во время правления Иоанна Павла вышла на первый план. Включение рядовых католиков в Комиссию по контролю за рождаемостью стало отражением идей Ватикана II относительно того, что истину нужно искать во всей Церкви, а не только среди церковной иерархии, и что опыт живущих в миру католиков должен стать частью процесса выработки решений. Отрицание Комиссией мнения большинства воспри-

няли еще и как отрицание этого положения. Церкви, как утверждает энциклика, «не менее чем ее Священному Основателю, назначено быть “знаком противостояния”».

И наконец, энциклика породила еще одно феноменальное явление, которое станет характерной чертой церковной жизни в годы правления Иоанна Павла II, — открытое противостояние видных теологов и Ватикана. Чарльз Курран, выдающийся профессор богослов Католического университета в Америке, провел пресс-конференцию в отеле «Мэйфлауэр», недалеко от Белого дома, с целью осудить энциклику, и вскоре обнаружил, что втянут в настоящую схватку с защитниками традиционной доктрины в Риме. Ганс Кунг, авторитетный швейцарский богослов, высоко себя зарекомендовавший во время Второго Ватиканского Собора, полагал, что учение о контроле за рождаемостью было примером разросшейся «папской непогрешимости», для которого в богословии нет оснований. Его вышедшая в 1970 году книга «Непогрешимый?», с подчеркивающим остроу проблему вопросительным знаком, привела его к конфликту с Римом, а при Иоанне Павле в 1979 году Кунга окончательно лишили права проповедовать как католическому священнику.

Научная деятельность Кароля Войтылы в 1970 году тоже подверглась серьезному испытанию. В середине декабря он присутствовал на конференции в Люблине, посвященной исключительно его последней книге «Действующий человек». Встреча проходила в самый разгар спровоцированных Гомулкой народных возмущений, вызванных повышением цен. Сам факт, что кто-то смог уделить внимание последнему экскурсу Войтылы в дебри феноменологии в то время, когда из Гданьска и Гдыни поступали ужасные новости,

говорит о том, что все, что ни делал будущий Папа, привлекало к себе пристальное внимание. Однако вердикт, вынесенный многими кардиналами, оказался отнюдь не лестный. Один из девятнадцати присутствовавших философов сказал, что перечитал книгу дважды, но не уверен, что понял ее. Голос Войтылы-проповедника на этом этапе был чист и ясен, но нельзя сказать то же самое о Войтыле-философе.

Джордж Ханстон Уильямс, гарвардский академик, автор подробного научного труда «Мысли Иоанна Павла II», вышедшего в 1981 году, описывает «Действующего человека» как «книгу, очень трудную для прочтения на любом языке», и сожалеет о неудаче, постигшей автора. «Если бы он только вспомнил, как когда-то сам рыдал в котельной «Солвея» во время оккупации, пытаясь усвоить метафизику отца Вейса, или сколько раз терял надежду освоить «Formalistus» Шелера, когда впервые переводил его на польский, чтобы хоть как-то уяснить для себя!» Тех из нас, кто пытался вчитаться в философские труды Кароля Войтылы и почувствовал себя неполноценным, подобное суждение опытного философа несколько успокоит. Тон профессора Уильямса едва ли не фамильярный, он критикует, с одной стороны, добродушно, с другой — безжалостно. «У Войтылы масса достоинств, — пишет он. — Он говорит о таких вещах, как разница между рефлексивным и рефлексивным сознанием, об объективации и субъективизме. Подобные сложности не привлекают внимание читателей». Судя по отзывам философов в Люблине, книга показалась им довольно запутанной, в ней «использован словарный состав двух философских языков, без особой заботы о том, будут ли слова правильно истолкованы».

И все же в основе этой книги, которая является самым значительным философским трудом Кароля

Войтылы до его избрания Папой, заключено глубокое по содержанию, открытое послание ко всем христианам. В его основе лежит старый, как мир, вопрос: что значит быть человеком, вопрос, с которым обстоятельства вынудили столкнуться Кароля Войтылу гораздо раньше, чем многих из нас, из-за того, что ему пришлось жить при такой системе правления, которая негуманна в самой своей основе.

«Доводы Кароля Войтылы, — объясняет профессор Уильямс, — построены на концепции свободы воли и самоопределения... моральных нормах... и концепции абсолютной истины, естественной и раскрываемой». Он полагает, что все мы видим мир через «окрашенные духовностью очки», и отвергает все формы детерминизма, вне зависимости от того, откуда они взяты — из философских школ Фрейда и Юнга или из железных законов марксизма. «Свобода для Войтылы, — пишет профессор Уильямс, — заключается в выборе истины для себя по собственному усмотрению, без нажима как со стороны инстинктивных, подсознательных механизмов изнутри, так и без насилия извне (социально-политического давления). В «Действующем человеке» заложены основы двух главных направлений действий будущего Папы: это утверждение принципа достоинства личности и морального долга, стоящего перед каждым человеком».

Хотя книга сама по себе является «исследованием в области феноменологии», профессор Уильямс данный факт оспаривает, основываясь на том, что в основе ее лежат такие устаревшие христианские исходные предпосылки, как существование свободы воли и абсолютной истины. Но это и есть характерные черты Кароля Войтылы, проявлявшиеся почти на каждом повороте его жизненного пути. Он с готовностью погружался в те области, которые вызывают нервозность

у многих современных клерикалов, будь то интимные беседы о сексе или походы на байдарках, его выбор необычных философских тем или его беспрецедентная любовь позировать перед телекамерой на фоне старомодного стиля Ватикана.

За выходом в свет «Действующего человека» последовали две неожиданные вещи: включился механизм цепляющихся друг за друга событий, благодаря которым Кароль Войтыла стал видной фигурой Католической церкви в Соединенных Штатах, вследствие чего возникли тесные контакты с некой замужней дамой. Доктор Анна-Тереза Тименеска родилась в среде мелкопоместного дворянства в довоенной Польше и в 1945–1946 годах училась в Ягеллонском университете в Кракове, так что можно сказать, что у нее с кардиналом Войтылой имелось в прошлом нечто общее. Защитив диссертацию и получив ученую степень, она покинула Польшу и продолжила свою научную карьеру сначала в Фрайбурге и Париже, а затем в Соединенных Штатах, ведя преподавательскую и научно-исследовательскую работу в Беркли, в Орегонском государственном университете, Яле (штат Пенсильвания), где она была доцентом философии, и в колледже Браун Мавр. Изыщная рыжевато-блондинка и, по словам знакомых с ней, чрезвычайно привлекательная, она, со своим аристократическим прошлым и *curriculum vitae* (анкетными данными), являлась в мире науки человеком энергичным и стремительным. Выйдя замуж за известного экономиста из Гарварда (профессора Гендрика Гаутхаккера, советника Никсона в Белом доме), она основала у себя дома в Массачусетсе «Мировой институт передовых исследований в области феноменологии».

Если судить по названию института, доктор Тименеска разделяла философские интересы Кароля Вой-

тылы. Осенью 1972 года посетивший ее польский ученый дал ей экземпляр книги кардинала. В отличие от своих коллег в Люблине, она пришла в восторг от труда Войтылы. Более того, под впечатлением от прочитанного она полетела в Краков, чтобы встретиться с самим автором. Впервые разговаривая с будущим Папой в гостиной его резиденции на Францисканской улице, она нашла, что «он удивлен, увидев такое восхищение, вызванное его философскими взглядами после того, как его работа была раскритикована по всем статьям философами-католиками в Люблине». И конечно же, как человек он был польщен, так что, когда доктор Тименеска пригласила его сделать доклад о Фоме Аквинском на организованной ею в Неаполе конференции, он согласился. Участие Кароля Войтылы было встречено с энтузиазмом, и двое философов, Войтыла и Тименеска, заговорили о возможном издании книги «Действующий человек» на английском языке.

Здесь стоял вопрос не просто о переводе книги. Несмотря на тот энтузиазм, с которым доктор Тименеска выражала свое восхищение, невозможно отрицать, что в изложении материала отмечалась некоторая беспорядочность (о которой не раз упоминалось на семинаре в Люблине), не доведенные до логического завершения идеи, а порой и грамматические ляпсусы. Если учесть все должностные обязанности кардинала Войтылы и все события, в которых он участвовал, то не покажется удивительным и то, что он скорее всего работал над книгой в спешке и редко перечитывал написанное.

Так на последующие три года задача придать мыслям кардинала необходимую для публикации в Соединенных Штатах стройную форму заняла все мысли доктора Тименески, и она вся отдалась этой работе.

Она по несколько раз в год ездила в Европу, посещала Краков, Варшаву, Рим (следуя по маршрутам, отмеченным в планах кардинала), проводя в каждой поездке недели только ради того, чтобы оказаться в распоряжении кардинала в любой свободный момент, который, при его столь напряженном графике, улучшить было весьма трудно. Иногда это оказывался просто короткий совместный завтрак или обед, иногда Тименеска сопровождала его в какой-нибудь длительной автомобильной поездке, чтобы воспользоваться его вниманием. Во время ее приездов в Краков им обычно удавалось урвать для общения целый день, что давало возможность полностью отдаться работе. «Были и прогулки по лесу, — вспоминала Анна-Тереза позднее. — Он любил ходить пешком... Мы были с Дзивичем [личным помощником кардинала], — твердо добавляла она, — мы ходили втроем...»

Воспоминания Анны-Терезы Тименески о ее взаимоотношениях с Каролом Войтылой можно найти в биографии, написанной Карлом Бернштейном и Марко Полити. В интерпретации Тименески это история наделенного верховной властью деятеля, который пытается урвать любую свободную минутку, чтобы провести ее с ней. Она называет кардинала «мужчиной очень элегантным», отзывается с похвалой о его даре заставить «любого человека почувствовать, что он всецело занимает его внимание». Она говорит о «его личном внутреннем обаянии», «поэтичной натуре», о его «способности очаровывать людей, с которыми он общается», и отмечает, что только Войтыла «так умеет улыбаться, так смотреть, все охватывая взглядом, как не может никто другой. Он создает вокруг себя ощущение красоты». Однако любые предположения о романтической привязанности Тименеска отрицала. «Как могла я влюбиться в священника средних

лет? — заявляет она в интервью, которое дала авторам книги. — И кроме того, я замужняя женщина».

Никто никогда не высказывал серьезного предположения о том, что между ними могли быть выходящие за рамки положенных отношения, однако Джордж Ханстон Уильямс, автор книги «Мысли Иоанна Павла II», хорошо знавший доктора Тименески в этот период жизни, не сомневается, что здесь не обошлось без сексуального влечения, по крайней мере с ее стороны. «Конечно же, так оно и было, — говорит он. — Эрос, в каком-то смысле, — основа любой философии. Вы должны полюбить. Она была существом страстным. Ее страсть к Войтыле являлась страстью католички. Иными словами, это была страсть, сдерживаемая рамками его положения в Церкви и ее собственного понимания того, каковы должны быть эти рамки». Те, кто попытается найти в этих взаимоотношениях нечто предосудительное, разочаруются не менее, чем удручен был я, когда, приступив к написанию этой книги, обнаружил, что многих, обращавшихся ко мне, более всего интересует информация о том, имелись ли у Иоанна Павла II сексуальные связи. Его крепкая дружба с Анной-Терезой Тименески, как и его отношения с девушками в юношескую пору, позволяют предположить, что он отнюдь не представлял собой карикатурную фигуру индифферентного клерикала, не более того.

В 1976 году доктор Тименеска организовала для кардинала Войтылы и отца Станислава Дзивича, его личного секретаря, поездку в Соединенные Штаты. В то лето он возглавлял польскую делегацию на конгрессе в Филадельфии, и Анна-Тереза составила приуроченную к этому событию трехнедельную программу, решив представить его «как великую личность и великого политического деятеля». Тименеска устро-

ила «обед в президентском доме в Гарварде» на 250 персон, еще один вечер был устроен ею в Вашингтоне. Кароль Войтыла прочитал в Гарварде лекцию, которую приняли очень тепло, встретился с главами Американской Католической церкви в Вашингтоне. Впервые о нем заговорили как о возможном кандидате на папский престол на страницах «Нью-Йорк Таймс». В период его пребывания в Америке выдалось и время «простоя», которое он провел с доктором Тименески в ее доме среди лесов Вермонта. Были и утренние мессы в саду за домом, на которых присутствовали отец Дзивич и сын доктора Тименески, и ежедневные заплывы в озере, и детальное обсуждение «Действующего человека» за кухонным столом.

Воспоминания Анны-Терезы Тименески о Кароле Войтыле производят сильное впечатление. Она хорошо знала все стороны его жизни до того, как он исчез за вуалью почтения и приличествующей его положению формы, закрывавшей его на папском престоле. «Окружающие его люди видят в нем очаровательнейшего, скромнейшего человека, — говорила она. — Им не видна та железная воля, которая за всем этим стоит... Он всегда обходителен. Его железная воля стоит за этой его обходительностью и огромной внутренней свободой». По ее описаниям, «он не так прост, как это может показаться на первый взгляд. И не столь скромный. Он очень высоко себя ценит, ценит по достоинству». На вопрос, относился ли Кароль Войтыла к таким людям, которые меняют свои убеждения, доктор Тименеска высказала предположение, что в том случае, если его интересовали какие-либо новые идеи, он по-настоящему готов был их принять, только если они не входили в противоречие с его собственными.

Фактически международная репутация Кароля Войтылы росла вне зависимости от кампании, раз-

вернутой доктором Тименески. Кардинал Войтыла являлся членом Конгрегации по церковной службе в Ватикане (в одном из наиболее засекреченных отделов в тот период из-за шума по поводу реформ Второго Ватиканского Собора), по духовенству, по католическому образованию (к вопросам в этой области он питал наибольший интерес из-за предпринятых коммунистами попыток препятствовать распространению католического учения в Польше). Кроме того, он был активным участником четырех из пяти Синодов епископов, которые последовали за Ватиканским Собором. Единственной встречей, которую он пропустил, стал Синод 1967 года, куда он не приехал из-за отказа в выезде кардиналу Вышинскому. С энтузиазмом поддержанное им положение о превосходстве Папы на Синоде 1969 года вызвало одобрение Павла VI, а на Синоде 1971 года, где Кароль Войтыла был озарен постоянным членом секретариата Синода, неоднозначно дал понять, как ценен для священников обет безбрачия. Его выступления, по всей видимости, производили впечатление; архиепископ Дерек Ворлок из Ливерпуля (который в плохом настроении был очень раздражителен) отозвался о Кароле Войтыле как об одном из лучших умов, которые он когда-либо встречал.

Положение Войтылы, как и впоследствии занятый им папский престол, позволяли ему удовлетворить свою ненасытную жажду к путешествиям. В середине семидесятых кардинал Войтыла, кроме поездки в Соединенные Штаты и регулярных визитов в Европу (Италия и Германия являлись самыми часто посещаемыми им странами), съездил в Австралию, Новую Зеландию, на Филиппины и в Новую Гвинею. «Кардинал Войтыла не просто больше других прелатов ездил по миру, — писал в 1979 году биограф Георг Блажинский, — но и установил больше всех контак-

тов». Большая ошибка цинично расценивать это как симптом карьеризма. Конечно, он получал удовольствие от появившихся благодаря его положению возможностей, но и в том, что Войтыла безупречно выполнял свои обязанности, не приходится сомневаться.

В середине семидесятых в Польше начался новый этап политических манипуляций. Период правления Герека так же, как и у Гомулки, начался с надежд. В прошлом шахтер, с опытом работы в Западной Европе, Герек умел прислушиваться к общественному мнению и приступил к своим обязанностям с твердым намерением дать Польше возможность получить свою долю общеевропейского процветания, не доставшуюся ей после окончания Второй мировой войны. За пять лет, начиная с 1971 года, он добился невиданного за годы коммунистического правления экономического роста. Но реальность вновь опровергла принципы плановой экономики, и он вновь, как и его предшественник, был вынужден заявить в 1976 году о подъеме цен. Опять начались волнения, и опять правительство отступило. Герек пережил кризис, но его положение значительно ухудшилось. Оппозиционные группы различных течений и оттенков начали набирать силу.

В результате Церковь обрела вес в расстановке политических сил. Ее популярность и политическое влияние в обществе достигло своей высшей точки. 93 процента поляков (включая и рабочих-партийцев) приняли крещение, 90 процентов населения регулярно посещали церковь. Процесс «превращения христианства в средство административного воздействия», как назвал это будущий Папа, рос быстрыми темпами. Было столько желающих стать священниками, что семинариям приходилось многим отказывать, и, в противовес картине, сложившейся в Западной Евро-

пе, общее количество церквей, священников и епископов неуклонно возрастало. Польша может похвастаться своим Католическим университетом в Люблине — единственным в коммунистическом лагере. Закону Божьему обучали в 18 000 так называемых школах катехизиса (иными словами, в приходских церквях, частных домах и принадлежащих церквям помещениях).

Католицизм настолько сильно распространился в польском обществе, что Герек не мог с этим не считаться, и после кризиса 1976 года глава Коммунистической партии обратился к кардиналу Вышинскому за помощью. Они встретились в октябре 1977 года с глазу на глаз, чтобы обсудить вопросы «единства Польши». Герек нуждался в поддержке церковной иерархии, чтобы противостоять увеличивающемуся расслоению общества. Через несколько дней на проповеди Стефан Вышинский недвусмысленно дал понять, что Церковь должна внимать «требованиям *здорового смысла*», особенно в трудных для страны ситуациях. В ответ Герек сделал целый ряд заявлений относительно того, как следует относиться к Церкви в Польше. Встреча не привела к полному признанию правительством законных прав Церкви (как многие епископы на то надеялись), однако сам факт, что коммунистический лидер был вынужден обратиться за помощью к католическому кардиналу, говорит о многом. Власти заговорили о Вышинском как о «выдающемся патриоте Польши». К этому времени прагматический подход стал находить поддержку в Ватикане. Павел VI и его представитель в Западной Европе, кардинал Казароли, продолжали проводить политику, «обращенную к Востоку», и вскоре Эдвард Герек отправился в Рим для беспрецедентного мероприятия — встречи с Папой Римским.

Кардинал Войтыла относился к развитию отношений между Церковью и государством все более сдержанно. Хотя он и продолжал поддерживать примаса Вышинского, свое внимание Войтыла сконцентрировал скорее на принципах действий, нежели на выгоде, которую они сулят. Если попытаться понять, как отразились события в языке написанного и сказанного Войтылой, вызывает удивление, насколько отличается это по стилю от его проповедей и научных работ, написанных им в тот же, столь плодотворный жизненный период. Он умел находить слова, обладающие неограниченной силой и мощью. Вот, например, что он говорил об образовании в Польше.

«Не стоит думать, что наши учителя, которые, в большинстве своем, являясь детьми нашей нации, а значит, людьми верующими, воспользовавшись своим служебным положением и ролью в обществе, станут защищать ту точку зрения, которую они не разделяют. Не следует считать, что действие, подобное хакакири, может обрушиться на человеческое сознание, на человека как личность. Нельзя ждать от человека, который учит других, который передает истину из поколения в поколение, что он будет жить двойной жизнью. Ибо это — противно человеческому достоинству и не соответствует национальным интересам Польши... Будущее нашей страны зависит от того, будут ли люди, которых мы сейчас обучаем в школах, независимыми, духовно развитыми и социально ответственными».

Как сфокусированные в нужной точке линзы фотоаппарата, слова помогали Каролю Войтыле высветить контуры парадокса таким образом, что фальшивые стороны жизни в коммунистическом обществе становились очевидны. Латинист Иоанна Павла (че-

ловека, в задачи которого входил перевод всех высказываний Папы на официальный язык Церкви) как-то пожаловался мне, что Войтыла имеет склонность к многословию, образности и некоторой неточности языка, однако проповеди его в конце семидесятых годов отличались ясностью и прямоотой. Их положения о правах человека-христианина прочно вошли в нашу жизнь. Вот отрывок из проповеди 1977 года.

«Права человека — жизненно важная часть его существования, и Бог, став человеком, дал тем самым подтверждение человеческого достоинства. Поэтому нельзя их произвольно ограничивать. Никто не имеет права заявить: ты имеешь те или иные права, потому что ты представитель той или иной нации, расы, класса или партии, а вот ты — такими правами не обладаешь, потому что не принадлежишь к той или иной расе, классу или партии... Каждый человек, обладая уже тем преимуществом, что он рожден человеком, имеет право на социальное продвижение в рамках общества, в котором живет. И каждый человек обязан оказывать влияние на жизнь общества в целом, формируя ее в соответствии с законами справедливости и любви, а не отстаивая интересы отдельных групп во имя какого-то одного класса. Каждый человек, родившийся на польской земле, уже по одной этой причине есть дитя матери-Польши. И недопустимо заявлять кому бы то ни было, что он или она являются в меньшей степени поляками, нежели другие».

Даже тридцать лет спустя эти слова не оставляют прочитавшего их равнодушным. Можно представить себе, какое впечатление производили они в обществе, в основе идеологии которого лежало наделение привилегиями одних и дискриминация других в зависимости от их членства в партии.

Наряду с уверенностью в своей правоте возрастала и готовность оказать отпор властям. 7 мая 1977 года в Кракове лидер студенческой оппозиции Ягеллонского университета умер при странных обстоятельствах неподалеку от резиденции кардинала. В официальном отчете причиной смерти была названо падение, но почти все считали, что его забила насмерть секретная полиция. В соборе Вавеля собрались тысячи людей. Руководивший траурной церемонией Кароль Войтыла едва ли не напрямую обвинил власти в убийстве. Это был очень смелый шаг, благодаря которому и другие обрели мужество и стали открыто выражать то, что чувствовали. В ту ночь толпы студентов собрались в соборе Вавеля с черными полотнищами и свечами. Пострадавший являлся членом Комитета защиты рабочих — набравшего силу неформального движения, оказывавшего помощь арестованным рабочим, и после трагического события Кароль Войтыла стал открыто поддерживать деятельность этого комитета. По мнению одного из комментаторов того времени, это был тот момент, когда «Церковь начала становиться организацией, отстаивавшей не только свои собственные права, но и единственным в то время объединением, способным защитить права каждого человека».

Через несколько дней Кароль Войтыла праздновал более ощутимую победу: завершение строительства храма в Нова Гуте. После многих лет, когда мессы проходили под открытым небом, новая церковь была готова к освящению. 15 мая под проливным дождем на церемонию открытия собралось 50 000 человек, и они были вознаграждены за свой приход еще одной незабываемой церемонией. Говоря об агрессивно-безликом облике индустриального пригорода, созданного планировщиками и архитекторами реалистического толка, Войтыла, обращаясь к толпе, сказал:

«Это нельзя назвать городом людей, которые никак не связаны между собой, людей, с которыми можно делать все, что заблагорассудится, людей, которыми можно манипулировать в соответствии с законами рынка и потребления. Это есть город детей Господа...» И он продолжил, как впоследствии оказалось, пророчески: «Он был построен как город без Бога. Но воля Господа и воля людей, которые здесь работают, оказались сильнее. Пусть это будет уроком». Питер Геблетвейт, присутствовавший на службе, очень точно подметил:

«В результате опыт Польши помог Войтыле схватить не только никогда не меркнущие традиции, но и нечто более существенное в вопросе о том, что важно, а что не важно в христианской вере. Он вернулся к самим основам, к тем атрибутам веры, которые необходимы Церкви в ее паломническом странствии. Здание Церкви в Нова Гуте стало запечатленным в бетоне результатом его пастырской деятельности в Кракове».

Через три недели огромная толпа собралась на праздник Тела Христова — событие, которое к тому времени стало ежегодной традицией и являлось актом открытого неповиновения властям. Раньше в этот день длинная процессия следовала от Кафедрального собора Вавеля до Старого Города, центра Кракова. Во время нацистской оккупации шествие было запрещено, а коммунистические власти ограничили процессию, разрешив проводить ее только во дворе Кафедрального собора. Однако в этот раз пришли тысячи людей, и проведенные кардиналом четыре церемонии у четырех алтарей по маршруту следования процессии сделали событие похожим на те, что проводились до запретов. В 1977 году процессия проходила в более эмоциональной атмосфере, чем обычно, и представи-

тели коммунистических властей вклинились в толпу, чтобы послушать слова кардинала. Сохранилась киносъемка, запечатлевшая это событие. Кароль Войтыла предстает перед толпой во всем блеске. Он поднимает глаза и приветствует «незваных гостей» с усмешкой, которую встречает волна хохота и аплодисментов. Он в высшей степени собой доволен: и толпа, и пастырь поддерживают друг друга.

В последующие годы толпы на празднике Тела Христова стали еще больше. Десятки тысяч людей слушали, как Кароль Войтыла говорил о Польше; в ином контексте его слова могли расцениваться как крайне националистические. Глядя на башни замка Вавеля, который вместе с собором чем-то напоминает Вестминстерское аббатство и здание английского парламента, он говорил:

«Вавель кажется мне нашим прошлым, тем самым прошлым, которое продолжает жить в наших сердцах и в настоящее время, в нашей с вами реальности. Оглядывая свое прошлое, мы молимся за нашу Родину. И прошлое наше великое и трудное, омытое слезами поколений. Поколений, залитых кровью, поколений, закованных в кандалы! И наша Родина еще более дорога нам, ибо за нее заплачено ценой этих поколений. Мы никогда не разорвем со своим прошлым! Мы не позволим, чтобы его вырвали из наших сердец!»

Громовыми раскатами разносились слова епископа, а в это время в Риме эра Папы Павла VI близилась к закату.

7 ИЗБРАНИЕ

Свой отпуск в 1978 году кардинал Войтыла поделил на две части. Последнюю неделю июля он проводил на озере Креспо с друзьями, многие из которых ходили с ним в походы еще с пятидесятых. 31 июля состоялась встреча Войтылы с кардиналом Вышинским, а 2 августа он уже вновь находился с друзьями на природе.

Четыре дня спустя в своей летней резиденции Кастель-Гандольфо скончался Папа Павел VI. Он немножко не дождал до восьмидесяти одного года, и умер, судя по дошедшим до нас отчетам, «легкой» смертью. Последняя фраза, которую он так и не закончил, оборвалась на словах «Наш Отец...». Говорили, что будильник, купленный Папой в двадцатые годы во время визита в Польшу, остановился в тот самый момент, когда Павел VI покинул этот мир. К сожалению, не все, что говорят в Ватикане относительно смерти Папы, можно полностью доверять — разумнее относиться к подобным деталям с некоторой долей скептицизма. Тело Папы, перед тем как его перевезли в Рим для похорон, в течение двух дней оставалось в Кастель-Гандольфо, в то время как члены Священной

коллегии кардиналов были вызваны в Рим для участия в любопытной процедуре, порядок проведения которой установлен Римской Католической церковью для избрания нового Папы.

Кардинал Войтыла приехал в Рим вместе с кардиналом Вышинским, и прямо из аэропорта проследовал в сопровождении своего друга епископа Дескура в собор Святого Петра, чтобы отдать дань уважения умершему Папе. Какое-то время он молился и всматривался «в лицо, которое столь часто видел во время совместных бесед». Через три дня он рассказывал по радио Ватикана о своих «встречах с Павлом VI», подчеркнув тот факт, что Павел проявлял интерес к церкви в Нова Гуте, а также об их разговоре по поводу «документа... послужившего основой для «*Humanae Vitae*». Войтыла подтвердил, что действительно выслал Папе «в письменной форме» свое мнение по вопросу контроля за рождаемостью, и отметил, что после прямого обсуждения с Павлом VI этой проблемы понял, «что перед великим учителем и пастырем нашей Церкви Павлом VI стоит задача большой важности».

У Павла действительно появились тогда большие трудности. За последние десять лет его правления разногласия, возникшие после появления «*Humanae Vitae*», значительно обострились, а ко времени его смерти нанесенная Церкви рана приняла вид поистине угрожающий. И в самом деле, трудно не согласиться с тем, что, несмотря на особую одаренность и богатый опыт, Папа оставил после себя католицизм в более плачевном состоянии, чем тот находился до его избрания. Консерваторы все более открыто выражали несогласие с представленными Вторым Ватиканским Собором реформами. Символом новой Церкви стали «американские монахини в шортах и футболках с гитарой через плечо и с книжечкой по медитации в руке.

Священник нового толка («зови меня просто Кевин»), не очень хорошо себе представлявший, верит ли он в основные доктрины, знал только, что «останется с ними», где бы то ни было...»

Правое крыло отличалось своими могущественными фигурами. Приверженец традиций архиепископ Марсель Лефевр, отказавшийся признать постановления Собора, равно как и право Папы диктовать свои решения (несмотря на то, что, будучи консерватором, он являлся последовательным сторонником папской власти), создал, в противовес римскому, свой сильный центр в Иконе, в Швейцарии, пугая Церковь угрозой раскола. В самой Священной коллегии кардиналов «архиконсервативный из всех архиконсерваторов» кардинал Джузеппе Сири из Генуи объявил Ватикан II «атакой обезумевшего Папы Иоанна» и «величайшей катастрофой последнего времени в истории Церкви». Он заявил, что «понадобится сорок лет, чтобы исправить тот ущерб, который нанес Церкви Иоанн за несколько лет», и настаивал на новом «Своде ошибок»¹, в котором не будет места субъективизму, релятивизму и, как это ни удивительно, пелагианизму (ереси, ассоциирующейся с английским богословом Пелагиусом, пропагандировавшим свое учение в Риме в пятом веке). Имя Сири упоминали среди кандидатов на пост нового Папы после смерти Пия XII, и в 1978 году на него смотрели как на серьезного претендента.

Даже некоторые деятели прогрессивного толка считали, что Ватикан II отказался от проверенного временем пути. Питер Геблетвейт, ведущий представитель

¹ Ватикан впервые осуждает доктрину либеральной демократии в работе «Syllabus of Errors» («Своде ошибок») (1864) Римского Папы Пия IX.

либерального направления и биограф Папы Павла VI, отметил, что на Соборе сам вид епископов, «яростно спорящих друг с другом», дал повод для укоренения фракционных привычек среди священников и рядовых католиков и что сама фигура епископа лишилась своего «мифического ореола». Епископ, «в своей необычной шляпе, из фигуры далекой и загадочной превратился в обыкновенного человека, который вместе со всеми стоит на автобусной остановке. Конечно, в этом была положительная сторона: епископ стал доступным, но, в то же время, менее значительным».

Вопросы, включенные в повестку дня в конце семидесятых, являлись, по сегодняшним меркам, чрезвычайно радикальными. «За» и «против» вступления священников в брак, священники-женщины, вопрос о повторно вступающих в брак (группа американских католиков придумала даже «церковный обряд для разводов»), применение противозачаточных средств — все эти вопросы обсуждались тогда в Церкви более открыто, чем сейчас, когда я пишу эти строки. И фактически они и составили тот круг проблем, которые за время правления Иоанна Павла II, благодаря его усилиям, отошли на задний план. Тогда же дело дошло даже до создания комитета, выступавшего за пересмотр процедуры выборов Папы. Комитет по реформе выборов Папы (так он назывался) после смерти Павла VI провел в Риме пресс-конференцию, на которой влиятельный американский католический писатель и социолог отец Эндрю Грилей заявил, что был бы счастлив видеть в роли Папы... женщину, ибо «*папесса* не сможет довести Церковь до такого хаоса, как мужчины, правившие ею последние 1900 лет».

Все это тяжелым грузом легло на плечи 111 членов Священной коллегии (из которой впервые исключены были кардиналы старше восьмидесяти лет), со-

бравшейся в Сикстинской капелле в полдень 25 августа. Сама собой напрашивалась мысль, что избравшие нового Папу поставлены в столь неудобные условия для того, чтобы ускорить процесс принятия решения. В надлежащее время Иоанн Павел II позаботится о выделении специального *пенсiona* в Ватикане, который позволит собравшимся на выборы в 2005 году решать вопросы в относительно комфортных условиях. Кардиналы же, присутствовавшие на конклаве 1978 года, размещались в «комнатках», сооруженных на время в Апостольском дворце. Я разговаривал с кардиналом Хьюмом незадолго до его смерти, и он, несмотря на привычку к строгой монастырской жизни, охарактеризовал условия, в которых они оказались во время конклава, как «чрезвычайно жесткие». «На четверых кардиналов у нас был один умывальник, а спал я на кровати, которая, по-видимому, была перенесена из семинарии и явно предназначалась для человека довольно маленького роста».

Журналистам разрешили заранее ознакомиться с условиями пребывания кардиналов, и вот что пишет один из них:

«Каждому кардиналу полагался один рулон туалетной бумаги, две шариковые ручки... и, по-моему, десять листов бумаги... Каждому предназначалась пластиковая корзинка для использованной бумаги, тазик, кувшин, красный пластиковый стакан, малюсенькая ночная лампочка, стул с жесткой спинкой и еще более жесткая скамеечка для коленопреклонения. Чтобы никто не забывал, что нужно поторапливаться, каждый получал всего один кусок мыла и два маленьких полотенца, что окончательно вывело из себя американцев».

Все это в какой-то степени может объяснить, почему конклав, ставший известным как конклав «года

трех пап», оказался самым коротким в истории. Альбино Лучиани, патриарх Венеции, был избран Папой при четвертом голосовании вечером следующего дня, 26 августа, приняв двойное имя в честь двух своих предшественников. Однако сжатые сроки никак не являются объяснением причины избрания Иоанна Павла I. Питер Геблетвейт как-то заметил, что «все в Риме таинственно, но ничто, в конце концов, не остается секретом», так что попытаться понять, что же на самом деле происходило во время конклава из-за последовавших вслед за ним разъяснений, крайне трудно. Существует предположение, что дело не обошлось без вмешательства Провидения, и логику можно отыскать в любом заключении, ибо, поскольку все кардиналы клянутся хранить тайну, узнать что-либо наверняка невозможно.

Однако вывод о том, что кардинал Сири потерпит поражение, напрашивался сам собой, так как при первом голосовании он не набрал и четверти голосов. Похоже, что кардинал Бенелли, архиепископ Флоренции, годами служивший Папе Павлу в курии и вставший на защиту его наследия, организовал кампанию против Сири и считал Альбино Лучиани тем человеком, кто сможет противостоять архиконсерваторам. Есть определенные преимущества в том, что, по существу в конклаве положению, характер и стиль умершего Папы могут сыграть значительную роль в определении его преемника. Правило это имеет как позитивные, так и негативные стороны. Так, в 2005 году старались выбрать того, кого можно поставить в один ряд с Иоанном Павлом II, но в 1978 году искали кандидата, который смог бы исправить ошибки Павла VI, омрачившие финальный период его столь многообещающего поначалу правления. Поэтому на замену столь образованного интеллектуала, занимав-

шего высокое общественное положение, всегда сохранявшего дистанцию, искали лидера «пасторального», с крестьянским прошлым, который любил путешествовать по Венеции в одежде простого священника. Кардинал Хьюм в заявлении, о котором впоследствии сожалел, назвал его «кандидатом, угодным Богу». На обратном пути из Рима в Краков епископ Войтыла остановился на ночь в Варшаве в монастыре урсулинок, и мать-настоятельница вспоминала впоследствии, что он находился в отличном расположении духа и сказал: «Мы выбрали хорошего Папу».

Некоторые заявления нового Папы вызвали большое оживление. Перед самым началом конклава он написал статью о рождении Луизы Браун, первого ребенка «из пробирки», появившегося в Британии. Он послал ей свои «сердечные поздравления» и добавил: «Что касается родителей, я не имею права их осуждать, ибо если действовали они по доброй воле и с благими намерениями, значит, заслужили одобрение Господа». Настала ли пора пересмотра католического учения в области биоэтики? Все казалось возможным — улыбка Иоанна Павла I весь мир ввела в заблуждение.

Теперь, из книги Джона Корнуэлла «Вор в ночи», мы знаем, что вновь избранный Папа на самом деле был больным и несчастным человеком. Он очень устал от государственного секретаря кардинала Виллота, дважды в день выкладывавшего на его письменный стол огромный портфель документов. «На каждой странице проблема», — жаловался Папа. По воспоминаниям одного из служителей Ватикана, он был «завален» работой; «он не знал, с чего начать», — говорил другой. У Иоанна Павла I сильно отекали ноги, он не раз озадачивал подчиненных своими чудачествами. Кроме всего прочего, казалось, что новый Папа

убежден, что избран по ошибке, и каждый раз за едой спрашивал секретаря: «Почему это они меня выбрали? Почему же все-таки меня?» Еще больше пугало, когда он начинал, по свидетельству сестры Винченцы (монахини, которая за ним присматривала), молить о собственной смерти и упоминать «Чужеземца», который его заменит. «Знаешь, сестра, — частенько говорил он, — я не засижусь на этом месте. Придет Чужеземец и будет Папой, займет это место. Я молил об этом Господа».

Молитва Иоанна Павла I была услышана. Сестра Винченца нашла его в кровати мертвым после тридцати трех дней пребывания в должности Папы. В Ватикане сочли неприемлемым заявлять, что первым человеком, увидевшим Папу мертвым, оказалась женщина, и была изобретена история о том, что первым его тело увидел секретарь, монсеньор Маги. История только подлила масла в огонь, вспыхнувший вокруг появившейся теории о тайном заговоре. Кардиналы опять отправились в Рим, потрясенные случившимся.

В ночь на 2 октября по пути в Рим кардинал Войтыла вновь остановился в Варшаве в монастыре урсулинок и, по рассказам монахинь, всю свою последнюю ночь в качестве кардинала на польской земле провел молясь в часовне. Нет никаких оснований подвергать этот факт сомнению (тем более, что длительные молитвы были ему свойственны), если бы не склонность к «созданию мифов» вокруг даже малейших деталей, предшествовавших более знаменательным событиям. К примеру, рассказывали, что перед отъездом из Кракова он с особой тщательностью приводил в порядок все текущие дела. Хорошо знавший кардинала священник вспоминал, что, встретившись с ним перед отъездом, Войтыла «вел себя странно». Он «попросил меня передать поздравления друзьям, как будто не со-

бирался в ближайшее время возвращаться из Рима». Множество историй рассказывают теперь и те, кто прогнозировал его избрание.

Если кардинал Войтыла и вправду беспокоился по поводу того, что он никогда не увидит снова «любимый Краков» в епископском обличье, то для подобного беспокойства имелись основания. На последних этапах августовского конклава он набрал немало голосов, и, хотя его имя не упоминалось в списках возможных кандидатов, опубликованных многими газетами, логика событий и уроки, полученные при кратком правлении Иоанна Павла I, говорили о том, что Войтыла являл собой именно ту фигуру, которая требовалась тогда на папском престоле. Как и Иоанн Павел I, он был преуспевшим пастором, его отличало чувство локтя и теплота (в недостатке которых несправедливо обвиняли Павла VI), умение найти контакт с массами. Но в отличие от Иоанна Павла I он имел крепкое здоровье. Точно так же и его возраст — пятьдесят восемь лет — давал ему сейчас дополнительные преимущества. Как и Павел (в отличие от Иоанна Павла I), он обладал неукротимой жаждой деятельности. И, наконец, были у Войтылы определенные черты, которые, хочется думать, повлияли на коллективное решение кардиналов. Павел VI неустанно читал газеты, он ежедневно с головой уходил в «Ла Стампа», «Карьера делла Сера» и «Ле Монд», его очень волновало, что о нем думают и пишут в мире. Кардинал Войтыла, как мы уже замечали, никогда не читал газет и был уверен в том, что делает. Это позволяло ему несколько не беспокоиться о своей репутации. И если склонность Павла совсем по-гамлетовски рассматривать каждую проблему со всех сторон мешала ему принимать решения, то архиепископ Краковский в своих действиях был неколебим и просто слишком занят

для того, чтобы мучительно страдать перед принятием решений.

Конклав не мог начаться, пока после смерти Папы не пройдет пятнадцать дней. Закон сохранился с тех пор, когда кардиналам, для того чтобы добраться до Рима, требовалось много времени. В этот период, известный под названием *sede vacante*, или «пустого трона», Церковью управляла Коллегия кардиналов, которая собиралась ежедневно, чтобы отдать распоряжения об организации похорон умершего Папы и решить те неотложные административные вопросы, которые возникали в данный момент. Это стало передышкой, когда кардиналы могли поближе познакомиться. Но это время являлось и предвыборным периодом — периодом телефонных звонков и церемонных обедов. Старый друг кардинала Войтылы, епископ Дескур, в горячую пору 1978 года работал на совесть, организовывая встречи и налаживая связи. Как оказалось, это стало для него последней миссией — перед самым началом конклава с ним случился удар.

В связи с тем что конклав стал вторым за столь короткий срок, кардиналы, в него входившие, довольно хорошо знали друг друга. Еще во время периода «пустого трона» кардинал Войтыла произвел большое впечатление на молодого кардинала, сыгравшего в его судьбе очень важную роль. Джозеф Ратцингер, архиепископ Мюнхенский, потом скажет, что они с будущим Папой почувствовали «спонтанную общность» взглядов.

За три дня до начала конклава, 11 октября, состоялась встреча пятнадцати наиболее влиятельных представителей Коллегии кардиналов, либералов из Западной Европы и отдельных представителей стран третьего мира. В связи с вновь появившейся реальной возможностью выбора Сири участники встречи, такие

как голландский кардинал Виллебрандс, его соотечественник Алфринк из Утрехта (ведущая фигура Ватиканского совета), Хьюм из Лондона и Марти из Франции, составили костяк лагеря его противников. Обсуждали ли они возможность избрания папы-неитальянца, достоверно неизвестно, но эта идея, конечно же, витала в воздухе, и по некоторым пунктам консенсус уже был достигнут. Сошлись, например, на том, что невозможно выбрать папу-американца в связи с напряжением, царившим в мире времен холодной войны. Некоторые также полагали, что память о нацистской Германии слишком свежа, чтобы говорить о папе-немце.

Однако в конце концов решение подыскать Папу вне итальянского блока оказалось продиктовано поведением самих итальянцев. Кардинал Сири допустил промах, дав интервью «Газета дель Пополо» перед началом конклава. Он, очевидно, подумал, что оно, как и было согласовано с журналистами, не будет опубликовано до 15 октября, то есть до того дня, когда двери конклава наглухо закроют и кардиналы-избиратели не смогут его прочитать. Однако газета опубликовала интервью днем раньше, что и привело к серьезным последствиям. На Ватикане II много говорилось о «коллегальности», то есть о том, что Папе следует управлять Церковью в союзе с епископами. Кардинал же высмеял эту идею и сказал, что он не может понять, что бы это могло означать. Когда вопросы ему не нравились, Джузеппе Сири не скрывал эмоций: «Не понимаю, как это можно задавать такие глупые вопросы. Если вы и вправду хотите получить ответ, вам придется просидеть здесь часа три при закрытых дверях». Позднее кардинал Сири старался исправить положение, заявив, что не давал никакого интервью. Однако сохранилась магнитофонная запись с его от-

ветами, и архиконсерваторы появились на конклаве с весьма подмоченной репутацией. Случай произвел неприятное впечатление на молодого кардинала Ратцингера. Много позже, председательствуя как старший священник на Коллегии кардиналов после смерти Иоанна Павла II, он утвердил решение о запрещении каких-либо интервью прессе в период между похоронами и конклавом.

Главным итальянским соперником Сири на конклаве стал кардинал Бенелли. Но большую часть своей жизни он занимался тем, что взбирался по скользкому песту к вершине ватиканской власти, а завсегда курии с репутацией изоциренного политика не соответствовал образу нового Папы, которого хотели бы видеть кардиналы. Питер Геблетвейт заметил, что Бенелли «больше похож на церковного распорядителя, чем на избранника Бога». В воскресенье, 15 октября, после четырех этапов голосования, выборы зашли в тупик: итальянские кандидаты не могли набрать нужное количество голосов. Позднее секретарь Сири заявит, что его кардиналу не хватило нескольких голосов до необходимых двух третей большинства, однако к концу первого дня голосования стало ясно, что ни один из этих кандидатов не преодолет рубеж. Италия не удержалась на папском троне, потому что попытки двух главных ее кандидатов окончились неудачно — оба не прошли. В результате впервые за 455 лет папа-неитальянец был избран *faut de mieux*¹. Кардинал Бенелли впоследствии отмечал: «Итальянцы не сумели достичь согласия, чтобы избрать папу-итальянца. Но это не важно, ибо в Церкви нет чужеземцев».

По существующей в конклаве традиции, есть круг «главных избирателей», влиятельных кардиналов, ко-

¹ *Faut de mieux* (фр.) — за неимением лучшего.

торые, не выставляя свои кандидатуры, склоняют чашу весов в пользу других. Имеются явные свидетельства того, что после поражения итальянцев изменить ход выборов в интересах Войтылы помог кардинал Кениг из Вены. Кениг был фигурой выдающейся, сочетавшей блеск интеллектуала (он в совершенстве владел десяти языками) с такой же, как у Войтылы, тягой к поддержке хорошей физической формы. (Кардинал Хьюм вспоминал, как он бегал кругами по двору Апостольского дворца во время конклава 1978 года, хотя ему перевалило уже за семьдесят.) Папа Павел VI поставил его во главе секретариата по делам неверующих; должность весьма любопытная, благодаря которой он исколесил всю Восточную Европу. Во время одного из таких путешествий он и встретился с Каролом Войтылой, который произвел на него большое впечатление. Рассказывают, что когда он впервые осторожно заговорил о возможности избрания «Папы из Польши» в разговоре с кардиналом Вышинским, тот понял его не совсем правильно. «Я никогда не смогу покинуть Польшу, — сказал он. — Там от меня ждут многого». «А что вы думаете по поводу Войтылы?» — осторожно продолжил Кениг. «Слишком молод, его не изберут», — последовал ответ. Такую историю рассказал мне Кениг во время интервью в 1997 году. Мне встречались также версии, будто бы Вышинский ответил, что Войтыла «недостаточно известен» для такого поста, а один из критиков Иоанна Павла II уверял, будто польский примас на самом деле считал, что его коллега «не дорос» до этой должности в интеллектуальном плане. Достоверно известно, что Кениг, который с возрастом склонялся ко все более либеральным взглядам, перед смертью (он умер в девяносто восемь лет) начал сожалеть о своем излишнем энтузиазме, направленном на поддержку Войтылы.

Какие действия предпринимал Кениг вечером 15 октября и на следующее утро во время голосования, так и остается неизвестным. Кардинал Хьюм, который не исключал возможности стать Папой, оставил любопытное описание того, как все происходило. «Быть членом конклава — вещь довольно необычная. Никто тебе ничего не говорит, и вдруг ты начинаешь понимать, что твоя кандидатура тоже рассматривается, потому что никто к тебе больше не подходит». После обеда Войтыла стал набирать все больше голосов, и на четвертом круге добрал необходимые две трети. *Camerlengo*, или кардинал, под руководством которого проходят основные ритуалы переходного периода, испросив его согласия, получил в ответ уверенное «да».

В 6.19 утра белый дым известил собравшуюся на площади перед собором Святого Петра толпу, что Папа избран. По традиции, имя нового Папы было объявлено старшим кардиналом-священником Периклом Фелисе. Фелисе являлся генеральным секретарем Ватиканского Собора и славился умением отпускать столь умные шутки на латинском, что мало кто из присутствовавших мог их понять (некоторые полагали, что это делалось исключительно для того, чтобы епископы из развивающихся стран почувствовали, где их место). С присущим ему тактом и едва заметной ироничной улыбкой, он объявил: «*Habemus papam, eminentissimum ac reverendissimum Dominum Carolum, sanctae Romanae ecclesiae cardinalem Wojtyla, qui sibi nomen imposuit Joannem Paulum Secundum*».¹ Если посмотреть телерепортаж с места событий, то можно расслышать прока-

¹ «Объявляю вам большую радость. У нас есть Папа — преосвященнейший и достопочтеннейший господин Кароль, кардинал Святой Римской церкви Войтыла, который принял на себя имя Иоанн Павел Второй».

тившийся по толпе недоуменный вопрос: «Кто?..» Многие из присутствовавших в ту ночь на площади Святого Петра помнят, что некоторые итальянцы были убеждены в африканском происхождении нового Римского Папы.

Через полчаса на балконе появился сам Иоанн Павел II и обратился к собравшимся с традиционной приветственной речью.

«Дорогие братья и сестры! Мы все еще скорбим после смерти нашего любимого Папы Иоанна Павла I, и кардиналы призвали в Рим нового епископа. Они призвали его из дальних земель, но и дальние земли для нас близки благодаря общей вере и христианским традициям. Я боялся принять на себя столь большую ответственность, и все же я согласился, подчиняясь воле Господа и общей нашей верности Марии, нашей Богоматери. Я обращаюсь к вам на вашем... нет, на нашем итальянском языке. Если я сделаю ошибку, пожалуйста, поправьте меня...»

Это был мастер-класс по обольщению публики, и он прошел очень успешно: возможная недоброжелательность со стороны римлян к Папе «из дальних земель» улетучилась.

Для описания инаугурационной мессы пришлось бы употребить множество метафор. Почти час потребовался вновь избранному Папе для приветствия кардиналов. Одних он обнимал, тем, что наиболее преклонного возраста, помогал подняться с колен после того, как они целовали его кольцо. По словам Питера Николса из «Таймса», «никакая бы сила воображения не смогла настолько приблизить кардиналов к рыцарям, ожидавшим поцелуя короля Артура, прежде чем приступить к новому легендарному рискованному предприятию».

Джордж Вейгель пускается в столь же риторический стиль, описывая момент, когда Иоанн Павел «взял в обе руки величественный серебряный папский посох и вознес его над радостной толпой, будто то был меч духа, освобожденный от каменных оков, в которые до сих пор был заключен».

В обращении Иоанна Павла II прозвучало и нечто воинственное:

«Не страшитесь приветствовать Христа и принять его власть. Помогите Папе и всем тем, кто желает служить Христу и с Божьей помощью служить каждому человеку в отдельности и всему миру в целом. Не страшитесь! Распахните Христу все двери. Для его спасительной силы откройте границы всех государств, экономических и политических систем, обширные сферы культуры, цивилизации и всей жизни в процессе ее развития. Не страшитесь».

Это послание воодушевило тысячи поляков, которые не раз слышали проповеди Кароля Войтылы на празднике Тела Христова. Для Церквей Восточной Европы, права которых попирало государство, оно имело особый смысл. Невозможно себе представить, чтобы священник из Западной Европы в 1978 году сказал нечто подобное; там для большинства Церквей врагом являлся не страх, а безразличие и материализм.

И все же конец семидесятых (если попытаться охарактеризовать настроение этого периода) был временем всеобщего возбуждения, временем перехода от поры оптимизма Ватиканского Собора к этапу раздробленности Католической церкви после «*Humanae Vitae*», отразившемся на настроении общества на Западе. Тогда как кардиналы собрались на конклаве, в Тегеране началось восстание против шаха, Джимми Картер ввел Америку в период сомнений и раздумий,

результатом которого стал захват американского посольства в Иране. Единственное, в чем не приходилось сомневаться, — это в реальности «холодной войны». Промежуточный период безвластия, последовавший за смертью Папы Иоанна Павла I, напомнил о ней со всей очевидностью убийством работавшего на Би-би-си болгарского диссидента Георгия Маркова, уколотого в Лондоне отравленным зонтом.

Иоанн Павел II считал, что избранный именно сейчас Папа должен обратиться к людям с призывом преодолеть страх. Позднее он ссылаясь на свое обращение как на пример того, что сам Святой Дух говорил его устами.

«Когда 16 октября 1978 года я произнес слова «Не страшитесь!» на площади Святого Петра, я не знал до конца, как далеко они заведут меня и всю нашу Церковь. Их значение исходило более от Святого Духа. То были слова Утешителя, обещанные Господом нашим Иисусом своим ученикам, но не слова говорившего их человека. Однако по прошествии лет я много раз возвращался к этим словам».

Трудно поверить, что Иоанн Павел не узнал себя в поэме одного из своих литературных кумиров. В 1848 году польский поэт Юлиус Словацкий написал пророческие строки об избрании Папы из Польши:

«И Божий колокол борьбу в конклаве усмирил,
Его могучий глас внял упованиям
Славян на Папский Трон!
И Папа, не бравший в руки меч,
Подобно итальянцу,
Но смелый, как сам Бог,
Встал во главе».

8

ПЕРЕПИСЫВАЯ ПРАВИЛА

Через неделю после выборов Папы Иоанна Павла II отец Мичеслав Малински позвонил новому секретарю Папы Римского, Станиславу Дзивичу, и попросил его о встрече со старым другом военных лет. Краковские священники хорошо знали друг друга, и Дзивич решил в тот же день записать Малинского на обед (после первой встречи Папы с президентом Италии). Говоря о том, как представиться швейцарской гвардии, он добавил: «Только не говори, что обедаешь с ним. Скажи, что идешь обедать со мной». «Польская мафия» обосновалась во дворце сразу же, и последовавшие за тем четверть века Дзивич бдительно следил за распорядком дня Папы.

Переговорив со швейцарской гвардией, Малински прошел в «маленькую комнатку без окон», где первым делом огляделся. Как и впервые оказавшийся в Риме Кароль Войтыла, он, казалось, увидел совсем не то, что ожидал увидеть здесь, в самом сердце католического мира. Вот что напишет он позднее о своих впечатлениях.

«Осматриваясь вокруг, я увидел одну из сестер Священного Сердца Иисуса, которую я знал еще в Кракове. Еще до этого я знал, что Папа привез с собой

трех монахинь из своей резиденции. Я спросил ее, где остальные, и она провела меня в кухню, маленькую, но удобную. Меня поразило, что все здесь было, по сравнению с Краковом, такого маленького размера: все комнаты вместе с кухней, которые я здесь увидел, могли бы уместиться в одной комнате резиденции архиепископа Краковского».

Джордж Вейгель тоже был поражен «простой и свойственной скорее среднему классу обстановкой» папских апартаментов «среди всего этого великолепия Апостольского дворца, с его рафаэлевскими фресками, позолотой, богатыми гобеленами, мрамором».

После совместного обеда с Папой, на котором присутствовали Дзивич и «итальянский секретарь», отца Малинского попросили поделиться впечатлениями для публикации. Вот отрывок из их разговора.

«— ...есть несколько вещей, о которых мне хотелось бы спросить вас, ваше Святейшество. Пожалуйста, простите, что я столь неумело к вам обращаюсь в соответствии с вашим титулом: поначалу это очень трудно.

— Что вы хотите знать?

— Первое. В отношении развития ваших философских идей.

— Видите ли, это слишком обширная тема! Что ж, начнем с начала. Как вы знаете, был святой Иоанн Крест и святая Тереза Авильская, и другая святая Тереза...

И затем, немного позднее:

— Ваше Святейшество не собирается в ближайшее время путешествовать?

— Собираюсь. Я хочу посетить святые места Италии и съездить в Ассизи и Сиену. Я хочу пустить корни в этой стране».

Эти два человека знали друг друга более трех десятилетий, но папство — вещь исключительная. Избранный не принадлежит себе в еще большей степени, чем человек иного высокого положения. Тройная корона, страусовые перья и передвижной трон отошли в прошлое, и все же быть «Святейшеством» означает нечто принципиально иное, нежели «Превосходительством», «господином президентом» и даже «Его Величеством». Комната, в которой Папа впервые облачается в белую шелковую сутану, иногда именуется Комнатой Слез, что, вероятно, говорит о страхе одиночества того, кто берется за эту работу: с момента своего избрания Папа более ни с кем не имеет равных отношений, и это приговор, вынесенный ему до конца жизни. Иоанн Павел часто приглашал друзей в Ватикан и в Кастель-Гандольфо, но все уже было не так, как раньше, ведь он стал епископом Римским, Наместником Иисуса Христа, преемником Князя апостолов, Наивысшим Первосвященником Вселенской Церкви, патриархом Запада, примасом Италии, архиепископом и митрополитом Римской провинции, владыкой государства-города Ватикана. Когда в 2005 году после смерти Иоанна Павла опубликовали его «Последнее завещание», в нем был упомянут только один человек, отношения с которым можно определить как «личные». Это отец Дзивич, которому выражена благодарность «за помощь и понимание, проявлявшиеся за все долгие годы совместной работы».

Анджей Дескур, в свое время помогавший Карло Войтыле следовать избранным курсом на Соборе и на конклавах, как-то сказал писателю-католику и биографу Папы Джону Корнуэллу, что «Папа живет в золоченой клетке», и описанный выше обед в октябре 1978 года дает возможность почувствовать, что двери этой клетки уже закрываются. Некоторые из доб-

родушно-шутливых замечаний Иоанна Павла говорят о том, что он это понимал. Через несколько дней после избрания он провел пресс-конференцию. Этот факт уже примечателен сам по себе.

«Будет ли ваше Святейшество и впредь проводить подобные конференции?» — обратились к нему с вопросом. «Если это возможно», — ответил он. «Будет ли ваше Святейшество ходить на лыжах?» — прозвучал следующий вопрос. «Боюсь, что мне этого не позволят», — последовал ответ.

Более всего мир поразило намерение Папы изменить правила и старые традиции. За день до встречи с Мичеславом Малински он устроил большой прием для польских епископов и священников. Малински услышал об этом по радио и ощутил ту волну оптимизма и радостного волнения, которую почувствовали тогда многие.

«До настоящего времени Папа Римский трапезничал в одиночестве, внезапно все изменилось. И за несколько дней это новшество стало нормой. Неподвластный времени иерархический характер папства внезапно был заменен простым распоряжением, в котором проступали черты новой личности. В конце концов все привыкли, что новый Папа, не ломая особенно голову, отменял или менял то, что находил противоестественным. Все, что ни делает последний преемник святого Петра, естественно, подлинно, непринужденно».

В тот же день произошло еще одно небывалое при прежнем стиле понтификата событие, когда кардинал Стефан Вышинский пришел передать новому Папе слово прощания польского народа. Иоанн Павел II остался стоять, когда польский примас, отбросив все, что касалось прежнего Кароля Войтылы, проговорил: «Мы поняли, Святой Отец, какой доро-

гой ценой пришлось заплатить вам за это решение. Мы знали, сколь горячо вы любите свою страну и город Краков, ее Татры, ее леса и долины, какую радость доставляли вам уединенные прогулки, как подкрепляли они ваши силы. Все эти вещи вы сожгли на жертвенном огне в вашем любящем сердце».

Закончив, польский примас приблизился к Иоанну Павлу, чтобы поцеловать его кольцо, но вместо этого Папа сам упал перед ним на колени, чтобы поцеловать кольцо Вышинского. «И так в последовавшие за этим несколько секунд два величайших человека в истории Польши стояли, заключив друг друга в объятия, — писал польский обозреватель, оказавшийся очевидцем этой сцены. — Экзальтация наблюдавшей публики достигла предела — слезам, радостным возгласам, аплодисментам не было границ». Потом Вышинский рассказывал: «Я хотел высвободиться: не подобало Папе стоять передо мной на коленях. Но он это понял и так сильно меня сжал, что я не мог сдвинуться; я едва дышал».

Нетрудно себе представить, как не соответствовал этот жест смиренного Папы существовавшим ранее традициям: не так уж много времени прошло с тех пор, как садовники прятались в кустах при приближении Пия XII. Нельзя сказать с полной уверенностью, что подобный жест был «естественным» и «спонтанным» — то, как Папа держал в медвежьих объятиях своего польского коллегу, кажется несколько продуманным. Но это вовсе не говорит о том, что объятия являлись неискренними. Для Кароля Войтылы, который когда-то отдавался изучению театра с не меньшей серьезностью, чем впоследствии профессии священника, слово «театрально» не имеет отрицательной окраски, которую мы подчас ему придаем. Когда-то использовавший театр как надежное средство для про-

тивостояния нацистским оккупантам, он теперь воспользовался им для того, чтобы обратиться с папским посланием ко всем, кто его видит.

Его умение покорять толпу вышло далеко за пределы театральности. Аудиенции Папы проходили в современном здании за собором Святого Петра. Во время первой «генеральной» аудиенции 29 октября в зал, который вмещал 7 000 человек, набилось 10 000. Началось все достаточно традиционно, «с трех библейских добродетелей: веры, надежды и милосердия», но в конце, после обычного папского благословения, Иоанн Павел II спустился вниз с возвышения, отделявшего его от толпы, и, как говорится, «пошел в народ». «Невозможно описать взрыв радости, прокатившийся по толпе, — сообщал очевидец события. — Мужчины кричали, женщины плакали, вверх взметнулся лес рук. Каждому хотелось дотронуться до Папы, хотелось быть им замеченным хотя бы на секунду. Люди протягивали к нему своих детей, чтобы он их погладил или положил руки им на головы».

С каждым его появлением толпа, казалось, увеличивалась. На следующее воскресенье, чтобы услышать его обращение, на площади Святого Петра собрались 150 000 человек, и Папа, поддразнивая римлян, попросил показать ему путь к расположенной в горах святыне Менторелла. «Поддразнивая», потому что к тому времени Менторелла стала известна как одно из его «польских мест», одно из нанесенных им на карту священных мест мира из-за возникавших у него ассоциаций (любимый писатель его детских лет Сенкевич записал легенду, согласно которой святой Петр встретил воскресшего Христа именно там, где стоит теперь эта часовня). Затем в полдень он совершил паломничество в Ментореллу, и за ним последовало примерно 40 000 человек. Многие застряли на

горных дорогах, но Иоанн Павел приветствовал их с вертолета, который, прежде чем улететь, трижды облетел место паломничества. От всего этого создавалось ощущение, что Папа Римский получал удовольствие от всего, что бы ни делал, а энтузиазм в политике — дело первостепенной важности. Если Павел VI, обесилевший из-за мучивших его гамлетовских вопросов, в конце жизни воспринимал свои обязанности как тяжелую ношу, то Иоанн Павел II с удовольствием взялся за новое дело, и это соединяло его с католиками всего мира.

На ежедневный распорядок Папы наложили отпечаток краковские привычки. Он обычно поднимался в 5.30 и проводил часы до утренней мессы, которая начиналась в 7.30, в молитве. Завтракал в 8.30, между 9.30 и 11.00 обычно писал в своей молельне, как и раньше в Кракове, причем не менее плодотворно, чем в бытность епископом и преподавателем философии. Затем следовали два часа аудиенций и встреч перед обедом, после которого был краткий сон и прогулка по Ватиканским садам. В полдень происходила встреча, как сказали бы мы, с членами кабинета — государственным секретарем и кардиналами. Ужинал Папа в 19.30 и отходил ко сну в 23.30. Ежедневно в 15.00 после обеда производилась доставка почты и документов из секретариата (от чего когда-то так уставал его предшественник).

Иоанн Павел II не мог проводить политику «открытых дверей», которой он придерживался в Кракове, но все же любил приглашать гостей разделить с ним трапезу (включая и завтрак), так что отец Дзивич обычно отбирал человек двадцать на утреннюю мессу. Подобные вещи не являлись особенно популярными среди завсегдатаев Ватикана. «Эти залы когда-то были местом особенно уважаемым, местом хорошего вку-

са, — жаловался один из них. — Теперь же они превратились в огромный Кампо де Фиори». Автор высказывания ссылаясь на шумный римский рынок под открытым воздухом, где продавались цветы, фрукты, овощи и одежда сомнительного качества, однако новый Папа, похоже, расценивал это как комплимент.

Я участвовал в составлении некролога для «Радио-2», и когда подыскивал тех, кто дал бы о нем интервью, то натолкнулся на огромный список имен самых разных людей, знавших Иоанна Павла в ранний период его понтификата. Актриса Патси Кенсит была у него на аудиенции после премьеры фильма с ее участием и описывала это событие как «настолько прекрасное, что в это даже трудно поверить». «Я просто не могла отвести взгляда от его глаз, — рассказывала она. — Я чувствовала, что передо мной великий человек».

Здесь, вероятно, стоит на минутку остановиться и за восторженными статьями и рассказами заметить, что данные о здоровье Кароля Войтылы в этот период не совсем соответствуют сложившемуся образу энергичного и решительного пятидесятивосьмилетнего человека. За плечами остался довольно серьезный несчастный случай и несколько приступов болезни, вызванных переутомлением. Еще во время войны по пути на работу его сбил немецкий грузовик. Машина даже не остановилась, а молодой человек в бессознательном состоянии был доставлен в госпиталь. Кароль полностью поправился, но считают, что этот случай стал причиной небольшой сторбленности. Привычка чрезмерно перегружать себя сказалась на здоровье, и в марте 1959 года, в самом начале работы в качестве епископа, Войтыла заболел. У него поднялась температура и распухла железа. Врач поставил диагноз «воспаление гланд. Исключительно для того, чтобы

убедиться, что нет осложнений, у него был взят на анализ костный мозг. Эта операция в то время являлась чрезвычайно болезненной, и епископ в связи с этим мрачно пошутил, что он очень сочувствует врачу, которому пришлось так упорно бороться, стараясь проткнуть иглой столь прочную кость». Повторно болезнь свалила его на весь декабрь 1961 года, а осенью 1963 года из-за очередного приступа Войтыла пропустил начало второй сессии Ватиканского Собора. Будучи кардиналом архиепископом Краковским, он часто болел, а в год избрания его Папой нередко страдал от мигрени. Все это вполне естественно для человека, перегружавшего себя работой.

Итак, первые полосы газет пестрели заголовками о поездках, предпринимаемых новым блистательным Папой. Через три месяца после избрания он поехал за рубеж. Поводом стала встреча латиноамериканских епископов, проходившая в Пуэбло, в Мексике, в январе 1979 года. В его решении принять предложение выступить на открытии конференции нет ничего неожиданного: в Латинской Америке больше католиков, чем где-либо в мире, и десятью годами раньше на последней встрече региональных епископов в Меделлине присутствовал Папа Павел VI. Однако визит Иоанна Павла II, как и все, что он делал на этом поприще, носил беспрецедентный характер. Это была одна из тех поездок по миру, отчасти похожих на паломничество, отчасти — на шоу в стиле рок-звезд, которые станут отличительной чертой его понтификата.

Из Рима Папа вылетел на специально зафрахтованном самолете в сопровождении помощников и представителей прессы. После небольшой остановки в Доминиканской Республике (в 13.30 — прибытие в Санто-Доминго, встреча с епископами и священниками, в 17.00 — месса на открытом воздухе, после ночи —

ранняя утренняя месса в сельском приходе и возвращение в столицу для отлета), он, прилетев в Мексику, поцеловал ее землю — жест в духе его молодых лет. Джон Сноу, бравший у него интервью, так описал эту сцену в его биографии:

«Казалось, что аэропорт в осаде. Десятки тысяч людей рвались за ограждение. Мы стояли снизу у ступеней, когда Папа вышел из самолета и, опустившись на колени, поцеловал одетую в бетон землю. Это было нечто непредвиденное, миг наивысшего всплеска эмоций, миг, соединивший миллионы сердец».

Иоанна Павла II ожидал специальный открытый автомобиль, получивший название «папамобиль», на котором он объезжал собравшуюся приветствовать его толпу. Распорядок дня был очень плотным, и количество людей, посещавших его службы, не поддается никакому сравнению. Имелись и чисто театрализованные моменты, невиданные ранее. В Гвадалахаре сотни тысяч людей направляли зеркала на круживший над ними в течение часа самолет Папы, а во время семидневного паломничества в Мексику Иоанн Павел читал молитвы через громкоговоритель для 2 500 заключенных мексиканской тюрьмы.

Но Иоанн Павел не принадлежал к числу тех политиков, кто получает удовольствие от власти как таковой. Он всегда хотел использовать власть ради чего-то, и его поездка в Латинскую Америку стала одним из первых доказательств того, что он не боится осуждения толпы и готов пойти на риск, если в этом есть необходимость. Его выступление на встрече в Пуэбло стало первым шагом на пути развернувшейся кампании, проводившейся им на протяжении последующей декады: войны с новой школой, известной как «либеральная теология», возникшей в Латиноамериканской церкви.

Эта борьба выдвигается либеральными католиками как главный пункт обвинения против Иоанна Павла II. По их мнению, вина Папы состояла в шокирующей двойственности: столь осуждаемая им политизация Церкви в Латинской Америке с большим энтузиазмом поддерживалась им в Польше. Он был, по мнению многих современников, слеп в отношении реального положения вещей этого региона, так как смотрел на все сквозь призму холодной войны, и предпринимаемые Ватиканом суровые меры по отношению к новому движению являлись доказательством его инстинктивного стремления удержать власть.

Однако в Латиноамериканской церкви существовало много таких вещей, которые Иоанн Павел инстинктивно чувствовал очень хорошо именно благодаря своему польскому опыту. Начнем с того, что здесь существовала собственная интерпретация образа Девы Марии, отчасти напоминавшая детские впечатления Кароля в Ченстохове. В 1531 году, вскоре после завоевания Мексики испанцами, крестьянину Хуану Диего, в горах неподалеку от Мехико, явилась Дева. Она сказала, что он должен попросить местного епископа построить на этом месте церковь, а когда епископ отказался, она, дабы придать словам Хуана Диего больший вес, сотворила для него чудо: ее фигура таинственным образом материализовалась на изнанке плаща крестьянина. Епископ был поражен. Гора Тепейак, гора богини Тонацин, которая, подобно Деве Марии, обладала способностью непорочного зачатия, где была построена новая церковь, до прихода конкистадоров являлась местом паломничества ацтеков. Таким образом, история Хуана Диего, как и сама святая, помогла обратить местное население в христианскую веру, основываясь на его традиционной религиозной культуре. Как и Черная Мадонна из польского города

Ченстоховы, Дева из Гваделупы сыграла для местной церкви особую роль. Появление Девы на земле Латинской Америки описывает историк церкви Дэвид Томбс:

«Говорившая скорее языком колонизированных, нежели колонизаторов, обращаясь к Диего как к сыну и принимая сторону крестьян, а не епископов, она стала с тех пор образом, любимым в народе. Бедняки Латинской Америки поняли появление Святой Девы из Гваделупы как знак признания Девой Марией простых людей, как знак ее солидарности с угнетенными».

Одной из самых больших месс, которые Иоанн Павел II провел во время своего первого путешествия по Латинской Америке, стала месса в церкви Девы из Гваделупы. Сопровождавшие его журналисты подсчитали, что за день его смогли увидеть десять миллионов человек: на протяжении семи миль по всей дороге его следования к церкви стояли толпы людей. Ученые относятся с известной долей скептицизма к вопросу о существовании Хуана Диего, и многие историки расценивают рассказ о нем как легенду, которая занимает важное место в культуре и религии Латинской Америки. Специалист, занимавшийся в 1940 году изучением образа Девы на плаще Хуана, пришел к выводу, что в нем нет ничего сверхъестественного — он просто нарисован. Однако в 2002 году Иоанн Павел II канонизировал Хуана Диего.

Мысль о том, что набожность подобного рода, нашедшая отражение в культе Девы из Гваделупы, получает политический резонанс в современном мире, имеет особое значение для либеральных теологов. В трудах Густаво Гутьерреса, сделавшего чрезвычайно много для развития основополагающих интеллектуальных принципов этого движения, есть книга, название

которой говорит само за себя: «Мы пьем из собственных колодцев». Движение латиноамериканских теологов базировалось на том, что традиционный для региона католицизм дал современному миру историю, которая имеет особый смысл. Это была та самая реальность, которая находилась в полной гармонии с отношением к Церкви, сложившемся у Иоанна Павла в Польше. Как и Папа Иоанн Павел, отец Гутьеррес вышел из среды, в которой подавляющее большинство придерживалось римской католической веры. Оба воспринимали Церковь как учрежденческую структуру, способную противостоять социальной несправедливости и политическому режиму. К тому же у обоих вызвали неудовлетворенность идеи западноевропейских теологов, основная направленность которых состояла в соперничестве с атеизмом. И, наконец, оба верили в то, что в центре всей теологической системы — мужчина и женщина, человек как личность, и считали социальную активность обязанностью христианина.

Существует даже некоторого рода синхронность в развитии идей Папы и либеральных теологов. Зерна либеральной теологии можно найти и в столь дорогих сердцу Иоанна Павла документах Второго Ватиканского Собора, и даже во фразе «люди Господа», которые епископ Войтыла сам употреблял во время дебатов на Соборе. Как мы уже видели, в польском контексте это относилось к людям, противостоявшим коммунистическому давлению, для латиноамериканцев — к бедным слоям населения. «Lumen Gentium»¹, так называлась церковная Конституция, которая признавала, что бедные особенно близки к Христу:

«Как искупление Христа совершается в бедности и угнетении, так и Церковь призвана следовать по

¹ «Lumen Gentium» (лат.) — «Свет народам».

тому же пути, если она стремится прийти к спасению человека. Иисус Христос, «будучи по природе Богом... отдал себя всего, приняв природу раба» (Флп. 2:6–7) и «будучи богатым, стал бедным» (2 Кор.8:9) ради нашего спасения... Христос был послан Отцом «принести благовест бедным... исцелить кающееся сердце» (Лука 4:18)... Так же и Церковь направляет свою любовь всем тем, кто страдает от несчастий, и в тех, кто пребывает в бедности и страдании, видит она образ своего бедного и страдающего основателя».

В интеллектуальном развитии как Кароля Войтылы, так и латиноамериканских либеральных теологов решающее значение сыграл бурный 1968 год (год Пражской весны и Парижских событий, кризиса во Вьетнаме и убийств Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди). Кризисная ситуация в Польше впервые оказалась серьезной угрозой для Гомулки, и именно туда кардинал Войтыла представил разработанную им католическую доктрину о правах человека. Для Латинской Америки 1968 год стал годом Конференции в Меделлине, которую Дэвид Томбс назвал «самым важным событием для Церкви Латинской Америки за пять веков». До этого времени Церковь здесь в самом широком смысле являлась объединяющим центром установленных ею силовых структур, «традиционной реакционной организацией высших слоев общества», как охарактеризовал ее роль другой латиноамериканский историк. На встрече в колумбийском городе Меделлин епископы региона изменили существовавшее положение, объявив о «позиции благопритствования бедным». Толчком послужили документы Ватикана II и присутствие на открытии сессии Папы Павла VI, официально благословившего такой поворот политики. Поэтому последовавшее за этим решение имело дале-

ко идущие последствия. Оно привело к периоду в жизни Церкви Латинской Америки, который Пенни Лернокс в своей книге, посвященной истории движения либеральной теологии, назвала «временем мук, повлекшим за собой заключение, пытки и уничтожение более тысячи епископов, священников и монахинь». Это явление, когда католики убивали своих братьев по вере в одном из самых «католических» регионов — вещь небывалая во всей истории Католической церкви.

В задачи встречи в Пуэбло в 1979 году входило примирение двух направлений в Церкви Латинской Америки, сложившихся после Меделлина, и придание им нового смысла. Однако в ретроспективе встреча в Пуэбло представляется событием, ознаменовавшим успешное начало кампании Ватикана против движения либеральных теологов, руководивших действиями Латиноамериканской церкви. На заключительной сессии конференции новый Папа выступил с обращением к епископам (Джордж Вейгель назвал его «одним из наиболее важных за время его понтификата»), в котором подчеркнул, что они встретились «не на симпозиуме экспертов, не на парламенте, где заседают политические деятели, но как... пасторы Церкви». Он напомнил, что они не являются «учителями истины человеческой и рациональной, а проводниками той истины, что идет от Бога». «Некоторые христиане представляют Христа в роли политического активиста, борца против угнетения, едва ли не как участника политической битвы. Такое представление о Христе как о фигуре политической, как о революционере, как о бунтаре из Назарета не соответствует христианскому учению». Памятуя о своем недавнем посещении Гваделупской святыни, Папа отозвался с похвалой о «религиозных традициях и набожности» в Церкви Латинской Америки, которые, по его словам, должны стать центром внимания

епископов. «Вы — священники, — сказал он, — а не общественные или политические деятели, и никак не представители временной власти».

Что и говорить, ироничных замечаний по поводу того, что священник, выходец из политизированной Польской церкви, учит латиноамериканских священников, как нужно держаться подальше от политики, было предостаточно. И я думаю, здесь стоит попытаться разобраться, о чем же именно говорил Иоанн Павел, делая подобные замечания.

Конечно же, они не говорят о недостатке любви к бедным и угнетенным, хотя такое обвинение и выдвигалось Иоанну Павлу его противниками. Даже поверхностного взгляда на его проповеди и речи во время первого визита в Латинскую Америку (не говоря уже об огромном количестве впоследствии написанного им по вопросу социальной справедливости) достаточно, чтобы понять, сколь абсурдно это обвинение. Вот его обращение к сотням тысяч индейцев, которые пришли слушать Папу в беднейшем штате Оахака:

«Папа хочет быть вашим голосом, голосом тех, кто не может говорить, или тех, кого заставляют молчать, защитником угнетенных, кто имеет право на действительную помощь... не на крохи со стола справедливости... Необходимо, не откладывая, начинать сельскохозяйственные реформы. Церковь защищает законное право человека на личную собственность, но она ясно указывает, что частная собственность влечет за собой обязательства перед обществом. Если же общие интересы того требуют, то не приходится сомневаться в необходимости экспроприации, проведенной в соответствии со сложившимися условиями».

Через несколько дней он говорил рабочим Монтеррея, многие из которых трудились в американских

компаниях, обратившихся в Мексику в поисках дешевой рабочей силы, что Церковь поддерживает их право на объединение в профсоюзы:

«Тем, кому посчастливилось найти работу, хочется работать в более благоприятных и безопасных условиях, хочется принимать участие в распределении результатов труда по наиболее справедливым законам... Они хотят, чтобы с ними обращались как с людьми свободными и достойными, хотят принимать участие в решении вопросов, от которых зависит их жизнь... Их неотъемлемое право — создать организацию на свое усмотрение... для защиты их интересов».

Голос человека, который вдохновлял жителей Кракова, основываясь на глубокой убежденности в том, что достоинство человека — неотъемлемая его черта, теперь проливал свет на социально-политическое положение Латинской Америки. Папа говорил с той же страстностью, что звучала из его уст, когда он вставал на защиту польского народа. Трудно понять, как в призывах к перераспределению земли и объединению в профсоюзы можно увидеть злостный умысел экономической программы правого уклона. Слишком большим упрощением было бы считать, что Иоанн Павел ставил знак равенства между коммунизмом, насаждаемым в Польше, и коммунистическими тенденциями движения либеральных теологов. Ясно, что коммунизм как идеология репрессивного государства и коммунизм как оружие в руках народа, сопротивляющегося угнетению, — вещи абсолютно разные, и реагировать на них надо по-разному.

Ключ к пониманию ссоры Иоанна Павла II с либеральными теологами нужно искать в интеллектуальном восприятии Папой сути проблемы. Густаво Гутьеррес не являлся марксистом, однако в своей книге

«Теология освобождения» признал, что либеральные теологи в долгу перед учением Маркса.

«Многие соглашаются с Сартром в том, что марксизм как формальная структура любого современного течения мысли не может быть отброшен... Фактически то, что современная теологическая мысль, ища собственные источники, обратилась к проблеме изменения мира и роли человека в истории, произошло во многом благодаря марксизму».

Он свободно пользовался марксистской концепцией «praxis» (действия) и считал, что благодаря особым условиям, сложившимся в Латинской Америке, марксизм здесь созвучен с католической теологией. «На этом континенте, — отмечается в другом абзаце, — угнетаемые и те, кто на их стороне, сталкиваются лицом к лицу с общим врагом, и связь между марксизмом и христианством приобретает особые черты, в других местах ей несвойственные».

Другие либеральные теологи в оценке особенностей марксизма зашли еще дальше. Жозе Миранда завоевал популярность благодаря двум своим книгам — «Библия и коммунизм» и «Маркс и Библия». Он заявил: «Для христианина объявить себя антикоммунистом в нашем веке, несомненно, означает в высшей степени оскандалиться... Идея коммунизма ясно прочитывается в Новом Завете, непосредственно в его словах, и никто в двадцатом веке не дал лучшего определения коммунизма, чем Лука в гл. 2, ст. 44–45 и в гл. 4, ст. 32–35» (это те места, где он говорит, что у последователей Христа «все было общее»). Гутьеррес полагает, что «справедливость была центральной и наиболее важной чертой Бога», однако Миранда пошел еще дальше и, используя текст Ветхого Завета, повернул дело так, что Бог и справедливость — одно и

то же. От этого остался лишь шаг до вывода, что Бог и вовсе «не мыслился бы как существующий, если бы не утвердил свое существование через этический императив справедливости».

Здесь достаточно того, чтобы убедить Иоанна Павла, что либеральная теология ошибочна в самой своей основе, искажена уже на генетическом уровне, а опыт, обретенный им при нацистском и коммунистическом режимах, научил, что ложные идеи могут привести к ужасным последствиям. Увиденное им различие между политической деятельностью священников в Польше и политической борьбой, которую вели священники Латинской Америки, в большей степени обусловлено не тем, что они делали, а теми идеями, которыми они руководствовались. И как только начинаешь это понимать, становится очевидным, что в лекциях Иоанна Павла, где сплетены в единое целое религиозные и политические проблемы Латинской Америки, нет места фальши. Папа воочию убедился, что ложные идеи, лежащие в самой основе либеральной теологии, увлекли некоторых священников на тот путь, который никогда не принимала Польская церковь, — путь открытой борьбы с государственной властью.

Камилло Торрес стал, вероятно, одним из наиболее широко известных примеров «священников-партизан» — явления, возникшего на волне либерально-теологического движения. Отпрыск богатого колумбийского семейства, он обучался в Католическом университете в Бельгии и, приняв духовный сан, вернулся в Колумбию священником и профессором социологии. Придерживаясь радикальных взглядов в политике, в 1965 году отказался от деятельности священника и основал новое политическое движение. Осенью того же года вступил в ряды партизан Нацио-

нальной освободительной армии и в феврале 1966 года был убит в горах. Его примеру последовали и другие. Через несколько лет молодые послушники стали уходить из церквей и пополнять ряды восставших в Сальвадоре, а священники — выступать в поддержку революционеров-сандинистов в Никарагуа.

Хотя приверженцы либеральной теологии и говорят о том, что «на самом деле, священников, последовавших примеру Торреса, не так-то много», в отношении к проблеме насилия со стороны Церкви Латинской Америки остается много неясного. Дон Хелдер Камара, архиепископ Олинде и Ресифе в Бразилии, являлся одной из выдающихся фигур в развитии Латиноамериканской церкви в 1950–1970-е годы. Можно сказать, что именно он стал инициатором региональной конференции епископов, которая привела к столь драматическим последствиям на встрече в Меделлине. Когда я посетил архиепископа в его епархии в последние годы жизни, то увидел искреннее восхищение и любовь, которую питали к нему прихожане. Поэтому строки из его книги «Честность и надежда» произвели на меня особенно неприятное впечатление.

«Я уважаю тех, кто по зову совести прибегает к насилию — не к насилию с легкой руки, но к насилию человека, доказавшего продуманность своих действий готовностью пожертвовать собственной жизнью. Мне кажется, что память о Че Геваре заслуживает не меньше уважения, чем память о Мартине Лютере Кинге. Я выдвигаю обвинение против подстрекателей к насилию, против всех тех представителей правого и левого толка, которые искажают понятие справедливости и препятствуют установлению мира».

Дон Хелдер Камара старался сфокусировать внимание на «узаконенном насилии» латиноамерикан-

ских политиков и социальных структур, так называемых «структур греха», о которых любили говорить либеральные теологи, при этом подчеркивая, что сам он — сторонник мирных преобразований. «Мое призвание — быть провозвестником мира, идти по стопам Павла VI. Лично я предпочитаю тысячу раз быть убитым, чем убить кого-то самому». Однако за его отношением к насилию стоит принцип оправдания конкретных насильственных действий более отвлеченным насилием, присущим государственной системе региональной власти как таковой. Иоанн Павел II, избравший путь отрицания насилия еще во время нацистской оккупации, не мог согласиться с подобными аргументами.

Взгляд либеральных теологов на проблему насилия можно расценить как инструкцию, опираясь на которую действовали впоследствии террористы, осуществившие взрывы в лондонском транспорте в июле 2005 года. Тот факт, что действовали родившиеся в Британии мусульмане, заставил многих, особенно британских исламских лидеров, открыто заговорить о проблемах ислама в британском обществе. Те из них, кто сразу же после происшедшего выступил с заявлением, что совершенные действия могут быть «объяснены» британской внешней политикой и тем состоянием, в котором оказались в Британии молодые мусульмане, заслуживают критики. Позиция человека, заявляющего, что «я сам, конечно же, так бы не сделал, ибо это плохо, однако я могу понять тех, кто так поступил», двусмысленна и опасна, и за ней несложно увидеть молчаливое одобрение насилия. Именно это и читается за строками, написанными Хелдером Камарой.

Методы, которыми пользовался Иоанн Павел в борьбе с либеральными теологами, говорят о том, что его

польский опыт оказал влияние на его представления о церкви Латинской Америки и о Церкви вообще.

В книге «Латиноамериканская либеральная теология» Дэвид Томбс точно подметил, что:

«...сила Польской церкви, которую он возглавлял, базировалась на прочном союзе под предводительством церковной иерархии. Твердость и последовательность, как и жесткое подчинение властям, были ценными чертами военизированного стиля, которые помогли Польской церкви защитить себя в условиях жестокой государственной системы. Иоанн Павел пытался перенести это на всю Католическую церковь. Проводимая им политика называлась реставрацией, так как она была направлена на решительное восстановление влияния католицизма в обществе».

Не все аналитики сразу смогли понять, что это означает. Мы же постараемся выявить, что получилось в результате, так как через пару месяцев после возвращения из Мексики Иоанн Павел все подробно изложил в энциклике.

Пап последнего времени помнят по их энцикликам. Слово это означает что-либо, «рассылаемое по миру в самые разные его уголки различным людям», а в католическом контексте оно обозначает документ, в котором Папа обращается к епископам всего мира, а через них — ко всей Церкви. Энциклики не являются непогрешимыми папскими постановлениями, но в них отражено мнение Папы по наиболее важным вопросам, которые имеют особое значение для верующих. Энциклика Павла VI по вопросам контроля за рождаемостью привела не к послушанию и размышлениям, а к негодованию и неподчинению, поэтому после «*Humanae Vitae*» он просто перестал писать энциклики.

В марте 1979 года Иоанн Павел II издал энциклику «*Redemptor Hominis*»¹, которая стала манифестом его понтификата, хотя поняли это тогда немногие. Доминиканец Айдан Николс в книге очерков, вышедших под общим названием «Иоанн Павел Великий», пишет, что в «*Redemptor Hominis*» «излагается целая программа, позволяющая решить проблемы доктрины и духовности современного католицизма, а также наболевшие вопросы мирской жизни, и косвенно дается заверение Папы в том, что он сделает все, что в его силах». Майкл Уолш, чья биография Папы написана в несколько ином аспекте, говорит, что важность «*Redemptor Hominis*» в свое время не была понята, потому что «от пап не ожидали таких обращений. Не предполагалось, что они будут разъяснять политику Церкви». И только оглядываясь назад, оказалось возможным заметить, что энциклика именно это и делает, и большее из того, что совершал Иоанн Павел в последовавшую за ее написанием четверть века, может быть найдено в идеях, нашедших отражение в этом документе.

Ключ к пониманию энциклики (которые традиционно начинаются словами на латинском языке) лежит в первом ее предложении. «Спаситель человечества Иисус Христос является центром Вселенной и истории». Конечно же, это утверждение является основным для верующих христиан, однако являлось нечто такое, что, как опасался Иоанн Павел, могло быть предано забвению, и на утверждении этого он стоял с исключительной непоколебимостью и упорством. «*Redemptor Hominis*» ставит в центр внимания Церкви и всего мироздания Иисуса Христа как Бога в образе человеческого, и в рассуждениях Иоанна Павла над

¹ «*Redemptor Hominis*» (лат.) — «Искупитель человека».

доктриной Воплощения есть отрывки исключительной красоты. Он говорит, что через Воплощение «Сын Божий в определенном смысле соединился с каждым человеком [курсив оригинала]. Он работал руками человека, думал головой человека. Волей человека совершал он поступки и человеческим сердцем он любил». Поэтому тот, кто хочет понять себя, в первую очередь должен стараться понять Христа.

«Он должен, как принято говорить, весь, без остатка, войти в Него, должен «вобрать в себя» реальность Воплощения и Спасения для того, чтобы найти себя. Если только этот глубокий процесс произойдет в человеке, то он пожнет не только плоды благоговения перед Богом, но и великого чуда в себе самом. Какую ценность должен иметь человек в глазах Создателя, если «он становится столь великим спасителем»».

Так Иисус Христос становится началом, из которого исходит достоинство личности и, в широком понимании, утверждаются ее права. И здесь Иоанн Павел приводит особенно удивительную фразу: «Имя этого исключительного изумления перед тем, сколь достоин и ценен человек, есть Евангелие, или Благая Весть. Другое его имя — христианство».

Такое высказывание, хоть и слегка мистическое, все-таки вдохновляет, однако влечет за собой некоторые неловкие вопросы, и в первую очередь такой: раз гарантией прав человека становятся Воплощение и Спасение, как же тогда быть с правами тех, кто в них не верит? По этой причине начинают раздаваться голоса сомневающихся. Майкл Уолш в своей биографии подчеркивает:

«Веками в учении церковных философов и теологов утверждалось, что достоинство личности заложено в самой ее природе. Это утверждали на основании

философской оценки потребностей и способностей человека, на основании того, что этика не требует откровения. Но «величие, достоинство и ценность», которыми обладает человечество, по оценке Папы, нужно искать в акте Воплощения. Стоя на страже евангельского послания, Церковь, таким образом, может заявить о своем привилегированном статусе в случае дебатов по вопросу о достоинстве личности. К тому же это означает, что нет той почвы, на которой можно разговаривать о моральных ценностях с теми, кто не верует в Христа».

Тот, кто впоследствии жаловался, что почувствовал себя преданным Иоанном Павлом под действием авторитарных инстинктов, мог бы найти ясное предостережение против подобного, присмотревшись более внимательно к тексту «Redemptor Hominis». Для Иоанна Павла свобода не является сама по себе неким абсолютным добром; она является «подлинной свободой лишь в том случае, если базируется на вере в Христа. В противном случае она «иллюзорная», или «мнимая». Поэтому только Церковь понимает, что есть настоящая свобода. “Поскольку свободу человека невозможно усмотреть во всем том, что разные системы видят как свободу и выдают за нее, Церковь в силу своей божественной миссии стоит на страже этой свободы”». И здесь абсолютно ясно, что когда Иоанн Павел говорит «Церковь», он имеет в виду Церковь Ватикана, он расценивает правление Папы как «дар» самого Христа и, развивая эту мысль далее, предупреждает против ошибок «разыгравшихся» теологов. В энциклике отражено высокое представление Иоанна Павла о его собственной миссии. «Существует связь между первой, главной истиной Воплощения... и теми обязанностями пастыря, которые с принятием поста епис-

копа Рима и последователя апостола Петра стали моими особыми обязанностями на папском престоле». В применении подобных высказываний к повседневности мирской жизни можно порой заметить в их тоне слегка пугающую окраску. («Мы, без сомнения, находимся в поре нового Пришествия, в поре ожидания» и тому подобное.)

В начальный период понтификата активность Иоанна Павла только нарастала. Это особенно радует, когда начинаешь сравнивать его деятельность с черепашьими шагами его преемника, Папы Бенедикта XVI, который за шесть месяцев пребывания на высоком посту привлек внимание мировой общественности только своим негативным отношением к Гарри Поттеру.

«Redemptor Hominis» была опубликована в марте 1979 года, а к Пасхе Папа представил уже новый документ — письмо священнослужителям мира. Он говорил о важности обета безбрачия и настаивал на том, что служители культа «не могут от него отказаться из-за трудностей, с которыми мы сталкиваемся, и из-за жертвы, которая от нас требуется». Этот документ стал запретом на «секуляризацию» священников, изъявивших желание вступить в брак.

Но главное событие первого года папства Иоанна Павла было еще впереди. С самого начала пребывания на посту он дал ясно понять, что считает польские черты неотъемлемой частью своего правления. «Церковь Польши, — сказал он на инаугурационной мессе, — стала объектом возросшего интереса по причине стечения обстоятельств, оказавшихся столь важными для всего современного человечества, для многих народов и государств. Она оказалась свидетельницей особых событий, и весь мир устремил на нее свой взор». Мысль о том, что Польша должна занять особое место в дея-

тельности нового Папы, не удивительна, но Иоанн Павел говорил о большем. Следуя традиции польских романтиков, он полагал, что на Польшу лежит особая миссия — стать учителем всего мира и всей Церкви. И он без стеснения смешивал личные мотивы с общими принципами, которые сам же выдвигал. «Я делаю это не только во благо епископства и папства, — говорил он, давая полякам особое благословение, — но следуя той потребности, что ощущаю в глубине своей души». Вопрос о возможном визите Папы в Польшу поднимался и ранее, сразу же после его избрания, когда польские епископы выразили надежду, что Иоанн Павел приедет на празднование 900-й годовщины мученичества святого Станислава.

Польша, которую Кароль Войтыла покидал в октябре 1978 года, вступала в очередной кризис. На начальном этапе правления Герека наблюдался реальный прогресс. В 1973 году Польша стала третьей в мире по темпам экономического развития, а реальные доходы населения за первые пять лет пребывания Герека у власти увеличились на 40 процентов. Более того, было на что тратить деньги — в магазинах появились товары. В 1971 году Советский Союз выделил Польшу денежные фонды для поддержания экономики, тогда же Варшава получила кредит на 25 миллионов долларов из Вашингтона на закупку зерна. Страна начала выпускать польские «Фиаты», и машины заполнили мрачные улицы, которые описывала Кристина Хочкис в конце пятидесятых.

Однако бум, выросший на займах и импорте, конечно же, не мог продолжаться вечно. Ссуды следовало отдавать, и польское правительство обнаружило, что оказалось все в том же порочном замкнутом круге долгов. К 1979 году внешний национальный долг Польши достиг приблизительно 18 миллиардов долларов.

Возможный приезд Иоанна Павла II поставил Герек перед сложной дилеммой. Когда чудо польской экономики рушилось на глазах, надеяться хоть на какую-то стабильность можно было лишь при поддержке населения. Любая попытка воспрепятствовать визиту Папы в Польшу не добавила бы ему очков. При этом Герек не мог не оглядываться на московских партийных лидеров, так как Брежнев и политбюро восприняли новость о возможном визите Папы без особого энтузиазма. 24 января 1979 года и в Ватикане смогли убедиться, что в Кремле мало что изменилось: Андрей Громыко, советский министр иностранных дел, с каменным выражением на лице (неотъемлемая черта дипломатии периода «холодной войны») нанес визит вежливости. Иоанн Павел высказал мнение, что положение с религиозной свободой в Советском Союзе оставляет желать лучшего. Вот что пишет в своих «Мемуарах» по этому поводу Громыко:

«Такого рода обвинения для нас — не новость, — ответил я. — Не все слухи заслуживают внимания. Запад распространяет разного рода дезинформацию по поводу положения дел Церкви в Советском Союзе. Но правда состоит в том, что с самых первых дней его существования советское государство гарантировало свободу религиозных убеждений... У нас есть люди религиозные, но это не создает проблем ни для них, ни для советского общества в целом».

Герек, которого многие историки считают добрым и сердечным человеком, казалось, расценивал свои отношения с Брежневым как дружеские. Я брал интервью у Эдварда Герек, и его жена очень бережно извлекла из кладовой огромную, написанную маслом картину, где запечатлены были советский и польский лидеры, оба в строгих застегнутых костюмах, во вре-

мя отдыха Брежнева в Крыму. Конец дружбе положил телефонный звонок. Эдвард Герек позвонил Леониду Брежневу, чтобы сообщить ему о своем согласии на визит Иоанна Павла в Польшу. Сначала Брежнев предложил коллеге пересмотреть свою точку зрения на этот вопрос, заявив: «Папа-то, ясное дело, человек мудрый, и почему бы ему не сказать, что он не может приехать из-за болезни». Когда же Герек объяснил, что реалии политической жизни Польши таковы, что препятствовать визиту Папы не представляется возможным, Брежнев ответил, что Гомулка (его предшественник) был более последовательным коммунистом, и повесил трубку.

О визите было объявлено 3 марта 1979 года. В местных средствах массовой информации говорилось, что это никак не повлияет на обычную жизнь польского государства. Символика, особенно религиозная, несла большой политический заряд, и предполагаемая дата визита стала причиной одного из споров коммунистического периода, который теперь кажется не совсем понятным. В связи с тем что мученичество святого Станислава напрямую связано с идеей противоборства с государством, власти не хотели, чтобы приезд Иоанна Павла приходился на дни празднования этого события в мае, и визит перенесли на начало июня.

9 марта в Риме умер кардинал Виллот, государственный секретарь Иоанна Павла, и высокий дипломатический и политический пост оказался свободным. Иоанн Павел выбрал на это место кардинала Агостино Казароли, что оказалось одним из самых удачных его назначений. Эти два человека узнали друг друга в то время, когда Казароли был дипломатическим представителем в Западной Европе при Павле VI, но тогда они не являлись идеологическими единомышленниками. Казароли, главное действующее лицо, на прак-

тике осуществлявшее так называемую «Ост-политику», проявлял большую терпимость по отношению к коммунистическим режимам. Различны они были и по характеру. Казароли сделал себе карьеру на гражданском поприще (поначалу, в 1937 году, он работал в курии) и являлся дипломатом до мозга костей. Он был уверен, что дела лучше вершить за закрытыми дверями. Однако партнерство Казароли — Иоанн Павел, продолжавшееся во время десятилетия окончательного краха коммунизма, оказалось исключительно благоприятным.

«Только оказавшись на варшавской площади Победы, мы поняли наконец, что же там происходило», — вспоминает корреспондент Ай-ти-эн Джон Сноу, который вновь был в составе сопровождавшего Папу журналистского корпуса.

«Там, возвышаясь над собравшимися, явился не коммунистический серп и молот, а христианский крест. Коммунисты ограничили присутствие на площади до трехсот тысяч человек, но польское телевидение вело прямую трансляцию этого события. Трудно было предвидеть дальнейший ход его развития. Это было общество, контролируемое коммунистами, составной элемент влияния Советов, в самой столице которого (ее имя носил даже пакт, созданный для противостояния НАТО) сотням тысяч людей разрешено было принять участие в мероприятии, которое не было организовано государством, да еще миллионам людей разрешалось наблюдать за этим по телевизору. За более чем тридцатилетний период коммунистического правления католическая месса ни разу не показывалась по польскому телевидению».

По другим подсчетам, размер толпы в Польше на первой проведенной Иоанном Павлом мессе под откры-

тым небом был даже больше — собралось до миллиона человек. «Христос не может быть вычеркнут из истории ни в одной части земного шара, ни на какой широте и долготе», — сказал Иоанн Павел пастве. После этого, как пишет газета, «начались аплодисменты, которые все продолжались и продолжались, накатываясь волнами... замирая в отдельных частях площади и начинаясь где-нибудь еще». Некоторые стали петь церковные гимны, люди повторяли «Нам нужен Бог», многие плакали. Прошло почти четверть часа, пока Папа смог успокоить толпу и продолжить речь.

Александр Цепко представил особенно живую картину событий, развернувшихся в этот день. Официально работающий в Варшаве ученый, он являлся также советником Центрального комитета Коммунистической партии в Москве и должен был написать отчет о визите Папы для Кремля. Когда Иоанн Павел прибыл в Варшаву, Цепко занял позицию напротив штаб-квартиры Польской Коммунистической партии. Вот что он увидел:

«Неожиданно все окна... открылись. Все партийные работники сели прямо на подоконники, все, и с третьего и с четвертого этажа. Казалось, они слились с толпой. Люди пели «Аве Мария», а похоже было, будто они поют антикоммунистический гимн. Приятель, стоявший рядом со мной, сказал: «Саша, вот оно, наступило. Социализму в Польше пришел конец». За какие-то несколько секунд польские партийные работники высунулись из окон. За эти-то секунды и за последовавшие за ними считанные часы власть перешла к Церкви. И ничто, никакой, даже самый воинствующий, закон не смог бы ничего изменить».

Визит длился девять дней. Иоанн Павел посетил все места, составляющие карту католической Польши.

Он съездил в Гнежно, где были коронованы первые польские короли и где похоронен один из наиболее почитаемых им польских святых, святой Адалберт. Возможно, с ностальгией вспоминая походные костры своей молодости, он провел вечер на балконе епископского дворца, разговаривая со студентами, оставшимися там после его мессы для молодежи. Две ночи провел он в доме Черной Мадонны в Ясна Гуре и вернулся в Калварию, на гору святых мест, где часто бывал и ребенком, и Краковским епископом. Он отдал дань уважения Вадовице, городу своего детства, и посетил Освенцим, где провел торжественную мессу вместе со 150 священниками, выжившими в лагерях смерти.

Сказался ли как-то столь масштабный визит на экономической ситуации? Ясно, что к тому времени в Польше экономическое и политическое давление привело к ситуации, которую марксисты назвали бы предреволюционной. И здесь не будет преувеличением утверждать, что паломничество Иоанна Павла стало катализатором в развенчании идеи строительства коммунистического государства в Польше, а в дальнейшем — и всей советской системы. Яцек Курон, основатель Комитета защиты рабочих (сыгравшего роль Иоанна Крестителя для движения «Солидарность»), был поражен атмосферой, царившей в толпах собравшихся на улицах Варшавы людей в ночь перед прибытием Иоанна Павла: «На улицах был исключительный порядок, за всем следила церковная милиция, молодые люди из католической организации. Это поражало, так как в обществе действовали силы самоорганизации. Стоило одному из таких церковных милиционеров подать знак — и люди немедленно подчинялись». Поручив проведение мероприятий, связанных с визитом Папы, Католической церкви, Эдвард Герек (тайно наблюдавший за первой мессой,

проведенной Иоанном Павлом на открытом воздухе из отеля на площади Победы) обеспечил победу своему идеологическому сопернику. Происходило нечто грандиозное, и руководила этим событием иная организующая система. Более того, действовавшая в согласии с людьми, она работала. Яцек Вожняковский, принадлежащий кругу друзей-интеллектуалов Кароля Войтылы, когда тот был архиепископом, присутствовал на большой мессе в Кракове. Он вспоминает:

«Все шло очень гладко, без вмешательства полиции или властей, и все были настроены так доброжелательно, миролюбиво по отношению друг к другу, и у людей из-за этого появилось чувство, что очень многое может быть достигнуто такими простыми средствами. В каждой тоталитарной системе страх является главным оружием. И этот страх был преодолен, побежден просто благодаря тому, что люди были вместе и говорили одним, общим голосом».

«Самостоятельно организовав свои действия, люди получили взамен ощущение свободы», — сказал мне Яцек Курон.

На другом конце земли, в Вашингтоне, за польскими событиями с пристальным вниманием следил Збигнев Бжезинский. Военственный советник президента Картера по национальной безопасности, Бжезинский, сам польского происхождения, встречался с Каролем Войтылой в 1976 году, когда тот читал лекции в Гарварде. Его оценка визита Папы в Польшу сделана в характерном для него язвительном и кратком стиле: «До сих пор доминирующим было ощущение неизбежности существующей системы. После его отъезда доминирующим стало отсутствие этой неизбежности. Я полагаю, что это существенное изменение».

Иоанн Павел сам подвел итоги своей поездки, едва покинув аэропорт Кракова. Не склонный к проявлению особой сдержанности в оценке собственных действий, он охарактеризовал это посещение как «несомненно беспрецедентное событие не только этого века, но и всего тысячелетия, особенно по той причине, что это был визит польского Папы, который имеет священное право и обязанность чувствовать глубинную эмоциональную связь со своим народом».

9 МЕНЯ ИСТОРИЮ

С приближением нового десятилетия деятельность понтифика обрела невиданный доселе размах. В последние месяцы 1979 года состоялись визиты Папы в Ирландию, Соединенные Штаты и Стамбул. Иоанн Павел провел цикл бесед по «основам теологии» (он состоял из 130 докладов перед широкой аудиторией и занял четыре года), выступил с обращением к Генеральной Ассамблее Объединенных Наций (речь шла о проблемах гонки вооружений, прав человека и несправедливости, порожденной мировой экономической системой) и — можно подумать, проблем двадцатого века было недостаточно, чтобы удовлетворить волчий аппетит этого интеллектуала! — заявил, что приговор, вынесенный Церковью в семнадцатом веке Галилею за его утверждение, что земля вращается вокруг солнца, должен быть пересмотрен. Он впервые за четыре столетия созвал в Риме на совет Священную коллегия кардиналов, добавив к общему числу кардиналов еще четырнадцать.

1980 год начался без перерыва на отдых. Один за другим последовали визиты в Африку, Францию, Западную Германию, Бразилию (готовясь к этой поезд-

ке, Папа изучил португальский) и в Азию, и все это сопровождалось целым потоком папских постановлений (наставлениями, письмами и т.п.), не говоря уже о появлении новой развернутой энциклики.

13 мая 1981 года вихрь событий остановился настолько неестественно, что в это до сих пор трудно поверить. Была осуществлена первая за современную историю попытка покушения на жизнь Папы Римского. В этот день Иоанн Павел II обедал с профессором Жеромом Леженэ и его супругой. Выдающийся французский генетик являлся лидером движения «против аборт», и за обедом обсуждался «метод естественного цикла» в рамках проблемы контроля за рождаемостью. В 17 часов Папа в своем «папамобиле» выехал из арки Колоколов (часовой башни в левой крайней части собора Святого Петра) на ежедневную аудиенцию на площади Святого Петра. Обычно перед официальным обращением, которое проходило перед базиликой, Иоанн Павел, на манер суперзвезды, проезжал пару кругов по площади. По воспоминаниям свидетельницы, польской монахини, он выглядел «отдохнувшим, цветущим, улыбающимся... Каким молодым он казался, каким красивым». Белая с открытым верхом машина, что-то среднее между джипом и кабриолетом, двигалась медленно, чтобы Папа мог контактировать с людьми, проезжая мимо них. Оглядываясь назад, видишь нечто трогательно-наивное в том времени, когда так мало пеклись о собственной безопасности.

Машина иногда останавливалась, чтобы Иоанн Павел мог брать на руки детей, которых ему протягивали. И когда он, примерно в четверть шестого, во время второго круга по площади, вернул родителям четырехлетнюю светловолосую девочку, Мехмед Али Агджа нажал на курок браунинга. Агджа стоял во вто-

ром ряду паломников за деревянным ограждением — толпа в тот день оказалась сравнительно немногочисленной: тысяч двадцать или около того, — так что выстрелы были произведены с близкого расстояния в упор. Позднее он заявит, что на самом деле не собирался убивать Папу (его показания относительно мотивации весьма многочисленны и противоречивы), однако, как позднее вспоминал Иоанн Павел, «Агджа знал, как нужно стрелять, и, несомненно, стрелял для того, чтобы убить». В воспоминаниях очевидцев обычно говорится о том, что голуби, расхаживающие по площади, внезапно взлетели, испугавшись звука выстрелов. Эта не имеющая отношения к делу деталь, вероятно, является свидетельством того, что людям понадобилось какое-то время, чтобы осознать чудовищность случившегося. Станислав Дзивич, как и всегда, сопровождал Иоанна Павла и находился на заднем сиденье.

«Пуля прошла сквозь тело Святого Отца, ранив его в живот, локоть правой руки и указательный палец левой. Она упала между Папой и мной. Я услышал еще два выстрела, и еще два человека, стоявшие около нас, получили ранения».

Я спросил Святого Отца: «Куда?» Он ответил: «В живот». — «Болят?» — «Да».

Врача рядом не оказалось. Времени на размышления не было. Мы немедленно отнесли Святого Отца в «скорую помощь» и на большой скорости помчались в госпиталь «Джемелли». Святой Отец молился *sotto voce*.¹ Пока мы ехали, он потерял сознание.

Выживет он или нет, зависело от многих факторов. Как быстро мы доберемся до госпиталя? Несколько лишних минут, какие-то преграды на пути могли

¹Sotto voce (*um.*) — в полный голос.

привести к ситуации, в которой что-либо делать было бы уже поздно».

До «Джемелли» доехали за восемь минут: для Рима это невероятно быстро. Позднее подобный факт для Иоанна Павла стал еще одним свидетельством того, что он выжил благодаря воле Провидения. Приведенная мной далее выдержка взята из неофициальной беседы двух польских философов, Станислава Дзивича и Папы. Она была опубликована в качестве эпилога в книге «Память и личность», вышедшей незадолго до смерти Иоанна Павла, и подкупает тем, что передает способность этих двух людей понимать друг друга с полуслова.

Иоанн Павел:

«Да, я помню, как мы ехали в больницу. Какое-то время я находился в сознании. У меня было чувство, что я выживу. Была сильная боль, и имелись основания бояться, но была во мне и какая-то странная уверенность. Я сказал отцу Станиславу, что простил напавшего на меня. Что произошло в госпитале, я не помню».

Станислав Дзивич:

«Практически сразу же по прибытии в госпиталь Святого Отца взяли в операционную. Ситуация была очень сложной. Святой Отец потерял много крови. У него продолжало падать давление, пульс едва прощупывался. Врачи предложили мне совершить соборование, что я сразу же сделал».

Иоанн Павел:

«Практически я был уже в мире ином».

Иоанн Павел потерял более трех литров крови. По словам дежурившего в тот день профессора Крусит-

ти, «кровь была повсюду», и операция по спасению жизни Папы продолжалась пять с половиной часов. Профессор зафиксировал «многочисленные повреждения тонкой и толстой кишки» и отметил, что «брыжейка, мембрана которой является отправным пунктом кровеносных сосудов, снабжающих кровью кишечник, была прорвана в нескольких местах». Когда все промыли, он обнаружил в задней части кишечника «ужасную рваную рану — следствие прямого попадания пули». Однако выстрел Али Агджи прошел — на самую йоту, означавшую критический рубеж, — мимо центральной аорты. Папе удалили двадцать два дюйма¹ кишечника, толстую кишку спили в нескольких местах. Была сделана колостомия. Операция закончилась почти в полночь, и Иоанн Павел был переведен в отделение интенсивной терапии, где оставался в течение четырех дней.

Последовавшее за этим может показаться генеральной репетицией той идущей на глазах у всех борьбы воли Папы с законами природы, которая шла в последние месяцы его жизни. Как рассказал отец Станислав, его первым вопросом после операции стал: «Мы отслужили вечернюю службу?» Секретарь утверждает, что Папа «никогда не переставал выполнять своих обязанностей». Из госпиталя он передал в эфир послание верующим, собравшимся в воскресенье, 17 мая, на площади Святого Петра. Папа поблагодарил людей за молитвы, не забыв и о тех двух туристах, которые тоже были ранены (к счастью, их ранения оказались легкими). Он сказал, что прощает «брата, который совершил на меня нападение», пошутив, назвал спасавших его врачей «синедрионом». Послушный поначалу пациент теперь горел желанием

¹ Дюйм — мера длины, равная 2,54 см. (Прим. ред.)

быстрее вернуться к работе. 3 июня, после трехнедельного пребывания в госпитале, доктора разрешили ему вернуться в Ватикан. Папа очень хотел (о чем мир узнал позднее) «руководить торжественной церемонией 7 июня по поводу годовщины Собора в Эфесе и Первого Собора в Константинополе». Через полчаса после прибытия в Ватикан он уже стоял у окна и благословлял всех собравшихся.

Каким бы красивым и молодым ни казался Иоанн Павел польской монахине, когда появился 13 мая перед собором Святого Петра, 18 мая, в тот день, когда он был переведен из палаты интенсивной терапии, ему исполнился шестьдесят один год. Через неделю после его возвращения из госпиталя у Папы поднялась высокая температура. Его состояние вызвало сильную тревогу окружающих. Лицо стало «серым и осунувшимся», а «под глазами, казавшимися теперь неестественно зелеными, появились черные круги. Он не мог ни на ком сосредоточить взгляда и смотрел в пустоту». Причину лихорадки установить было трудно, и антибиотики не помогали. 20 июня Иоанну Павлу пришлось вновь вернуться в госпиталь. У дверей стояло кресло-каталка, которым, несмотря на сделанную вначале попытку пройти самому, ему все же пришлось воспользоваться.

Причиной болезни оказался цитомегаловирус, занесенный во время срочно предпринятого переливания крови вечером 13 мая. Поскольку антибиотики не решают проблему вирусов, следовало справляться иными способами — помочь могли лишь обезболивающие средства и покой. 24 июня лихорадка отступила. Как только кризис миновал, Иоанн Павел стал решать вопрос с колостомией, отвергнув предложение еще раз лечь в госпиталь с этой целью. «Ему не терпелось, — рассказывал отец Станислав, — возобновить

свою обычную деятельность, за откладывание которой он себя едва ли не упрекал». Врачи настаивали на том, что было бы разумнее подождать, пока он полностью поправится и погода станет прохладнее, предлагая перенести операцию на октябрь. Однако Иоанн Павел отвечал, что в те дни, на которые предлагали перенести операцию, он должен присутствовать на собрании, и целых полчаса читал лекцию медицинскому персоналу о том, что доктора должны оставлять пациентам возможность оставаться хозяевами своей судьбы (пациенту, говорил он, необходимо дать возможность чувствовать, что он «заболевший человек», а не «объект лечения»). Врачи уступили, и операция была сделана в начале августа. 15 числа Иоанн Павел уже смог праздновать Успение вместе с 50 000 человек на площади Святого Петра, окончательно вернувшись к своей роли через три месяца после покушения.

Вера Иоанна Павла в то, что между его выздоровлением и Фатимой существует связь, окрепла за время его пребывания в госпитале. Через пару месяцев после выздоровления он сказал, что Али Агджа стрелял в него не в праздник Фатимы, но в «час», когда в 1917 году Дева предстала перед португальскими детьми.¹ Как отмечалось ранее, он не смог бы заметить совпадения, не усмотрев в этом руки Провидения («в замыслах Провидения нет места простым совпадениям»). По возвращении в Ватикан он запросил материалы о предвидениях Фатимы, к которым относился и печально известный Третий Секрет — документ такой магической силы и с такой загадочной репутацией, что в начале 1980 года какой-то фанатик даже за-

¹ Матерь Божья неоднократно являлась трем крестьянским детям-пастухам близ Фатимы 13 числа каждого месяца (с мая по октябрь 1917 года). Явление Фатимы стало одним из известнейших в истории явлений Божьей Матери. (*Прим. ред.*)

хватил самолет, выдвинув требование Ватикану раскрыть его содержание. То, что прочитал Иоанн Павел, убедило его в том, что послание Девы относилось именно к нему.

История Третьего Секрета не проста. Девочка, которая находилась среди тех детей, видевших Деву, Люсия дос Сантос (ей в 1917 г. было десять лет), повзрослев, стала монахиней, и в 1944 году в монастыре написала, что помнила о видении. Она отдала написанное местному епископу, указав, что этот документ необходимо передать Папе, но вскрывать его не следует до 1960 года. Иоанн XXIII заглянул в бумаги в назначенное время и направил секретный документ в архивы, не опубликовав его. Видение (рассказ о котором теперь опубликован полностью), должно быть, показалось ему странным, и до сих пор остается только гадать, почему Иоанн держал документ под замком. Там описывалось, как епископ, «одетый в белое» (которого Люсия посчитала Святым Отцом), поднимался на холм по направлению к «большому кресту из грубо отесанных бревен». Он прошел «через большой город, наполовину в руинах, дрожа, медленными шагами, страдая от боли и скорби и молясь за души умерших, которых он встречал на пути. Дойдя до креста, он встает на колени у его подножия, но в тот же миг его убивают стрелами и выстрелами из ружей солдаты».

В 2000 году этот документ был наконец полностью опубликован как пророческий знак Конгрегации доктрины веры. Как ни забавно это может выглядеть, очень разборчивый в вопросах теологии префект, кардинал Ратцингер (будущий Папа Бенедикт), заявил следующее:

«...увиденное детьми никак нельзя истолковывать как фильм, предсказавший будущее, в котором ничего нельзя изменить. На самом деле, смысл видения в

том, чтобы действовать свободно в происходящем и направлять свободу в нужное русло... следовательно, мы должны полностью исключить «фаталистические» объяснения «Секрета», подобные, например, тому, где покушение 13 мая 1981 года расценивается как часть Божественного плана, осуществлявшегося самим Провидением... Видение, скорее, говорит об опасностях и о том, как мы можем их избежать».

Это классический Ратцингер; он одновременно и уходит от очевидных неувязок, отброшенных в теории Иоанна Павла (как, например, тот факт, что Папа в видении умирает), и при этом все-таки выгораживает идею своего руководителя.

Али Агджа был пойман на месте преступления и после проведенного расследования приговорен к пожизненному заключению еще до того, как Иоанн Павел завершил второй этап лечения в госпитале. Когда в сентябре судья представил официальный письменный вердикт, который, по итальянским законам, требуется при совершении особо тяжких преступлений, в нем говорилось, что Али Агджа действовал не в одиночку. «Угрожающая фигура Али Агджи внезапно появилась среди толпы, чтобы выполнить с почти бюрократическим спокойствием задачу, порученную ему другими, — заговор ослепленных ненавистью». Но судья также признал, что «нет свидетельств, позволяющих кого-то подозревать или определить мотивы заговорщиков». Однако следователям удалось кое-что выяснить относительно прошлого убийцы. За ним числилось участие в организованных преступлениях (в частности, в контрабанде между Турцией и Болгарией), а в 1979 году он был замешан в убийстве редактора либеральной турецкой газеты «Миллийет». Пойманный через пять месяцев после убийства, он

сознался, но затем бежал из военной тюрьмы, переодевшись в солдатскую форму. Вскоре Али Агджа написал письмо в «Миллийет», где грозился убить Папу во время его визита в Стамбул в 1979 году. «Западные империалисты, — говорилось в письме, — боятся, что Турция и народы ислама обретут политическую, военную и экономическую силу на Среднем Востоке, и посылают в Турцию в этот сложный момент Главного Крестоносца, Иоанна Павла, замаскировавшегося под религиозного лидера. Если этот визит не отменят, я убью Папу-главаря».

Письмо в «Миллийет» являлось свидетельством того, что Али Агджа — мусульманский фундаменталист, поставивший своей целью убийство Папы на религиозной почве. Но существовала и еще одна теория. Она основывалась на так называемых болгарских связях. Через десять месяцев расследования Али Агджа указал на трех членов болгарского посольства и на четверых турков, назвав их своими сообщниками. В доказательство он привел план побега, в котором грузовик должен был нелегально перевезти его в Югославию как дипломатически неприкосновенного представителя Болгарии, и рассказал странную историю о том, как его завербовал в Софии таинственный бизнесмен, предложивший за 400 000 долларов «шлепнуть» Иоанна Павла. А поскольку болгары неспособны были действовать без одобрения Советов, подозрение пало на Кремль.

То, что Иоанн Павел раздражал советских лидеров, являлось исключительной правдой. Карл Бернштейн и Марко Полити в написанной ими биографии Папы «Его Святейшество» рассказывают, что «члены Политбюро СССР не скрывали той озабоченности, которую вызывали у них Папа и Церковь, как не скрывали советские лидеры и своего разочарования по по-

воду того, что власти Польши «не задавили» Церковь». В советской прессе, которая, конечно же, проводила линию партии, красочно рассказывалось, какой Папа «коварный и опасный идеологический враг». По словам одного журнала, он был «злым, низким, вероломным подхалимом американских милитаристов». Однако на основании подобных вещей нельзя сделать никаких конкретных выводов, и хотя болгары и турки, на которых указал Али Агджа, были привлечены к расследованию, дело пришлось закрыть за недостаточностью улик. Покушение на Иоанна Павла II, вероятно, так и останется неразгаданной загадкой двадцатого века.

Когда о версиях сообщили Иоанну Павлу, он ответил, что его не интересуют различные теории, ибо «сделано то было дьяволом». Позднее, в разговоре, описанном в «Памяти и личности», он сказал, что «Али Агджа... был профессиональным убийцей. Это означает, что нападение совершено не по его инициативе, идея подсказана кем-то другим, кто-то другой нанял его для ее осуществления». Не вдаваясь в подробности, он добавил, что, по его мнению, покушение на его жизнь было «одной из последних конвульсий невежественных идеологий, вырвавшихся на волю в двадцатом веке. Людей истребляли как фашизм, так и нацизм. Истреблял их и коммунизм».

Судя по тому, как развернулись события в Польше после визита Иоанна Павла в 1979 году, не приходится удивляться, что подозрение пало на коммунистов. Летом 1980 года начался новый цикл польского развития, хотя непосредственно он связан скорее с ценами на мясо, нежели с визитом Папы. В начале июля правительство перестало сдерживать цены, и они поднялись. И хотя выросли цены незначительно, на основные продукты они продолжали искусственно удерживать

живаться (Эдвард Герек не забыл уроки тех дней, что привели его к власти), но это все равно вызвало серию забастовок по стране. Кризис набрал полную силу к середине августа, когда руководство судостроительной верфи в Гданьске уволило Анну Валентинович, крановщицу. Эта маленькая женщина средних лет, с обеспокоенным выражением глаз под толстыми стеклами очков, обладала исключительной силой оратора и имела за плечами опыт схваток с властями. Она являлась популярной фигурой, и 14 августа состоялся митинг рабочих судоверфи, требовавших ее восстановления в должности и пересмотра «прожиточного минимума». В самый разгар митинга появился Лех Валенса, уволенный с судоверфи четырем годами ранее за провокационные выступления. Взобравшись на бульдозер, он обратился к рабочим с речью. Митингующие проголосовали за забастовку, что и стало началом истории движения «Солидарность».

С первых дней забастовки Папа стал своего рода «святым покровителем» забастовщиков. Его портрет висел у всех входов на гданьскую судоверфь, не говоря уже об образе Черной Мадонны (Лех Валенса обычно носил икону с ее образом в петлице). Иоанн Павел оказался идеологическим крестным отцом движения свободных профсоюзов. С конца семидесятых Комитет защиты рабочих, который он поддерживал еще будучи архиепископом Краковским, очень многое сделал для создания политических условий, повлекших забастовку «Солидарности». Активисты Комитета продолжали действовать по всей стране, вызывая сочувствие к забастовщикам на судоверфи Гданьска.

Иоанну Павлу нельзя приписать роль «руководителя» драматических августовских событий. Он не был кукловодом, дергавшим забастовщиков за ниточки, как полагали в Кремле. Но есть свидетельство, что

он не одобрял медлительность кардинала Вышинского. Польский примас, казалось, относился к развернувшейся в Гданьске драме двойко и, комментируя события, был далек от прямой поддержки забастовщиков. Иоанн Павел же, наоборот, 20 августа вместе с польскими паломниками в Риме публично произнес слова в молитве, которые можно расценить как благословение забастовщиков. Он сказал: «Все мы здесь в Риме сейчас вместе с нашими соотечественниками в Польше, чьи проблемы принимаем близко к сердцу». Через три дня он направил письмо польскому примасу («Я пишу эти несколько слов для того, чтобы сказать, какую особую близость к вам испытал я в эти последние трудные дни»), которое включало в себя, по мнению Карла Бернштейна и Марка Полити, «точный политический наказ: “Я молюсь от всего сердца за то, чтобы епископы Польши, — писал Иоанн Павел, — и теперь смогли помочь своему народу в его трудной борьбе за хлеб насущный, за социальную справедливость и за сохранение своего неоспоримого права на собственную жизнь и развитие”». Эти слова не что иное, как одобрение Папой политических требований забастовщиков.

Но если это и был «приказ», Вышинский его проигнорировал. При все углублявшемся кризисе он согласился на встречу с Эдвардом Гереком, во время которой Первый секретарь партии вновь попросил его встать на защиту национальных интересов, указывая на реальную угрозу введения советских войск. Кардинал должным образом выступил по государственному телевидению, призывая к «спокойствию, поддержанию стабильности и к осмотрительности». Он указал, что вина в споре всегда лежит на обеих сторонах, и предупредил, что длительные забастовки опасны для Польши.

На судовой Гданьска забастовщики почувствовали себя преданными, а в Ватикане Иоанн Павел, говорят, весьма едко отозвался о возрасте Вышинского, заметив, что тот утратил чутье. На следующий день Папа еще раз, тщательно подбирая слова, сказал о поддержке «мира и справедливости в стране» и призвал польских епископов собраться на внеочередную сессию в Ченстохове, чтобы принять постановление в поддержку требований забастовщиков. Забастовка продолжалась, и Гданьское соглашение, принятое правительством 31 августа, предусматривало создание первых свободных профсоюзов на территории «советской империи». Лех Валенса подписал соглашение огромной ручкой с изображением Иоанна Павла II — сувениром, сохранившимся со времени визита Папы. Три недели спустя Польская церковь пожинала плоды победы: по польскому национальному радио впервые при коммунистическом правительстве транслировалась церковная служба.

Гданьское соглашение, конечно же, не решило проблемы польского кризиса, который продолжал нарастать. Эдвард Герек ушел с политической арены довольно драматично: у него случился сердечный приступ, когда в Сейме, польском парламенте, развернулись дебаты по поводу кризиса. На посту Первого секретаря Коммунистической партии его сменил Станислав Каниа. Обеспокоенность Кремля по поводу неспособности правительства в Варшаве контролировать ход событий стала принимать угрожающие размеры. «Контрреволюция в Польше — в полном разгаре, — заявил Леонид Брежнев на заседании Центрального комитета в Москве 29 октября. — Валенса разъезжает из одного конца страны в другой, из города в город, и везде его принимают как героя. Польские лидеры замолчали, молчит и пресса. Даже телевидение не го-

ворит ни слова против этих антисоциалистических элементов». Канию вызвали в Москву, где сообщили, что он должен начать готовить страну к переходу на военное положение. После четырех недель, в течение которых никаких признаков окончания волнений не появилось, его вновь отозвали на экстренное совещание по Варшавскому пакту, где ясно прозвучала угроза военной интервенции.

Запад в этот период очень серьезно отнесся к вероятности вторжения Советов в Польшу. За два дня до созыва Варшавского пакта Восточная Германия (в то время Германская Демократическая Республика, или ГДР) закрыла районы, прилегающие к границам Польши, для зарубежных военных атташе, а спутники наблюдения западных стран зафиксировали признаки передвижения Советских вооруженных сил с занимаемых ими позиций в Чехословакии, в западной части СССР и в ГДР. Советского посла в Вашингтоне пригласили в государственный департамент и предупредили о последствиях, к которым приведут военные действия. Вечером 7 декабря секретарь национальной безопасности Америки Збигнев Бжезинский позвонил Иоанну Павлу и сообщил, что, по мнению Вашингтона, вторжение может начаться в любую минуту. Теперь мы знаем (из газет, которые стали выходить после краха коммунизма), что решение приостановить вторжение фактически было принято во время встречи Кани и других участников Варшавского договора, состоявшейся 5 декабря. Однако страх перед внезапным нападением со стороны Советов еще был очень велик. Заголовки западных газет предсказывали худшее. Я хорошо запомнил это время, так как проходил тогда стажировку в программе новостей Независимого телевидения и мне дали задание обзванивать поляков, которые жили в Лондоне. Они начи-

нали плакать перед камерой, стоило им представить, что может произойти.

Заданный ранее вопрос Сталина «Сколько у Папы дивизий?» часто цитировали во время дебатов по поводу роли Иоанна Павла в крахе коммунизма. В ту зиму Папа показал, насколько эффективно умеет пользоваться резервами, которыми располагает. И главным из них являлась кафедра проповедника. 16 декабря он написал непосредственно главе Советского государства Леониду Брежневу письмо, в котором явно недостает обычных дипломатических ухищрений. «Я хочу выразить озабоченность Европы и всего мира в связи с напряженной ситуацией, сложившейся из-за событий, происходящих в Польше в течение последних нескольких месяцев», — начал он. В письме говорилось о результатах немецкого вторжения в Польшу в 1939 году, что было явным намеком на то, что, при условии вторжения Советов в 1980 году, подобные действия будут расцениваться идентично. Иоанн Павел заявлял о своей уверенности, что советский лидер «сделает все возможное, чтобы ослабить создавшееся напряжение, чтобы не будоражить мировое общественное мнение столь деликатной и столь неотложной политической проблемой».

В следующем месяце Иоанн Павел пригласил Леха Валенсу и представителей «Солидарности» в Рим. Западные средства массовой информации расхваливали Валенсу на все лады. Его разговор с Папой проходил за закрытыми дверями библиотеки Ватикана и длился двадцать пять минут. Когда они вышли для участия в официальной церемонии приветствия, Иоанн Павел публично повторил письмо, отправленное Леониду Брежневу.

«Необходимо дать Польше возможность решать собственные проблемы без вмешательства извне. Главным здесь является, и всегда будет, то, что это касает-

ся исключительно внутренних интересов народа Польши. Те изменения, которых ценой больших усилий добились этой осенью и которые должны продолжаться, не направлены против кого-либо. Они ведутся ради общего блага, а не против него. Право, которое фактически становится обязанностью, состоит в том, чтобы предпринимать подобные усилия, и такое право имеет каждая страна. Это право признается и подтверждается законом о правах наций».

Ни один из пап последнего времени не использовал таким образом свое положение. Правда, и Иоанн XXIII и Павел VI делали серьезные заявления по поводу международного положения в целом и в отношении «холодной войны» в частности. Иоанн даже предпринимал попытку вмешаться в Карибский кризис 1962 года. Однако все ограничивалось лишь проповедями со стороны. Те исключительные смелость и чуткость, с которыми пользовался Иоанн Павел своим моральным авторитетом, поставили его в центр международной арены и сделали такой важной фигурой, что советская сторона не могла это не учитывать.

Когда весной кризис в Польше разгорелся с новой силой, Иоанн Павел показал, что в данной ситуации необходимо действовать гибко. Движение «Солидарность» открыло второй фронт в борьбе с правительством, требуя признания союза фермеров, носившего название «Сельская солидарность», и к концу марта, когда секретная полиция избила группу лидеров «Солидарности» в Бидгоже, политический накал в стране значительно возрос. 27 марта прошла двадцатичетырехчасовая национальная забастовка, и «Солидарность» запланировала начало всеобщей забастовки на 31-е число. Каня и генерал Войцех Ярузельский — «сильный вояка», который теперь, по настоянию Со-

ветов, занял пост премьер-министра, — почувствовали, что Москва возобновила давление и что угроза военной интервенции со стороны Советов вновь витает в воздухе.

Иоанн Павел понял, что в этот момент нужно ослабить сопротивление, а не вступать в конфронтацию. 28 марта он послал письмо кардиналу Вышинскому, в котором советовал лидерам «Солидарности» продолжить переговоры с правительством и не доводить дело до всеобщей забастовки. Вышинский сразу же передал письмо Леху Валенсе. 30 марта Валенса и правительство пришли к компромиссному решению: ответственных за избиение рабочих в Бидгоже следует наказать, а «Сельская солидарность», хоть и не получившая сразу официального признания, не была запрещена. Некоторые лидеры «Солидарности» расценили это как отступление, однако Иоанн Павел остался при убеждении, что проявленное благоразумие — лучший способ действий при сложившихся обстоятельствах. Месяц спустя Папу посетил с визитом уполномоченный Рональда Рейгана, директор ЦРУ Уильям Кейси, и, как позднее вспоминал его помощник Роберт Гейтс, Иоанн Павел в разговоре с его начальником заметил, что «Москва далее не будет проявлять терпимости... и что тактический ход назад со стороны «Солидарности» был единственным способом избежать репрессивных действий».

Новый польский премьер-министр Войцех Ярузельский — с непроницаемой внешностью военного и в неснимаемых, как у главаря мафии, темных очках, — в котором Запад видел марионетку советского правительства, на самом деле являлся фигурой гораздо более сложной и интересной, чем можно было предположить, если судить по его внешности. Родившийся в аристократической семье католиков, он вместе с

родными был захвачен советскими войсками, депортирован и заключен в трудовой лагерь как классовый враг. Сибирское солнце опалило его веки, а на лесоповале он повредил спину, так что его странная внешность фактически была наследием сталинского ГУЛАГа. Войцех вернулся на родную землю офицером польского контингента в составе Советской армии, которая пришла в Польшу в 1944 году. Ярузельский оставил запоминающийся рассказ о том, как он, сразу же после кризиса в Бидгоже, был приглашен на одну из тех «братских бесед», которые к тому времени стали привычным явлением в отношениях между польским правительством и его восточным соседом. Его и Каню высадили на летном поле недалеко от советской границы и повезли на встречу в специально оборудованный для этой цели вагон. Там их ожидали возглавлявший КГБ Юрий Андропов и советский министр обороны маршал Устинов. «Горы бутербродов, чай, кофе и пиво; бутерброды с икрой, рыбой, с мясом». Посреди вагона стоял большой зеленый стол, за которым в течение шести часов полякам рассказывали о том, какое зло творит «Солидарность» и какую угрозу «достижениям социализма» она представляет. Их принуждали к введению военного режима и вновь угрожали вторжением.

Ярузельский по собственному опыту знал, что подобные угрозы Советского Союза нужно воспринимать серьезно, и в 6 часов утра 13 декабря 1981 года по радио объявили о введении в Польше военного положения. Это был единственный способ предотвратить советское вторжение. Михаил Горбачев, который в 1981 году являлся членом Политбюро, поддержал его решение. Много лет спустя, когда я брал у него интервью, Горбачев без тени иронии заметил, что «полякам повезло, что в этот момент во главе страны стоял

генерал Ярузельский. Бог оценил религиозность поляков и послал им генерала в нужный момент». Позднее выяснилось, что после этого советское руководство отказалось от плана интервенции в Польшу и что Ярузельский был полностью осведомлен об этом решении.

Иоанн Павел хотел поддержать руководителя Польши. Телефонная связь прервалась, и после объявления о военном положении по радио Ватикан не мог связаться с польскими епископами. 13 декабря было воскресенье, и в этот день, как обычно, большая группа польских паломников ожидала появления Иоанна Павла на балконе. Он говорил по-польски, не сомневаясь, что его слова дойдут до миллионов соотечественников, настроивших свои приемники на Би-би-си и «Голос Америки». «Уже пролито слишком много польской крови, особенно во время последней войны. Более польская кровь не должна проливаться. Должно быть сделано все, чтобы наше будущее строилось мирным путем». За призывом к ненасильственным методам, обращенным как к польскому правительству, так и к тем, кто противился его решениям, последовало еще более настойчивое обращение в виде официального письма Ярузельскому. Двадцать или тридцать человек были убиты при столкновении с силами безопасности сразу после объявления военного положения, и Иоанн Павел обратился к польскому премьер-министру со следующими словами:

«Результатом событий последнего времени в Польше в связи с введением военного положения 13 декабря стали смерть и ранения наших соотечественников, и я не могу не внять зову сердца и не обратиться к вам, моля о прекращении пролития польской крови... История наша восстает против нового кровопролития, и мы не можем позволить, чтобы

эта трагедия легла тяжелым грузом на совесть нашего народа. Поэтому я и взываю к вам, генерал, с призывом обратиться к методам мирного диалога, которые были характерной чертой социального обновления с августа 1980 года. Хотя этот шаг может оказаться трудным, он все-таки возможен. От него зависит благополучие целой нации. Люди во всем мире, все те, кто видит основу мира в уважении прав человека, ждут этого обращения к ненасильственным методам».

Не оставляя сомнений в том, на чьей он стороне, Папа в письме указал Ярузельскому на возможность продолжения диалога с Церковью и, через нее, с оппозицией в лице «Солидарности». 19 декабря архиепископ Луиджи Поджи, нунций Ватикана по Восточной Европе, был направлен с личным визитом к генералу Ярузельскому (он ехал поездом, поскольку все воздушные рейсы на Варшаву временно отменили, и по этой причине путешествие заняло несколько дней). Намерение Иоанна Павла открыто проводить линию переговоров способствовало тому, чтобы показать в дальнейшем, что коммунизм в Польше разоблачен. Какое-то время военное положение воспринималось как откат назад, потерю всего, что было завоевано Польшей после визита Иоанна Павла летом 1979 года. Но, оглядываясь назад с более дальнего расстояния, оно воспринимается скорее как краткая пауза в процессе изменений, которые фактически стали необратимы.

В конце ноября 1981 года, когда над Польшей сгустились тучи политической бури, Иоанн Павел произвел одно из самых важных назначений в понтификате. Взаимопонимание, установившееся между Каролем Войтылой и кардиналом Джозефом Ратцингером на конклаве 1978 года, упрочилось еще более пос-

ле избрания Папы, и в начале восьмидесятых архиепископ Мюнхенский открыто выражал свое восхищение вкладом Папы в католическое учение. В своем интервью по радио он объяснил, что хотя не во власти Папы изменить то, что досталось ему в наследство, «но его обязанность — сохранить для своего времени веру в целостности и выступать с критикой недостатков западного общества». Работа Джозефа Ратцингера в Мюнхене указывала на его склонность к научной карьере, и Иоанн Павел обратился к нему как к человеку с большим интеллектуальным потенциалом, предложив должность префекта Конгрегации доктрины веры, структуры, как считается в Ватикане, стоящей на страже богословия. Если союз с Казароли играл для Иоанна Павла решающую роль в международных связях Церкви, то союз с Ратцингером определял внутреннюю жизнь Церкви, и кардинал Ратцингер оценивал нововведения в модели папства с критических позиций. Возможно, он никогда и не предполагал, что унаследует должность Папы, как случилось впоследствии, когда в 2005 году он стал Папой Бенедиктом XVI, и создается впечатление, что в мантии, упавшей на его плечи, он чувствовал себя несколько неудобно.

Эти два человека имели много общего. Хотя Джозеф Ратцингер моложе Кароля Войтылы на семь лет, формирование его мировоззрения проходило в среде глубоко верующих католиков. Бавария тридцатых годов по своей религиозности во многом напоминала Польшу того же периода, и отец Джозефа был не менее религиозен, чем старший Кароль Войтыла. Иногда в воскресенье он ходил на церковную службу аж три раза. Ратцингеры вышли из той же социальной среды, что и Войтылы. отец Джозефа работал полицейским (этот факт всегда обыгрывался шутниками, когда молодой Ратцингер на своем посту в Ватикане

«показывал зубы»). Джозеф поступил в семинарию в 1943 году, через год после того, как Кароль Войтыла выдвинул свою кандидатуру на место епископа Краковского. Оба присутствовали на Втором Ватиканском Соборе (Джозеф — в роли *peritus*, или теологического советника); и у того и у другого имелась сильная тяга к литературному творчеству. Ратцингер, к тому времени как сам стал Папой, написал более пятидесяти книг и, по словам биографа Джона Алена, «казавшуюся бесконечной вереницу статей для журналов, популярных эссе и лекций».

Существовали между ними и различия, как в биографиях, так и в характерах. Защитники Джозефа Ратцингера подчеркивают тот факт, что существовавшее при Гитлере молодежное движение являлось частью обязательной учебной программы, когда в 1941 году четырнадцатилетний Ратцингер стал его членом. Он не вступал в армию, пока его, вместе с остальными остававшимися в классе семинаристами, не призвали в 1943 году на военную службу. Нацистом он не был. Однако трудно не поддаваться соблазну и не сопоставить две контрастные фигуры военной поры: педантичного молодого Ратцингера, помимо воли сидевшего на зенитной батарее около завода «БМВ» под Мюнхеном, и романтический образ Войтылы. Ратцингер, казалось, никогда не проявлял тяги ни к чему, кроме службы священника, и не испытывал увлечения театром, через которое прошел молодой Войтыла. Биограф Джон Аллен не нашел никаких данных о том, что избранный Иоанном Павлом префект Конгрегации доктрины веры, «будучи молодым, серьезно кем-то увлекался», так что фигуры, подобной войтыловской Галине, которая могла бы стать фрау Ратцингер, не значилось. И, наконец, немцу был свойственен природный пессимизм консерваторов, тогда как при-

сущий поляку живой оптимизм являлся причиной его либерального взгляда на историю. Впоследствии кардинал Ратцингер поднимет вопрос о том, чтобы Церковь стала «меньше, но строже», а такой взгляд на Церковь никак не совпадает с представлением о ней великого паломника и проповедника Иоанна Павла II. В задачи префекта Конгрегации доктрины веры входила борьба с теми, у кого возникало желание подразнить католиков, упрекая Церковь в реакционности и авторитарности. Путь, который избрал на этом посту Ратцингер, позволял врагам католицизма выходить за рамки старых шуток и обвинять Церковь в настоящих репрессиях. Утвердившись в Ватикане, новый префект развернулся в полную силу (по словам одного из критиков, «сразу после вступления в новую должность взявшись за кнут») и, защищая интересы Иоанна Павла, направил свое внимание на либеральных теологов Латинской Америки.

Я разговаривал со многими представителями Католической церкви, в том числе и с кардиналами, и все восхищались Иоанном Павлом II, однако многим не нравилось то, что делалось от его имени. Я обнаружил, что кардинал Ратцингер — по крайней мере, до того момента, как он стал Папой Бенедиктом XVI, — часто играл роль громоотвода, принимая на себя раздражение недовольных. Это вещь вполне естественная, и для публики личность Иоанна Павла была куда более привлекательна, чем запылившаяся фигура сухаря-ученого, в молодые годы ставшего членом гитлерюгента (я сам однажды встречался с Ратцингером и нахожу, что это удивительно мягкий человек, к которому окружающие питают привязанность и преданность).

Но несправедливо было бы воспринимать Иоанна Павла отдельно от его поступков. Нельзя отрицать, что

он иногда уходил в тень, что позволяло ему не принимать в споре ничьей стороны. Один из членов церковной иерархии как-то рассказал мне, что, послушав дебаты разгорячившихся французских епископов, Иоанн Павел, когда все обратились к нему за ответом, просто сказал: «Tres bien, nous sommes sur la route»¹. Все так и не поняли, какого же мнения он придерживается. Однако с кардиналом Ратцингером они великолепно понимали друг друга. Более двадцати лет эти два человека встречались каждую пятницу наедине и обсуждали работу Конгрегации доктрины веры, а по четвергам вместе обедали, обсуждая довольно широкий спектр вопросов.

Более того, в 1984 году появившаяся «Инструкция по определенным аспектам либеральной теологии», которая стала началом конфликта между Ватиканом и либеральными теологами Латинской Америки, отчасти обязана своим существованием точным инструкциям Иоанна Павла. Биограф Папы Джордж Вейгель говорит о том, что кардинал Ратцингер сообщил ему в интервью, будто «Иоанн Павел нацелил Конгрегацию доктрины веры взяться за проблему» либеральной теологии. «Инструкция возникла на основе диалогов 1982 года, которые вели Иоанн Павел и кардинал Ратцингер, — пишет Вейгель. — Инициатива ее создания принадлежит Иоанну Павлу». Но от кого бы ни исходила инициатива, Иоанн Павел не склонен был скрывать от публики то, что чувствовал, и это, возможно, больше всего проявилось во время самой его сложной поездки — визита в марте 1983 года в никарагуанскую столицу Манагуа.

Все наболевшие вопросы «холодной войны» и разные течения католицизма сошлись тогда именно

¹ Очень хорошо, мы на правильном пути (*фр.*).

здесь, в Никарагуа. Сандинистская революция, свергшая в 1979 году режим латиноамериканского диктатора Анастасио Самосы, получила всенародную поддержку. Даниэль Ортега и лидеры сандинистского движения в начале восьмидесятых еще носили статус героев-революционеров. В то же время в Вашингтоне (к власти в результате президентских выборов в 1980 году пришел Рональд Рейган) к Ортеге относились с подозрением. Соединенные Штаты видели в нем тайного агента коммунизма, им стали пугать американского обывателя, перед глазами которого вставали советские танки, подбирающиеся к Техасу. Американская поддержка правых сил, ставившая своей целью свержение режима Ортеги, шла в соответствии с основным курсом администрации Рейгана, который привел к кровавым событиям в Иране. Никарагуа стала, как позднее описал ситуацию Иоанн Павел, «ареной сражения сверхдержав».

Еще более осложнял ситуацию раскол, произошедший внутри Католической церкви Никарагуа. В Сандинистской революции Церковь сыграла большую роль. В конце семидесятых примас страны, архиепископ Мигель Обандо Браво, поддерживал мирно настроенную политическую оппозицию диктаторскому режиму Самосы. Это очень напоминало позицию Кароля Войтылы по отношению к коммунистическому режиму в Польше. В середине 1979 года, когда стало очевидно, что Сандинистская революция получила поддержку в массах, епископы страны опубликовали постановление, которое одобряло революцию и видело в ней способ покончить «с неприкрытой, длительной тиранией, которая, будучи серьезной угрозой для страны, лишала человека его основных прав». Некоторые священнослужители полагали, что притеснение и беззаконие, творимые режимом Само-

сы, оправдывали насильственные методы в борьбе с ним, но очевидных свидетельств участия клерикалов в военных операциях в Никарагуа не сохранилось. Большую поддержку сандинистам оказывали «базовые христианские сообщества» — выросшие, как грибы, католические группы либерально-теологического толка, которые становились кирпичиками новой Церкви.

Однако радикально-марксистский характер сандинистского движения становился все более очевиден с того момента, как его лидеры получили власть. Пропать, отделявшая их от «официальной» Церкви (стоявшей в оппозиции и к правительству страны, и к «народной» Церкви, продолжавшей поддерживать революцию), постепенно увеличивалась. Из трех миллионов населения Никарагуа начала восьмидесятых — 80 процентов составляли католики. Вскоре противоборство приобрело тот неприятный характер семейного спора, который следует решать только собственными силами. Вмешательство извне — со стороны Ватикана и Белого дома — только подливало масла в огонь. «Священники при всем народе лишались своих епископов, а епископы лишались своих священников, — писала Пенни Ленрнокс в «Людах Бога», книге, посвященной либеральной теологии Латинской Америки. — Религиозные указы разделились, как разделились и зарубежные и никарагуанские священники и монахи». В 1982 году дошло до того, что Обандо Браво решил удалить из своего прихода священника, который поддерживал сандинистов. Это привело к открытому протесту прихожан; они захватили церковь и напали на священника, которого послали забрать священные реликвии. Отец Сезар Жерез, иезуит, который в тот период был президентом Университета Центральной Америки в Манагуа, сравнил разделение, произошедшее внутри Церкви,

с диспутами по поводу доктрины и ереси, раздиравшими Церковь на раннем этапе. «Может показаться, что вернулись времена Никейского Собора», — сказал он.

В центре борьбы оказались четверо католических священников, которые занимали официальные посты в сандинистском правительстве: отец Эдгар Парралес, министр социального обеспечения, а позднее посол в Организации американских государств; отец Мигель д'Эското, занимавший пост министра иностранных дел; отец Эрнесто Карденаль, министр культуры; и его брат по иезуитскому ордену, отец Фернандо Карденаль, координатор одной из правительственных программ. Ватикан увидел в этом страшный пример того, к чему может привести либеральная теология, и всем четверым предложили отказаться либо от постов в государственном аппарате, либо от своего прихода.

Все четверо заявили, что они просто служат своей стране в особенно сложное для нее время. Однако аналитики увидели, что за этой борьбой стоят более важные силы. «Как сандинисты, так и Ватикан понимали, сколь высоки ставки», — писала Пенни Лернокс.

«Если Никарагуа смогла бы продемонстрировать всей остальной Латинской Америке, что при христианско-марксистском союзе можно обойтись и без Рима, Ватикан мог бы утратить свое влияние в одном из наиболее заселенных в мире католических регионов. Как метко подметил ирландский политический обозреватель Конор Круз О'Брайен, католический сандинизм был современной версией раскола, произошедшего в католицизме Европы в результате Реформации протестантов».

Оглядываясь назад, трудно поверить, до какого истерического абсурда доводили интеллектуальные

споры периода «холодной войны», однако именно это может дать ключ к пониманию того, почему 4 апреля 1983 года самолет Папы приземлился в аэропорту Манагуа.

Между папским нунцием в Манагуа и представителями режима Ортеги велись интенсивные переговоры по поводу протокола визита, так как Ватикан намеревался избежать всего, что могло бы показаться одобрением позиции сандинистов-священников. Весь кабинет, включая и министра культуры, отца Эрнесто Карденалья, встречал Папу, однако план не предусматривал индивидуального приветствия. До сих пор спорят, как получилось, что Папа стал пожимать руки всем выстроившимся для встречи министрам (одни полагают, что это внезапно пришло в голову самому Папе, другие считают, что то был результат ошибки переусердствовавших официальных представителей), но сцена, за этим последовавшая, оказалась одной из самых запоминающихся за все время понтификата Иоанна Павла. Эрнесто Карденаль как народный поэт отличался от остальных стилем одежды: он стоял в белой блузе и черном берете. Когда к нему подошел Иоанн Павел, он сдернул берет и встал на колено, чтобы поцеловать кольцо Папы. Понтифик сделал шаг назад, отдернул руку и, потрясая пальцем над коленами, проговорил: «Определитесь в своем отношении к Церкви».

В этот день Иоанн Павел еще раз вышел из себя во время мессы в Манагуа. Вместо развешиваемых папских белых с золотом флагов, с которыми его обычно встречали, он увидел над толпой портреты Маркса и героев Сандинистской революции. Ортега и другие члены Сандинистского национального директората сидели на возвышении, временами приветствуя толпу жестом солидарности и возгласами: «Власть наро-

ду!» Во время проповеди Иоанн Павел отверг идею «народной» Церкви. Слова его периодически заглушали крики и свист толпы (многие предполагают, что освистывание было организовано специально). Папа выкрикнул «Silencio!»¹ тоном человека, не привыкшего к непослушанию, с трудом продолжил проповедь и поднял над головой распятие в знак солидарности с теми верными католиками, которые, как он думал, стояли где-то за рядами активистов сандинистского движения. (Теплый прием, который оказали ему в Никарагуа тринадцать лет спустя, показал, что он был прав.)

Атмосфера, сложившаяся после этого визита, способствовала опубликованию ватиканской «Инструкции по либеральной теологии», которая была принята в следующем году. Задача документа — «привлечь внимание пасторов, теологов и всех верующих к отступлениям и риску отступлений, наносящих вред вере и христианскому учению, к которому приводят некоторые формы либеральной теологии, не к месту использующие концепции различных марксистских течений». В целом, все здесь сводилось к высказанному Римом в довольно резкой форме осуждению подхода, при котором «теология подчинена интересам классовой борьбы». За Инструкцией последовал месяц переговоров с представителем либеральной теологии Леонардо Боффом, которые, как и визит в Никарагуа, вскоре станут притчей во языцех средств массовой информации.

Бофф, бразильский францисканец, написал книгу «Харизма Церкви и власть», в которой, взяв на вооружение новые идеи либеральных теологов, дает анализ социальных структур Латинской Америки, а за-

¹ «Silencio!» (лат.) — «Тишина!» (Прим. ред.)

тем и самой Церкви. «Моя книга является попыткой показать, что Церковь заслуживает свободы действий, если только это Церковь свободы», — сказал он. Кардинал Ратцингер вызвал Боффа в Рим для объяснений. После этого наступил период «молчания», когда Боффу запретили писать, преподавать и выступать публично. Это являлось той самой мерой наказания, на которую жаловались борцы за права человека при тоталитарных режимах коммунистического образца, и Бофф, появившийся в Риме со свойственным францисканцам смиренным видом (дома его застать таким было довольно сложно), не без гордости отнесся к той дурной славе, которую приобрел благодаря случившемуся. Он с радостью общался с журналистами, и со временем история все более обрастала драматическими подробностями. Было почти как «в Средние века», рассказывал он мне пятнадцать лет спустя. Бофф описывал, как его запихнули в машину и повезли на большой скорости по садам Ватикана, мимо «огромных железных ворот, утыканных торчащими наружу гвоздями».

«Я спросил бывшего со мной официального представителя, уж не в камеру ли пыток он меня везет. «Вы все политизируете», — ответил он. Мы прошли в лифт в сопровождении двух швейцарских гвардейцев в полном облачении... пересекли огромную комнату, думаю, метров восьми в ширину, с шикарными коврами и огромными полотнами эпохи Возрождения. Прямо за этой комнатой была крошечная комнатка с двумя стульями и маленьким столом».

Одним из стульев, говорил Бофф, семь столетий назад пользовался Галилей. Картину неискушенного провинциала, запуганного демонстрирующим силы Ватиканом, не следует воспринимать слишком серьезно: Бофф лично знал Ратцингера, когда кардинал

был его научным руководителем во время обучения того в Германии в шестидесятые годы.

Среди этих событий Иоанн Павел устроил действо, которое произвело огромное впечатление. Даже самые злостные критики не могли не восхититься его решением посетить Али Агджу в тюремной камере. Иоанн Павел взял с собой Дзивича, двоих охранников и, конечно же, фотографа. Это произошло через два дня после Рождества 1983 года. Папа и покушавшийся на его жизнь тихо разговаривали в углу камеры. По поводу темы их разговора строилось много догадок. На следующий день за завтраком Иоанн Павел сказал посетившему его польскому священнику, что Али Агджа слышал историю о Фатиме и боится, что мстительная Дева его накажет. Но в действительности то, о чем они говорили, совсем не важно, потому что картина, которую они представляли собой во время беседы, оказалась поистине ошеломляющей. Двое мужчин сидели на пластмассовых стульях в углу тюремной камеры, склонившись доверительно друг к другу. Один молодой, одетый в джинсы и кроссовки, другой — величественный, в своей белой сутане, они являли собой современную икону христианского идеала прощения. В фотографии нет ничего надуманного или нелепого. Если бы что-либо подобное имело место, не обошлось бы без шуток по поводу фотомонтажа, но в поведении Иоанна Павла не было ни одного непрофессионального жеста; трудно не вспомнить о его убеждении, что театр — дело серьезное.

В 1985 году, через двадцать лет после окончания Второго Ватиканского Собора, Иоанн Павел созвал в Риме чрезвычайный Синод епископов. Меня как репортера послали на его открытие, и сейчас, оглядываясь назад, я полагаю, что это событие можно расценить как поворотный пункт, ознаменовавший собой

изменение общественного отношения к понтификату Иоанна Павла. Явное возбуждение, царившее в первые дни его избрания, дало Папе время на то, чтобы спокойно решать проблемы католиков и некатоликов. Роль, сыгранная им в польской драме, сделала его настоящим героем в глазах Западной Европы и Северной Америки, где «холодная война» продолжала оставаться определяющим фактором политического курса. Кроме того, восхищение и энтузиазм, которые Иоанн Павел II вызывал у аудитории во время поездок за рубеж, обеспечили ему теплый прием везде, где бы он ни появлялся.

Однако к середине восьмидесятых его консервативные теологические убеждения находили все большее неодобрение, особенно на Западе. Запрещение свободы высказывания несогласных с линией Папы теологов не вызывали восторга у либерально настроенных журналистов и издателей. Началось постепенное превращение Иоанна Павла из героя «холодной войны» в угрожающего миру консерватора. Синод, созданный для того, чтобы обсудить результаты Ватикана II, стал подтверждением этого процесса.

Современная концепция Синода епископов была разработана на Соборе. Он задуман как исходный механизм, отвечавший идее «коллегиальности», то есть идее о том, что Папа, как бы высоко ни стоял, является одним из многих епископов (как и святой Петр был одним из апостолов), и мыслился как противовес доктрине о папской непогрешимости, принятой Первым Ватиканским Собором. Присутствовавшие на Синоде епископы избирались на конференциях епископов, которые хотя и не являлись «церковным парламентом» (некоторые на Соборе за это выступали), были «больше всего приближены» к международным представительным организациям Католической церкви.

По замыслу Павла VI, Синод разрабатывает тот механизм, с помощью которого Папа и его курия смогли бы слышать голос Церкви всего мира; он считал, что Синод «призван установить непосредственное и ценное взаимодействие между Папой и епископами всего мира».

Однако многие из съехавшихся в Рим на чрезвычайный Синод в конце ноября 1985 года уже пришли к выводу, что Иоанн Павел воспринимает Синод как механизм, позволяющий ему убедиться, что епископы всего мира слушают голос Ватикана, а не наоборот. Ко времени чрезвычайного Синода изменилось и положение в самой Церкви. Ее более не занимал вопрос о том, насколько быстро пойдут прогрессивные епископы по дороге революционных преобразований, начатых Ватиканом II. Вместо этого здесь шла открытая борьба за предотвращение контрреволюции. Тон встрече задавала вышедшая ко времени созыва Синода книга «Отчет Ратцингера», длинное интервью, которое ставленник Иоанна Павла дал итальянскому журналисту Витторио Мессори. Кардинал тактично говорил о «реставрации», а не о контрреволюции, но не совсем ясно, что он имел в виду. «Если под реставрацией мы понимаем поиски нового баланса после всех перегибов в политике открытости миру без разбора, после чрезмерно позитивной интерпретации агностического и атеистического подходов, — сказал он Витторио Мессори, — тогда реставрация, понятая именно в таком смысле (как заново найденный баланс в ориентации и ценностях католицизма в целом), такая реставрация желанна и фактически уже идет». Кардинал Годфрид Дэнниэлс, архиепископ Мехеленский и Брюссельский, задачей которого была координация ответов на вопросы, разосланные епископам перед началом Синода, столкнулся на пресс-конференции с

таким количеством замечаний об «Отчете Ратцингера», что не удержался и бросил: «Это Синод не по книге, а по итогам Собора».

И все-таки это был Синод об идеях, изложенных в книге. «Вопросы, обсуждавшиеся на Синоде, по большей части, были теми же самыми, которые обсуждались кардиналом Войтылой и Ратцингером еще на конклаве 1978 года», — писал Джордж Вейгель. Многие пункты повестки дня (как, например, теологический статус конференций епископов или изменения в литургии) касались внутренних проблем Церкви и не вызывали большого интереса, однако здесь решались многие проблемы. Синод, по словам Вейгеля, «стал вехой на пути истории католицизма. За Собор [Ватикан II], который смешал все в одну кучу и не дал официального ответа на многие вопросы, дело теперь сделал Синод». В окончательном отчете Синод признал, что Ватикан II был «легитимным и правомерным выразителем и интерпретатором положений веры, какова она есть в Священном Писании и в живой традиции Церкви». Неслучайно самым главным решением Синода стало признание необходимости для Церкви нового Катехизиса, «сборника всех католических доктрин, касающихся веры и морали» для внесения ясности в вопросы веры и того, что же все-таки разрешено, а что нет.

За два дня до начала Синода англиканский архиепископ Кентерберийский, доктор Роберт Рунси, написал письмо Иоанну Павлу, которое произвело на Папу очень неприятное впечатление. Оно стало частью переписки между Римом и Ламберт-Паласом по вопросу о женщинах-священниках. Когда следующим летом письма полностью опубликовали в Лондоне и Риме, стало очевидным, что они явились серьезной преградой в развитии отношений между Англи-

канским и Римским католицизмом. Начал переписку сам Иоанн Павел. Когда он понял, что Церковь Англии имеет серьезные намерения относительно посвящения в духовный сан женщин, то послал Рунси ответ, охарактеризованный епископом как «откровенное» письмо, в котором предупреждал, что это может стать «серьезным затруднением» в деле достижения согласия между двумя Церквями.

Роберт Рунси знал, как действовать, он был мастером интеллектуальных уловок, которые требовались на его посту: архиепископы Кентерберийские — номинальные лидеры в своей конфессии, которая распростерлась почти так же широко, как Римская Католическая церковь. Восемь месяцев у него ушло на то, чтобы сформулировать ответ, ибо, по его словам, требовалась консультация с Церквями многих стран, за которые он нес ответственность. Преподнесено все было очень элегантно, и чувствовалась вся серьезность шага, который предпринимает Англиканская церковь. Рунси доказывал, что «самое главное положение доктрины не только оправдывает посвящение женщин в духовный сан... но и непосредственно этого требует». Христос искупил грехи всего человечества, и «нелогично было бы исключать 50 процентов из числа тех, за кого он пролил свою кровь». Нечто подобное написал Рунси и кардиналу Йоханнесу Виллебрандсу, президенту секретариата Содействия христианскому единству, и получил в ответ не менее учтивое письмо, очень глубокомысленное и туманное. Ватикан не собирался вникать в доводы Главного Синода Англии, и решение опубликовать письма 30 июля 1986 года означало, что все признали серьезность возникших разногласий. Исчезла последняя надежда, что союз между Римским католицизмом и его ближайшим родственником про-

тестантизмом возможен, по крайней мере, для нашего поколения, если он возможен вообще.

И все же опубликование писем по вопросу посвящения женщин в духовный сан не помешало Роберту Рунси сыграть важную роль в событии, произошедшем три месяца спустя, которое до сих пор остается в памяти как одно из самых ярких и знаменательных событий понтификата Иоанна Павла. Речь идет о Международном дне молитвы за мир в Ассизи осенью 1986 года. Это было, по словам биографа Папы Майкла Уолша, «необычное мероприятие».

«Почетное место рядом с Папой было отведено гостю, представителю иной религиозной конфессии, Роберту Рунси, архиепископу Кентерберийскому. Когда собрались все, образовался большой круг. Там были буддисты и мусульмане, синтоисты и сикхи, африканские и американские анимисты. Последние пустили по кругу трубку мира. Состоялось шествие-паломничество по улицам Ассизи, во главе которого шли Иоанн Павел и Роберт Рунси, не очень-то успешно пытавшиеся завязать разговор. Были слышны слова молитв, каждый молился на свой лад, хотя христиане разных направлений присоединялись к «Отче наш», которую начинал Папа, к «Блаженству» (Рунси) и к молитве за мир вице-президента Лютеранской Всемирной федерации (единственной женщине, представлявшей религиозного лидера). Были здесь и оливковые ветви, и голуби, выпущенные в небо. Католики, признался Папа, не всегда были миротворцами. “Либо мы научимся идти вместе в мире и гармонии, либо разойдемся в разные стороны и погубим и себя, и других”».

Следует отнести это событие к действиям чисто политическим, ибо таким оно по своей сути и было.

Консерваторы из курии усмотрели в нем синкретизм, еретическую попытку смешать христианство с доктринами иных вер. К тому же оно не остановило Иоанна Павла от резких высказываний в отношении как других христианских конфессий, так и нехристианских учений в последующие годы его понтификата. Но, несмотря на это, событие можно назвать беспрецедентным. После смерти Иоанна Павла в 2005 году о встрече в Ассизи говорила вся пресса. Сам Папа, в декабре 1986 года обращаясь к группе римского духовенства, назвал ее «религиозным событием года».

В следующем месяце Иоанн Павел принимал Войцеха Ярузельского, прибывшего в Ватикан с официальным визитом. Этот факт говорил о том, сколько достигнуто благодаря взятому в свое время Папой курсу на сохранение отношений с руководителями Польши. Оказанное им содействие в поддержании баланса, установившегося после объявления военного положения (идя на переговоры с правительством, он не скрывал, что поддерживает идеи «Солидарности»), повлияло на политику страны. Так, например, во время визита в Польшу в 1983 году Иоанн Павел не преминул встретиться как с Лехом Валенсой, так и с генералом Ярузельским. Он пообещал генералу, что окажет содействие в вопросе ослабления экономических санкций, предпринимаемых против Польши западными странами. Эта встреча помогла Ярузельскому обрести политическую устойчивость, что позволило ему месяц спустя отменить военное положение в стране.

Третий визит Папы в Польшу состоялся летом 1987 года. Иоанн Павел прекрасно понимал сложившуюся ситуацию и знал, на какие пружины можно нажать, чтобы воздействовать на режим Ярузельского. Он настоял на посещении Гданьска (в 1983 году

правительству удалось отказать ему в этом), и неустанно повторял слово «солидарность» во время проповедей (он повторил его семь раз за три минуты во время службы под открытым небом в порту Гданьска). Ярузельский, при расставании с Папой, заявил: «Пусть слово «солидарность», исторгнутое из души польского народа, дойдет до тех, кто еще страдает под гнетом расизма и неокOLONиализма, от эксплуатации и безработицы, преследований и нетерпимости». Однако становилось понятно, что дни коммунистического правительства в Польше сочтены. Первый за послевоенный период «некоммунистический» премьер-министр Тадеуш Мазовецкий был избран через два года.

Новым фактором, способствовавшим окончанию «холодной войны», стало появление Михаила Горбачева, сменившего в 1985 году Константина Черненко. Его отношения с американским президентом Рональдом Рейганом приняли совсем иной оборот. Летом 1988 года Иоанн Павел направил своего госсекретаря кардинала Казароли в Кремль с теплым письмом советскому лидеру. В нем говорилось: «Я всегда с большим интересом слежу за событиями международной жизни и, в первую очередь, за предпринимаемыми вами мирными инициативами. В последнее время мое внимание особенно привлекло то направление, которое получили они благодаря многообещающим встречам и соглашениям, достигнутым за последние месяцы между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, особенно в сфере разоружений, что вызвало вздох облегчения во всем мире».

1 декабря 1989 года советский лидер посетил Иоанна Павла в Ватикане. По многим параметрам, эта встреча стала важной вехой, ознаменовавшей окончание периода «холодной войны». За месяц до нее рухнула Бер-

линская стена, коммунисты больше не стояли у руля власти в Польше, начал распадаться и сам Советский Союз. Более того, рассказывая об этой встрече в своей автобиографии, Горбачев упоминает о банальных вещах, которые заставляют задуматься: «Говоря о почетной миссии Его Святейшества в современном мире, я заметил некоторые совпадения в его и моих заявлениях. Это означает одну очень простую вещь: подобные совпадения должны быть и в основных, главных наших идеях». Данная встреча заслуживает того, чтобы взглянуть на нее в контексте исторических событий.

В двадцатом веке Европа пережила три сильнейших удара, но если взглянуть на них глазами поляка, родившегося в 1920 году, то эти удары — Первая и Вторая мировые войны и «холодная война» — могут показаться одним длительным конфликтом, лишь ненадолго прерываемым беспокойными паузами непрочного мира. Этот конфликт и стал определяющим в жизни Иоанна Павла. Получалось, что и он, и человек, сидевший в тот день напротив него в библиотеке Ватикана, сыграли решающую роль в разрешении этого конфликта. О Горбачеве, убежденном атеисте, Иоанн Павел часто говорил как о «человеке, миссия которого была predetermined».

В конце жизненного пути в диалогах, записанных в книге «Дар и Тайна», Иоанн Павел сказал о своей роли в крушении коммунизма следующее:

«Я всегда понимал, что все, что бы ни говорил и ни делал, есть выполнение призвания свыше, выполнение моей миссии, моей функции священника, и происходит это не просто по моей инициативе. Я знаю, что в том, что я делаю, будучи последователем Петра, я не одинок.

Возьмем, к примеру, коммунистическую систему. Как я говорил ранее, важным фактором ее крушения,

конечно же, было несовершенство ее экономической доктрины, но ограничить причины того, что произошло, рамками одного лишь экономического фактора, было бы довольно наивным упрощением. С другой стороны, смешно было бы полагать, что Папа один, собственноручно сокрушил коммунизм».

Иоанн Павел обращается к Евангелию от Луки в тех местах, где Иисус, говоря ученикам о миссии, на них возложенной, просит их считать себя «слугами недостойными». Папа, подхватив эту тему, взглянул в таком же ракурсе на собственную миссию. «Это ощущение «слуги недостойного» росло во мне среди всего, что бы вокруг меня ни происходило, и, я думаю, оно рождало во мне чувство свободы». Анализ баланса причин, вызвавших крах коммунизма, предельно ясен и довольно справедлив. То место, которое отводит себе Иоанн Павел в контексте Нового Завета, говорит одновременно и о его самоуничижении, и о необычайном высокомерии. В том, как он сравнивает себя с апостолом и отводит себе столь же важную роль, нет и тени иронии.

10 БРОСАЯ ВЫЗОВ МИРУ

Летом 1989 года, когда призрак «холодной войны» испарился с захватывающей дух скоростью, американский дипломат и академик Фрэнсис Фукуяма опубликовал эссе, после которого стал считаться, говоря словами президента Джорджа Буша-старшего, провозвестником нового мирового порядка. Озаглавлено оно было довольно смело — «Конец истории». Позднее доктор Фукуяма выпустил книгу и объяснил название следующим образом:

«Я полагаю, что за последние несколько лет мы достигли консенсуса по поводу легитимности либеральной демократии как системы правления во всем мире. Она оставила далеко позади такие соперничавшие с ней идеологии, как наследственную монархию, фашизм и, в последнее время, коммунизм. Более того, я полагаю, что либеральная демократия может означать не что иное, как «последний пункт идеологической эволюции человечества» и «конечную форму человеческого правления», а при таком положении дел — и “конец истории”».

В экономической сфере, полагает Фукуяма, история увенчала короной победителя свободный рынок

капитализма («единственную в мире жизнеспособную экономическую систему»), и «логика современного естественнонаучного процесса оказалась движущей силой всех человеческих начинаний в смелом, обновленном, постидеологическом мире».

«Технологии сделали возможным неограниченный рост благосостояния и удовлетворение все возрастающих запросов человека. Этот процесс становится гарантией усреднения всех слоев общества, вне зависимости от их исторического происхождения или культурного наследия. Все страны, вставшие на путь экономической модернизации, становятся похожими друг на друга. Они становятся национально унифицированными на базе центрального государства, урбанизированными; традиционные формы социальной организации, такие как племя, партия и семья, заменяются экономически рациональными, основанными на принципе функциональности и эффективности, дающими своим гражданам универсальное обучение. Подобные сообщества становятся все более связанными друг с другом через систему глобального рынка и благодаря распространению массовой культуры. Более того, нам будет казаться, что сама логика развития современных естественнонаучных знаний ведет к универсальной эволюции в сторону капитализма».

На какое-то время «фукуямизм» чрезвычайно успешно подменил веру. Разумеется, история не закончилась в смысле прекращения «смены событий», но ощущение того, что История с большой буквы каким-то образом свернула с дороги тех сложных идеологических коллизий, что измучили человечество в двадцатом веке, вселило чувство оптимизма, ознаменовавшее начало девяностых. Решение международных проблем в условиях лишившихся яда идеологической борьбы

бы политических систем стало казаться невероятно простым; страны одна за другой с радостью принимали демократические преобразования. Одна из самых больших и значительных проблем в Европе — воссоединение Германии — оказалась делом всего нескольких месяцев и потребовала минимальных усилий. Когда Саддам Хусейн в августе 1990 года вторгся в Кувейт, международное сообщество отреагировало на это вполне в духе нового мирового порядка: бывшие враги объединились и осудили действовавшего в старом стиле тирана, который не заметил происшедших в мире изменений. Организация Объединенных Наций, работавшая в условиях экономических разногласий практически с момента ее возникновения, сразу же стала выполнять функции органа, гарантирующего соблюдение закона на международном уровне (каковым она и задумывалась), и американская военная мощь оказалась в ее распоряжении.

Иоанн Павел был единственной фигурой на международной арене, которая выступала против американской стратегии, ведущей к войне в Ираке (Франсуа Миттеран и Михаил Горбачев, поначалу воздерживавшиеся, в конце концов уступили логике американской силы). С августа 1990 года по январь 1991 года президент Джордж Буш-старший и его госсекретарь Джеймс Бейкер настойчиво создавали политическую и военную коалицию против Саддама Хусейна и, проведя в ООН ряд резолюций, постепенно взяли в тиски иракского лидера, угрожая ему применением силы в том случае, если он не выполнит требования Совета Безопасности. По логике американской стороны, единственной надеждой на достижение мирного решения вопроса была открытая демонстрация силы, так как только это могло стать для Саддама Хусейна серьезным аргументом.

В эти месяцы Иоанн Павел прилагал все силы к тому, чтобы предотвратить войну: он читал проповеди, писал письма и делал все возможное до самого последнего момента. Он не остановился даже 12 января, когда в отеле Женевы состоялась встреча американского госсекретаря Джеймса Бейкера и министра иностранных дел Ирака Тарика Азиза, которая была последней возможностью найти мирное решение вопроса. Через три дня после этого Иоанн Павел в своем новогоднем обращении к дипломатическому корпусу Ватикана говорил о том, что мирное урегулирование — единственный путь решения проблемы. 15 января, перед тем как начались военные действия, он написал Джорджу Бушу и Саддаму Хусейну, призывая их изменить свое решение. Когда 16 января бомбардировка все-таки началась, он позвонил американскому президенту и сказал, что надеется на то, что коалиция победит, однако в обращении к общественности он отдавал приоритет мирному пути урегулирования конфликта. В этот день в Риме была делегация христианских лидеров Ирака, и Папа, воспользовавшись случаем, обратился с воззванием вывести иностранные армии из этого региона и охарактеризовал принятое ООН решение о введении эмбарго против Ирака «преступлением против человечества».

Иоанн Павел ошибался, веря, что грубое нарушение международных норм вторгшейся в Кувейт армией Ирака может быть исправлено без применения силы или, по крайней мере, без угрозы применения силы. Не было никаких свидетельств тому, что на Саддама Хусейна хоть как-то подействовали продолжавшиеся месяцами уговоры терпеливых дипломатов. Единственной стратегией, которой он придерживался, было сохранение достаточного количества людей и оружия, чтобы справиться с последовавшим за вой-

ной мятежом. До конца девяностых он продолжал оставаться источником неприятностей, используя коварные дипломатические ходы и (как мы теперь знаем) систематически нарушая соглашения по вопросам поставок нефти и продовольствия. И все же, оглядываясь назад, нельзя не увидеть, что в словах Иоанна Павла по поводу первой войны в Заливе звучало нечто пророческое. Он предупреждал, что проблемы не решить путем насилия и что «конфликт будет иметь непредвиденные и, несомненно, катастрофические последствия». Обращаясь ко второй войне в Заливе и ее кровавым последствиям, которые последовали за падением режима Саддама Хусейна, трудно не признать, что слова Иоанна Павла действительно оказались пророческими. Иоанн Павел к тому же пытался рассматривать кризис в Заливе в контексте других конфликтов на Ближнем Востоке и настойчиво говорил о необходимости обратиться к Палестинскому вопросу. В то время это казалось наивной готовностью занять позицию, навязанную Саддамом Хусейном, который, постоянно поднимая вопрос Палестины, старался отвлечь внимание от Кувейта. Однако прошло время, и сегодня именно такое видение проблемы стало главенствующим.

Иоанн Павел всегда был последователен в критике американской модели мира и даже в период приписываемой ему идеологической и политической близости с Рональдом Рейганом он произносил и писал вещи, которые вашингтонская администрация не изъявляла желания ни слушать, ни читать. Так, например, в 1987 году, во время поездки в Америку, он, говоря об особенностях американского общества, привлек внимание к очевидному, но политически неприглядному факту, что «основные экономические тяготы легли на плечи негритянского населения». В Аме-

рике Рейгана «слишком много молодых людей, которые не имеют равных возможностей». На службе в Сан-Антонио, в Техасе, перед 350-тысячной аудиторией (где были и мексиканцы, незаконно проникшие в Соединенные Штаты в поисках работы) Папа заявил, что поддерживает движение «Убежище», спонсируемую Церковью организацию, оказывающую помощь политическим беженцам и эмигрантам из Латинской Америки, действия которой администрация Рейгана объявила незаконными. А в конце года он написал одну из своих энциклик «*Sollicitudo Rei Socialis*», или «Церковь и социальные проблемы», которая настолько расстроила консервативные круги Соединенных Штатов, что делегация католиков правого толка была направлена в Рим, чтобы попытаться воздействовать на Ватикан. В этом документе в один ряд по своим моральным принципам были поставлены «либеральный капитализм» и «марксистский коллективизм» — две «несовершенные системы, нуждающиеся в радикальных переменах». В нем утверждалось, что «каждый из этих *блоков* (капиталистический Запад и коммунистический Восток) имеет тенденцию, каждый на свой лад, склоняться к империализму... или к неокOLONиализму». В документе осуждалась увеличивающаяся за последние десятилетия экономическая пропасть между миром развитым и развивающимся. Говорилось и о том, что слово «солидарность» теперь обрело другие краски: теперь оно только раздражает сподвижников Рейгана, в то время как в былые годы, когда оно писалось с заглавной буквы, оно вызывало у них прилив энтузиазма по той простой причине, что позволяло «подразнить Советы». Для христиан «солидарность» не что иное, как добродетель, и за этим словом стоит обязанность богатых помогать бедным.

Следующее вторжение Иоанна Павла в область политики и экономической теории произошло сразу же после окончания войны в Заливе, в мае 1991 года. Коммунизм к этому времени уже перестал представлять серьезную силу в европейской политике, и в своей работе «Centisimus Annus»¹ Иоанн Павел в большей степени обращает внимание на капитализм, который он считает «добившейся победы политической системой». В этой энциклике содержится масса предостережений в связи с признаками упадка, отмечаемыми в Европе и Северной Америке, — употребление наркотиков, распространение порнографии и тому подобное. Здесь принципы христианского гуманизма, являвшиеся основополагающими в его противодействии коммунизму, стали теперь основными в осуждении капитализма. «Церковь признает легитимность прибыли как свидетельство того, что бизнес хорошо функционирует, — писал он, — но «...прибыльность не есть единственный показатель состояния фирмы. Возможно, что при полнейшем порядке в финансовой отчетности люди, в ней работающие и производящие основные ценности, оказываются в унижительном положении, когда страдает их достоинство... Фактически, цель бизнеса состоит не в простом получении выгоды, нужно уметь видеть ее в самом существовании сообщества людей, которые, действуя разными путями, прилагают усилия для удовлетворения своих насущных потребностей и при этом составляют некоторую группу, которая служит интересам общества в целом».

Через месяц после опубликования «Centisimus Annus» Иоанн Павел не удержался от сетований в ад-

¹ «Centisimus Annus» (лат.) — «Сотый год».

рес победителей идеологической битвы. Поводом послужила его новая поездка в Польшу, и он, дав волю эмоциям, заговорил о том, что произвело на него впечатление на родной земле. Теперь во главе Польши стоял бывший лидер «Солидарности» Лех Валенса, однако никаких признаков, указывающих на то, что его мечта осуществилась и Польша стала идеальной католической страной, Иоанн Павел II не увидел. Скорее, наоборот. С падением коммунистического строя Церковь утратила для поляков роль организации, служившей основой сопротивления давлению со стороны государства. Теперь стало казаться, что многие поляки больше интересуются западными товарами и западными ценностями, чем верой, и их возмущали священники и епископы, которые пытались оказывать влияние на открытое к новым веяниям общество. Проходили дебаты по поводу принятия в парламенте отвергнутого Церковью закона относительно запрещения аборт. К большому разочарованию Папы, среди видных католиков были и такие, кто в этом вопросе оказался в открытой оппозиции по отношению к Церкви. Более того, переговоры, которые вела Польша по поводу своих будущих взаимоотношений с европейским сообществом, казались ему меркантильными и несущественными.

За девять дней Иоанн Павел с придирами и поучениями изъездил страну вдоль и поперек. В нарастающем стремлении к потреблению он видел «свободу, которая поработает»; Западную Европу он охарактеризовал как «цивилизацию, которой завладела страсть к удовольствиям, и теперь она передает эту страсть нам, ради получения прибыли прибегая к разным способам обольщения». «Что это, цивилизация или антицивилизация?» — вопрошает Папа. В его комментариях порой проскальзывает намек на уязв-

ленную национальную гордость: «Нам нет нужды *вступать* в Европу. Мы создали свою [Европу], взвалив на себя большие трудности, чем те, кто нам помогал, или к чьей помощи мы, будучи носителями европейского духа, прибегали». Иногда его мысли относительно Европейского Союза и по вопросу абортот переплетались. «И каков же критерий европеизации? — спрашивал он. — Свобода? А что это за свобода? Свобода отнимать жизнь у неродившегося еще ребенка?»

Многие замечания сделаны сгоряча: Иоанн Павел и сам, казалось, понимал, что иногда переступает черту. «Простите мне эти столь горячие слова, но я должен был их высказать», — говорит он. Раздраженный тон Иоанна Павла плохо гармонировал с настроением народа Польши; после этого визита осталось чувство горечи. Джонатан Квитни приводит высказывание бывшего активиста «Солидарности» и в прошлом большого почитателя Папы, который сказал: «Похоже, он [Папа] утратил связь со страной. У нас здесь так много проблем. Вместо того чтобы о них поговорить, он рассуждает о вещах, от которых нас уже тошнит, — об абортах. Вместо того чтобы попытаться нас понять и научить, что делать, он тычет пальцем и говорит: “Все, что идет с Запада, ведет к разложению. Будь то либерализм, капитализм или порнография”».

В какой-то степени это было личное разочарование. Первую часть своей миссии Польша выполнила — она нанесла последний, решающий удар коммунизму на Востоке. Но, как ни прискорбно, со второй ролью, которую предназначал Иоанн Павел своей Родине, она не справилась: не стала образцовой католической страной, примером для подражания христиан. К тому же в начале девяностых Иоанн Павел особенно «рассорился» с современностью или, точнее, с той современной жизнью, заявка на которую была сдела-

на в новом завете, который представил человечеству Фрэнсис Фукуяма.

С одной стороны, взгляд Фукуямы на мир, в основе которого лежит идея прогрессивного исторического развития на пути к достижению идеальных условий существования человечества, совпадал с представлениями Иоанна Павла. Однако в столь конструктивной работе Фукуямы не было ни слова о Христе и о грехе. А такой «фукуямизм», где конец истории определялся преимущественно в материалистических терминах и означал, что народы порвут со своим «историческим и культурным наследием», став более «усредненными», так как техническое и экономическое развитие будет определять их судьбу, такой «фукуямизм» для Иоанна Павла означал нечто близкое к аду. История для него кончалась Спасением. Этот попидавший на своем веку и нацизм, и коммунизм, склонный к мистицизму поляк верил, что единственным способом спасения души народной является культура.

К упадку духа примешивались и физические страдания. Летом 1992 года Иоанн Павел почувствовал боли в области живота; при обследовании обнаружили большую, но доброкачественную опухоль в нижней части кишечника. Операция длилась четыре часа, кроме опухоли были удалены четыре камня из желчных путей. Иоанн Павел хорошо перенес операцию, но ему исполнилось уже семьдесят два года, поэтому для окончательного выздоровления ему пришлось провести еще пару месяцев в Кастель-Гандольфо и в коттедже в Доломитес. Разговоры о его возможной смерти и преемнике стали вестись всерьез и не смолкали до конца десятилетия, так как за первой неприятностью последовали еще два события, серьезно повредившие здоровью Папы. В ноябре 1993 года он по-

скользнулся на новом ковре после аудиенции в Ватикане и упал на ступеньки около трона. Рентген показал перелом правого плеча, поэтому Папа приветствовал собравшихся, подняв левую руку. Из-за гипса он не мог писать. Пришлось воспользоваться услугами секретаря, пришедшего к нему в часовню с ноутбуком. Четыре месяца спустя произошел еще более серьезный инцидент — Иоанн Павел упал в ванной и вынужден был опять отправиться в госпиталь «Джемелли», на этот раз на операцию по замене тазобедренного сустава. Радио Ватикана мелодраматично объявило: «И опять Папа оказался паломником в мире страданий, Папа, который уже несет на своих плечах груз скорби всего человечества». Впоследствии Иоанн Павел стал ходить, опираясь на трость.

Во время этих тяжелых событий, напомнивших, что Папа уже давно перешагнул границу того возраста, когда известные деятели в большинстве своем сходят со сцены, Иоанн Павел создал самый важный свой документ. Если его проповеди во время последнего визита в Польшу можно сравнить с атакой на современный мир, то энциклика «*Veritatis Splendor*», «Сияние Истины», стала настоящим возведением баррикад. Здесь и интеллектуальная стойкость, и содержательность, позволившая издать ее отдельной небольшой книгой, и серьезная, неумолимая целеустремленность, которая захватывает читателя. В ней есть отрывки удивительной красоты. В энциклике сошлись воедино наиболее важные темы жизни Иоанна Павла, и та предельная ясность, с которой он отстаивает свои позиции, позволяет почувствовать его готовность к полемике. Некоторые места производят исключительно сильное впечатление. Выдающийся теолог в области морали Бернард Харинг сказал читателям лондонского католического журнала «Тэблет»,

что «после внимательного прочтения новой энциклики я почувствовал себя обескураженным. Семь часов спустя я понял, что она не идет у меня из головы, и я с нетерпением жду того момента, когда оставлю Церковь земную и перенесусь в Церковь небесную».

Иоанн Павел заявил, что цель энциклики — обращение к Церкви, которая переживает кризис.

«Сегодня... *по-видимому, существует необходимость подумать о моральной стороне церковного учения в целом* [курсив Папы], задавшись четкой целью вернуться к конкретным, фундаментальным истинам католической доктрины, которая, при сложившихся в настоящее время обстоятельствах, подвергается опасности искажения или отрицания... Теперь дело не ограничивается отдельными отступлениями от учения Церкви. Речь идет о том, что традиционная моральная доктрина повсеместно и систематически ставится под сомнение».

Однако энциклика не ограничивается вопросами Церкви — в ней содержится всеобъемлющая критика посткоммунистического мира, она построена на аргументах, взятых Иоанном Павлом из собственного опыта пережитых событий истории двадцатого века.

«Сегодня, когда многие страны стали свидетелями крушения идеологий, связывавших политику с тоталитарной концепцией мира (главной среди них был марксизм), отнюдь не уменьшилась опасность того, что фундаментальные права человека будут продолжать попираться, а религиозные устремления, рождающиеся в сердце каждого, будут вновь подавляться политикой. При этом возникает *риск слияния демократии с этическим релятивизмом*, когда в политической и социальной жизни смещаются все моральные ориентиры, что делает невозможным на бо-

лее глубоком уровне признание самого факта существования истины. И в самом деле, «если не существует основной истины, которой можно было бы руководствоваться в политической деятельности, то можно с легкостью менять идеи и убеждения в интересах силы. Как показывает история, демократия без ценностей легко превращается в плохо замаскированный тоталитаризм»».

В конце этого отрывка Иоанн Павел цитирует себя. Это тщательно продуманные размышления человека с ясным представлением и глубоким пониманием тоталитаризма, который я пытался описать в предыдущих главах. Память о том, что такое зло, осталась с Иоанном Павлом еще с военного времени, которое он провел в Кракове.

Ответом Иоанна Павла на кризис современности стало утверждение абсолютной истины и существования вещей, которые, в свете абсолютной истины, «являются злом по своей сути». «Есть действия, которые *по существу*, то есть сами по себе, вне зависимости от обстоятельств, наносят серьезный ущерб объекту, на который они направлены». Он отбрасывает релятивистский аргумент в пользу того, что моральный характер этих действий может быть определен только с учетом их мотивации для личности, их совершающей.

«Если совершенное является злом по своей сути, то определенные обстоятельства или благие намерения могут смягчить зло, но не исключить его полностью. Совершенное остается «непоправимым» злом, такие действия *по сути своей* не могут быть удобными Богу и не приносят добра человеку... обстоятельства или намерения не способны изменить действие, злостное по своей сути, не могут его оправдать».

И Иоанн Павел цитирует первое письмо Святого Павла к коринфянам, где говорится, что виновные в злостных, по своей сути, деяниях «не унаследуют Царства Божьего». Одним словом, «грехи являются объективной реальностью, и не следует думать, что ты не понесешь за них в Судный день наказания, потому что совершал их с благими намерениями». Суровое утверждение.

Причина сложностей, появляющихся у людей при чтении энциклики, становится очевидной, если взглянуть на перечень поступков, относящихся к «злу по своей сути». Среди них есть и новые, взятые Иоанном Павлом из материалов Ватикана II. К ним относятся и геноцид, и «физические и нравственные извращения, и попытки подавить человека духовно», и проституция, и использование людей, то есть обращение с ними как со средством извлечения прибыли, когда «условия их труда унижительны». Обращается энциклика и к добрым старым нормам морали, о которых говорили еще Святые Павел и Августин, осуждавшие прелюбодеяние, нарушение супружеской верности, воровство, богохульство и им подобные проступки. И среди них, в центре внимания, давно наболевшая проблема — использование противозачаточных средств. Когда Иоанн Павел в пятидесятые годы писал «Любовь и ответственность», его внимание было сконцентрировано на вопросах работы пастора, объяснявшего сложную доктрину мужчинам и женщинам, жизнь которых он знал и о которых радел. Когда он начал писать о тех же самых проблемах в девяностые годы, в его словах прозвучал вызов всему католическому миру, требование доказать свою верность католицизму.

«Сияние Истины» было опубликовано 5 октября 1993 года. Последовавшие за этим месяцы являлись для Иоанна Павла не менее активными, чем в начале

восьмидесятых. Однако тон Папы изменился: оптимизм уступил место назиданию. В его благочестивых речах звучало осуждение. Могло показаться, что он и вправду решил бросить вызов всему миру. Воспроизведение потомства и роль женщины оказались в центре поля битвы.

На Генеральном Синоде Церкви в Англии в ноябре 1992 были наконец набраны необходимые две трети голосов «за» женщин-священников, и в марте 1994 года в Кафедральном соборе в Бристоле состоялось посвящение тридцати двух женщин в духовный сан. Иоанн Павел ясно дал понять Англиканской церкви, что не одобряет подобного, а два месяца спустя, поправляясь после операции, но еще прикованный к больничной кровати, издал новое руководство по данной проблеме. Папское письмо «К вопросу о посвящении в духовный сан» — относительно краткий документ, но его действие будет сказываться в течение многих последующих десятилетий.

Значение этого документа заключалось не столько в идеях, в нем изложенных, сколько в его авторитарности. Традиционно позиция Церкви в вопросе женщин-священников основывалась на том факте, что Иисус призвал в апостолы только мужчин. По мнению Церкви, это означало проявление Божьей воли, и человек здесь не вправе выбирать. Теперь Иоанн Павел взял на себя миссию заявить, что божественное происхождение запрета на женщин-священников означает, «что у Церкви нет полномочий решать вопрос о производстве женщин в духовный сан, и что этого положения должны придерживаться все верующие христиане». Другими словами, ни он, ни какой-либо другой Папа не наделены полномочиями изменять законы — они этого делать *не могут*.

Поскольку в письме Папы не содержалось новых доводов — оно являлось простым приказом думать

именно так, а не иначе, — трудно представить, чтобы оно изменило умонастроение многих. Не способствовало оно и прекращению споров по этому вопросу. Кардинал Мартини из Милана, известный ученый-иезуит, на которого либералы возлагали надежды как на будущего наследника папского престола, сказал, что, хотя документ и «не допускает ни опровержений, ни поправок», утверждаемая им истина не является «истиной веры». Он остроумно заявил, что вопрос о женщинах-священниках не придется обсуждать «в этом тысячелетии» (многие считали, что Мартини будет избран Папой после Иоанна Павла II, но ко времени следующего конклава в 2005 году он был болен и не рассматривался как серьезный кандидат).

В Германии и Великобритании против энциклики поднялась волна протеста со стороны групп и организаций, представлявших женские религиозные ордены, и неудивительно, что всплеск возмущения прокатился и по Соединенным Штатам. Английский католический теолог Николас Лаш, профессор богословия в Кембридже, обвинил Иоанна Павла и Ватикан в «постыдном злоупотреблении властью». Старый противник кардинала Ратцингера Ганс Кунг заявил, что они пытаются «всех запугать, задавить, запретить дискуссии». В Германии была составлена петиция в поддержку посвящения женщин в духовный сан, под которой подписались полтора миллиона немецких католиков. «*Ordinatio Sacerdotalis*»¹, свод основных законов учения по этому вопросу, чем-то напоминал «Человеческую жизнь», энциклику о контроле над рождаемостью. В их основе лежала идея неизменяемости: то, чему учила Церковь в прошлом, должно оставаться и в буду-

¹ «*Ordinatio Sacerdotalis*» (лат.) — «О священническом рукоположении».

щем. Последовавший за этим кризис Церкви не был столь серьезен, как при Павле VI, ведь вопрос о применении противозачаточных средств в шестидесятые годы являлся более важным для большинства, нежели проблема женщин-священников в девяностые. Однако, несмотря на это, кризис был реален и достаточно серьезен. В отличие от Павла VI, Иоанн Павел II остался невозмутим. Чуть позднее он издаст папское письмо с комментариями Ратцингера, где расскажет о последствиях, к которым привело отступление от его позиций. «Ad Tuendam Fidem»¹ станет новой версией Церковного Канонического закона в отношении к тем богословам, которые нарушают обет следовать учению Церкви. Теологи, ставящие под сомнение положения, которые Иоанн Павел высказал по поводу женщин-священников, не будут считаться принадлежащими к Церкви, или, говоря проще, будут от нее отлучены.

«О священническом рукоположении» — одна из наиболее важных работ Иоанна Павла. Его преемник, Папа Бенедикт XVI, конечно же, не собирался что-либо изменять в вопросе о женщинах-священниках, ибо, будучи кардиналом Ратцингером, он непосредственно участвовал в разработке основных положений вместе с Иоанном Павлом. Однако если в будущем конклав выберет Папу, который отнесется с сочувствием к женщинам-священникам, то ему будет довольно трудно найти обходные пути для того, чтобы провести по этому вопросу реформу и не объявить, что Иоанн Павел (который к тому времени, несомненно, будет святым Иоанном Павлом) абсолютно заблуждался по этому поводу.

Высказывалось мнение, что работа «О священническом рукоположении» появилась очень вовремя, так

¹ «Ad Tuendam Fidem» (лат.) — «В защиту веры».

как дискуссии по данной проблеме заняли центральное место на конференции о религиозной жизни осенью 1994 года. Документ обсуждался женщинами-католиками из Европы и Северной Америки. Говорили, что Иоанн Павел плохо понимает роль женщины в современном обществе, что он всегда являлся сторонником мужского шовинизма. О том, как относился к этому Иоанн Павел, сохранились противоречивые сведения. Его взгляды нашли отражение в документе, тему которого он определил как «новый феминизм», появившийся под названием «Mulieris Dignitatem» («О достоинстве женщины»). Здесь содержится удивительно оригинальное толкование истории из Евангелия по Иоанну о женщине, уличенной в измене мужу. Иоанн Павел полагает, что мудрыми словами «Пусть тот, на ком нет греха, первым бросит в нее камень» Иисус привлекает внимание к вечному вопросу о женщине, обвиненной в грехе, совершенном мужчиной. «Женщину оставили одну, выставили на всеобщее обозрение с «ее грехом», тогда как за «ее» грехом стоит мужчина, грешник, повинный «в ином грехе», который, в действительности, несет за него ответственность», — пишет Иоанн Павел. Превосходство мужчины над женщиной, продолжает он, является искажением нормальных отношений между полами, и свое начало берет от первородного греха. «Преодоление этого зла, передающегося из поколения в поколение, — дело каждого человека. Ибо в какое бы время ни нес мужчина ответственности за унижение достоинства женщины и ее предназначения, его действия всегда являются унижительными и для его собственного достоинства, и для его предназначения». При таком взгляде на бытовавшее в христианстве женоненавистничество, в основе которого лежит мысль о том, что именно женщина несет ответствен-

ность за передачу первородного греха последующему поколению, «Mulieris Dignitatem» становится документом во многих отношениях радикальным, особенно если учесть возраст и положение ее автора.

И все же в этой работе нашлось много такого, о чем заговорили феминисты. Иоанн Павел настаивает на существенной разнице между мужчиной и женщиной.

«Даже правомерное утверждение женщин, ссылающихся на библейские слова: «Мы будем вами править» (Ветхий Завет, 3:16), не должно ни при каких обстоятельствах вести к «мужеподобию» женщин. Под лозунгом освобождения от власти мужчин женщины не должны перенимать у них чисто мужские черты, противоречащие их женской сущности. Здесь возникают имеющие под собой почву опасения, что такой путь... приведет к деформации женской природы и к утрате ее естественного богатства».

Это богатство заключено прежде всего в роли женщины-матери, и Иоанн Павел, в столь характерном для него претенциозно-интеллектуальном стиле, выстраивает высокую метафизическую пирамиду из идеи «материнства». Он говорит, что в материнстве заключена «сама тайна жизни», утверждая затем, что «всякий раз, когда процесс *материнства* свершается в человеческой истории, он всегда *связан с Заветом*, обращенным от Бога к человечеству [курсив Иоанна Павла]». Даже девственницы — особенно те, что посвятили себя религии, — могут найти для себя радость в том, что Иоанн Павел называет «духовным материнством».

Через некоторое время после опубликования труда «О священническом рукоположении» состоялась знаменитая встреча Иоанна Павла с доктором Джорджем Кареем, заменившим Роберта Рунси на посту ар-

хиепископа Кентерберийского. В автобиографии доктор Карей вспоминает, что, когда он попросил Иоанна Павла высказать свои возражения по поводу рукоположения женщин в священники, Папа «дал прямой и простой ответ: «Антропология», означавший, что женщина не может быть священником уже потому, что она женщина». Многие считают, что Папа в данном случае не смог скрыть своего женоненавистничества, на самом же деле он говорил о серьезной и очень сложной проблеме — об анализе различий между мужчиной и женщиной, идею которого он развивал в работе «О достоинстве женщины». Следует сказать, что ни каких признаков проявления женоненавистничества или неприязни с его стороны никто из слабого пола никогда не отмечал. Во время работы в университете он сотрудничал со многими женщинами-учеными и всегда, общаясь с ними, вел себя в высшей степени почтительно.

Несомненно, самым важным фактором, определяющим отношение Иоанна Павла к женщинам, являлась преданность образу Девы Марии. Мария, писал он, «проливает свет на *материнство как таковое* уже из-за одного того, что Бог в высочайший момент воплощения в образе человека отдается под свободное и действительное покровительство женщины», и говорит о том, что женщина может найти в себе «секрет вечной женственности и достоинства на пути собственного истинного совершенствования».

Было бы заблуждением допускать, что возраст и болезнь умерили аппетит Папы к обсуждению насущных мировых проблем и стали препятствием в выполнении его основных задач на конференции Организации Объединенных Наций весной 1994 года. Предыдущая конференция по тому же вопросу проходила в Мексике десять лет назад и привела к заключению,

что аборт не могут быть приняты как метод планирования семьи. Для Ватикана это являлось скромной победой, и достигнута она была в основном благодаря давлению администрации Рейгана. Когда разрабатывался план встречи 1994 года, стало ясно, что у администрации Клинтона подход к данной проблеме совсем иной. Разузнать планы государственного департамента послали опытного ватиканского дипломата, архиепископа Жан-Луи Таурана. Джордж Вейгель сообщает, что официальный представитель по вопросам американской политики, бывший сенатор-демократ Тим Вирт до приезда епископа убрал со своего стола украшавшее его кабинет... «дерево-презерватив». Но это стало единственным достигнутым результатом визита. План протокола встречи, появившийся весной, стал для Папы «тревожным сигналом», так как в нем предлагались вещи, являвшиеся, по его мнению, «международным признанием абсолютно неограниченного права на аборт», что угрожало институту семьи и разрушало представление о жизни как «о священном даре».

В марте Папе нанесла визит миссис Нафис Садик, ответственная за проведение конференции секретарь ООН. Миссис Садик, специалист в области гинекологии из Пакистана, предоставила отчет об этой встрече, отметив, что с ней обошлись довольно неучтиво. Не успела она сесть, как Иоанн Павел разразился тирадой. Спор продолжался минут сорок. Миссис Садик настаивала на праве женщины на аборт в том случае, если она оказалась беременной не по своей воле. Вот вариант ее рассказа о встрече, приведенный Бернштейном и Полити в биографии «Его Святейшество»:

«Не думаете ли вы, — прервал Иоанн Павел II, — что безответственное поведение мужчины спровоцировано женщиной?»

Садик застыла в изумлении. “У меня отвисла челюсть”, — рассказывала она.

Иоанн Павел по лицу собеседницы понял, в какое состояние привело ее его замечание, и попытался переменить тему разговора. Однако женщина в сари его остановила: “Извините, я должна ответить на ваше заявление по поводу поведения женщин. В большинстве развивающихся стран мужчина считает, что имеет право решать сам все вопросы в супружеских отношениях, а женщина должна подчиняться. Мужчины приходят домой пьяными, принуждают жен к сексуальному контакту, и женщины становятся беременными...”

Вид Папы был суровым; его глаза, обычно такие добрые, заблестели холодным блеском. Садик показалось, что он напряжен, как пружина. Она не готова была к подобной встрече.

“Почему он был так суров, — недоумевала она, — столь категоричен, почему так недоставало ему доброты? Ведь мог бы он, по крайней мере, сказать: “На самом деле, я понимаю, как страдают эти люди, но лучшее — следовать морали”, — рассказывала она друзьям после дискуссии. — Он совсем не такой добροжелательный человек, каковым его представляют».

Один из кардиналов в последний год жизни Иоанна Павла сообщил мне, что Папа часто «злился, если люди не делали того, чего он от них ждал». Произшедшее в разгар этих событий падение в ванной и последовавшая за ним операция по замене тазобедренного сустава не замедлила темпов его атаки на планы ООН, но в его объяснении замыслов Провидения произошел значительный поворот. В первом же своем обращении на площади Святого Петра после выхода из госпиталя он поблагодарил Бога за «столь необходимый дар» страдания и сказал:

«Я долго размышлял надо всем этим и во время пребывания в госпитале вновь приходил все к тем же думам... Я понимал, что мне надлежит ввести Церковь в третье тысячелетие молитвой, разнообразными программами, но тут я увидел, что этого недостаточно. Страданиями должно вести ее, тем покушением, что было тринадцать лет назад, и этой жертвой. И почему сейчас, почему так, почему именно в Год семьи? Вот именно потому, что семья оказалась под угрозой. Под угрозой должен быть и Папа, и он должен страдать, чтобы каждая семья в мире увидела, что есть Завет свыше, Завет страдания, через который готовится будущее, семьи третьего тысячелетия, каждая в отдельности и все вместе».

Даже по меркам предыдущих положений, касающихся его собственной роли в Божьих замыслах, это утверждение Папы может показаться слишком тяжелым. Оно похоже на хорошо продуманную и откровенно признанную политику драматизации собственной судьбы для привлечения внимания всего человечества.

Усилия Иоанна Павла в какой-то степени были вознаграждены. Когда встреча в ООН все-таки состоялась (в сентябре), делегации Ватикана удалось отложить дебаты до выработки окончательного документа, в котором четко говорилось, что аборт не могут рассматриваться как метод планирования семьи.

Большие трудности возникли в вопросе о развитии Церкви в Африке. Впервые идею о Синоде для Африканской церкви Иоанн Павел выдвинул в 1988 году. Он любил поездки на этот континент: к 1994 году их насчитывалось уже девять. Во время своего первого паломничества в Африку в 1980 году он сказал, обращаясь к толпе в Кении: «Христос был не только Богом, но и мужчиной. И как человек, он был

и африканцем». И в то же время образ вновь посаженного христианского сада, бурно разраставшегося на африканской земле в полной гармонии с материнской Церковью Рима, на деле не совсем соответствовал действительности.

Многие из проблем, вставшие перед Африканской церковью, возникли еще с самого ее зарождения. Некоторые молодые люди с готовностью принимают сан священника не потому, что видели в этом свое призвание, а потому, что эта должность открывала путь к социальному продвижению и образованию. Соответственно, не все из них были готовы к жертвам, которые требовались от священнослужителей, и проблема священников, почти открыто живущих со своими «женами», стала причиной серьезного скандала. В книге «Папа зимой» Джон Корнуэлл рассказывает о еще большей развращенности священников, систематически насилующих монахинь, которые, как он предполагает, привлекали их по той причине, что контакт с ними избавлял от риска заражения СПИДом. Он приводит выдержку из отчета на эту тему, подготовленного для Ватикана в 1994 году сестрой Маурой О'Донохью, врачом и членом Организации медиков-миссионеров Девы Марии. Вот что она писала:

«К сожалению, сестры рассказывают о том, что священники их использовали в сексуальном плане, так как боялись заразиться от контактов с проститутками и прочими женщинами... Так, например, к сестре-настоятельнице в одной местности подошли священники и поинтересовались, можно ли им воспользоваться сестрами для удовлетворения сексуальных желаний. Когда настоятельница отказала, священники объяснили, что им тогда придется пойти в деревню и искать женщин там, а это ведет к риску заражения СПИДом».

Важным еще был вопрос о том, насколько далеко можно заходить Африканской церкви по пути так называемого «окультурирования», позволявшему придать католицизму особенности местного характера. Иоанн Павел очень сожалел об этом. С одной стороны, его фраза о том, что Христос «был и африканцем», говорит об идеальной универсальности христианства. С другой стороны, Папа имел естественные, продиктованные культурой пристрастия — как, например, употребление латинского языка. Его ближайший советник кардинал Ратцингер проявлял исключительную бдительность в отношении «окультуренных» явлений в христианстве, таких как характерное для отдельных мест упрощение формы церковной службы, полагая, что это ведет к изменению самой сути учения. Трудно было достичь баланса в Церкви, которая разрасталась очень быстро и не успевала как следует пустить корни. Например, многие африканские католики продолжали ходить за советом к местным колдунам. Некоторые культурные традиции Африки (осуждение гомосексуализма) находились в соответствии с католическим учением, другие же (полигамия) ему противоречили.

Первоначально планировалось провести Синод на африканской земле, но из-за политической ситуации на этом континенте оказалось практически невозможно найти страну-хозяина, которая не вызвала бы недовольства других. В конце концов Синод открылся в Риме в 1994 году. Решение не проводить его в африканской стране вызвало подозрения в том, что Иоанн Павел и Ватикан хотят установить контроль за происходящими на Синоде событиями. Кроме того, разыгравшаяся кровавая бойня в Руанде не способствовала созданию благоприятной атмосферы — во время церемонии открытия Синода пришло сообщение, что в ка-

толическом центре в Кигали убиты восемь священников. Подобная новость сильно омрачила состоявшееся событие.

Принес Синод и некоторые плоды. Более сотни присутствовавших на нем епископов подписали открытое письмо европейским и американским коллегам, прося их содействия в отмене долга африканских государств. Деятельность Иоанна Павла в этом направлении приобрела большой размах в начале следующего тысячелетия. И все же внутренние проблемы, с которыми сталкивалась Церковь Африки, в основном оставались нерешенными.

1994 год можно охарактеризовать как время возросшей интеллектуальной и политической активности Папы и серьезного ухудшения его здоровья после операции на бедре. Миссис Садик упоминает о том, как «дрожала» у него рука — признаки болезни Паркинсона становились все более явными. Стремление влезать в «мирскую» политику — будь то борьба с коммунизмом в Западной Европе или вопрос внешнего долга Африки — изменило роль понтифика. При Иоанне Павле дипломатические отношения Ватикана значительно расширились: количество стран, с которыми они сложились на государственном уровне за первые двадцать лет его правления, увеличилось до семидесяти, и одним из главных факторов, которые приходилось брать в расчет кардиналам, собравшимся десятилетие спустя выбирать его преемника, была необходимость избрать Папу, способного играть видную роль на мировой арене. Но в то же время готовность, с которой Иоанн Павел вмешивался в политические события, привела к тому, что многие не сведущие в церковных делах политики давали оценку его действиям в привычных для них терминах. По этой причине в полемике, развернувшейся в прессе Евро-

пы и Северной Америки 1994 года, утвердилась карикатура на Иоанна Павла как на ворчливого старика правого толка, который трясет указующим перстом. Его сгорбленная спина и палка в руке вполне соответствовали образу.

Однако при подобной оценке понтификата Иоанна Павла не учитывалось, какое огромное значение для миллионов католиков имел он в качестве духовного лидера. Этот промах журналистики дал о себе знать, когда пресса, к своему удивлению, поняла, какую людскую реакцию вызвала в 2005 году смерть Папы.

Вот образ Иоанна Павла, созданный писательницей Леони Калдекотт в очерке, превозносящем его взгляд на «новый феминизм» (из книги «Иоанн Павел Великий»). Она описывает его обращение к проходившей в Риме международной конференции о роли женщин.

«Со смешанным чувством благоговения и симпатии я слушала его слабый голос. Он обращался к нам на французском. Но самое удивительное было впереди. В конце обращения он сказал кардиналу Стаффорд, который вел конференцию, что хочет поприветствовать каждую из нас лично. За этим последовала удивительная сцена, когда сотни женщин, со всех концов света, одна за другой, подходили к Иоанну Павлу II. Многие подносили ему альбомы или какие-то записи, как дети, которых попросили подойти и рассказать, что у них там такое. В течение всего этого времени больной понтифик оставался на ногах, склонив голову отчасти из-за болезни, отчасти для личного контакта с каждой. Он терпеливо улыбался и благословлял каждую подходившую к нему женщину. Все ближе и ближе подходя к Его Святейшеству, я поняла, что некоторые женщины не только рассказывали ему что-то, но и благодарили. И еще я замети-

ла, что вместо того, чтобы выглядеть все более и более усталым, он, казалось, становился сильнее и тверже. Можно было подумать, что он черпает силы в нас, как мы, в свою очередь, набираемся у него мужества. Внезапно меня охватило неудержимое желание включить в этот обмен».

Нравятся вам или нет такого рода эмоции — речь сейчас не об этом. Если внимательно присмотреться к рассказам о жизни Иоанна Павла, то становится ясно, что число людей, которых он вдохновлял подобным образом, очень велико. В конце 1994 года увидела свет книга «Переступить порог надежды», сборник личных воспоминаний, выдержки из которого я часто здесь использую. Работа выросла из так и нереализованного проекта интервью для телевидения в ознаменование пятнадцатой годовщины со дня избрания Папы. Интервью из-за перегруженности прессы так и не вышло, однако итальянскому журналисту Витторио Мессори удалось представить свои вопросы в письменном виде. Конечно, это не могло сравниться с тем эффектом, который дает интервью лицом к лицу, но многие ответы Иоанна Павла были живыми и непосредственными, их невозможно сравнить по тону с официальными энцикликами, папскими проповедями и тому подобным. Книга «Переступить порог надежды» имела феноменальный успех. За первые четыре года было распродано рекордное количество экземпляров: 1,2 миллиона — в Соединенных Штатах, 957 000 — в Италии и 300 000 — в католической Испании. Как ни странно, книга имела успех даже в не столь религиозной Северной Европе: 200 000 экземпляров разошлось в Германии и 145 000 — в протестантской Британии. А когда в начале 1995 года Иоанн Павел посетил Филиппины, он собрал рекордное ко-

личество людей. По приблизительным подсчетам, на службу в Маниле собралось от пяти до семи миллионов человек.

Средствам массовой информации не удалось найти нужного языка для освещения событий последнего десятилетия жизни Иоанна Павла. Просто отнести его к «правому крылу» и к «консерваторам» означало не понять всей сложности того, что он говорил. Это чувствуется по драматизму его следующей энциклики «*Evangelium Vitae*» («Евангелие жизни»), вышедшей весной 1995 года. Ее язык чрезвычайно трагичен (энциклика заключается словами из Апокалипсиса); Иоанн Павел рисует современный мир как контраст света морали и тьмы, где Церковь, или «люди жизни», выдерживают натиск «наступающей смерти». Иоанн Павел заявляет, что «новые угрозы вырастают с угрожающей скоростью». Не только все обычные напасти — атеизм, применение противозачаточных средств, «утрата ощущения Бога» — нахлынули с угрожающей силой, но к ним присоединились еще и одобрение абортов и эвтаназии.

Серьезным вопросом для католицизма являлась и смертная казнь. Суд должен приговаривать к смертной казни, считает Иоанн Павел, только «в случае абсолютной ее необходимости, иными словами, когда нет иного способа защитить общество». Далее он заключает, что «сегодня... в результате неуклонного улучшения пенитенциарной системы такие случаи крайне редки, если вообще практически существуют».

В начале октября 1996 года Иоанну Павлу пришлось посетить госпиталь «Джемелли» в шестой раз: появились боли в области живота, и врачи удалили ему аппендицит. В следующем месяце Папа праздновал пятидесятилетие со дня посвящения в духовный сан и приурочил к этому событию выход в свет своей кни-

ги «Дар и Тайна». Разговоры о том, что эра Иоанна Павла близится к закату, стали привычными как в среде хорошо информированных католиков, так и у представителей прессы. Сохранились свидетельства, что и сам Иоанн Павел думал о том, как пойдут дела после его смерти. И ранее не отличавшийся скромностью в своих амбициях, Иоанн Павел весной опубликовал новый свод правил по поводу выборов будущих пап. Речь шла в основном об отмене вычурных моментов в процедуре избрания. Однако было внесено и одно значительное изменение. По старым правилам, для избрания Папы требовалось набрать две трети голосов. Иоанн Павел решил, что если при последующем голосовании результат не будет достигнут, то конклав вправе принять решение просто на основании большинства голосов. Чем конкретно он руководствовался, вводя подобное изменение в традиционной процедуре, не совсем понятно. Возможно, хотел создать ситуацию, которая исключала бы возможность возврата к временам Средневековья, когда конклавы могли длиться месяцами. Как ни парадоксально, но это нововведение, существующее в 1978 году, могло бы стать серьезным препятствием для избрания Иоанна Павла, ибо тогда для сторонников Сири имело бы смысл держаться до последнего.

К концу десятилетия людям непосвященным становилось все труднее понять, как обстоят дела со здоровьем Иоанна Павла. Ватикан не давал сведений о реальном положении дел. Даже те, кто сталкивался с ним лицом к лицу, порой приходили в недоумение. Доктор Джордж Карей, архиепископ Кентерберийский, вспоминает, как поражен он был, встретившись с Иоанном Павлом в 1997 году.

«Меня привел в ужас его усталый вид. Говорил он низким, лишенным выразительности голосом, иног-

да казалось, что он перестает понимать, что говорит. Кардиналу Кэссиди [глава Совета понтификата при христианском союзе] время от времени приходилось напоминать Папе, о чем речь. Казалось, что работать он больше не сможет. Когда я упомянул “*Ut Unum Sint*”, Эдварду Кэссиди пришлось подсказать ему, что это энциклика, которую он сам написал».

Но в этот же день за ланчем доктор Карей обнаружил, что Папа совсем изменился. «Он был живым и сосредоточенным. Никаких признаков рассеянности не осталось. Он вел обширную дискуссию о миссии Церкви и ее взаимоотношениях с исламом. Какой бы вопрос ни затрагивался, он обо всем был информирован». Контраст с его предыдущим состоянием изумлял. Доктор Карей в своей автобиографии писал: «Потом выяснилось, что живость Папы и его способность работать в значительной мере зависели от действия лекарств, которые он принимал для снятия симптомов болезни Паркинсона, в частности, от того, когда он их принял».

И все равно Иоанн Павел продолжал удивлять. Он продемонстрировал, что готов использовать те возможности, которые предоставляют новые технологии. В апреле 1997 года Ватикан открыл веб-сайт, и за первые три дня его посетили 2,9 миллиона человек. Поездки за рубеж продолжались несмотря ни на что. В 1997 году их было шесть, правда, в 1998 году это число уменьшилось до трех, однако среди них значился визит Папы на Кубу. Фидель Кастро, которому было за семьдесят, для приветственной церемонии в аэропорту Гаваны облачился в костюм вместо обычной для него военной формы. Вид двух стоящих рядом величественных старцев являл собой отрадную картину для всех, кто знал, что такое «холодная война».

Вехи следовали одна за другой. 25 мая 1998 года Иоанн Павел получил статус в качестве Папы, выполнявшего свою миссию дольше всех в двадцатом веке, а 16 октября этого же года исполнилось двадцать лет его пребывания на посту понтифика. По этому случаю два дня спустя он провел службу на площади Святого Петра, которая также явилась ознаменованием сорока лет со дня посвящения его в епископы. В праздновании участвовали 40 кардиналов, 100 епископов и 800 священников, в большинстве своем из Римской епархии. На церемонии Папа сказал:

«После двадцати лет службы на месте святого Петра я не могу не задавать себе сегодня определенных вопросов. Все ли ты видел? С достаточным ли усердием и вниманием учишь ты вере? Смог ли ты донести итоги работы Второго Ватиканского Собора до людей дня сегодняшнего? Попытался ли ты удовлетворить чаяния верующих в самой Церкви и ту тягу к истине, которая ощущается вне ее стен?»

Мало кто из присутствующих сомневался в искреннем его стремлении выполнить все эти обязательства. Эмоции трудно было сдерживать — Папа плакал, когда дети из римских церквей подносили ему подарки. Но в мире много было и таких католиков, кто сомневался в правильности избранного Папой пути.

За двадцать лет папства Иоанна Павла появилось 159 новых кардиналов, 2 650 епископов Церкви, то есть более половины от общего числа были назначены им. Не удивительно, что Церковь возглавляли люди, следовавшие его примеру. Так, в Латинской Америке победу над либеральными теологами обеспечил приток назначенных Иоанном Павлом деятелей, которые следовали его теологической доктрине. Это привело к небывалому положению в расстановке политических

сил: молодые епископы и кардиналы составили консервативный авангард «реставрации» под началом кардинала Ратцингера, тогда как либералы среди церковных лидеров в основном являлись людьми преклонного возраста, ибо поднялись на волне революционных преобразований, вызванной Ватиканом II. И многие из таких значительных фигур, как, например, кардинал Кениг, которого называли одним из лидеров Собора, были, мягко говоря, разочарованы, глядя на то, как развивается проект, который они когда-то начинали. В отношении Иоанна Павла к нему лично после ухода в отставку Кенинг тоже усматривал пренебрежение, однако делать это достоянием гласности не хотел.

Кардинал Вестминстера Хьюм стоял перед такой же дилеммой. В своих представлениях о верности и самоограничении, которых требовал занимаемый им пост, Хьюм был чрезвычайно старомоден. В замечаниях, обнародованных им на Синоде по вопросам семьи в 1980 году, нашел отражение опыт всех прошлых лет. Он пришел к убеждению о необходимости пересмотра вопроса о безбрачии священников и полагал, что неразумно отвергать возможность в недалеком будущем утвердить положение о посвящении женщин в духовный сан. В разговоре с женщиной, своим другом, он признался, что сам, в душе, поддерживает женщин-священников, однако полагает, что заявлять об этом публично было бы неправильным. Скрещивал он мечи с Ватиканом и в связи с организационными вопросами — ему очень претило, когда римская бюрократия обращалась с ним как с младшим по званию. Его биограф обнаружил в вестминстерских архивах черновики документов, где кардинал Хьюм высказывал упреки кардиналу Ратцингеру в связи с очередным жестоким наступлением его ведомства на гомосексуалистов.

«Ваше Преосвященство, я посылаю вам этот экземпляр моих размышлений по поводу церковных доктрин относительно людей с гомосексуальными наклонностями. Причина, побудившая меня подготовить вам этот документ, заключается в той негативной реакции непонимания и раздражения, которую вызвало недавнее появление документа вашей Конгрегации. Замечу, что документ, к которому я обращаюсь, озаглавленный «Некоторые размышления по поводу ответа на законодательные предложения в связи с отсутствием свободы действий лиц с гомосексуальными наклонностями», не был подписан, и потому уже изначально непонятно, кто распорядился его опубликовать. Должен подчеркнуть, что этот последний документ произвел тяжелое впечатление не только на гомосексуалистов. А что касается последних, то среди них много таких, кто никогда не помышлял об агрессивных действиях и кто полагает, что Церковь их отвергла...»

В конце девяностых Хьюм сообщил священнику, которого хорошо знал, что готовится опубликовать кое-что из своих записей, потому что в его возрасте (он приближался к восьмидесяти) терять ему уже нечего. Но тут вмешалась болезнь, и Хьюм пошел в атаку на Ватикан и Иоанна Павла, по словам британского писателя, «стоя у края могилы».

Весной 1999 года у кардинала Хьюма обнаружили запущенный рак. Эту новость он объявил в письмах, разосланных каждому священнику его епархии, что было особенным, столь характерным для христиан Англии подходом к проблеме смерти — невысказанность до конца, но четко продуманное предложение вдохновенной идеи.

«Дорогой Отец, Вы, возможно, слышали, что я недавно был в госпитале на обследовании. Результат известен: у меня рак, и не на ранней стадии.

Мне оказана великая милость вдвойне. Во-первых, мне дано время подготовиться к новому будущему, и, во-вторых, оказалось, что я пребываю в мире и спокойствии, что для меня совсем не характерно.

Намереваюсь продолжать работать как смогу долго. Не имею никакого намерения превратиться в инвалида, пока не придется подчиниться болезни. Но, несмотря на это, я буду немного ограничен в том, что делаю. И главное — никакой суеты. Будущее в руках Божьих. Намереваюсь увидеть наступление Священного года.

Пользуюсь возможностью поблагодарить Вас за Вашу дружбу, Ваше терпение и, не в меньшей степени, за Ваш добрый юмор.

Знаю, что епархию ждет большое будущее. Евангелие должно обрести новую жизнь в нашем обществе. Да не минет нас эта милость в Священном году. Вам, дорогим Отцам, предстоит сыграть в этом главную роль.

Помолитесь, пожалуйста, за преданного Вам Бэзила Хьюма».

Фраза «Главное — никакой суеты» всплыла у меня в памяти шесть лет спустя, когда я стоял на площади Святого Петра и следил за высокой трагедией, что разворачивалась у меня перед глазами, — трагедией смерти Иоанна Павла.

Диагноз кардиналу Хьюму поставили в середине апреля. За месяц выяснилось, что болезнь прогрессирует очень быстро и ему очень трудно выполнять свои публичные обязанности. О летней поездке в Соединенные Штаты, где он летом должен был выступить с обращением к Конференции американских епископов, не могло быть и речи. В 1997 году Хьюм много помогал сотрудникам Би-би-си (где я в то время слу-

жил) в работе над серией телевизионных программ о Католической церкви, и его советники решили этим воспользоваться. Особенно успешно кардинал сотрудничал с продюсером передач Фара Дюррани, мусульманином. И вот из дома архиепископа пришел запрос, нельзя ли пригласить туда Фара с группой сотрудников Би-би-си и записать видеоролик для американских епископов. Когда результат этой работы показали американским епископам, кардинала Хьюма уже не было в живых, но вопросы, о которых он говорил, остались животрепещущими и по сей день.

«Если в том, что я сейчас скажу, прозвучат критические нотки, — это исключительно из братского милосердия и любви к Церкви. Например, некоторых из нас удивляли форма и тон отдельных писем, поступавших из курии. Возникали недоумения по поводу того, как назначались некоторые епископы, и относительно тех длительных сроков, за которые эти назначения производились. Не все назначения вызывали одобрение. Не всегда легко было воспринимать те расследования, которые велись вокруг теологов и их работ. Удручал тот факт, что с нами не консультировались по вопросам, которые для нас, местных епископов, имели особую важность».

Нечто подобное звучало и в другой речи, прочитанной от имени Хьюма неделей позже на конференции в Вашингтоне.

«Очень важно всегда быть строгим, когда речь идет о принципах, и способным на безграничное сочувствие, когда речь идет о людях. И в самом деле, бывает, что отдельный человек или группа людей занимают по какому-то вопросу позицию, противоречащую учению Церкви. Как тогда быть? В первую очередь возникает желание исключить из сообщества тех, кто

Эдвард Стоуртон

с ним не согласен. Вместо этого мы должны оставить их в своих рядах и работать (хотя это бывает очень трудно), чтобы привести их в конечном счете к такому положению, в котором они примут учение Церкви».

Говорить о том, что управление Церковью при Иоанне Павле походило на идеологические репрессии, направленные на подавление свободы слова, при сталинском режиме, конечно же, абсурдно. Однако есть что-то очень грустное в том факте, что преданность и достоинства кардинала Хьюма пришлось открывать публике с оглядкой, совсем как своего рода посмертный самиздат.

11

НОВОЕ ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ

Вскоре после избрания, в марте 1979 года, Иоанн Павел написал тезисы документа «Последнее волеизъявление и завещание». Каждую весну во время «духовных упражнений» он перечитывал написанное, а иногда что-то добавлял. Вот одна из вставок, сделанных в марте 2000 года.

«Когда 16 октября 1978 года конклав кардиналов избрал Иоанна Павла II, примас Польши, кардинал Стефан Вышинский, сказал мне: «Долгом нового Папы будет ввести Церковь в третье тысячелетие»... Так я в какой-то степени был подготовлен к исполнению этой задачи, поставленной передо мной 16 октября 1978 года. Сейчас, когда я пишу эти слова, юбилейный 2000 год уже стал реальностью. Ночью 24 декабря 1999 года открылась символическая дверь этого юбилея в базилике Святого Петра... По мере того как юбилейный год шел вперед, день за днем закрывались для нас двери двадцатого века и распахивались врата двадцать первого. По воле Божественного Провидения, мне назначено было жить в том сложном веке, что уходит сейчас в прошлое, и в год, когда мне исполняется 80 лет, настало время спросить себя, не

пришла ли пора повторить вслед за библейским Симеоном: «Nunc dimittis»¹.

Когда после смерти Иоанна Павла завещание было опубликовано, заговорили о том, что ссылка на известные слова Симеона свидетельствовала о намерении Папы оставить пост. Однако вероятнее, что для Иоанна Павла в этих словах заключалась мысль о собственной смерти. В конце девяностых иногда казалось, что жизнь Папы поддерживает исключительно его желание «увидеть приход нового тысячелетия». Церемонии открытия Юбилейных дверей в четырех базиликах Рима являлись, в представлении Папы, кульминационной точкой его понтификата.

Блестящий ученый-иезуит кардинал Мартини как-то заметил, что поскольку Иисус, по всей видимости, родился в 6 году до нашей эры, то начало нового тысячелетия следовало отмечать в середине девяностых годов двадцатого века. Такая глубокомысленная шутка нисколько не соответствует той возвышенной серьезности, с которой Иоанн Павел относился к этой важной вехе христианской истории.

Подготовка к празднованию началась задолго до его начала, еще летом 1994 года, когда Папа созвал в Риме Священную коллегия кардиналов на экстраординарную консисторию, чтобы решить, как будет отмечаться столь торжественная дата. Часть программы, которую он представил кардиналам для общего ознакомления, касалась «ошибок, совершенных членами Церкви, а точнее говоря, от имени Церкви». Луиджи Аккаттоли, итальянский журналист, который целью своей профессии сделал исследование проблемы *mea culpas*² в мировоззрении Папы, утвержда-

¹ «Nunc dimittis» (лат.) — «Ныне отпускаешь [раба твоего с миром]».

² *Mea culpas* (лат.) — комплекс вины.

ет, что к этому времени Иоанн Павел уже просил прощения, по меньшей мере, раз сорок за грехи и совершенные ошибки: за осуждение Галилея, за иудеев и мусульман, за Гуса и Лютера, за индейцев, за действия инквизиции, за мафию и расизм, за войны и несправедливость, за преследование негров. И теперь он выступал с предложением сделать покаяние официальной политикой Церкви.

Не всем кардиналам это нравилось. Критика, прозвучавшая за два дня заседания, не была обнародована в то время, когда оно проходило, но один из противников предложения, кардинал Джакомо Биффи, сделал довольно необычный ход, опубликовав свои взгляды по некоторым вопросам в книге, вышедшей в следующем году. «Неужели Церковь, — риторически вопрошал он, — действительно несет вину за какие-то грехи? Нет, если посмотреть правде в глаза, понятно, что у Церкви нет грехов, ибо это «совершенная Церковь». Он же есть глава Церкви и Сын Господа, которому ничто морально неприемлемое не может быть вменено в вину». Таким образом, Иоанн Павел оказался в довольно странном положении: одни нападали на него за чрезвычайно реакционную позицию, занятую им в некоторых вопросах (одним из которых являлся вопрос о рукоположении женщин), другие внутри самой Церкви критиковали его за излишний радикализм.

Доводы кардинала Биффи подействовали на Иоанна Павла не больше, чем в свое время аргументы миссис Нафис Садик. Когда манифест по поводу празднования тысячелетия был опубликован, в нем говорилось:

«Решено, что Церковь будет проводить это событие с ясным осознанием того, что происходило в ней за последние десять веков. Она не может переступить порог нового тысячелетия, не побудив детей своих,

покаявшись, очиститься от грехов, от прошлых ошибок и заблуждений, преодолеть непоследовательность и медлительность в действиях. Признание прошлых ошибок является делом чести и требует мужества, но оно помогает нам укрепить веру, противостоять соблазнам дня сегодняшнего и готовит нас принять любой вызов».

Первое воскресенье Великого Поста нового тысячелетия, 12 марта 2000 года, было официально объявлено Днем прощения, и во время проходившей в соборе Святого Петра службы семь кардиналов по очереди подходили к микрофону у главного алтаря, признавая свои грехи во благо всеобщей Церкви. Они просили прощения за нетерпимость и жестокость по отношению к инакомыслящим, за крестonosцев и религиозные войны, за пытки инквизиции, за казни и преследования, за нарушение человеческих прав. Те, кому приходилось скрещивать копы с кардиналом Ратцингером, вероятно, были изумлены, увидев, какую роль он исполнял: Ратцингер зачитал вступление к «Признанию грехов, совершенных на службе Истине», которое звучало так: «Давайте помолимся за то, чтобы каждый из нас, с душой кроткой и смиренной, глядя на Господа нашего Иисуса, признал, что даже служащий в Церкви, во имя веры и морали, стремясь отстоять правду, иногда прибегает к методам, с Евангелием несовместимым».

Прозвучало извинение и перед еврейским народом. В молитве, прочитанной кардиналом Эдвардом Кэссиди, говорилось, что «обращаясь к страданиям, перенесенным народом Израиля на протяжении его истории, христиане признают немалое количество грехов, совершенных против этого народа». На следующий день «Иерусалим Пост» расценила это событие

как «одно из самых значительных за время понтификата [Иоанна Павла]» и заявила, что «раскаяние за прошлый антисемитизм стало теперь неотъемлемой частью католической литургии». Прошедшая церемония, по мнению издания, «значительно сократила расстояние на пути создания нужной атмосферы» для визита Папы в Израиль. Иоанн Павел еще со времени своего избрания думал о поездке на Святую Землю. В 1979 году его убедили отказаться от этого плана по понятным политическим причинам, но теперь момент для осуществления этого замысла наступил.

За прошедший период была проделана большая работа. Усилия, направленные на улучшение отношений как между евреями и католиками, так и между Ватиканом и Израилем, являлись одним из главных направлений деятельности Иоанна Павла, и он показал, что готов многое отдать для достижения положительных результатов. Уродливые призраки прошлого, растревоженные этим противостоянием, ушли на покой, и в конце 1980 года государство Израиль подписало фундаментальное Соглашение с Ватиканом, следствием которого стало установление полноправных дипломатических отношений.

Последовательные действия Иоанна Павла в этом направлении дали результаты как раз к тому времени, когда представилась возможность для осуществления поездки. Премьер-министр Израиля Эхуд Барак охарактеризовал визит Папы как «переломный момент в отношениях между христианским и иудейским мирами». Поездка, начавшаяся 21 марта 2000 года, обещала стать символической драмой, и, как человек, умевший работать на публику, Иоанн Павел продемонстрировал, что ни возраст, ни болезнь не лишили его тех черт, которые вызывали восторг у толпы в дни его молодости. Яд Вашем, мемориал памяти жертв холокос-

та под Иерусалимом, — место проверки для любой публичной фигуры. Грандиозность события, которое он увековечивает, настолько велика, что любое слово, нарушившее тишину, может показаться неуместным. Иоанн Павел показал, что чувствует, где нужно проявить сдержанность, когда встретился с людьми, пережившими холокост.

«Груз истории навалился всей своей тяжестью, когда Папа медленно проследовал через Зал памяти и приблизился к семерым пережившим холокост израильтянам, — рассказывал обозреватель газеты. — Это была не аудиенция Папы. Иоанн Павел отдавал дань уважения этим людям, их воспоминаниям, их опыту, с трудом пройдя через весь зал к ним навстречу». Среди них оказалась женщина, помнившая молодого Кароля Войтылу, который помог ей, девочке, когда она, мучимая туберкулезом, в 1945 году вышла из концентрационного лагеря. Она говорила о «приятном молодом человеке», который дал ей «кусочек хлеба и чашку чая», а потом пронес ее от вокзала две мили на спине.

Использовал свою немощь для театрального эффекта Иоанн Павел и во время посещения Западной стены Иерусалима. Эта большая плоская стена, святая иудаизма, — все, что оставили римляне от храма Соломона, перестроенного Иродом Великим в 70 году нашей эры. Иоанн Павел, преодолевая боль, подошел к стене, склонил голову и, как делают еврей-просители, произнес молитву. Это была еще одна мольба о прощении грехов христиан за антисемитизм. Обозреватель либеральной израильской газеты «Хаарец» рассказывал: «Для описания образа Папы, склонившегося в молитве у Западной стены, невозможно найти слов, ибо уместны здесь только слова произносимой им молитвы. Это был достойный результат проде-

ланной понтификом двадцатилетней работы по восстановлению дружественных отношений между католиками и евреями. И прощение, о котором он молил, обращено не просто к евреям. Оно обращено к Богу, к их Богу, который был и его Богом». Это один из тех моментов, из-за которого и те из нас, кто не склонен видеть в фигуре Иоанна Павла величия, должны принести свои извинения. Пресса придала визиту Иоанна Павла не меньшее значение, чем вступлению в новое тысячелетие. «Паломничество, совершенное Папой, по своему значению столь велико, что мы еще до конца не можем этого осознать, — пишет «Иерусалим Пост». — Заносчивость и высокомерие, в течение двух тысячелетий обострявшие отношения католиков и иудеев, за время этого шестидневного визита уступили место доброжелательности. Застарелая вражда между «убийцами Христа» и «погромщиками», кажется, стала отступать». «Мы влюбились в этого человека», — сказал министр иностранных дел Израиля Шломо Бен-Ами на прощальной церемонии корреспонденту газеты. — Исключительная личность, человек большой души, доброй воли и справедливости».

В юбилейный год имели место и другие зрелищные мероприятия. В мае состоялась Всемирная служба для христиан всех конфессий. Церемония прошла в овеянном историей Колизее. Около 13 000 мужчин и женщин удостоились чести присутствовать на службе. Названия групп, по которым распределялись имена приглашенных, создавали ощущение, что история Иоанна Павла и история современного христианства это, по сути, одно и то же. «Христиане, которые пронесли свою веру через годы советского тоталитаризма, возглавляли список. За ними следом шли жертвы нацизма и фашизма». Все разногласия христиан были забыты, когда Иоанн Павел объявил, что «экуменизм

мучеников за веру — самое убедительное из всех доказательств; оно указывает христианам двадцать первого века путь к единству».

И что сказать по поводу того, что немного позднее в том же году тот же самый Папа представил для опубликования документ, который являлся более оскорбительным для некоторых христианских конфессий, нежели все прочие постановления, издававшиеся Ватиканом в прошедшем столетии? Можно предположить, что если настроение Иоанна Павла менялось в один день с такой быстротой, как описывал это доктор Карей, то и столь резко переменившееся всего за несколько месяцев обращение к миру не вызовет такого большого удивления. Хотя, возможно, и не следует ждать последовательности от страдающего болезнью Паркинсона общественного деятеля, возраст которого перевалил за восемьдесят, и который при этом постоянно работает.

«*Domenus Jesus*» («Наш Господь Иисус») был представлен кардиналом Ратцингером на Конгрегации доктрины веры осенью 2000 года. В этом документе продолжалась кампания, проводимая против ошибок современного релятивизма, которую Иоанн Павел развернул десять лет назад в работе «Сияние Истины». В манере и стиле, характерных для поздних изданий, префект Конгрегации доктрины веры упрекал новый «изм» в «субъективизме», который «по вполне понятным причинам, являясь единственным источником знания, становится неспособным подняться “и устремить взгляд ввысь, отважившись увидеть правду бытия”». В документе также сказано, что Римская Католическая церковь является «единственной истинной Церковью Иисуса Христа», и что христианские Церкви, которые, по мнению Ватикана, «не сохранили истинного епископата и подлинной и всеобъемлю-

щей евхаристии», фактически и не являются Церквями «в подлинном смысле».

После успешного визита в Израиль в марте 2000 года Иоанн Павел применяет тактику извинений и в дипломатической практике. Поводом послужил визит в Грецию в январе 2001 года, являвшийся частью похода «По следам святого Павла». Он надеялся, что эта поездка поможет улучшить отношения с Греческой Православной церковью. Однако прибытие Папы вызвало негативную реакцию со стороны православных христиан. Монахи вышли в знак протеста на улицы; на горе Агос, священной горе Греции, проводилось всенощное бдение, во время которого все присутствующие молились за то, чтобы приезд Папы не состоялся. В аэропорт встречать Иоанна Павла не пришел ни один из представителей церковной иерархии. Папа ехал по пустым улицам Афин, а некоторые церкви «отмечали» его приезд «скорбным звоном погребальных колоколов». Православные священники держали плакаты, изображавшие Папу, как в Апокалипсисе, «двуглавым чудовищем». Когда глава Православной церкви, архиепископ Христодулос, встретил Иоанна Павла, то прочитал литанию с перечислением всех страданий, перенесенных православными верующими от Католической церкви.

В ответ Папа извинился перед православными христианами за действия крестоносцев в 1204 году. И если это извинение и показалось слишком изощренным, то в действительности оно не было таковым. Прошедшие восемь веков не повлияли на то, что окружившие Константинополь крестоносцы до сих пор вызвали ненависть православных христиан. Вняв увещаниям своих епископов и поверив, что «греки были предателями и убийцами... в своем вероломстве превзошедшие евреев», армии крестоносцев напали на

столицу Восточной Христианской империи и либо разграбили, либо разрушили все, что ни попадалось им под руку. «Трагично то, что противники, — сказал Иоанн Павел, — которые выступили для того, чтобы проложить христианам путь к Священной Земле, направили оружие против своих же братьев по вере. Из-за того факта, что они были латинские христиане, католики преисполнены глубокого раскаяния».

«Обеспечение христианам свободного доступа к Священной Земле», вероятно, является не совсем точной характеристикой того, что собирались сделать крестоносцы, однако Иоанн Павел не остановился перед словами осуждения в адрес своих соотечественников. «Как же, — вопрошал он, — можем мы закрывать глаза на то, что в данном случае в человеческих сердцах действует “mysterium iniquitatis”? Выражение «тайна беззакония» взято им из Апокалипсиса, из второго послания святого Павла к фессалоникийцам: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» (2 Фесс. 2:7–8).

Архиепископ Христодулос воспринял этот жест благосклонно, но Иоанну Павлу так и не удалось добиться значительного сдвига в отношениях католиков и православных, что стало одним из самых тяжелых разочарований последних лет его жизни. Казалось, крах коммунизма создал уникальные возможности, позволявшие проложить мост через разделявшую западных и восточных христиан пропасть, и для Иоанна Павла, с его представлением об уготованной ему Провидением роли в истории, эта миссия служила источником вдохновения. Но слишком натянутыми и сложными были отношения в самом православном мире.

В России православная иерархия особенно болезненно воспринимала обвинения в союзе с советской властью, и возрождение католицизма в посткоммунистический период ее совсем не радовало. Чрезвычайно сложно складывалась и ситуация с Церковью на Украине. «Униатская» Католическая церковь — христиане, сохранившие православную литургию, но принявшие главенство Рима, — соперничала с Православной церковью, разделившейся на три фракции. Такая религиозная раздробленность в стране привела к расцвету национализма и перекосам в развитии. Кончилось тем, что сам факт противостояния Балкан и Восточной Европы католицизму Запада для Иоанна Павла было гораздо сложнее понять, чем противостояние коммунистов или глубоко укоренившуюся кровавую вражду между христианами и иудеями.

И все же ошибочно видеть причину неудач Иоанна Павла в установлении отношений с Православной церковью исключительно в походах крестоносцев или в действиях глав Церкви, которые столь сурово отличали друг друга во времена Великой Схизмы 1054 года. Плохую службу в этом деле сослужили Папе некоторые из главных его советников. Кардинал Анджело Содано, занявший пост государственного секретаря после ухода Агостино Казароли, не имел опыта работы в странах Восточной Европы; как дипломат он в основном работал в Латинской Америке, где десять лет прослужил нунцием в Чили при режиме Пиночета. Как полагали многие, ему не доставало дипломатического такта, которым обладал его предшественник. Именно на кардинале Содано лежала вина за дипломатическую оплошность, допущенную в первые же дни посткоммунистической эры, которая омрачила все последующие отношения с Православной церковью, так и не дав им развиваться впоследствии.

В 1991 году Ватикан, воспользовавшись религиозной свободой, которую давала новая атмосфера бывшего Советского Союза, решил установить иерархию католических епископов в России и Белоруссии. Учитывая особую «щепетильность» православных священников в России, Иоанн Павел настаивал на том, чтобы глав Православной церкви известили об этом заранее. Задача эта была возложена на дипломатов Государственного секретариата. Однако кардинал Содано не просто не предупредил православную иерархию, но и значительно усложнил дело. Сохранились свидетельства, что он держал новость в тайне до тех пор, пока о новых епископах не объявили публично. Всего за несколько дней до заявления Смоленский митрополит Кирилл, с миссией установления отношений между Церквями, находился в Риме и встречался с Содано лично, однако госсекретарь даже не намекнул ему об этом решении.

Неудивительно, что главы Православной церкви пришли в негодование, когда услышали о назначении епископов. Митрополит Кирилл, почувствовав себя обманутым, не стал этого скрывать и заявил о случившемся на встрече с отцом Оливером Мактернаном, приходским священником из Лондона, ездившим по Советскому Союзу с семидесятых годов и хорошо знавшим глав Православной церкви. Мактернан составил протокол этой встречи и передал его архиепископу, кардиналу Хьюму. Вот что он писал:

«Митрополит Кирилл довольно открыто рассказал о той личной обиде, которую он почувствовал после визита в Рим. Он был с теплотой и участием принят Его Святейшеством, но его «очень оскорбил» прием, оказанный в Государственном секретариате... Хотя его визит в Ватикан проходил всего за несколько дней перед объявлением в Советском Союзе новых еписко-

пов, никто в Государственном секретариате не считал нужным поставить его об этом в известность».

Митрополит также «ясно высказал опасения по поводу того, что новые назначения произведены без учета сложностей политической и церковной жизни бывшего Советского Союза».

В сопроводительной записке кардиналу Хьюму Мактернан сообщал, что отчет составлен таким образом, чтобы его можно было передать в Ватикан. «Им, в Риме, НУЖНО понять, какова истинная ответная реакция», — сказал он. В «конфиденциальной записке», которая не предназначалась для курии, он писал: «Кирилл расценивает подход к делу и личное отношение ко всему кардинала Содано как не способствующие успеху дела. Во время последней встречи в Ватикане Содано в самом начале задал Кириллу вопрос, почему он, Кирилл, захотел встретиться именно с ним, ибо диалог, который они вели, был на «уровне» кардинала Кэссиди». Другими словами, Содано сорвал встречу, показав, что митрополит недостаточно важная персона для аудиенции у государственного секретаря Ватикана. Конечно, это являлось не лучшим способом обращения с представителем, по выражению Иоанна Павла, «сестринской Церкви». «Он [Кирилл] боялся «высокомерия и заносчивости», которые затрудняли развитие конструктивных взаимоотношений, и отметил, что многих из возникших сейчас проблем не существовало бы, если бы на этом посту по-прежнему находился кардинал Казароли», — сообщал Мактернан.

В девяностые годы Бэзил Хьюм решил заняться проблемой Православной церкви независимо от Ватикана (отношения Англиканской церкви с Католической по вопросу женщин-священников привели его к

выводу, что достичь взаимопонимания на данном этапе невозможно) и установил хорошие отношения с главами Православной церкви, которые в то время оказались в Лондоне. Он заручился сильным союзником в лице кардинала Годфрида Дэнниэлса, архиепископа Мехеленского и Брюссельского, который был убежден, что возможности для развития более тесных контактов с Православной церковью полностью не реализованы. Главным достижением экуменической деятельности этих двух кардиналов стала встреча в 1996 году с Патриархом Русской Православной церкви Алексием II. Переписка, которую они вели по поводу визита в Москву, ранее не опубликовывалась, но именно она позволяет увидеть, в чем настоящая причина разногласий между двумя Церквями.

Для того чтобы визит состоялся, Оливер Мактернан провел предварительную работу. В декабре 1995 года он встретился с Патриархом Алексием и подготовил информационные материалы для обоих кардиналов. Обеспокоенность представителей Православной церкви из-за агрессивного поведения представителей католичества во время встречи с митрополитом Кириллом, произошедшей четыре года назад, обострилась еще больше. Разногласия на национальной почве среди отдельных регионов, усугублявшие внутренние религиозные противоречия, стали очевидны во время разговора с Патриархом. Мактернан писал:

«В настоящее время более всего беспокоит ситуация, сложившаяся во внутрицерковных отношениях в Белоруссии. Там насчитывается сто пять католических священников польского происхождения, и Православная церковь вынуждена конкурировать не только с прозелитизмом, но и с польским национализмом. Складывается очень нездоровая ситуация. К тому же,

несмотря на то что многие объединения немецких католиков покинули Волжский регион, Католическая церковь заново открывает здесь богослужение и восстанавливает приходы, где проповеди ведутся на русском языке ради привлечения бывших православных верующих».

В январе 1996 года Патриарх вновь поднял вопрос о Белоруссии во время встречи с двумя кардиналами. Результаты трехчасовых переговоров нашли отражение в итоговом документе, где детально изложено, чем недоволен Патриарх, а именно — новыми примерами «вторжения» Католической церкви. «В Ярославском регионе, — сказал он, — католические организации и движения скупают земли и насаждают свою веру среди молодых людей. Местный православный священник заявил, что “Они скупают души православных”».

Официальные указания Ватикана по поводу того, как должны действовать католические епископы на территории бывшего Советского Союза, были изложены в документе еще в июне 1992 года, где говорилось следующее:

«Их действия никоим образом не должны приводить к тому, чтобы Католическая церковь конкурировала с Русской Православной церковью, равно как и с другими христианскими Церквями на данной территории. Так называемый прозелитизм, означающий попытки оказания разного рода давления на сознание людей, в какой бы форме они ни предпринимались и каким бы способом ни осуществлялись... никогда не являлся методом, используемым пасторами Католической церкви».

Однако Патриарх заявил, что данное положение на практике игнорировалось, а его обращения к Вати-

кану по этому поводу были оставлены без внимания. Далее в документе сообщалось:

«Патриарх заявил, что обо всех этих проблемах говорилось на официальных встречах с представителями Совета понтификата по созданию христианского союза. Однако на этих встречах никаких результатов достигнуто не было, за исключением «бумажных дискуссий». Он сказал, что католики этим соглашениям не следовали, и это поставило под вопрос серьезность самого сотрудничества в этом направлении».

Хьюм и Дэнниэлс были убеждены, что Католическая церковь должна дать на это ответ. В их документе содержалось заключение, что обеспокоенность Патриарха «имела под собой почву». Кардиналы совместно составили письмо Иоанну Павлу и отправили его вместе с документами встречи в Ватикан. «Ясно, — писали они Папе, — что Русская Православная церковь до сих пор не уверена в отношении намерений и целей Католической церкви с латинской ритуальной формулой в России. Появилась настоятельная необходимость создавать отношения на основе взаимного доверия и представить явные свидетельства нашей веры в то, что Православная церковь есть «сестра» Католической церкви и не предполагает в их отношениях никакого соперничества». Учитывая заслуги обоих кардиналов (Хьюм являлся членом конклава, на котором избрали Иоанна Павла, а Дэнниэлс уже тринадцать лет был кардиналом), документ имел в Риме реальный вес. К тому же Хьюм и Дэнниэлс, слишком хорошо знавшие курию, послали еще две копии важным деятелям в Рим: одну — кардиналу Содано, вторую — представителю совета Христианского союза, ответственному за внешние связи, кардиналу Кэссиди.

Иоанн Павел на письмо не ответил; позднее у Хьюма возникли сомнения, дошло ли вообще до него это послание. Кардинал Кэссиди прислал вежливый, но уклончивый ответ только через несколько месяцев. Судя по всему, его действия сильно ограничивала распоясавшаяся курия. Государственный секретарь, кардинал Содано, хранил молчание. Бюрократическая отписка в грубой форме, датированная 3 мая 1996 года, пришла от Жан-Луи Таурана. В ней было всего три коротких абзаца, из которых смысл имелся только в одном:

«Выражая Вашим Преосвященствам сердечную благодарность за проявленное внимание к этому вопросу, я хочу заверить Вас, что во время двухсторонней встречи между делегацией Патриарха Московского и представителями Ватикана, проходившей 12 и 13 января, были приложены все усилия для того, чтобы найти удовлетворительные решения всех вопросов, столь детально изложенных Вашим Преосвященствам Патриархом».

Иными словами, не лезьте, куда не следует, оставьте это дело профессионалам. Хьюм не мог успокоиться. Несмотря на исключительное умение сдерживаться, он имел чувство собственного достоинства и занимал высокий пост. Он не привык, чтобы с ним так обращались обычные епископы. Более того, кардинал Хьюм вложил много сил и энергии, потратил уйму времени на предприятие, которое с такой легкостью и решительностью оказалось отвергнуто Римом. Однако в данном случае он мало что мог сделать, и вскоре инициатива Хьюма — Дэнниэлса была окончательно забыта.

Конечно же, ничего не добились и «профессионалы». Иоанн Павел умер, так и не осуществив свою

мечту приехать в Москву, и его замысел залечить раны Великой Схизмы 1054 года так и остался неосуществленным. Поведение Ватикана заставило многих представителей Православной церкви усомниться в искренности Иоанна Павла. Однако более убедительной кажется точка зрения тех, кто видел в нем человека, мечтавшего о великих свершениях, но не всегда способного подбирать для их осуществления подходящих людей.

Когда 11 сентября 2001 года Иоанн Павел услышал о теракте в Нью-Йорке, его голос слился с потоком осуждения, хлынувшим со всего мира. Из своей летней резиденции Кастель-Гандольфо Папа послал телеграмму президенту Бушу-младшему («Спешу выразить Вам и Вашим соотечественникам мою глубокую скорбь и сказать, что в этот мрачный, трагический момент я молюсь вместе с вашим народом») и издал бюллетень, в котором отразился весь ужас совершенного «нечеловеческого террористического акта». Два дня спустя, по случайному стечению обстоятельств, он руководил церемонией приветствия нового американского посла в Ватикане. И хотя его обращение не привлекло особого внимания, оно удивительно отличалось по тону от большинства публичных заявлений по поводу раненого американского орла, собравшегося нанести ответный удар. В нем не было сказано ни слова о праве Соединенных Штатов постоять за себя. Наоборот, Иоанн Павел заявил:

«Я молю о том, чтобы этот нечеловеческий акт пробудил в сердцах людей всего мира твердую решимость отвергнуть любое насилие, дать бой всему, что сеет ненависть и раскол среди человечества, и работать ради наступления новой эры, эры интернационального сотрудничества, в основе которого будут лежать высшие идеалы солидарности, справедливости и мира».

Через два дня после теракта, то есть задолго до того, как подобные комментарии стали возможны где-либо в соблюдавшей политкорректность Европе, Папа уже высказывал опасения относительно того, какой ответный путь может выбрать Вашингтон.

Возглавляемое Америкой наступление на «Талибан» в Афганистане началось столь быстро, что у Иоанна Павла не хватило времени для организации независимого движения за мир на дипломатическом уровне, какое удалось создать в период первого кризиса в Заливе. В близких к Папе кругах царил растерянность: все более распространенной становилась оценка Афганской кампании как войны за справедливость, что свидетельствовало о том, что в этот момент влияние Иоанна Павла на Церковь ослабло. Однако к тому времени, как Соединенные Штаты и Британия завершили дипломатические и военные приготовления для нового крупномасштабного нападения на Ирак, Иоанн Павел вновь обрел былую мощь.

Публичными наставлениями и стремлением использовать личное влияние антивоенная кампания напоминала ту, что Иоанн Павел развернул двенадцать лет назад. Дипломатический представитель Ватикана, кардинал Пио Лаги, был направлен в Вашингтон с целью отговорить Буша от наступления. Другой кардинал, Роджер Эчегари, поехал в Багдад на встречу с Саддамом Хусейном. Как он позднее сообщил, Хусейн «долго и внимательно слушал» мольбы Папы о мире и как ответный шаг послал на аудиенцию в Ватикан Тарика Азиза, заместителя премьер-министра Ирака. У Иоанна Павла состоялась личная беседа с генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном, а также с британским премьер-министром Тони Блэром и испанским премьером Жозе Марией Азнаром, которые более остальных поддерживали американскую

политику. Встретился Иоанн Павел и со сторонником антивоенной политики, немецким министром иностранных дел Йошкой Фишером. Иоанн Павел продолжал обращаться с призывами к мирному урегулированию конфликта и после того, когда надежды на успех уже не оставалось. «Нужно всегда стремиться к миру. Это никогда не поздно», — говорил он, когда военные действия уже начались. Во время вторжения американцев в Ирак особенно гнетущее впечатление на Иоанна Павла произвел тот факт, что Саддам Хусейн призывал в помощники Аллаха, а Джордж Буш закончил свою речь словами: «Господь благословит Америку».

Можно считать, что Иоанн Павел, пытаясь удержать власть имущих от использования силы, дважды потерпел неудачу, однако не стоит отрицать, что в вопросе осмысления и оценки католичеством военных действий он добился существенных изменений. Нельзя сказать, что Папа являлся абсолютным пацифистом. Во время Балканского кризиса в начале девяностых он был среди тех, кто выступал за «военное вмешательство во имя гуманности». И вряд ли он сделал все, что было в его власти (как действовал он, к примеру, в вопросе о женщинах-священниках) в период обоих кризисов в Заливе.

Ватикан — это мир, где малейшие различия в оценке истины и в использовании власти имеют очень большое значение, и кардинал Ратцингер, заявляя о позиции Иоанна Павла, отмечал, что «Папа не предлагал принять [антивоенную] позицию как церковную доктрину, но выступал за нее как за сознательно принятую, подсказанную верой». Иоанн Павел инстинктивно встал на сторону пацифизма. Когда шла подготовка к разворачиванию новой операции в Заливе, он говорил о том, что хочет, чтобы опыт Второй

мировой войны стал предостережением для новых поколений.

В том, что пережитое в молодые годы зародило в нем стремление к миру, не возникает сомнений. В появившейся десятилетие назад энциклике «Сотый год» Иоанн Павел писал: «Нет, никогда вновь нельзя допустить войны, которая лишает жизни невинных людей, учит убивать, коверкает и жизни тех, кто убивает и оставляет после себя цепь ненависти и вражды, приводя таким образом к тому, что становится еще труднее найти справедливое решение проблемы, спровоцировавшей войну»; и вторжение в Ирак стало последним подобным событием, побудившим его к действию. Открыто высказанное следующим Папой Бенедиктом XVI отношение к военным вторжениям очень сходно с позицией Иоанна Павла. Впрочем, трудно было бы ожидать от преемника Иоанна Павла, чтобы он одобрил любые, хотя бы отдаленно напоминающие американскую кампанию действия. К тому же существуют явные свидетельства того, что опасения, высказанные Иоанном Павлом, подтвердились.

Еще один вопрос, выросший из теракта 11 сентября, это вопрос о взаимоотношениях католицизма и ислама. Иоанн Павел стал первым Папой, выступившим с официальным обращением к мусульманам в 1985 году, когда на стадионе в Касабланке, куда он прибыл по приглашению мусульманского руководства, его слушали 80 000 молодых мусульман. «Поездку, которую я совершил в Марокко по приглашению короля Хасана II, несомненно, можно расценить как историческое событие, — заявил он. — Готовность, с которой молодые люди слушали слова Папы, поражала». А в 1991 году, по время поездки «По следам святого Павла», он стал первым Папой, вошедшим в ме-

четь (мечеть Омейядов в Дамаске, где, как считается, хранится голова Иоанна Крестителя).

Однако его размышления об исламе в книге «Переступить порог надежды» говорят об имеющих давние корни сложностях в этом вопросе. Сравнивая Коран с христианской Библией, Иоанн Павел пишет: «В исламе все то богатство, которое дает Божественное откровение, которое и составляет наследие Старого и Нового Завета, отброшено в сторону». Он осуждает Бога Корана за то, что он «лишь Бог Величественный, Бог, который не с нами, ислам не является религией искушения». Хотя Папа и полагает, что «религия мусульман заслуживает уважения» (как же не восхищаться, к примеру, *их верностью молитве*), его слова звучат несколько покровительственно. Следуя его логике, свобода коренится только в религиозной (то есть в католической) истине. Нельзя не улыбнуться от парадоксальности этого утверждения в связи со следующим: «В странах, где к власти приходят *фундаменталисты*, права человека и принципы религиозной свободы, к сожалению, истолковываются очень однобоко. Там приходят к пониманию религиозной свободы как к свободному навязыванию всем гражданам «истинной религии». (Везде курсив автора.)

В этом нет ничего особенно удивительного: в Иоанне Павле всегда сочеталась естественная открытость чужой вере и исключительная убежденность, что истина доступна только католицизму. Во времена его понтификата в некоторых уголках мира имели место реальные случаи преследования христиан мусульманами, и в книге «Переступить порог надежды» Папа жалуется на то, что сложившиеся в некоторых странах ситуации вызывают у него сильное беспокойство за судьбу живущих там христиан. «При подходе, свойственном фундаменталистам, — пишет он, — нала-

дить взаимоотношения очень трудно». Задача ответа на теракт 11 сентября усложнялась еще и из-за того, что необходимо было ответить на брошенный исламом вызов на принципиально новом уровне. Во время понтификата Иоанна Павла противоречия между исламом и христианством ограничивались межрелигиозными распрями в Африке и Азии, но все же они оставались проблемами, которые следовало решить на локальном уровне. 11 сентября заставило увидеть масштаб этого конфликта. Более того, последовавшая за этим война с терроризмом сфокусировалась на проблемах проникновения ислама *внутри* западного общества, базирующегося на христианстве. Для решения этой проблемы потребовались невероятные усилия, и ждать от Иоанна Павла (в его возрасте и при его состоянии здоровья) ее разрешения было бы не совсем разумно, когда даже находившиеся в расцвете сил главы Церкви старались избегать этого вопроса.

Самый серьезный кризис за время понтификата Иоанна Павла начался с сообщения, помещенного в «Бостон Глоб» 6 февраля 2002 года. «С середины девяностых годов более 130 человек обращались с ужасными рассказами о том, как их детей ласкал или насиловал бывший священник Джон Дж. Джохан, работавший в разных церквях в Бостоне. Почти всегда его жертвами оказывались мальчики средней школы. Одному из них было всего четыре года». Той весной «Глоб» напечатала целую книгу обвинений, читать которую невозможно без боли.

Почти у всех жертв непростое детство — бедность, рухнувшие семьи, и многие из них еще не достигли половой зрелости. Почти во всех случаях отношения строились на полном доверии жертвы к насильнику. Особенно болезненно воспринималось то, что сексуальное насилие возникало после установления отно-

пений на религиозной почве. Большинство жертв годами хранили молчание, так как были очень напуганы, не решались никому рассказывать или думали, что им никто не поверит. Кто-то считал, что сам виноват в случившемся. Но, по мере того как «Глоб» печатала материалы, все больше и больше фактов всплывало на поверхность. Через несколько месяцев после первой статьи группа, ведущая расследование, сообщила:

«Более двух тысяч жертв из района Бостона связались с «Глоб», в основном конфиденциально, и рассказали свои истории. Поначалу неуверенно, многие в слезах, они говорили о том, что теперь жалеют, что так долго держали все в тайне».

Это было журналистское расследование на высоком уровне и в лучших традициях страны, рассказавшей об Уотергейте, и оно произвело эффект взрыва. Под прицелом «Глоб» оказались главы Церкви, которые покрывали совершавших преступления священников.

«Под покровом особой секретности в епархии архиепископства Бостона 10 лет тайно улаживали беспрестанные жалобы детей, в которых фигурировали как минимум 70 священников. «Глоб» обнаружила документы, в которых подтверждалось, что среди бывших и в настоящее время работающих священников 19 являются педофилами. Четверо были признаны виновными в совершении преступления, связанного с сексуальными злоупотреблениями, среди них — и бывший священник Джон Дж. Джохан. Двум из них предъявлено уголовное обвинение. Однако эти случаи касаются только небольшой группы священников. Их дела закончились личными разговорами и, как выяснилось из многочисленных бесед с адвокатами, до суда не дошли».

Особенно бурную реакцию вызвал тот факт, что кардинал Бернард Лоу, архиепископ Бостона и одна из самых влиятельных фигур в католических кругах Америки, знал о заявлениях против Джохана. Как впоследствии выяснилось, дело Джохана являлось массовым явлением. «Истории», по изданной «Глоб» книге «Предательство», настолько ужасны, что в них трудно поверить. И Лоу, и другие члены иерархии «были не только в курсе происходящего, но и долгое время все скрывали, дабы избежать скандальной огласки». Они «переводили обвиняемых священников из одного прихода в другой, как пешки на шахматной доске», не предупреждая никого на местах о столь ужасных фактах их биографии. Подобными действиями они подвергали риску десятки, а возможно, и сотни молодых людей.

Кардинал Лоу предпринял неуклюжую попытку замаять скандал. Он во всеуслышание заявил, что «из всех работающих в нашей епархии священников нет ни одного, кто был бы обвинен в сексуальном домогательстве». Не прошло и недели после этого заявления, как из близлежащих церквей Бостона исчезли два священника, а через две недели — еще шесть. Доверие к некогда популярному архиепископу резко пошатнулось, а его нежелание подать в отставку, несмотря на нараставший протест (Лоу оставался на своем посту до 2003 года), вскоре, по выражению средств массовой информации, сделали его «живым свидетелем» скандала. Ураган, разбушевавшийся после появления статьи в «Глоб», вскоре вышел далеко за пределы епархии Лоу. Церковные власти по всей Америке стали проверять досье своих сотрудников, этим же занялись и правоохранительные органы. В течение февраля — марта на поверхность всплывали все новые случаи преступлений и их сокрытия.

Все это время Иоанн Павел хранил молчание. И вот на Страстной неделе он обратился к священникам со следующим заявлением:

«Мы все сильно огорчены из-за грехов, совершенных нашими братьями. Они предали нас, не смогли оценить милость рукоположения, предавшись самым тяжким формам *“iniquitatis mysterium”*¹, действующим в этом мире... Черная тень подозрения легла на всех тех священников, которые исполняют свои обязанности достойно и честно... Церковь выражает обеспокоенность состоянием жертв и прилагает все усилия для того, чтобы добиться в каждой из причинивших столько боли ситуаций правды и справедливости».

Более всего в этих комментариях поражает то, что Иоанн Павел четко поставил на первое место репутацию священнослужителей и только после этого заговорил о боли, причиненной жертвам, которые, по всей видимости, заслужили лишь «обеспокоенность». Но еще более странным является выбор любопытного выражения *«iniquitatis mysterium»*, которое он годом ранее использовал, говоря об осаде Константинополя, а теперь применяет его в отношении нового ужасного греха священников — педофилии. По мнению «Глоб», многие восприняли это как «свидетельство равнодушия, высокомерия и заносчивости церковной иерархии», которая из-за неспособности ничего видеть дальше собственных интересов только «сыпет соль на рану». Кроме того, в публичном заявлении Папа даже не упомянул о вине кардинала Лоу и тех, кто нес ответственность за сокрытие подобного рода преступлений.

Противодействие, с которым ранее сталкивался Иоанн Павел — как по вопросам либеральной теологии, так и по поводу женщин-священников, — мож-

¹ *«Iniquitatis mysterium» (лат.) — «тайна зла».*

но отнести на счет «обычно подозреваемых» либералов, которые, по мнению Папы и его единомышленника кардинала Ратцингера, неправильно истолковали положения Второго Ватиканского Собора. Однако крики боли, которые долетели до Ватикана через Атлантику, раздавались из уст верных католиков. Среди жертв в Бостоне не было воинственно настроенных монахинь или нетрадиционно мысливших теологов — в этом страшном деле на удочку попались самые преданные и верные из католиков, потому что именно они отправляли своих детей в церкви и воскресные школы. В большинстве своем это были католики традиционной направленности, люди старых принципов, чьи взгляды Иоанн Павел всегда одобрял. Это они считали, что священник исполняет роль отца для своей паствы. Более того, эти люди одобряли безбрачие духовных особ как основу для полного доверия между священником и его прихожанами и считали, что именно безбрачие позволяет священнику отдавать всего себя прихожанам, ибо в лице семьи не возникает соперника пастве, между которыми он вынужден был бы делить свою любовь и обязанности. Население Бостона насчитывает 3,8 миллиона человек, из них более двух миллионов являются католиками, и это единственная в Соединенных Штатах епархия, где католики составляют больше половины населения. Это был мир, где влияние Церкви распространялось как на самые интимные сферы личной жизни, так и на разнообразные области общественной деятельности. В Соединенных Штатах вряд ли отыскалось бы место, которое по своей религиозной культуре так походило бы на Польшу того времени, какой знал ее когда-то Кароль Войтыла.

Критика Церкви приобрела общегосударственные масштабы. К апрелю Иоанн Павел был вынужден при-

знать серьезность разразившегося кризиса и созвать в Риме экстренное совещание американских кардиналов. Неудивительно, что на представителей руководства Американской церкви обрушился шквал вопросов о том, какие уроки вынесли они из продолжавшего бушевать в Соединенных Штатах скандала. Вновь и вновь поднимался вопрос о безбрачии священников как о возможном факторе, сыгравшем в данных преступлениях немаловажную роль, и некоторые представители Американской церкви высказались за возможность пересмотра вопроса об обете безбрачия. Кардинал Фрэнсис Стаффорд являлся одним из немногих американцев, которым удалось попасть в высшие эшелоны ватиканской курии (в это время он был президентом папского совета по делам мирян), и его заявление корреспондентам «Нью-Йорк Таймс» по поводу необходимости срочного пересмотра вопроса о безбрачии священников вызвало значительный интерес.

Однако изменения не произошли. «Необходимо тщательно оберегать ценность безбрачия как способа полностью посвятить себя Богу и Церкви», — сказал Иоанн Павел группе нигерийских епископов. Стало ясно, что он не допускает, что вопрос о безбрачии можно отнести к тем, которые нужно обсуждать на внеочередном совещании. Если посмотреть на отношение Иоанна Павла к данной проблеме в контексте времени, трудно себе представить, чтобы он мог ответить по-иному.

Судя по тому, что оба вопроса — о безбрачии священников и об отставке кардинала Лоу — сняли с повестки дня еще до того, как началось внеочередное совещание в Риме, представить себе, к чему она придет, было довольно трудно. Сохранилась фотография, на которой Иоанн Павел зачитывает обращение к американским кардиналам, сидя несколько скособочив-

шись на троне. Несмотря на то что дело происходит в его небольшой по площади библиотеке, Папа пользуется микрофоном, однако большинство кардиналов следят за его словами по напечатанным копиям его обращения. Казалось, что он признал тяжесть раскрытых преступлений. Сексуальное изнасилование детей, сказал Папа, «недопустимо ни по каким нормам и по праву считается в обществе преступлением. Это еще и страшный грех в глазах Бога». И в то же время он подвел вопрос к обобщению: «Изнасилование молодых — это тяжкий симптом кризиса, охватившего не только Церковь, но и общество в целом». И потом: «Это далеко зашедший кризис морали в вопросах пола, в вопросах самих человеческих отношений, и его жертвами в первую очередь становятся семьи и молодежь».

Мысль о том, что педофилия среди священников является «проблемой социальной, а не... отражением структурных проблем внутри самой Церкви», звучит и в комментариях кардинала Кастриллона Хойоса, префекта Конгрегации по делам клириков, сделанных им на завершившей двухдневные обсуждения американских кардиналов пресс-конференции. Он говорил о кризисе как об «общей проблеме взаимоотношений полов, проблеме сексуальной распущенности» и высказал требование предоставить ему статистику «относительно других групп населения и наказания к ним применяемого, а также информацию о деньгах, которые были заплачены жертвам».

Биограф Папы Джордж Вейгель заметил, что «знавшие этого человека 23 года не могли не видеть, что его сердце разбито»; невозможно не посочувствовать ему в этой ситуации. Очень старый, очень больной, он все время мысленно возвращался (что вполне естественно для этого периода жизни) к воспоминаниям о тех вещах, которые много для него значили.

И главной из них было служение Богу. Здесь уже говорилось о том, как высоко Иоанн Павел ставил сан священника. Встав в молодости на этот путь, он по прошествии лет еще более проникся идеей о высокой миссии священника. В книге «Поднимись и укажи нам пути наши», где размышления Папы снова переплелись с фактами автобиографии, он вспоминает мессу, которую он проводил для молодежи Мадрида, когда скандал в Бостоне уже затихал.

«Во время поездки в Испанию я доверился молодым людям и рассказал им: “Я был посвящен в духовный сан, когда мне было двадцать шесть. С тех пор прошло пятьдесят шесть лет. Оглядываясь назад и перебирая в памяти годы своей жизни, я могу с уверенностью сказать, что посвятить свою жизнь служению Христу, а ради любви к нему — служению другим людям — дело достойное. Стоит положить свою жизнь ради Евангелия и ради братьев своих и сестер!” И молодые люди поняли мои слова и повторяли за мной снова и снова: “*Это достойно! Это достойно!*”»

Большинству из нас трудно представить, какова именно жертва, которую приносит священник, давший обет безбрачия, хотя можно предположить, как сложно подавить в себе естественные человеческие эмоции, среди которых и эмоции, присущие отцовству. Может, именно поэтому тем, кто находится во главе Католической церкви, включая Папу, трудно понять, сколь болезненно преступление, совершенное католическими священниками, для родителей-католиков. Особенно трудно это было для Иоанна Павла, который до избрания Папой более четырех десятилетий трудился над созданием нерушимой твердыни — Польской церкви, и у которого выработалась привычка ставить интересы Церкви едва ли не превыше всего существу-

ющего в мире. Выразить сожаление по поводу прошлых грехов — это одно, а оказаться перед вероятностью ошибки в самой основе структуры Церкви, на которую он положил всю свою жизнь, — совсем другое. Во время разоблачения в Бостоне польский архиепископ Юлиуш Паец, которого Иоанн Павел знал лично, был вынужден подать в отставку после того, как ректор его же семинарии пожаловался на него «за постоянные попытки сближения с молодыми людьми, готовившимися стать священниками». Роберт Кайзер, американский писатель, который начиная с шестидесятых годов писал о Ватикане, отметил, что один из представителей Ватикана, сказал ему: «Мы не сможем сегодня рассказать Его Преосвященству о Паце. Такого удара он не выдержит».

И все же, как свидетельствуют документы, у Иоанна Павла имелось немало возможностей поразмышлять над проблемой педофилии среди священников задолго до того, как разразился скандал в Бостоне. За два предшествующие бостонскому делу десятилетия подобные случаи происходили в разных концах планеты, а в одном из них, получившем наиболее широкую огласку, был замешан архиепископ, которого Папа назначил сам, вопреки желанию местной оппозиции. Когда консерватор Ганс Германн Гроер сменил на посту архиепископа Вены кардинала Кенига, сторонник либерального направления Ватикана II был очень удручен. Я слышал из первых уст рассказы людей, бывших свидетелями того, как Кениг «прятался за кардинальской шапкой», когда сталкивался с Гроером в Ватикане. Кардинал Гроер (каковым он стал, приступив к своим обязанностям) некоторое время спустя был обвинен в жестоком обращении с учениками и в «склонении их к контактам на исповедах во время работы настоятелем монастыря». Он вышел

в отставку (по возрасту) в 1995 году, но это случилось уже после того, как его действия привели к многочисленным случаям вероотступничества в Австрийской церкви и к возникновению реформаторского движения, известного под названием «Церковь — это мы».

В самом разгаре скандала вокруг священников педофилов состоялась церемония канонизации падре Пио, капуцинского монаха, который в свое время произвел большое впечатление на учившегося в Риме Кароля Войтылу. Церемония эта, должно быть, доставила Папе большое удовольствие — он любил объявлять святых. После его смерти неоднократно упоминалось о том, что он канонизировал и биатифицировал больше людей, чем все его предшественники вместе взятые, и падре Пио стал 457-м. Столь высокая цифра отчасти является результатом изменения правил процесса канонизации, вступивших в силу в самом начале понтификата Иоанна Павла, когда был ликвидирован пост так называемого «адвоката дьявола»¹. Причины столь впечатляющей традиции носили практический характер: «укрепитель веры» (так естественнее назвать выполняющего эту роль) вносил элемент противостояния в процесс утверждения святости, что обеспечивало большую строгость проверки кандидата. Поскольку это правило отменили, каждый участвовавший в процессе стал стороной, заинтересованной в положительном исходе дела, что может объяснить и такие случаи, как, например, причисление к святым Хуана Диего, мексиканского крестьянина, который, может быть, и не существовал вовсе.

¹ Адвокат дьявола (*лат.* *advocatus diaboli*) — это неофициальное название должности института канонизации и беатификации Католической церкви. Официально эта должность называлась укрепитель веры (*лат.* *promotor fidei*). Она была введена в 1587 году папой Сикстом V и официально отменена в 1983 г. Иоанном Павлом II.

Святой Хуан Диего — хороший пример особой склонности Иоанна Павла к канонизации святых в развивающемся мире. Папа считал, что они могут дать верующим из самых отдаленных церковных провинций ощущение, что и они являются «владельцами» веры. Канонизация падре Пио явилась иллюстрацией тонко улавливаемого им благочестия. Нельзя не отметить сомнений, которые были у церковной иерархии относительно падре Пио, однако у него имелось столько последователей среди рядовых католиков, что его канонизация в июле 2002 года собрала в Риме огромное скопление народа. Как и двое современников Папы, действовавших на политической арене в самом начале его понтификата, — Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер, — Иоанн Павел обладал исключительной способностью чувствовать настроения масс и устанавливать контакт с народом через голову элиты.

Двадцать пятая годовщина понтификата Иоанна Павла II, 16 октября 2003 года, как напишет после его смерти «Тэблет», стала «эмоциональным праздником, напоминавшим прощание». Во время юбилейной мессы Иоанн Павел смог провести лишь начало и конец церемонии, а в остальном честь ее проведения была предоставлена представителям Ватикана. Кроме того, юбилей стал ареной, где развернулся диспут между Ватиканом и Би-би-си в связи со сложившимся впечатлением о неосведомленности близких к Папе кругов относительно случаев педофилии среди священников и освещением этого вопроса в средствах массовой информации.

Корпорация «Панорама» ознаменовала это событие, приурочив ко времени его проведения программу с провокационным названием «Секс и Святой Город». Перед ее началом корреспондент программы Стив Брэдшоу так охарактеризовал ее тему:

«Представьте себе страну, где правит любовь и сексуальные отношения супружеских пар не менее идеальны. И все в той стране женаты. Нет никаких барьеров для полной самоотдачи, для рождения детей; нет ни презервативов, ни противозачаточных средств. Аборты там не разрешены. Такая страна в реальности не существует, но она существует как некий идеал в сознании Кароля Войтылы, нынешнего Папы Иоанна Павла II. А сейчас вы увидите, что получается, когда идеалы сталкиваются с реальностью».

Создатели программы рассказали несколько впечатляющих историй. Они побеседовали с совсем молодой девушкой, ставшей жертвой насилия, из Никарагуа, где разрешение на аборт получить практически невозможно, взяли интервью у двух сестер-подростков, изнасилованных собственным отцом. На Филиппинах они отыскивали девятилетнюю маму, которая боялась пользоваться противозачаточными средствами, потому что так учила ее Церковь. Поговорили они и с двумя монахинями из Кении, которые помогали зараженным СПИДом, но отказывались одобрять использование презервативов.

Программа спровоцировала взрыв эмоций. Взаимоотношения между Би-би-си и Католической церковью переживали весьма сложный период в силу самых разных причин, и епископы Англии и Уэльса объявили, что этот фильм (равно как и прочие программы Би-би-си) «настраивал против Католической церкви и изобилует излишней жестокостью», что стало «оскорблением для многих католиков». Епископы заявили, что «хотя вот уже не одно десятилетие у Би-би-си и была заслуженно высокая репутация во всем мире, особенно по программам новостей и в освещении текущих событий, теперь эта репутация значительно пошатнулась».

Осенью здоровье Папы стало вызывать особые опасения. Кардиналы паковали чемоданы и готовились к распределению обязанностей, как я уже рассказывал в самом начале своей книги. Но у этого закаленного в военные годы могучего поляка еще оставалось полтора года в запасе, и в августе 2004 года он совершил еще одно, возможно, наиболее памятное путешествие последних лет — в Марианский костел во Французских Пиренеях. По свидетельству Церкви, с тех пор как молодой французской крестьянке в 1858 году явилось видение Девы Марии, произошло шестьдесят шесть чудесных случаев и 7 000 «необъяснимых исцелений», которые так или иначе были связаны с этим костелом. Однако поведение Иоанна Павла во время посещения произвело огромное впечатление, вызвавшее широкий резонанс не только в католическом мире. В этот период он был действительно очень болен. Путешествовавший с ним кардинал сообщил мне, что иногда Папа совсем не мог разговаривать и, чтобы объяснить свое состояние, выразительным жестом проводил рукой по горлу. Но при этом казалось, что желание находиться на публике в нем сильнее, чем когда-либо раньше. На поле у города, где он служил мессу, собралось около 200 000 человек. Корреспондент «Нэшнл Кэтолик Репортер» Джон Ален описывал место, где все это происходило, как «огромную больничную палату с десятками тысяч паломников, опиравшихся на палки или сидевших в инвалидных колясках». Иоанн Павел, преодолевая немощь, едва различимо повторял слова молитвы на польском языке. Сюда паломников привели не только чудеса. Поговаривают, что в этих местах «больные правят бал», и многие пришли сюда в надежде на восстановление духовных сил, а не только ради физического исцеления. Иоанн Павел придал событию еще больший дра-

Эдвард Стоуртон

матизм, показав, что и болезненность может стать праздником.

Этой поездкой он продемонстрировал, что не утратил способность превращать самые обыденные аспекты католической службы в зрелищную демонстрацию силы воли, что делает их живыми и понятными для людей всего мира. Это являлось своего рода репетицией *величественного финала*, который произойдет следующей весной. Умереть на сцене — для актера вещь исключительно достойная. Когда Иоанну Павлу пришлось осуществить это в реальности, он был на высоте.

12 ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Я прилетел в Рим с группой журналистов программы «Тудэй» вечером 2 апреля 2005 года, в пятницу. Судя по разговорам, обрывки которых мы уловили, ожидая появления нашего багажа, жизнь Папы подошла к финальному аккорду или, по другой версии, уже им завершилась. По этой причине мы с продюсером, не дождавшись своих вещей, взяли такси и помчались в Рим. Вероятно, мы поступили не очень предусмотрительно, сообщив водителю, по какой именно причине мы так хотели добраться до собора Святого Петра побыстрее: он помчался по городу с невероятной скоростью, не отрывая взгляда от панели управления, где был расположен экран телевизора. При этом он еще постоянно поворачивался к нам, чтобы сообщить на ломаном английском последние новости из Ватикана.

Когда мы подъехали, площадь Святого Петра была заполнена до отказа, но все же поодиночке мы пробрались через толпу. Представители высшего духовенства по очереди читали молитвы, стоя на ступенях базилики; происходящее проецировалось на два ги-

гантских экрана, установленных на колоннаде Бернини. Театральный эффект от подобной сцены невольно подсказал мне, почему Иоанн Павел чувствовал себя в Ватикане как дома — площадь Святого Петра, можно сказать, представляет собой самые большие в мире театральные подмости, где доверительно-сокровенное поднимается до возвышенно-величественного. Как и древняя архитектура Кракова, она являет собой совершенную *мизансцену*, в центре которой актер Папа Римский.

Около 8.30 вечера итальянский телеканал «Скай Италия» сообщил, что Иоанн Павел умер, за ним последовали американские «Фокс Ньюс». Оказалось, что сообщения не соответствуют действительности, однако все в этот день свидетельствовало о том, что конец близок. В полдень на брифинге Хоакин Наварро Воллс, пресс-секретарь понтифика, объявил: Иоанн Павел прошел таинство елеосвящения (так называется последний ритуал). Несмотря на то что Воллс считался человеком чрезвычайно сдержанным, он расплакался перед журналистами и вышел из комнаты. Кардинал Камилло Руини сказал на вечерней мессе в базилике Святого Иоанна Латеранского (кафедральной церкви римского диоцеза), что «Его Святейшество уже осызает и зрит Господа».

Многие все же продолжали утверждать, что слухи о том, что Иоанн Павел действительно умер в пятницу, не лишены оснований. Роберт Микенс, корреспондент с большим опытом работы в Ватикане, в интервью для этой книги сказал мне, что ему «удалось связаться с представителями охраны, которые сообщили, что в пятницу он был уже мертв», а от медицинского персонала он узнал, что «в субботу Папу никто не видел». Это дало почву для различных слухов, стали даже говорить, что «до самой смерти Папа ничем

не болел». Припоминая, как приукрашивались детали смерти Иоанна Павла I, народ воспринимал официальные заявления Церкви с известной долей скептицизма. Возможно, именно по этой причине через шесть месяцев после смерти Иоанна Павла II Ватикан выпустил специальное издание «Acta Apostolicae Sedis» — сборник документов апостольского престола, — где скрупулезно описаны последние дни Иоанна Павла.

Документ особенно интересен тем, что, предлагая в изобилии мельчайшие подробности, он совсем не дает общего представления о том, как человек, который являлся Папой Иоанном Павлом, преодолел свой последний рубеж. Мы читаем о «розовой ризе», в которую он был облачен во время мессы в часовне госпиталя «Джемелли», о «сужении трахеи» и о «трахеотомии». Но о том, как он себя чувствовал в последние дни и часы перед смертью, не сказано ничего, если не считать двух замечаний, которые кажутся слишком хорошими, чтобы в них можно было с легкостью поверить. Известно, что за два дня до смерти в его комнате служили мессу, и в документе отмечено: «Глаза его во время мессы были закрыты, но во время освящения он слегка поднял дважды левую руку, как будто повторял слова над хлебом и вином». Во время чтения «Agnus Dei»¹ он, будто бы, ударял себя по груди. В документе также сообщается, что последние слова Иоанна Павла, произнесенные «слабым, срывающимся голосом», были: «Дайте мне уйти в дом Отца моего». Микенс считает, что все это выдуманно «ради красного словца». Сандро Магистер, главный специалист по Ватикану итальянской газеты «Эль Экспрессо», высказал свои сомнения в несколько более сдержанной форме: «В абсолютной

¹ «Agnus Dei» (лат.) — «Агнец Божий».

реальности не было в данном случае необходимости, но вполне можно допустить, что в один из последних дней Папа говорил подобные вещи. Вообще, трудно представить себе, что после всех этих операций он мог говорить, поэтому они дают собственную интерпретацию того, что он сказал».

И все же в каком-то плане данные, изложенные в «Акта», позволяют представить все очень ярко. Они являются рассказом о тех последних метаморфозах, когда черты человека Кароля Войтылы исчезали, уступая место Папе Иоанну Павлу, ставшему иконой. Пресс-секретарь Ватикана Хоакин Наварро Воллс, говоря о болезни Папы, часто употреблял выражение «душа в оковах тела», как бы желая подчеркнуть и процесс разделения тела и души и показать, что душа его предстанет перед нами во всем величии. Не думаю, что при официальном оглашении кардинал Ратцингер или польская мафия, воспользовавшись своим положением, преследовали некий тайный умысел: Иоанн Павел не был марионеткой, которую необходимо дергать за веревочки.

По словам отца Джеральда О'Коллинза, профессора богословия Григорианского университета, Иоанн Павел «практически умер перед объективом телекамеры». С того самого момента, как его забрали в связи с гриппом и горловыми спазмами в госпиталь «Джемелли», малейшие изменения его состояния находились в центре внимания средств массовой информации. «Объективы телекамер всего мира были направлены на его больничное окно, — говорит отец Джеральд. — Казалось, что весь мир собрался у изголовья его кровати». Все происходило совсем как в ранние дни его понтификата, когда все, что бы ни делал новоизбранный Папа, становилось заголовками газет. Когда 10 февраля решили, что он достаточно окреп, что-

бы вернуться в Ватикан, он не изменил своему стилю. Время — около 7.30 вечера — было, по словам отца Джеральда, выбрано с точным расчетом: в этот час наибольшее число людей приходит домой и имеет возможность следить на телеэкране за его триумфальным возвращением по виа Грегорио в восточной части Рима.

Казалось, что Иоанн Павел лишь попугал всех немного в начале февраля, в очередной раз посмеявшись над теми, кто предсказывал его близкую кончину. Когда 23 февраля он вновь появился у окна, что выходит на площадь Святого Петра, он выглядел окрепшим и говорил с большей ясностью. Однако, если судить по деталям, представленным в «Акта», через некоторое время после того, как он вернулся из госпиталя, у него вновь «возникли проблемы с дыханием». Утром 24 февраля Иоанн Павел опять находился в «Джемелли», где дал согласие на трахеотомию. Доктор Джоан Льюис, возглавлявшая тогда английское отделение информационной службы Ватикана и безоговорочная поклонница Иоанна Павла («Лично я была влюблена в Иоанна Павла», — с готовностью объявила она, давая интервью для этой книги), сразу же поняла, что означала подобная операция. «Когда я услышала, что ему сделали трахеотомию, я подумала: “О, нет! Он же не сможет общаться!”» Особенно мучительным являлось то, что Папа, для которого общение лежало в основе всей его деятельности, в конце пути был приговорен к молчанию.

Молчание не наступило незамедлительно. Иоанн Павел служил мессу в «Джемелли» 6 марта, на четвертый день Поста, и, по свидетельству документов, в конце благословил всех «слабым голосом». В тот же день он покинул госпиталь в последний раз, поблагодарив толпы людей на улице за то, что они пришли, и

пожелал всем «доброе воскресенье и хорошей недели». Впоследствии Иоанн Павел общался более посредством образов, чем слов, но и в этой молчаливой символике он являлся непревзойденным мастером. Достаточно вспомнить его фигуру в камере Али Агджи и потом, у Западной стены в Иерусалиме. Так и в последние дни он представил нам поистине незабываемые моменты.

По той причине, что это были дни приближающейся Пасхи, появление аналогии со Страстями Христовыми, которые связывает Церковь со Страстной неделей, стало неизбежным. Представители Ватикана заговорили о *Via Crucis* Иоанна Павла, или о его Крестном Пути, выражению, получившему официальное благословение в «Акта». Страстная неделя начинается с Пальмового воскресенья¹, дня, который Церковь отмечает как «триумфальное вхождение Иисуса в Иерусалим». *Via Crucis* Иоанна Павла начался в предыдущее воскресенье, 13 марта, во время его последнего возвращения из госпиталя в Ватикан. Крики «Viva il Papa!»² разносились отовсюду по пути его следования.

Папа появлялся еще дважды, уже без слов. В воскресенье на Пасху рядом с окном, выходящим на площадь Святого Петра, был установлен микрофон. Иоанн Павел несколько раз пытался что-то сказать ждавшей внизу толпе, но ему удалось издать лишь несколько бессвязных звуков. Тогда он поднял руку к горлу, тем самым указывая на причину, мешавшую ему говорить. То же самое произошло и в следующую среду, 30 марта, но на этот раз стало ясно, что и тело уже отказывается ему подчиняться. Джоан Льюис находи-

¹Этот день еще называют Вербным воскресеньем. (Прим. пер.)

²«Viva il Papa!» (лат.) — «Долгих лет жизни Папе!»

лась среди тех, кто видел Папу в эти моменты, и она говорит, что выражение его лица «было ужасным». В этот же день она дала интервью на телевидении: «У меня создалось такое ощущение, будто я во второй раз теряю отца. Думаю, такое чувство испытывали многие. Люди не хотели, чтобы он страдал... Он являлся их отцом, другом. Смотреть на его страдания было невыносимо». В документах зафиксировано, что в среду Папа появился перед людьми в последний раз. Через некоторое время в этот же день объявили, что Иоанн Павел получает питание через капельницу, а в четверг вечером он перенес тяжелый приступ, вызванный инфекцией мочевыводящих путей.

Страдания Иоанна Павла вернули ему дружественное расположение прессы: впервые за последние годы журналисты заговорили о нем с большой любовью и теплотой. Однако не все критики Католической церкви поддались общему настроению. В последние дни жизни Иоанна Павла я разговаривал с женщиной, другом кардинала Хьюма (чье желание умереть «без суеты» так сильно контрастировало с тем, что мы наблюдали), которая категорически отказывалась увидеть промысел Божий в намерении Папы показать миру, что такое боль. Мне удалось уговорить ее рассказать историю, которую я отнес бы к самым тяжелым из всего, с чем мне пришлось столкнуться во время написания этой книги.

Кардинал Хьюм говорил ей о том, что иногда его охватывали мучительные сомнения и в эти тяжелые моменты он находил помощь в строгом следовании всем правилам, соблюдения которых требовал от него церковный уклад и его положение. Мне и ранее говорили, что кардинал испытывал проблемы подобного рода, и намек на это можно уловить в его умной детской книжке «Базиль в Стране Ошибок». И далее она

рассказала, что кардинал поведал ей об их разговорах с Папой, из которых можно заключить, что Иоанну Павлу тоже иногда приходилось бороться с самим собой за веру и что он, как и Хьюм, дабы обрести опору и избавиться от сомнений, прибегал к четкому выполнению обязанностей, которых требовало его положение. Я столь подробно остановился на этой истории потому, что она проливает новый свет на то, как высоко ставил Иоанн Павел соблюдение церковной дисциплины во всем, начиная от мыслей и записей и кончая деталями церковного облачения. Однако как журналист я должен признать, что вещи, которые были (или не были) сказаны в личной беседе двумя людьми, которых уже нет в живых, подтвердить невозможно.

И все же эта история вновь и вновь возвращает меня к вопросу, как складывались у Иоанна Павла взаимоотношения с окружающими его людьми. Она заставляет задуматься, мог ли он, находясь наедине с другом, вести с ним откровенный разговор на такие серьезные темы, как личная вера человека. Тот факт, что самый общительный из пап до отказа заполнял свои дни гостями, практически никогда не ужиная и не обедая в одиночестве, соседствует с другим: не сохранилось ни одного сколько-нибудь достоверного свидетельства о том, что Папа с кем-либо беседовал *тет-а-тет*. Все запомнили его исключительно среди больших групп людей. Отец Джеральд О'Коллинз видит его как «одинокую фигуру», прекрасно чувствующую себя среди толпы и «нормально» — в группе человек из десяти. Однако обедать с ним не совсем просто. «Как-то мне выпала честь сидеть рядом с ним за ужином для богословов, которые были приглашены, чтобы поговорить об искуплении, — вспоминает он. — Папа только слушал, и когда я попытался навести его на разговор о его поездке в Албанию, из которой он

недавно вернулся, мне это не удалось. Он хотел только слушать». Ранее я уже писал о том, что человек, избранный Папой, обрекает себя на одиночество; что же касается Иоанна Павла, сохранились свидетельства, что ощущение некоторой дистанции между ним и окружающими его людьми всегда было ему присуще. В одном из материалов, напечатанных в «Тэблет» после его смерти, бывшая студентка, путешествовавшая с Каролом Войтылой в молодые годы, рассказывала: «У него не было привычки нас развлекать; он никогда не шутил, не рассказывал анекдотов. Но он и не омрачал нашу жизнь излишней серьезностью. Он мог на любое дело взглянуть с юмором. Могу описать одну сцену. Мы были в походе в Татрах. Мы смеемся, разговариваем, едим. А наш профессор сидит в нескольких шагах от нас и читает требник. Он так сосредоточен, что кажется, отвлечь его невозможно».

Все известное нам о смерти Папы наводит на мысль, что, как ни парадоксально, это была смерть одинокого человека. И это несмотря на то что с ним рядом находились миллионы людей. К нему чередой шли проститься кардиналы и официальные представители, но нам не известны слова, сказанные им при прощании. В дверях стоял преданный Станислав Дзивич, там же были польские монахини, которые вели хозяйственные дела. Но у умиравшего Папы не оказалось никого из близких родственников, и трогательные слова, написанные в 2000 году в конце его «Последнего волеизъявления и завещания», позволяют предположить, что особенно остро чувствовал он одиночество, когда размышлял о смерти. Он писал:

«Чем ближе подхожу я к концу жизни, тем более я мысленно возвращаюсь к ее самому началу, к моим родителям, к брату и сестре (которую я не знал, так как она умерла до моего рождения), к церкви в Вадо-

вице, где меня крестили, к тому городу, который я люблю, к моим соратникам, друзьям из начальной и средней школы, к университетским приятелям и ко времени оккупации, когда я был рабочим, а затем к приходу в Неговиче, к церкви Святого Флориана в Кракове... ко всей той атмосфере... к Кракову и Риму... и ко всем тем людям, что были мне вверены Богом».

В мысленном возвращении Папы к воспоминаниям молодости, а не к важным событиям, происходившим во время его службы, есть какая-то особая трогательность. И это, пожалуй, один из тех редких эпизодов, где Иоанн Павел предстает не только как Папа, но и как человек.

После того как о смерти Папы было объявлено, я отошел на площадь Навона перекусить. Новость быстро распространялась по ресторанам и не закрывшимся еще магазинам на узких улочках средневекового Рима. Возвращаясь через Тибр в Ватикан, я увидел огромную, не собиравшуюся расходиться молчаливую толпу. Многие молились, не отводя глаз от окон апартаментов Папы. Площадь Святого Петра вся была залита светом свечей. В моменты наивысших драматических событий церковной жизни, одним из которых стал и тот весенний вечер, каждый чувствовал себя как его участником, так и зрителем.

Волна горя захлестнула Польшу. «Тэблет» сообщает, что четыре миллиона поляков приняли участие в ночных бдениях и траурных шествиях. Треть населения вывесили в окнах флаги и портреты Иоанна Павла, более половины зажгли свечи. Через некоторое время парламент Польши объявит «День Иоанна Павла», который будут отмечать 16 октября, в день его избрания.

Тем временем события в Риме, по словам журналистов, продолжали развиваться. В Вечный город хлы-

нули толпы паломников. По начальным подсчетам доктора Бартоломео, на похороны должно было прибыть около миллиона человек, но впоследствии оказалось, что реальное количество прибывших превысило эту цифру втрое. «Когда тело Папы пронесли от Сала Клементина к Святому Петру, — вспоминает отец Джеральд О'Коллинз, — могло показаться, что это проносят короля викингов через его людей для прощального погребения».

Похороны Иоанна Павла оставили у всего мира величественное впечатление, о котором один из священнослужителей отозвался как о «великом, утешительном таинстве Католической церкви». В базилику гроб несли близкие Папе люди, и перед входом они на какой-то момент развернули его таким образом, что показалось, будто само тело его склонилось к провожавшей его толпе в своем прощальном поклоне. Воспоминания Джона Алена, ватиканского корреспондента американского журнала «Нэшнл Кэтолик Репортер», об этом невольном прощальном жесте, эмоционально созвучны с теми ощущениями, которые испытала Джоан Льюис, глядя на Папу, в последний раз появившегося в окне перед площадью. «Я и не думал, что его смерть вызовет во мне столь сильную, сугубо личную, эмоциональную реакцию, — писал он. — В тот момент меня душили слезы. На какой-то миг я представил, что больше не напишу об Иоанне Павле ни единой строчки в настоящем времени. И мне вдруг вспомнилось, как я недавно хоронил собственного деда. И я вновь испытал горечь утраты. Утраты, в определенном смысле, невозполнимой».

Представители «старой гвардии», назначенные когда-то Иоанном Павлом, действительно отличились в организации похорон. Не приходится сомневаться и в том, что слова, сказанные тогда кардиналом Рат-

цингером, сыграли важную роль в деле его избрания Папой Бенедиктом XVI: 115 кардиналов, проследовавших в половине пятого 18 апреля в Сикстинскую капеллу, руководствовались единым порывом — в память об Иоанне Павле выбрать того, кого хотел бы видеть он своим преемником.

Бенедикт ввел одно новшество: в мае 2005 года как ответ толпе, скандировавшей на похоронах Иоанна Павла «Santo Subito»,¹ он приостановил действие закона, в соответствии с которым для того, чтобы начать процесс беатификации, должно пройти пять лет. «Дело» последнего Папы официально было начато 28 июня, и в начале ноября открылся специальный трибунал для изучения жизни Иоанна Павла до избрания его Папой Римским. Епископ Тадеуш Пиероник, председатель трибунала, сказал, что работа будет завершена через «несколько месяцев», так как «речь идет о жизни очень гармоничной и сознательно посвященной с самого ее начала Богу. Перед нами случай исключительный». Архиепископ Краковский, Станислав Дзивич, добавил, что Кароль Войтыла «провел всю свою жизнь, с детства и до самых последних шагов, на коленях перед его величеством Богом и его величеством Человечеством». За месяц до этого он уже говорил в интервью итальянской газете «Авенире», что лично знает о «многих загадочных исцелениях», произошедших вследствие вмешательства Иоанна Павла, и что осталось «только получить официальное подтверждение» его беатификации. В октябре французская монахиня сообщила, что излечилась от рака после того, как она и ее сообщество обратились в молитве за помощью к Иоанну Павлу.

Большую часть времени в промежутке после смерти Иоанна Павла и избранием его преемника я прово-

дил за работой. По ходу дела мне приходилось просматривать разные версии телепрограмм, и из-за бесконечного мелькания одного и того же образа воспоминания о событии стали тускнеть и искажаться. В очередной раз просматривая одни и те же кадры, запечатлевшие Иоанна Павла, покоящегося в соборе Святого Петра, я и мои коллеги вдруг с ужасающей неотвратимостью увидели, как маленькое черное насекомое, возможно таракан или муха, ползет по неподвижному лицу. Поразмыслив, я понял, что в этом напоминании о том, что перед нами все же человек, такой же, как большинство из нас, есть своего рода утешение, ибо существовала опасность забыть об этом в общей атмосфере восторженного поклонения. И эта картина осталась в моем сознании, по-видимому, из-за того контраста, который представляло хрупкое, бренное тело (каким удивительно маленьким казалось оно сейчас, лишенное той невероятной силы, которая и делала Иоанна Павла тем, кем он был) и массивным величием, его окружавшим.

Собор Святого Петра — это монумент созидательному порыву человека, его стремлению сотворить нечто, превзошедшее смерть, и сцена, происходившая под его куполом, выразительно показывала противоречие между тем, какие мы есть, и тем, какими мы мечтали бы быть. Она донесла до нас правду о том, что в самой основе пути католицизма к людям лежит драма и поэзия, и мало кто из пап понимал это лучше, чем Кароль Войтыла.

¹ «Santo Subito» (лат.) — «святой немедленно».

БИБЛИОГРАФИЯ

Accattoli, Luigi, *When a Pope Asks Forgiveness: The Mea Culpas of John Paul II*, trans. Jordan Aumann OP, Alba House, New York, 1998.

Allen, John L., *Opus Dei: Secrets and Power inside the Catholic Church*, Allen Lane, London, 2005.

Allen, John L., *The Rise of Benedict XVI: The Inside Story of How the Pope was Elected and What it Means for the World*, Penguin, London, 2005.

Ascherson, Neal, *The Polish August: What Has Happened*, Penguin, London, 1981.

Ascherson, Neal, *The Struggles for Poland*, Michael Joseph, London, 1987.

Balasuriya, Tissa, *Mary and Human Liberation: The Story and the Text*, Mowbray, London, 1997.

Bernstein, Carl and Politi, Marco, *His Holiness: John Paul II and the Hidden History of Our Time*, Bantam, London, 1997.

Blazynski, George, *John Paul II: The Man from Krakow*, Weidenfeld and Nicholson, London, 1979.

Bolton, Glorney, *Roman Century 1870–1970*, Hamish Hamilton, London, 1970.

Boniecki, Fr Adam, *Kalendarium of the Life of Karol Wojtyla: The Making of the Pope of the Millennium*, Marian Press, Stockbridge Massachusetts, 2000.

Boston Globe (Investigative staff of), *Betrayal: The Crisis in the Catholic Church*, Little Brown and Company, Boston, New York and London, 2002.

Burns, Monsignor Charles, *The Election of a Pope*, Catholic Truth Society, London, 1997.

Buttiglione, Rocco, *Karol Wojtyla: The Thought of the Man who Became Pope John Paul II*, trans. Paulo Guietti and Francesca Murphy, William B. Eerdmans Publishing Company, Grand Rapids, Michigan, 1997.

Carey, George, *Know the Truth: A Memoir*, Harper Perennial, London, 2005.

Chadwick, Owen, *Britain and the Vatican during the Second World War*, Cambridge University Press, Cambridge, 1986.

Chinigo, Michael (ed.), *The Teachings of Pius XII*, Methuen, London, 1958.

Coppa, Frank J., *The Modern Papacy since 1789*, Longman, London and New York, 1998.

Cornwall, John, *A Thief in the Night*, Penguin, London, 1990.

Cornwall, John, *The Pope in Winter: The Dark Face of John Paul II's Papacy*, Viking, London, 2004.

Davies, Norman, *God's Playground: A History of Poland*, Clarendon Press, Oxford, 1981.

Dziewanowski, M. K., *Poland in the Twentieth Century*, Columbia University Press, New York, 1977.

Formicola, Jo Renee, *Pope John Paul: Prophetic Politician*, Georgetown University Press, Washington DC, 2002.

Frossard, Andr , *Be Not Afraid: Andr  Frossard in Conversation with John Paul II*, trans. J. R. Foster, The Bodley Head, London, 1984.

Fukuyama, Francis, *The End of History and the Last Man*, Hamish Hamilton, London, 1992.

Godden, Gertrude, *Poland, Yesterday, To-day, To-morrow*, Burns and Oates, London, 1940.

Gromyko, Andrei, *Memoirs*, Hutchinson, London, 1989.

Gutierrez, Gustavo, *A Theology of Liberation: History, Politics and Salvation*, SCM Press, London, 1974.

Hastings, Adrian (ed.), *Modern Catholicism: Vatican II and After*, Oxford University Press, Oxford, 1991.

Hebblethwaite, Margaret and Peter, *The Next Pope*,

HarperSanFrancisco, California, 1999.

Hebblethwaite, Peter, *The Runaway Church*, William Collins, London, 1975.

Hebblethwaite, Peter, *The Year of Three Popes*, Collins, London, 1978.

Hebblethwaite, Peter, *In the Vatican*, Oxford University Press, Oxford, 1987.

Holmes, George, *The Oxford Illustrated History of Italy*, Oxford University Press, Oxford, 1977.

Hotchkiss, Christine, *Home to Poland*, Eyre and Spottiswoode, London, 1958.

Howard, Anthony, *Basil Hume: The Monk Cardinal*, Headline, London, 2005.

John Paul II, *Crossing the Threshold of Hope*, trans. Jenny McPhee and Martha McPhee, Jonathan Cape, London, 1994.

John Paul II, *Gift and Mystery: On the Fiftieth Anniversary of My Priestly Ordination*, Image Books/Doubleday, London, 1996.

- John Paul II, *Rise, Let Us Be On Our Way*, trans. Walter Ziemba, Warner Books, London, 2004.
- John Paul II, *Memory and Identity: Personal Reflections*, Weidenfeld and Nicholson, London, 2005.
- Katz, Robert, *Fatal Silence*, Weidenfeld and Nicholson, London, 2003.
- Kwitny, Jonathan, *Man of the Century: The Life and Times of Pope John Paul II*, Henry Holt, London, 1997.
- Lernoux, Penny, *People of God: The Struggle for World Catholicism*, Viking, London, 1989.
- Longley, Clifford, *The Worlock Archive*, Geoffrey Chapman, London and New York, 2000.
- MacEoin, Gary, *The Inner Elite: Dossiers of Papal Candidates*, Sheed Andrews and McMeel, Kansas City, 1978.
- Malinski, Mieczyslaw, *Pope John Paul II: The Life of Karol Wojtyla*, trans. P.S. Falla, Image Books, New York, 1982.
- O'Brien, Darcy, *The Hidden Pope*, HarperCollins, London, 1998.
- O'Connor, Garry, *Universal Father: A Life of Pope John Paul II*, Bloomsbury, London, 2005.
- Oddie, William (ed.), *John Paul the Great, Maker of the Post-conciliar Church*, Catholic Truth Society and the Catholic Herald, London, 2003.
- Pepinster, Catherine (ed.), *John Paul II: Reflections from The Tablet*, Burns and Oates, London, 2005.
- Pirie, Valerie, *The Triple Crown: An Account of the Papal Conclaves from the Fifteenth Century to Modern Times*, Spring Books, London, 1965.
- Rees, Thomas J., *Inside the Vatican: The Politics and Organisation of the Catholic Church*, Harvard University Press, Cambridge Massachusetts and London, 1996.
- Rittner, Carol and Roth, John K. (eds), *Pope Pius XII and the Holocaust*, Leicester University Press, London and New York, 2002.
- Roberts, J. M., *A History of Europe*, Helicon, Oxford, 1996.
- Robinson, William (ed.), *August 1980: The Strikes in Poland*, Radio Free Europe Research, Munich, 1980.
- Roos, Hans, *A History of Modern Poland*, trans. J. R. Foster, Eyre and Spottiswoode, London, 1966.
- Rowland, Christopher (ed.), *The Cambridge Companion to Liberation Theology*, Cambridge University Press, Cambridge, 1999.

- Ruffin, Bernard, *Padre Pio: True Story*, Our Sunday Visitor, USA, 1991.
- Salter, Cedric, *Flight from Poland*, Faber and Faber, London, 1940.
- Sienkiewicz, Henryk, *The Deluge*, trans. Jeremiah Curtin, J. M. Dent, London, 1895.
- Sienkiewicz, Henryk, *With Fire and Sword*, trans. Jeremiah Curtin, J. M. Dent, London, 1898.
- Sienkiewicz, Henryk, *Fire in the Steppe*, trans. W. S. Kuniczak, Copernicus Society of America, 1992.
- Snow, Jon, *Shooting History: A Personal Journey*, HarperCollins, London, 2004.
- Stourton, Edward, *Absolute Truth: The Catholic Church in the World Today*, Viking, London, 1998.
- Svidercoschi, Gian Franco, *Stories of Karol: The Unknown Life of John Paul II*, Gracewing, Leominster, Herefordshire, 2003.
- Syrop, Konrad, *Poland between the Hammer and the Anvil*, Robert Hale, London, 1968.
- Tombs, David, *Latin American Liberation Theology*, Brill, Boston, Massachusetts, 2002.
- Walsh, Michael, *John Paul II: A Biography*, HarperCollins, London, 2005.
- Weigel, George, *Witness to Hope: The Biography of Pope John Paul II*, Cliff Street Books (HarperCollins), New York, 2001.
- Wilkins, John (ed.), *Understanding Veritatis Splendor: The Encyclical Letter of Pope John Paul II on the Church's Moral Teaching*, SPCK, London, 1994.
- Wiley, David, *God's Politician: John Paul at the Vatican*, Faber and Faber, London, 1992.
- Williams, George Hunston, *The Mind of John Paul II; Origins of his Thought and Actions*, Seabury Press, New York, 1981.
- Wojtyla, Karol, *Love and Responsibility*, trans. H. T. Willetts, Ignatius Press, San Francisco, 1991.
- Wojtyla, Karol, *The Collected Plays and Writings on the Theatre*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 1987.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	7
1. Детство	20
2. Юноша военного времени	57
3. Студент в Риме	99
4. Священник, философ, епископ	118
5. Голос Церкви, разносимый по всему миру	151
6. Кардинал в действии	181
7. Избрание	214
8. Переписывая правила	231
9. Меняя историю	265
10. Бросая вызов миру	306
11. Новое тысячелетие	343
12. Последние дни	379
Библиография	392

Эдвард Стоуртон

ИОАНН ПАВЕЛ II ЧЕЛОВЕК-ИСТОРИЯ

Издатель *Наталья Ушакова*

Редактор *Е. Власова*

Оформление обложки *В. Ковригина*

Технический редактор *В. Ерофеев*

Верстка *С. Чоренький*

Корректор *Ю. Рождественская*

Подписано в печать 23.08.07. Формат 84×108^{1/32}

Тираж 7 000 экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.02.953.Д.006738.10.05 от 18.10.2005 г.

ЗАО «Издательский Дом ГЕЛЕОС»

115093, Москва, Партийный переулок, 1

Тел.: (495) 785-0239. Тел./факс: (495) 951-8972

www.geleos.ru

ЗАО «Читатель»

115093, Москва, Партийный переулок, 1

Тел.: (495) 785-0239. Тел./факс: (495) 951-8972

ООО «Нью Лайн Продакшн»

115093, Москва, Партийный переулок, 1

Тел.: (495) 785-0239. Тел./факс: (495) 951-8972

**ПО ВОПРОСУ ОПТОВОЙ И МЕЛКООПТОВОЙ ПОКУПКИ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ГЕЛЕОС» ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ:**

Москва:

ЗАО «Читатель» (отдел реализации издательства)
115093, г. Москва, Партийный пер., д. 1, оф. 316
тел.: (495) 785-02-39, факс: (495) 951-89-72
e-mail: zakaz@geleos.ru, Internet: <http://www.geleos.ru>

Москва:
ЗАО «Читатель»
(отдел реализации издательства)
115093, г. Москва,
Партийный пер., д. 1, оф. 316
тел.: (495) 785-02-39,
факс: (495) 951-89-72
e-mail: zakaz@geleos.ru,
Internet: <http://www.geleos.ru>

Санкт-Петербург:
филиал ЗАО «Премьер Бук Трейд»
198096, г. Санкт-Петербург,
ул. Кронштадтская, д. 11, оф. 403
тел.: (812) 783-50-48,
тел./факс: (812) 335-36-93
e-mail: geleos-spb@mail.ru

**ООО «Северо-Западное
книготорговое объединение»**
192029, г. Санкт-Петербург,
пр-т Обуховской обороны, д. 84
тел.: (812) 365-46-04, 365-46-03,
e-mail: books@szko.sp.ru

Воронеж:
ООО «Амиталь»
394021, г. Воронеж,
ул. Грибоедова, д. 7а
тел.: (4732) 26-77-77,
e-mail: mail@amital.ru

Казань:
ООО «ТД «Аист-Пресс»
420132, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. 7-я Калышевская, д. 9б, тел.:
(843) 525-55-40, 525-52-14
e-mail: sp@aistpress.com

ООО «ТАИС»
420073, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Гвардейская, д. 9а
тел.: (843) 295-12-71, 272-34-55,
e-mail: tais@mi.ru

Краснодар:
ЗАО «Когорта»
350033, г. Краснодар, ул. Ленина, д. 101
тел.: (8612) 62-54-97, факс: (8612) 62-20-11
e-mail: kogorta@internet.kuban.ru

Новосибирск:
ООО «Топ-книга»
тел.: (3832) 36-10-26, 36-10-27,
e-mail: office@top-kniga.ru

Ростов-на-Дону:

ООО «Эмис»
Буденновский пр-т, д. 104/91,
тел.: (8632) 32-87-71
e-mail: emis@ctsnet.ru

Самара:
Книготорговая фирма «Чакона»
443030, г. Самара, ул. Чкалова, д. 100
тел.: (8462) 42-96-28, факс: (8462) 42-96-29
e-mail: commdir@chaconne.ru,
Internet: <http://www.chaconne.ru>

Уфа:
ООО ПКП «Азия»
450077, г. Уфа, ул. Гоголя, д. 36
тел.: (3472)50-39-00, факс: (3472) 51-85-44,
e-mail: asiaufa@ufanet.ru

Челябинск:
ООО «ИнтерСервис ЛТД»
454036 г. Челябинск,
Свердловский тракт, д. 14
тел.: (351) 721-35-16, 721-36-94,
721-94-74, 721-39-92

Беларусь:
ТД «Книжный»
г. Минск, пер. Козлова, д. 7в
тел.: 8-10-375-(17) 294-64-64, 299-07-85
e-mail: td-book@mail.ru

Украина:
Книготорговая фирма «Визарди»
г. Киев, ул. Вербовая, д. 17, оф. 31
тел.: 8-10-38 (044) 247-42-65, 247-74-26
e-mail: wizardy@inbox.ru

Казахстан:
Компания «Меломан»
г. Алматы, ул. 2-я Ключевая, д. 6а
тел.: 8-10-3272-9-79-695, e-mail:
nb@meloman.kz

Израиль:
P.O.B. 2462, Ha-Sadna st., 6, Kefar-Sava,
44424, Israel
тел.: 8-10 (972) 766-88-43, 766-55-24
e-mail: michael@sputnic-books.com

**Книги издательства «Гелеос»
в Европе:**
«Fa. Atlant».
D-76185 Karlsruhe,
тел.: +49(0) 721-183-12-12, 721-183-12-13
факс: +49(0) 721-183 12 14
e-mail: atlant.book@t-online.de;
Internet: <http://www.atlant-shop.com>